

— СТЕФАН БРЕГ —

ФЭНТЕЗИ

КРОВЬ ДЕСПОТА

Что делать воителю, если он устал от сражений? Если бесконечное кровопролитие он жаждет променять на размеренную жизнь, далекую от битв? Он покидает охваченные огнем города и прибывает туда, где на руинах древней империи пытается сохранить мир и спокойствие империя новая, не столь блестящая и не столь величественная. Но путь от жестокого наемника до миролюбивого торговца не так прост, как кажется. Судьба не хочет отпускать его без боя и дает в спутники разгильдяя, лишённого наследства, и беспринципную чародейку, что притягивает к себе несчастья. Мир, который он так искал, оказывается обманчив. Он начинает рушиться и лететь в пропасть, когда закипает кровь. Кровь деспота.

Глава 1. Властелин ковров

Таверна была полна народом. Расположенное в самом центре города, в окружении рынков и борделей, заведение старого пройдохи Хазмора неизменно пользовалось успехом. Уставшие от нескончаемой толчеи на многолюдных улицах Дирейма путники и торгаши всегда находили приют в этом просторном помещении с дешевыми напитками, вкусной стряпней и миловидной обслугой. Что касается последней, конечно же речь не о плешивом и брюзгливом Хазморе, а о трех его дочерях, старшая из которых — с самым огромным бюстом — только что поставила передо мной наполненную пивом кружку. Я подмигнул ей, а она улыбнулась в ответ, деловито поправив корсет. Наверняка она вспомнила наше последнее ночное приключение. Я-то вот точно этого не забуду, как и того, что в кармане моем осталась всего пара серебряных монет да несколько медяков. Чертовски мало, чтобы наслаждаться жизнью в большом и богатом городе. И снимать комнату в гостинице, где арендаторы готовы содрать с тебя шкуру за несвоевременный платеж.

Его я заметил сразу — хорошо одетый молодой паренек, затравленным взглядом смотрящий по сторонам. Он двумя руками сжимал глиняную кружку с пивом, при этом частенько вздыхал и подолгу сосредоточенно вглядывался в свой напиток, подобно древним философам, утверждающим, что истину можно найти на дне бутылки. Естественно, с крепким алкоголем.

Труды давно почивших бездельников в последнее время я вспоминал все чаще и чаще. Непростая экономическая ситуация обязывала.

Глядя на опечаленного посетителя, явно не бедного, но при этом определенно имеющего какие-то проблемы, я поймал пришедшую в голову мысль, что он вполне может подкинуть мне работенку.

Я всегда выступал за честный заработок. Даже когда грабил города в составе наемнических подразделений, неизменно испытывал угрызения совести. Душевные страдания усиливались вдвойне, когда вражеская сторона перекупала наш отряд и давала задание защитить поселение, из которого месяц назад мы вынесли все, что не было прибито к полу.

Те времена давно канули в небытие. Лишь чудом я не стал обычным разбойником, что находит свою смерть чаще всего самым бесславным и мучительным образом. Боевые навыки, полученные за годы войн, походов, налетов, всегда обеспечивали мне работу. Правда, последнее время купцы все чаще прибегают к помощи устоявшихся групп свободных воинов, избегая подозрительных одиночек, какими бы опытными они ни были. Если так дела пойдут и дальше, придется вступить в преступное подполье Дирейма. Оно по всей империи славится своей организованностью и влиянием на местные дела.

Кучерявый парнишка в темно-синем камзоле продолжал многозначительно вздыхать, лишь изредка пригубляя пенный напиток. Я взял свою кружку и подошел к нему.

— Можно присесть?

Он посмотрел на меня с таким видом, будто за секунду до этого молил всех богов, чтобы к нему никто не привязался.

— Да, конечно.

Я плюхнулся на табурет и протянул ему руку.

— Меня зовут Фосто — профессиональный телохранитель, бывший солдат на службе...

многих

Кучерявый пожал мою руку, глядя на меня немигающим взглядом. Быть может, его удивило отсутствие шрамов на моем лице, отсутствие оружия или доспехов, но он молча глядел на меня секунд двадцать, прежде чем я развел руками, всем своим видом показывая, что желаю продолжения беседы.

— Эн-рико. Меня зовут Энрико.

— Не поведаешь мне о себе?

— А? А что говорить-то? — едва слышно промямлил он.

— Что обычно говорят при знакомстве? Видишь ли, одного имени недостаточно для полноценной беседы.

Уровень его растерянности заметно повысился, но все же он выполнил мою просьбу.

— Я сын патриция Освальда Хауза. Он владеет поместьем недалеко от северных ворот города. Владел.

— Помер старик? — с участием спросил я. Ни о каком Хаузе я никогда не слышал.

Кучерявый закивал, пригубив глоток пива.

— Ты из-за этого так сокрушаешься? Я-то думал, тебе какая помощь нужна. Ну, знаешь, может, угрожает кто, или сопроводить куда надо.

— Нет, какая уж тут помощь. О жизни я своей думаю.

— А чего же тебе думать-то? У тебя есть поместье, наверняка немаленькое; есть, поди, деньжата и прислуга. Что ты в этой дыре забыл, да еще и один?

— Я — четвертый сын своего отца.

— А-а, — протянул я. — Так ты младший. Наследства лишили?

— Да. Не совсем.

Я придвинулся к нему, прошептал:

— Говори, можешь мне всецело довериться. В свое время я владел столькими тайнами. Ни одной не выболтал.

Он замялся, на короткое время погрузившись в свои мысли. Я не торопил его — он сам должен был понять, как важно излить душу новому знакомому. Снять, так сказать, с души тяжелый груз.

Энрико глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

— Понимаешь, отец мой действительно небедный человек. Уважаемый в городе. Был постоянным членом Торгового Совета. Я рос в любви и всегда считал, что моя жизнь сложилась как нельзя лучше. А потом умерла мать. От чахотки. Она успела родить отцу пятерых детей, и уж так распорядилась судьба, что все пятеро оказались сыновьями. Младшему на момент смерти матери не было и пяти лет. Отец недолго пребывал в одиночестве. Взял себе вторую жену, но она оказалась бесплодной, и он, отчего-то расстроившись, выгнал ее из дома. Взял себе третью жену, но та при родах умерла. Вместе с ребенком. Незадолго до смерти женился вновь. На пятнадцатилетней дочери знатного винодела. Завещание отца нам пятерым объявили вчера. И, я думаю, сейчас ты поймешь мое негодование.

— Внимательно слушаю. — И я действительно с интересом внимал его словам.

— Старший брат получил поместье. Это вполне ожидаемое решение отца. Второй брат получил в наследство место в Совете и трехэтажную гостиницу недалеко отсюда.

— М-м... Случаем, не в районе Крепостного рынка?

Энрико утвердительно кивнул, а я лишь подумал, как тесен мир. Точнее, его часть в

лице Дирейма. Свою комнату я снимал у брата паренька, что сидел напротив.

— Так вот, а третий брат получил солидное состояние и все конюшни отца. Младший же мой брат — ему повезло поболее всех.

— Что так?

— Ты удивишься, Фосто, но отец оставил ему свою последнюю и весьма молодую жену. Мой брат, черт подери, после смерти своего тестя, возраст которого уже перевалил за седьмой десяток, станет наследником крупнейших виноградных плантаций во всех близлежащих землях.

— Ну, а ты? Что ты получил? — напирал я.

— Ковры! — взвизгнул Энрико так, что все, рядом сидящие, оглянулись на нас.

— Ковры? — переспросил я, нахмурившись.

— В нашем поместье было чертовски много ковров. Отец обожал их, как и многие богачи в нашем городе. Близость Эллас-Амина обязывает.

— И сколько же ковров ты унаследовал?

— Десятки. Не знаю, даже не считал. Это какой-то кошмарный сон. Эти проклятые ковры нельзя здесь продать дорого — ими все рынки полны. Отец, по сути, лишил меня наследства. Как ты и сказал до моих откровений.

Я почесал бороду. Думал, не усугубить ли мне его отчаяние? Задать вопрос, на который я уже знал ответ. Не нашел доводов против.

— А как твои отношения с братьями? Может, они немножко поделятся своим богатством с тобой, а ты им ковры раздашь?

Энрико поджал губы и замотал головой из стороны в сторону.

— Весьма и весьма натянутые отношения. Не знаю, чем я прогневал отца, но братья всегда относились ко мне с презрением. Да и друг друга они вообще-то очень недолюбливали. Старший частенько колотил меня в детстве. Я старательно изучал науки, читал много книг, а ему это не нравилось. Сейчас мне почти двадцать лет, а изменилось немного. Брат велел мне сегодня же собрать из дома все ковры и валить куда подальше. Дал даже повозку с двумя лошадьми.

Я задумался. Повозка, ковры, Дирейм. Здесь с таким добром делать нечего — это факт. Но я знал место, где на этот товар может быть большой спрос. Где за него очень хорошо заплатят. Но, правда, ехать туда далеко.

— Послушай, — сказал я, — есть у меня одна идея. Я поделюсь с тобой, а ты сам решай, насколько она удачна. Есть город один. На северо-востоке. Ты, как ученый человек, наверняка о нем слышал. Это Берсена. Да — путь неблизок, да — дороги небезопасны, но дело может выгореть. Я своими ушами слышал, как любят тамошние жители различные диковинки из Эллас-Амина. Будем говорить, что мы прямо из столицы империи. У того города есть несколько серебряных рудников, там давно не было войны, так что его жители должны просто купаться в роскоши. А роскошь там — то, что здесь обыденность. Мы озолотимся. Можешь купить поместье там, а если это место покажется слишком холодным — закупим в Берсене янтарь и меха, отвезем в Эллас-Амин и будем припеваючи жить в самом жарком городе на земле.

Я аж сам зарделся от своего воображаемого богатства, которое может принести мне шерстяное наследство горемычного парня. Энрико крепко задумался. А пока он ничего не ответил, надо было сыпать ему на голову разумные доводы.

— Неужели тут тебя что-то держит? Здесь ты изгой, а обида на всех вокруг может

здорово навредить тебе. Я — абсолютно свободен. Больше года я живу в Дирейме, полгода жил в Шэрдашехе. Где я только не бывал. Меня здесь не держит ничего, разве что вон та грудастая разносчица. Шучу — ничто не держит.

Энрико поднял на меня глаза. Видок у него был растерянным.

— А в Берсене ты бывал?

— Нет. Нет, конечно. Служил я вместе с одним парнем из тех мест. Он мне все и рассказал. Довольно детально. Поверь, нас ждет успех.

Я распрямил плечи и откинулся чуть назад, деловито поглядывая на собеседника.

— И за работу я возьму вполне разумную плату — четверть вырученной суммы от продажи ковров. Треть, если придется махать мечом. Я не грабитель. Пойми, ты можешь на меня положиться. Мы будем богаты, и ты утрешь своим братьям их наглые носы.

«Ну же, придурок, говори, что согласен», — подумал я и добавил вслух:

— Как идея? Загружай повозку коврами, провизии набери. Завтра на рассвете я буду у твоего поместья в полном обмундировании. Северная дорога нам как раз и нужна. По ней мы двинемся навстречу своей удаче. По рукам?

Медленно и неуверенно, но Энрико протянул мне руку. Я хохотнул, похлопал его по плечу и вскоре покинул таверну скупердя Хазмора.

Конечно, имелась большая вероятность того, что Энрико я больше не увижу. Что страх юноши перед неизведанным может оказаться сильнее желания пойти на этот оправданный риск. Но терять-то мне было совершенно нечего.

Глава 2. Братья

Еще затемно я покинул свою тихую обитель. Подпоясался мечом, повесил на пояс кинжал, взял свою старую котомку, плащ — и был таков.

Ночной Дирейм — это настоящий котел, полный самых разнообразных ингредиентов. И острейших специй, от которых у неподготовленного человека обязательно случится приступ изжоги. Вплоть до смертельного исхода.

По самым главным широким проспектам курсируют отряды стражников. Следят за порядком и пожарной безопасностью, но без надобности никогда не сходят с проторенного маршрута — ведь в подобном случае всегда можно нарваться на неприятности. Тогда постылое ночное дежурство будет гораздо занимательнее, но никто не гарантирует, что радость от приключений продлится долго.

Так я перешел ко второму ингредиенту — бандитам и негодьям, словно вампиры, оживающим по ночам, дабы творить свои черные делишки: избавляться от нерадивых должников и обчищать карманы любителей ночных прогулок. Благо число таверн, борделей и игорных залов, гудящих до утра, было внушительным. Пьяных гуляк, стоило им выглядеть более-менее прилично, грабили с той же скоростью, с которой тяжелый осенний ветер лишает тонкую березку на холме листвы.

Людей вроде меня, идущих твердой походкой и вооруженных, негодяи предпочитали не трогать. Что там, однажды я сам чуть не влез в неприятности. Изрядно приняв на грудь, возвращался в свою гостиницу, как вдруг услышал пронзительный женский крик, доносящийся откуда-то неподалеку. Преисполненный желанием совершить благое дело и защитить даму, я бросился вперед по узким улочкам Храмового района. Выхватил меч, но вскоре понял, что заблудился. Знакомые очертания домов я увидел спустя час утомительного блуждания под тусклым светом убывающей луны. Естественно, никого не спас. И криков больше не слышал.

Нельзя не упомянуть мрачных групп религиозных фанатиков, которые нередко устраивают обходы города, следя, как я слышал, за моральным обликом горожан Дирейма. Уж не знаю, что они делают со встреченными шлюхами, но подобных кампаний я всегда старался избегать в первую очередь.

Стражники, напротив, доставляли мне проблем только первое время моего пребывания в столице Мальдиона. Я очень быстро узнал, что большинство из них насквозь продажные и боящиеся многочисленных криминальных главарей типы. Так что на их грубые вопросы и претензии касательно моего оружия, моей подозрительной морды и гнусных затей я частенько отвечал, что «не хотят ли благородные господа нажить себе проблем, доставляя неудобство приближенному Руги Красноносого, Ихара Кабана или Тавра Одноглазого». Всегда срабатывало.

Сегодня ночью никто из встреченных стражников меня не побеспокоил. Я без лишних проблем миновал одни из северных ворот и отправился к поместью Хаузов. Не больше часа пути отделяло меня от цели, поэтому я не торопился. Шел себе спокойно, напевая под нос нескромную солдатскую песенку. Единственными ее слушателями были местные собаки, выражающие свое неодобрение неуверенным прерывистым лаем. Иногда же мне казалось, что каждый житель пригорода считает своей обязанностью держать на подворье блохастых питомцев. Лай поднялся такой, что я посчитал за благое дело заткнуться. Даже прибавил

шаг, опасаясь гнева разбуженных крестьян.

Обширные предместья с кирпичными домиками, небольшими садами и огородами сменились на холмистые луга, уходящие порой до горизонта. На фоне освещенного луной, но бедного на звезды неба можно было различить силуэты больших причудливых домов, в которых спали гордые владельцы окружающих земель, фруктовых садов и виноградников. В одном из таких особняков наверняка спал и Энрико, если только брат позволил ему провести последнюю ночь в отчем доме.

Едва бледно-розовое зарево рассвета принялось освещать восточную сторону горизонта, я уже добрался до нужного места.

Каменистая тропинка начала уходить вверх по лесистой аллее, заканчивающейся крепким забором с дверьми из кайнакского кедра. За невысоким, в общем-то, ограждением был виден красивый особняк внушительных размеров. Его фасад украшали многочисленные башенки, барельефы и причудливые витражи из заморского стекла. По большому дворику, полному ухоженных кустов и красавцев-кипарисов, уже сновали туда-сюда слуги: садовники, конюхи, уборщики.

Взгляд мой оторвался от созерцания этого великолепия и сосредоточился на другом — недалеко от деревянных ворот стояла крытая повозка. Ни лошадей, ни возничих рядом с ней не наблюдалось. Значит, либо Энрико дрых в доме, либо...

— Энрико, подъем! — вскричал я, чем вызвал переполох среди слуг.

Секунд десять ничего не происходило. Потом внутри фургона что-то зашуршало, и, как новорожденный из лона, из-под войлочного полотнища выглянул Энрико. Его лицо было заспанным, волосы взъерошены.

— Что, уже рассвело? — спросил он, жмурясь.

Я лишь усмехнулся:

— Вели запрягать коней. Не будем терять времени.

Энрико сел на место возничего, протер глаза и потянулся. Когда он открыл мне ворота, я сразу же последовал к повозке. Посмотреть, сколько добра нам перепало.

Действительно, ковров оказалось очень много. Мой наметанный глаз смог насчитать примерно пятьдесят штук. Все они лежали в свернутом виде, притом некоторые из них были столь тонкой работы, что свертки эти занимали минимум места. Такие ковры высоко ценились и в Дирейме, но в далекой стране они станут настоящим сокровищем. Я очень на это надеялся.

Я глядел на ценный груз, размышлял о предстоящем пути и, конечно же, не смог не заметить отсутствия провианта. На свободном месте у борта стоял небольшой ящик, но он вряд ли был полон еды.

— А еду ты когда будешь загружать? — спросил я у Энрико, который молча стоял в стороне.

— С едой проблемы возникли, — почесал затылок мой торговый партнер. — Брат не позволил мне зайти в кладовую. Сказал, что теперь у меня есть две лошади, и одну из них я могу забить на мясо.

— А потом и вторую? — нахмурился я. — Съедем и сами запряжемся? Можно и без провианта, но тогда нужны деньги, чтобы закупать еду. Сколько ты взял?

Ответом послужило невнятное бормотание, смысл которого, тем не менее, прослеживался вполне определенно. Энрико не имел никаких сбережений.

— Как такое возможно? — Мысли сами собой обрели словесную форму.

— Все деньги, которые мне перепадали, я на книги тратил. Кабы не пожар в чулане, я смог бы хоть что-то выручить за них.

Я обхватил ладонью свой подбородок и покачал головой.

— Представь, какой нас ждет путь. Без еды, без денег. За пересечение границ берут пошрины. Ты знал об этом? Будем расплачиваться с этими кровососами товаром?

— Наша кухарка смогла вынести для меня ящик вина, — попытался оправдаться Энрико.

— О, этого нам точно хватит до сегодняшнего вечера. Друг, вином мы не наедемся. Она может добыть для нас несколько мешков овощей и прочего?

— Нет. То вино — из ее личного погребка. Кладовая под замком. И ты сам понимаешь, у кого ключ.

Да, я понимал. Еще я понимал, что с такими проблемами у нас путешествия не получится. Проще сбыть товар прямо в Дирейме и пропить все заработанное в ближайшей забегаловке. Хватит на неделю, а то и больше, если поменьше угощать «друзей», что будут появляться, словно грибы после дождя. Именно такая перспектива сейчас маячила перед нами. Более того, Энрико, похоже, уже смирился с этим.

— Идем к твоему брату, — решительно сказал я.

— Но... он спит. Что ты задумал?

— Это не я — это он задумал. Задумал лишить тебя права на будущее. Он ни черта не прав. И я объясню ему это на пальцах. Давай, веди меня.

Энрико вдруг заерзал, разволновался, но в итоге все же направился к дому. Я остановил его на секунду. Спросил негромко:

— А стража у него есть?

Энрико отрицательно покачал головой.

— Вот и славненько.

Мы поднялись на порог. Наверняка это был последний день, когда владелец поместья Хаузов сидел без охраны.

Дверь в его опочивальню я открыл ударом ноги — все-таки первое впечатление нуждалось в должном эффекте. Старший брат моего партнера по имени Алистер (имя я узнал секунду назад) подскочил на кровати и уставился на непрошенных гостей. Его дородная супруга завизжала и прикрыла все свои непристойности простыней.

Я обвел хозяев зловещим взглядом, а пальцы моей левой руки постукивали по рукоятке меча, висящего на поясе.

Когда из-за моей спины показался Энрико, строящий из себя саму скромность, его старший брат выпучил глаза и заорал:

— Ты! Ты подослал ко мне убийцу, негодяй! Я знал, знал, насколько ты коварен!

— Заткнись! — взревел я, но жена Алистера восприняла мое негодование иначе и завизжала опять.

— Заткнитесь все! — уточнил я и начал говорить чуть мягче. Совсем чуть-чуть.

— Я не собираюсь никого убивать. Меня зовут Ричард. Ричард из Дорлага. Меня действительно нанял твой брат, но не как убийцу, а как телохранителя, юриста и защитника его интересов. Я обучался юриспруденции в самом Хольне и знаю права моего клиента. Заявляю со всей ответственностью, что сейчас эти права были категорически попорнены.

— Что? В чем дело, какие права? — замотал головой Алистер, сверкая своей лысиной под лучами утреннего солнца.

— Право на наследство.

— Но он получил свое наследство. Отец ему ковры завещал, и он их забрал. И вообще что это за юрист такой — врывается на частную территорию с оружием, пугает до колик? А, брат, что ты молчишь?

— Мой клиент, — я не обратил внимания на этот выпад, — обвиняет тебя, Алистер Хауз, в воровстве и общей недобросовестности.

— Общей недобросовестности? — не поверил своим ушам Алистер.

— Так и есть. Ты укрыл и тайно продал пару великолепных ковров работы Арада Фадийского. Это были настоящие произведения искусства, за которые ты выручил хорошие деньги. Сим поступком ты совершил преступление против своего брата и должен возместить ущерб.

— Так, я понял, — Алистер шлепнул себя ладонью по лбу. — Это такая форма грабежа. Вынужден расстроить тебя, Ричард из Дорлага. Я не храню денег в поместье. У меня нет ни сокровищницы, ни сундуков, полных золота. Все мои богатства в городской казне. Могу дать тебе несколько сребреников, если ты согласишься убраться отсюда.

— Твои скользкие речи, несомненно, призваны подействовать на меня, но от ответственности ты не уйдешь. Факт воровства доказан.

— Какой факт? Мои слуги подтвердят, что я все чертовы ковры вынес из дома и отдал этому безмозглому кретину. Какой, повторяю, факт?

— Факт таков, что несколько торговцев Дирейма готовы подтвердить в суде, что ты принес им эти ковры и они щедро заплатили тебе за них. Торговцы оказались стоворчивыми и честными людьми, так что им поверят. Они предоставят суду эти ковры. Понимаешь, о чем я?

— О, я понимаю. — Алистер вскочил с кровати и набросил на плечи халат. — Ты подкупил их, обещал солидное вознаграждение. Да, не думал я, что мой братец окажется такой крысой.

Я посмотрел на свои ногти, неторопливо поковырялся в зубах и, закончив нехитрые гигиенические процедуры, предложил выход:

— Надеюсь, ты понимаешь, что все может обернуться не в твою пользу. А уж огласку этому делу мы дадим самую широкую. Все оборванцы Дирейма будут мусолить новость, что наследник Освальда Хауза — вор и обманщик. Но я предлагаю альтернативу. Мы с Энрико всего-то и хотим, что с комфортом отправиться к побережью, а потом двинуться на юг, в Эллас-Амин. Продать наследство. Поэтому мы забудем обо всей этой истории, если получим прямо сейчас беспрепятственный доступ к кладовой.

Глаза Алистера забегали. Он судорожно соображал. Я же продолжил:

— Не волнуйся, мы не возьмем много. Место в повозке ограничено. Ну, так что, ты согласен расстаться миром?

Алистер был опечален. Он чувствовал себя обманутым, но, взвешивая риски, вынужден был согласиться на мою сделку.

Я всегда ценил свое время. Старался использовать его разумно. Однако чем старше становился, тем больше тратил его на пустяки. Похоже, пребывание в праздности не прошло даром. Я повидал много пищевых хранилищ и богатых винных погребов, но отчего-то сейчас был в полном восторге от небольшой, на самом деле, кладовой Хаузов. Чувствовал себя ребенком в пряничном домике. Указывал слугам то на бочонок пива, то на внушительных размеров связку ароматных копченостей, то на мешок с финиками и редкими фруктами.

Все это происходило под хмурым взглядом хозяина поместья. И, конечно, я не мог отказать себе в удовольствии прямо на его глазах осушить бутылку дорогого вина и оставить отпечаток своих зубов на большом куске козьего сыра. Таким способом я обозначил свою победу над стяжательством.

Уже у самых ворот, когда длинная крытая повозка, набитая всем необходимым для странствия, была запряжена лошадьми и готова к отбытию, Алистер подошел ко мне и сказал:

— Надеюсь, я вас больше никогда здесь не увижу. Сегодняшнее утро — пренеприятнейшее в моей жизни.

— О, ты еще мало пожил, — усмехнулся я. — Будет у тебя утро в разы хуже. Но ты прав, не мы сделаем его таковым. Нас ты больше не увидишь.

— Фосто! — воскликнул Энрико с повозки. — Мы едем или как?

В последний раз я встретился взглядом с Алистером Хаузом. Лицо его выражало крайнюю степень подозрительности. Задерживаться точно не стоило. Я запрыгнул на место возничего и дернул вожжи. Наш путь начался.

Глава 3. Охота на степных волков

Небо хмурилось. Еще вчера, в наш первый день путешествия, над нами не висело ни облачка. Погода стояла жаркая и сухая, что для этих мест — самое распространенное явление. Я большую часть жизни провел в северных районах континента, где полгода поливают дожди, приносимые бескрайним Багряным океаном. А зимой вместе с непогодой приходит омерзительная промозглость и сильные ветра. Так что жара для меня — это божья благодать, которую я не променяю на возвращение в родные места. Ради хорошего заработка я, конечно, готов отправиться хоть к черту на рога, но все-таки главная моя мечта — стать богачом, живущим в Шэрдашехе. Ради нее можно проделать путешествие даже по северо-восточным землям, где зимой выпадает снег.

Словно читая мои мысли, над трактом поднялся ветер. Завозился Энрико, спящий на коврах внутри повозки.

— Похоже, будет дождь, — крикнул я.

— Да ну? — услышал я голос своего напарника. Он вылез, сел на облучок рядом со мной и огляделся.

— Да это даже неплохо, — успокоил я его. — Не придется колодцы искать. Дар неба, чтоб его в гриву.

Сзади я услышал топот множества копыт. Мимо нас пронеслись три легковооруженных всадника и умчались вперед. Мне стало немного не по себе, а Энрико будто специально спросил:

— Слушай, Фосто, а с чего ты моему брату тогда сказал, что мы едем к побережью? Он ведь тоже мог понять, что там нас не ждут высокие цены.

— Что сказал, то сказал. Сам-то ты и словом не обмолвился. Мне пришлось выкручиваться, и первое, что пришло мне в голову, — наврать о нашем истинном направлении. Очень не хотелось, чтоб брат твой отправил за нами погоню.

— Про изучение права в Хольне ты тоже выдумал?

Ответом послужил мой искренний хохот. Отсмеявшись, я похлопал Энрико по плечу.

— Ты-то, наверное, дальше окрестностей Дирейма ничего не видал. В Хольне в свое время я изучал только науку выживания. Выживания в притонах и тавернах. Там наш отряд расквартировали до получения дальнейших распоряжений. Консул Хольна так затянул с этими распоряжениями, что в стенах этого крупнейшего города мы понесли самые серьезные потери. Кого-то прирезали за излишнюю буйность, кто-то дезертировал, кто-то упился до смерти. Так что из меня такой же юрист, как из тебя владелец поместья.

— А откуда ты вообще родом? — спросил Энрико после недолгой паузы.

Я подстегнул лошадей. Тяжелые серые тучи обогнули нас стороной.

— Из деревеньки одной, я уж и названия ее не помню. Рядом были горы, леса и еще один вольный город — Ярв. Там как раз в правители выбился один очень амбициозный человек. Решил устроить завоевание в стиле древней империи нардарцев. Собрал войско из своих и чужих и принялся перекраивать карту северо-западного побережья. Хребет ему переломили быстро, однако дел он успел натворить на два поколения вперед. Ответным походом уничтожили, помимо других, и мою деревню. Я тогда сопляком был, но помню, как мы в горах прятались.

— Ничего себе, — поразился Энрико. — Я читал про те события.

— Ага. Ну, тогда ты знаешь, что потомстряслось. Ярв разграбили их же союзники-сальгуры, которые умело воспользовались неразберихой и начали наступление на вольные города. Наступление отбили, но междоусобиц от этого не уменьшилось. Так что всего-то и оставалось нам, что покинуть насовсем те места и двинуться на юг. Жрать было нечего, поэтому матери пришлось отдать меня странствующим артистам.

— Правда? — не успевал удивляться мой напарник.

Это вновь рассмешило меня до слез.

— Черт подери, Энрико, облапошить тебя проще простого. Серьезно, не обижайся, но тебе крупно повезло, что ты меня встретил. Я родом из другого вольного города, который война не сильно-то и затронула. Отец провалился в соляную шахту, а мать скончалась от удара через год. Вырастила меня улица. Когда попался на воровстве, меня случайно заметил один из офицеров городского ополчения. Я стал новобранцем, а потом посмотрел на жизнь наемников и понял, кем в действительности хочу стать. Волею случая, так и получилось.

У Энрико был обиженный вид.

— Теперь мне вообще непонятно, где правда, где нет.

— Правда, мой друг, — это то, что ты видишь своими глазами, а не то, что вычитаешь в книжках. Вот представь, знал я одного аристократа, который не то что в бою не был, а, проклятие, даже мышей боялся. Seriously. Но он имел хорошее состояние, а потому заказал себе биографию, в которой предстал как многоопытный рыцарь, в неопределенное время своими руками победивший целую армию врагов. А то, что в роли его меча выступала шайка разбойников, а в роли вражеской армии — конкурент по добыче олова, конечно же не приняли во внимание. Теперь его дети будут гордиться им, а летописцы через сто лет найдут это жизнеописание и удивятся, какой герой жил когда-то. Это простой пример. Я уж не говорю про завоевателей, которые своих побежденных противников выставляют настоящими мерзавцами и безумцами, какими бы добряками они при жизни ни были. Бумага все стерпит, так что верь себе и не доверяй никому другому. Мне, разумеется, можешь верить, у нас с тобой общие цели и интересы. Я помог тебе поставить на место брата, буду помогать и впредь.

Наш экипаж добрался до большой развилки. Одна часть тракта, такая же широкая, добротная вымощенная, уходила на север Мальдиона, в сторону вольных городов. Другая часть, как указывал знак, вела на восток, в Саракс — пограничный город, после которого наше путешествие будет проходить уже по чужой стране. Дорога была насыпной, отвратительной по качеству. Она вилась между каменистыми насыпями и уходила вверх. Предстоял подъем. Путь по Дымным Холмам всегда представлял собою сложность, но, на счастье, у нас две лошади, да и повозка не отличалась тяжеловесностью. Перед подъемом мы дали животным отдохнуть и пощипать травки. Сделали привал.

— Слушай, — спросил я у Энрико, вгрызаясь в большой кусок вяленого мяса. — Твой отец не думал отправить тебя в какой-нибудь монастырь? Хм, а о свадьбе твоей думал, подыскивал тебе спутницу жизни? Младшему твоему брату вон перед смертью невесту подобрал.

— Если он о ком-то и думал, то точно не обо мне.

— Ну, а девка у тебя была какая?

Энрико смущенно закивал и произнес, глядя в облака:

— Дочь одного из городских префектов. Гиона. Так ее звали.

— Померла?

— Нет! Нет, что ты. За другого вышла. За магната-корабельщика с побережья.

— Вот так любовная история, — хмыкнул я.

— Ты спешишь с выводами, Фосто. Мы любили друг друга, и я твердил отцу, что хочу быть с ней. Он мог бы помочь мне в этом, но в итоге только отмахивался. А Гиона... Она не могла перечить своему отцу.

— Сбежали бы, — пробормотал я, жуя.

— Куда? Куда податься без денег и связей, без благословения родителей? Они могли легко помешать нашему счастью — у префекта немало власти. Разве можно подвергать опасности любимую?

Я дожевал свой кусок.

— Ну, смотри, друг, я тебе в отцы гожусь. Мне тридцать семь или тридцать восемь. Святые голуби, я даже не помню, но не в этом суть. Твой отец, возможно, был бы не против пристроить своего сына к такой семье, но, скорее всего, префект заломил за свою дочурку слишком большую сумму. Либо магнат твой не вовремя подсуетился. В любом случае смирись с тем, что произошло. Родитель твой вряд ли в этом виноват.

— Зато он виноват в том, что мы едем сейчас черт знает куда.

— Подожди, еще спасибо ему скажешь и цветочки на могилу принесешь.

Когда мы преодолели первую возвышенность и дорога выровнялась, уже близился вечер. Небо было чистым, лишь немногие облака, похожие на иглы, гуляли по нему.

За полдня никаких встречных и попутных экипажей. Единственными живыми душами, кроме нас и стервятников, оказались двое караульных в небольшой сторожевой башне с конюшней. Я поприветствовал их и по доброте душевной поделился скромными запасами хмельного напитка. Увы, никаких важных новостей они нам не поведали.

Через час после этой заминки мы выехали на просторную равнину с высокой и сухой травой. Это место известно мальдионцам, как Хромой Перевал. Название, как я слышал пошло от того, что по обе стороны от дороги, пусть и на почтительном расстоянии, возвышались холмы и даже одинокие скалы. Все это напоминало настоящий горный перевал. Хромым же он был потому, что преодолеть его мог даже одноногий.

И вот на этом, с позволения сказать, перевале нам неожиданно встретились два пеших попутчика. Я никогда не жаловался на зрение, но их отчего-то увидел лишь на близком расстоянии. Будто вынырнули они откуда. Кустов и небольших рощиц тут росло предостаточно.

Гораздо удивительнее было другое: оба этих мужика выглядели как воины. На одном из них красовалась черная бригантина, на другом же — потрепанная и грязная стеганка. Первый был вооружен длинным мечом, а второй имел при себе тесак и арбалет, закинутый за спину. Ни шлемов, ни головных уборов они не носили. Ничего хорошего такие встречи обычно не предвещали.

Стоило нашей повозке поравняться с ними, как проходимец с арбалетом поприветствовал нас:

— Доброго вечера, достопочтенные судари!

Я лишь угрюмо кивнул, а вот Энрико чуть ли не дружескую беседу с ними завязал. Словно испытывал жгучую потребность в общении.

— И вам добра, путники. Куда путь держите?

— Да в деревню свою. Она там, за холмами. Путь знатный проделали, но уже завтра

утром доберемся. А вы куда едете?

— В Саракс. Дела у нас торговые. — Улыбка прямо не сходила с его лица. Точно не разбойников каких встретил, а свою ненаглядную Гиону.

Я был раздражен, но виду решил не подавать. Пока не услышал:

— Давайте с нами — все равно по пути. Мы вас подвезем. Вы наверняка уже все сапоги себе сбили.

— Что есть, то есть! — засмеялись попутчики.

— Энрико, вспомни, что я говорил тебе про доверие, — процедил я сквозь зубы.

— Да это же солдаты со службы возвращаются. У половины мальдионских рядовых такой же доспех, как на том, что повыше. Они за нас кровь проливают, а мы просто мимо проедем?

Его наивные слова совершенно выбили меня из колеи. Пока я думал, что возразить, двое встречных уже залезли в фургон и удобно расположились среди ковров и снеди.

Меня не смущало, что один из них экипирован в очень распространенную бригантину. Меня смущало, что этот доспех был неполным — без наручей и шлема. И то, что он висел на владельце как холщовый мешок на пугале.

Но Энрико был доволен. Энрико нашел новых друзей. Он уже узнал их имена: Каспар Арбалетчик и Фольмгам Хлыщ-В-Бригантине.

— Ступай, угости наших пассажиров чем-нибудь, чтобы они не чувствовали себя обиженными. Только меру знай, — шепнул я своему напарнику и уставился на дорогу.

Энрико расположился среди них, а у меня появился шанс. Шанс на то, что я услышу, как попутчики его прикончат, и сам смогу спастись перед предательским ударом в спину.

— А где вы служили? Из Дирейма идете? — не унимался Энрико, распахивая мешок с фруктами.

— В Дирейме мы пролетом, — услышал я сиплый голос. Он принадлежал Фольмгаму. — Служили недалеко от Соро. На пограничье.

— У речки Алой или в Надзорной крепости? — встрял я в разговор. — А может и в Сельведуде? Я слышал, там обучают хороших арбалетчиков.

— Да, примерно оттуда, — замялся сиплый собеседник.

Мои подозрения усилились.

— Так откуда? Я просто те места неплохо знаю. Сам родом из Соро.

— О, так вы, сеньор, из вольных городов? А мы от ваших земляков границы охраняем. Много там развелось банд нынче. Непокойно. А служили мы в Надзорной крепости.

Я удовлетворился ответом и одобрительно закивал. Надзорная крепость — важный стратегический пункт обороны Мальдиона. Была. Полтора-два года назад, когда вся эта местность представляла собой кучку разрозненных княжеств. Теперь же то маленькое укрепление полностью заброшено и забыто. Ни для какой армии оно не представляет интереса. И даже разбойники не полезут на ту скалу, расположенную среди лесов и болот.

Время близилось к закату. Пора сделать привал, подкрепиться и набраться сил для будущего дня. Удачное место недалеко от дороги подвернулось очень скоро: ровная травянистая площадка, ограниченная заросшим деревьями оврагом. Здесь можно было развести костер без помех со стороны ветра.

Каспар набрал дров и довольно быстро раздул пламя. Я же установил перекладину и подвесил котелок с водой. Энрико нарезал овощи и мясо. Фольмгам высматривал что-то на темном горизонте. Солнце и его последние отблески скрылись под той возвышенностью, что

мы преодолели сегодня. Где-то вдалеке раздался волчий вой.

— Ненавижу волков, — протянул Каспар, помешивая ложкой закипающий бульон.

— Что поделать, — усевшись на остывающую землю, сказал я. — Настало их время.

Ночь.

Я положил меч недалеко от себя и потянулся, зевая. Приятно запахло супом. Энрико крутился вокруг котелка, раз за разом пробуя стряпню на вкус и обжигаясь. Видимо, проголодался паренек.

Трапеза прошла спокойно. Во всяком случае, то напряжение, что испытывал я, не шло ни в какое сравнение с веселым расположением духа Энрико, который доставал Каспара глупыми вопросами. Фольмгам сидел справа от меня и помалкивал. Наши взгляды время от времени пересекались.

— Так уж получилось, — вдруг заговорил он, — я услышал от твоего друга, что тебя Фосто кличут. Не подумай чего, но ты не тот ли Фосто Быстрый с вольных земель, что сжег замок лорда Клерносского?

Энрико мигом замолчал. Все уставились на меня. Я ухмыльнулся и махнул рукой:

— Нет, это точно не про меня. Я лишь караваны сопровождаю за скромную плату. Мало ли всяких Фосто на севере, сжигающих замки. — Этого довода оказалось более чем достаточно. Я решил положить конец пустой болтовне и предложил: — Думаю, пора на боковую. Ступайте спать, а я подежурю ночью. Меня что-то в сон совсем не клонит.

— Как же это, сеньор Фосто, — возразил Фольмгам. — Должны же мы с Каспаром хоть как-то отблагодарить вас за гостеприимство. Любезность за любезность. Мы по очереди подежурим до самого утра. Ложитесь спать, не волнуйся ни о чем.

С моего лица не сходила доброжелательная улыбка. Я настаивал на своем. Хлыщ-В-Бригантине цокнул языком и повернулся к своему спутнику.

— Что ж, дело ваше, — произнес он и направился мимо меня к оврагу. — Пойду, отолю, тогда и спать.

Он встал за моей спиной. Степные волки завyli вновь. Казалось, где-то совсем недалеко. Каспар чертыхнулся и принялся заряжать арбалет со словами, что «эти твари сейчас поплатятся за попытку подкрасться». Я же сидел и смотрел на помятую траву, пытаюсь выровнять дыхание.

Звук, что издает сталь при извлечении из ножен, нельзя спутать ни с чем. Рассекающий воздух клинок вот-вот готов был снести мою буйную голову. Взмах был резким, яростным. Но враг не ожидал, что я отреагирую с не меньшей прытью. Я изо всех сил оттолкнулся ногами от земли и одновременно с этим выхватил кинжал. Меч Фольмгама рубанул по земле, и он потерял равновесие. Я вскочил, схватил его за руку и вонзил кинжал прямо туда, где кожаная основа бригантини соединялась ремнями. Кинжал вонзился в его грудь почти до рукоятки. Он охнул от боли, но праздновать победу было рано. Каспар вскинул арбалет и выстрелил.

Я предусмотрел и это. Содрогающееся тело разбойника в доспехе послужило отличным щитом. Болт вонзился в его спину. Фольмгам вскрикнул опять. В последний раз.

Дальнейшее развитие событий было делом трех секунд. Я вырвал оружие из руки убитого, перепрыгнул через костер и занес меч над неудачливым арбалетчиком. Единственное, что он успел сделать, — это съежиться в ожидании неминуемой смерти.

Не знаю точно, что меня остановило, но в голову вдруг пришла удивительная идея. Бой получился слишком быстрым и скучным. Я размялся в упражнениях с клинком, теперь

пришло время другого упражнения. Пришло время охоты.

— Каспар! — с задором воскликнул я. — Открой глаза, ты еще жив! Я дам тебе шанс на спасение. Видишь дорогу? Беги в ее сторону. Беги так быстро, как только можешь. Я заряджу арбалет и пальну в тебя. Чтобы ты понимал всю особенность этой игры — в своем отряде я был лучшим стрелком из этого оружия. Лучник я никакой, но из любого арбалета цели поражал отменно. — Я взглянул на его сморщенное от ужаса лицо и произнес: — Беги.

Он вскочил, задыхаясь, и понесся к дороге. Действительно очень быстро. Но времени я не терял. Схватил арбалет, уперся ногой в железную скобу и натянул тетиву. Закрепил в ложе болт. Прицелился и крикнул:

— Я готов! Приготовься и ты — сейчас тебя пронзит тяжелая стрела! Я не шучу!

Каспар завизжал из стороны в сторону, пытаясь избежать своей судьбы. Напрасно. Снаряд со свистом вонзился в его голень. Он завизжал, рухнул на землю и пополз дальше. Причем пополз на подъем, так что мишень он представлял собой завидную. Я вспомнил, кто виновен в том, что меня чуть не порезали бандиты, и вновь зарядил арбалет.

— Энрико! — крикнул я. — Иди сюда!

Трясущийся от страха парень с опаской приблизился ко мне.

— Держи арбалет и стреляй. Видишь своего друга Каспара? Стреляй в этого червя. Он хотел прирезать нас. Давай!

Энрико собрался с духом и выстрелил. Болт улетел куда-то в сторону луны. Я грязно выругался и, плюнув, подошел к труп Фольмгама. Он явно был главнее своего сообщника, поэтому мог иметь при себе какие-то ценности.

В его маленькой сумке оказался лишь кусок черствого хлеба и пара луковиц. Но к его ремню под доспехом был привязан кошель, и в нем меня ждал приятный сюрприз — три золотых монеты, немного серебра и красивый перстень с синим камнем. Может, даже с сапфиром. Весьма неплохая добыча. Но и этим можно было не ограничиваться. Доспех тоже стоил кое-каких денег, и я снял его с поверженного врага. Потом осмотрел его туловище и нашел то, что могло пригодиться. Достал кинжал.

Когда Энрико увидел, что я кромсаю труп, он округлил глаза:

— Что ты делаешь?! Он же уже мертв!

— Да, мертв, — согласился я, — но он еще не расплатился сполна.

Ответив так, я зловеще рассмеялся и явил взору своего партнера окровавленный лоскут кожи Фольмгама. На нем виднелось клеймо, изображающее два соединенных дугой круга. Кандалы.

— Это клеймо преступника, мой друг.

— Но нам-то оно зачем? — Состояние Энрико было почти паническим.

— За тем, что я не собираюсь бросать здесь обмундирование этих ублюдков. Я продам этот доспех в Сараксе. Но есть опасность: покупатель может посчитать, что я прикончил какого-нибудь стражника, и тогда придется туго. Это доказательство, понял?

Энрико кивнул.

— Вот и хорошо. Положи эту кожу в повозку, — я бросил ему «доказательство» в руки. Он не выдержал и принялся блевать. Что ж, первый урок прошел отлично. Урок доверия.

Уже после, когда мы решили сменить место ночлега и вновь двинулись по тракту, Энрико вдруг спросил:

— А что же Каспар? Он все ползет где-то там?

— Конечно, — улыбнулся я. — Теперь у него действительно будет повод ненавидеть

СТЕПНЫХ ВОЛКОВ.

Глава 4. Бастион добродетели

История, происшедшая на Хромом Перевале, ввиду своего благополучного исхода дала нам возможность немного изменить маршрут путешествия. Километрах в пятидесяти от перевала лежал небольшой и приятный с виду городок. Он не имел почти никаких защитных укреплений, но обилие буковых лесов и маленькое озеро, по берегам которого стояли ухоженные каменные домики, радовало глаз и наполняло сердце безмятежностью. Проехать мимо было просто невозможно. Там мы решили остановиться на целые сутки: дать полноценный отдых лошадям и снять собственный стресс. Проверенным методом.

Поначалу Энрико не хотел идти в бордель, мотивируя отказ тем, что его сердце еще тоскует по возлюбленной. Чуть ли не силком я сумел его туда затащить. И кто бы мог подумать — он вошел во вкус. Вытащить его оказалось не так-то просто. Я ему твердил, что лишних денег нет (про кошель убитого разбойника я, естественно, промолчал), но Энрико не растерялся и нашел способ продлить удовольствие. Он прикинул, что для этих целей было бы вполне разумно обменять пару ковров. Своеобразный бартер, который в этом заведении вряд ли когда случался. Ответ мой был довольно суров:

— Ты, наверное, забыл, Энрико, что товар, который мы везем, принадлежит не только тебе. Был уговор, а благодаря твоим стараниям моя доля будущей выручки теперь равна третьей части. Если в каждом клоповнике, каждой гостинице и борделе мы будем расплачиваться товаром, то сам понимаешь, каков будет итог. О заветном богатстве можешь забыть. Идем, или ты еще раз влюбился?

Словно услышав эти слова, из комнаты, где развлекался Энрико, выглянула симпатичная блондиночка с короткими волосами. Полуобнаженная.

Я был непреклонен. Мои доводы и справедливое возмущение образумили парня. Я не хотел, чтобы он держал на меня обиду, и повел его в трактир. Шумная компания, море выпивки — то, что нужно, чтобы развеять скуку и обрести доверие друг к другу.

Уже вечером, заметно покачиваясь за столом, Энрико спросил меня:

— Фосто, слушай, а ты действительно какой-то там город сжег?

— Замок, — уточнил я, икнув. — Тот парень, что сейчас валяется в овраге, говорил про замок.

— И?

— Что «и»? Обознался он. Не жег я никакого замка. Ты сам видел — если я кого и убиваю, то только отъявленных негодяев.

Энрико осушил свою кружку с пивом. Один глаз у него совсем окосел.

— А почему тебя Быстрым прозвали?

— Почему да почему. Мечом я владею хорошо. Или, ты думаешь, из-за постельных подвигов? Хе-хе.

Как мы возвращались в свой постоялый двор, я уже не помню, но на следующее утро мы выдвинулись в путь гораздо позже запланированного.

Саракс встретил нас дождем, грязью и угрюмыми взглядами местных стражников. Две недели мы провели в дороге, и треклятая погода ухудшалась в такт с нашим продвижением вперед. Сильные ветры, а потом надоедливые дожди то и дело пытались затормозить нас. В далеких пустынях внезапные тучи были бы восприняты как великая благодать, но здесь это стало настоящей помехой. Поэтому стоило нам достигнуть ворот Саракса, как настроение и

боевой дух возвысились, несмотря на царящее вокруг ненастье.

Улицы Саракса заметно отличались от улиц Дирейма. В том смысле, что даже самый захолустный переулок Дирейма был менее отвратительным, чем главная улица этого пограничного города. Радовало лишь одно — здесь мы не собирались долго задерживаться. Все, что нам требовалось, — это немного пополнить запасы пищи и двинуться к речному порту. Там паром перевезет нас на другой берег. Берег могучего королевства Гелетия.

Мы неторопливо ехали по городу, ловя на себе презрительные взгляды местных горожан, которые даже в такую погоду упорно не хотели покидать вонючих улиц. Это позже я узнал, что негативное отношение сараксанцев ко всем приезжим обусловлено войной с Гелетией, которая была лет пятнадцать назад. Тогда вся долина близлежащей реки превратилась в пустырь. По обе стороны этой природной границы. Заварушка та отчего-то отличалась особой жестокостью с обеих сторон, и Саракс ощутил ее в полной мере. Жители города безжалостно уничтожались вражеской армией, а стены его были полностью срыты. Вмешательство Эллас-Амина предотвратило завоевание этих земель, война вскоре кончилась, но осадок, как говорится, остался. Так что наш явно купеческий экипаж воспринимался обывателями как бессовестная попытка поддержать экономику неприятеля. Могло быть и так, что их смущал холеный вид Энрико, красующегося своим богатым одеянием на виду у жалких оборванцев. Впрочем, мне было абсолютно плевать на чье-то мнение относительно нашего торгового маршрута. Боязно стало за Энрико, так как появилась необходимость оставить его одного.

Мы подъехали к большой рыночной площади. Довольно оживленной, но я бы мог поставить свою левую руку на то, что в ясный день народу здесь бывает в два раза больше. Что ж, меньше спрос — дешевле предложение. Я обратился к Энрико:

— Слушай, друг, я пойду, узнаю, где тут оружейник или кузнец какой. Надо избавиться от нашей добычи. Держи, здесь немного денег. Купи съестного в дорогу. Только не спеши. Приценись. И ни на секунду, повторяю, ни на секунду не оставляй повозку без присмотра. Глазом моргнуть не успеешь, как разрежут полог и что-нибудь утащат. Понял? Не подведи.

Я схватил доспех и меч покойного Фольмгама, завернул их в мешок и отправился продавать. Сказать к слову, первоначально я хотел, чтобы Энрико оставил себе меч для личного пользования, но в первом же нашем учебном поединке обнаружилась полная неспособность моего партнера владеть этим оружием. Если быть точнее, обнаружился недостаток силы. Энрико непрерывно ныл, что меч слишком тяжелый. При излишне усердном замахе клинок выскользнул из его рук и полетел в сторону неба. Он заметался и, не глядя вверх, побежал как раз в ту сторону, куда должно было приземлиться оружие. Пришлось вмешаться, чтобы потом не вытаскивать меч у него из головы.

Такое опасное трюкачество быстро мне надоело, поэтому во время привалов я пытался сделать из Энрико мастера-арбалетчика. Получалось с переменным успехом — потерялось больше пяти болтов. Но иногда он попадал по цели, что воспринималось им как настоящий триумф. Хотя бы даже цель находилась в десяти метрах.

Арбалет решено было оставить. Им можно и зайцев, и подозрительных типов подстрелить. А меч... Меч принесет нам дополнительный доход.

Первый же встреченный дед направил меня по нужному пути. Жил в Сараксе оружейник, причем совсем недалеко от рынка. Размашистыми шагами, шлепая по лужам, я направился в указанную сторону.

Дед не обманул. Да и можно ли водить за нос человека, обвешанного оружием? Лавка

известного по всей округе торговца приглашала всех желающих приобрести защитное и наступательное вооружение по разумным ценам. Примерно так гласила широкая деревянная вывеска над дверью в двухэтажное кирпичное здание.

Внутри царил полумрак. Перед внушительным прилавком сидел и ловил вшей в бороде не менее внушительный охранник, вооруженный дубиной. Он окинул скучающим взглядом меня и мой сверток. Позвал хозяина.

Я ожидал увидеть низенького, страдающего ожирением старикашку, но взору моему предстал высокий подтянутый мужчина с благородными чертами лица, чуть тронутыми сединой волосами и изящной бородкой. Одет он был в бордовый, расшитый бархатом кафтан. Его взгляд изменился с заинтересованного на надменно-равнодушный, когда он увидел мои невзрачные одежды и старые, заляпанные грязью сапоги.

— Чем могу помочь, сударь? — с фальшивой учтивостью произнес он.

— Мне бы это, доспехи продать. И меч. Хороший. Тяжелый.

Я вывалил на прилавок бригантину и меч в ножнах.

— Что скажете? Все качественное: минимум порезов и царапин.

Торговец ухмыльнулся. Посмотрел на доспех, взял его в руки, повертел и попробовал прикинуть вес. Ухмыльнулся вновь.

— Так и быть, пойду вам навстречу. За доспех заплачу два серебряных дуката, за меч — один.

Такое предложение меня порядком покорило.

— Простите, но все это стоит гораздо больше. Три сребреника за снаряжение целого воина?

Казалось, только этого вопроса торговец и ждал. Он театрально вздохнул и начал объяснять мне ситуацию так, как объясняет отец своему сыну-невежде.

— Что ж, я поясню. Начнем с того, что доспех легкий, а значит, пластины тонкие и непрочные.

— Не стесняет движений, — недоумевал я.

Хозяин лавки не обратил никакого внимания на мои слова и продолжил:

— Во-вторых, пластины слишком крупные, а значит, более хрупкие. Зазоры между ними великоваты — это понижает безопасность владельца, а значит, и спрос.

— Так ведь эти доспехи половина армии носит.

— Либо завербованные, либо самые бедные, — парировал торговец. — Либо разбойники и дезертиры, что, впрочем, одно и то же. Это далеко не все, что я хотел сказать. Подкладка доспеха очень грубая и потертая. Ремень на груди порезан и криво сшит. А на внутренней стороне я нащупал следы засохшей крови.

— Черт, я думал, что все смыл...

Торговец скрестил руки на груди.

— Так что все сказанное мной порождает один вопрос. Как ты добыл этот доспех? Мои уши только что слышали, что его носят пехотинцы армии Мальдиона. Военных кампаний нет, а окровавленный доспех в наличии.

Бородатый охранник замер, пристально глядя на меня. Доказательство. Я забыл чертово доказательство. Пришлось изобразить оскорбленный вид:

— Вы думаете, что я снял этот доспех с подло убитого мной пехотинца? Если он и был когда-то таковым, то в момент, когда я защищался и прикончил его, он являлся обычновенным разбойником. Решил, что можно отнять принадлежащее мне.

Я чуть не вспылал.

— Да и вообще какая разница? Вы что, служите в гарнизоне? Мы же с вами деловые люди.

— Кто-то действительно деловой человек, а кто-то больше смахивает на чужеземного налетчика.

— Чужеземного?

— Ну, всех местных бандитов я знаю поименно. И они предпочитают со мной не связываться.

— В смысле, вы не скупаете у них полученное тяжким трудом добро?

— А зачем мне нужна тень на мою репутацию? У меня три кузни, две мастерские и магазины в двух странах.

— Вот как. Вы продаете оружие потенциальным врагам Мальдиона, но не желаете пойти навстречу честному путнику.

— В Гелетию идут только доспехи. На торговлю оружием наложен запрет.

Я махнул рукой:

— Да знаю я все эти запреты. Но речь не о том. Гром и молния мне на голову, если я разбойник. Я всего-то и хочу восемь серебряных монет за то, что лежит передо мной.

Из-за двери донесся протяжный раскат грома.

— Пять, и не больше, — последовал ответ.

— Семь.

— Пять. Я не изменю цены.

— Пять серебряных и шесть грошей.

— Да проклятие! — поморщился торговец. — Вот, держи свои гроши и проваливай!

— Благодарствую!

Монеты в кармане, легкий поклон и хлопок дверью — все прошло на удивление гладко.

Не то чтобы результат сделки меня сильно устраивал, но на поиск более щедрых и податливых покупателей времени не было. Тем более что я обрел уверенность, ибо удача наконец повернулась ко мне лицом, а не задницей. Две недели назад в моих карманах гулял ветер, а теперь я мог похвастаться приличным состоянием. Мог бы, но я не хвастливый.

Финансовые проблемы меня преследовали и раньше. Задолго до того, как расформировался последний отряд, в котором я был на одной из командных должностей. Случилось однажды так, что бесчестный казначей оставил без заработка весь наемный отряд. Сбежал с деньгами, что заплатили нам наниматели. Ох, и злились тогда мои соратники! Казначей, конечно, был умен и не в одиночестве затеял авантюру, но блеск золота так затуманил его разум, что он даже не задумался о том, что жестоко подставлять тысячу отъявленных головорезов — не самая хорошая идея.

Поначалу мы грешили на нанимателей. Мол, они вручили деньги, а после либо ограбили, либо, будучи в сговоре, вернули себе большую часть монет у жадного казначея. Оказалось, что это не так. Целиком и полностью вина лежала на том мерзавце. Он подбил нескольких ребят из отряда на этот подлый поступок, поделил деньги и попытался улизнуть в другой город. Но наши лазутчики тоже не дремали. Поймали его в тот момент, когда он, весь обросший, просил милостыню в городе Дорлаге. Оказалось, в одной из гостиниц его до нитки обчистила ушлая куртизанка. Врать он не мог, потому как невозможно врать после тех пыток, что припасли для него расстроенные воины.

Позже поймали еще пару предателей. Они кое-что вернули, хоть это их и не спасло. Но

главный итог оставался в том, что большая часть золота пропала. Ситуация в отряде была столь печальной, что нам пришлось наняться в сомнительный поход против жестокого народа сальгуров — захватчиков с северного континента, что переплыли море и принялись создавать свои государства на территории бывших колоний вольных городов. Лезть в это пекло было большой ошибкой. Свирепые воители с необычной внешностью — узкими глазами и острыми чертами лица — разгромили объединенную армию наголову. Наш отряд понес такие потери, что уже не восстановился. Я сам полгода латал дыру в левом боку, которую подарил мне удар сальгурского копья.

Те непростые времена я смог пережить, так что надеялся сейчас на лучшее. Должна же счастливая полоса жизни быть когда-нибудь длиннее череды неудач.

Когда я вышел из оружейной лавки, солнце подмигнуло мне через отступающие тучи. Я заметно приободрился, поправил перевязь с мечом и отправился к рынку. Настроение было столь приподнятым, что когда поравнялся с дедом, подсказавшим мне верную дорогу, я поделился с ним медной монетой. Он все так же сидел на пеньке перед покосившимся деревянным домом, только теперь и его лицо озарилось беззубой улыбкой.

Закончилась первая половина дня. Мне было невдомек, сколь долго работает переправа через реку, поэтому я прибавил шаг. Сегодня мы с Энрико должны пересечь границу.

Вот и рынок. Гомон торгующихся и спорящих горожан, палатки, где продаются рубленые куски мяса, бочки с рыбой, овощи, ткани и керамика. Вот и маленькая часовня, где меня должен ждать Энрико.

Он действительно стоял и ждал меня. Вид у него был таким же рассеянным, как тогда, в таверне прохиндея Хазмора. Он стоял с пустыми руками. Рядом не было ни повозки, ни лошадей, ни добра. Я подошел ближе. Мой глаз предательски задергался.

— Где наша повозка, друг?

Энрико, путаясь в словах и заикаясь, начал говорить что-то про сделку, про спасение какой-то дворянки. Про то, что за повозку и товар в ней нам заплатят целое состояние. Я толком ничего не понял и повторил вопрос:

— Куда подевалась наша повозка? Успокойся и говори.

— Понимаешь, ко мне подошли трое. С ними была девушка, руки у нее были связаны. Они предложили подвезти их в какую-то деревню. Не даром. Я, конечно, отказался, но девушка вдруг прильнула ко мне и начала умолять спасти ее. Выкупить. Я сам толком ничего не понял, но один из троицы сказал, что за похищение девушки заплатил один очень влиятельный человек. Что она наследница богатых земель и замка неподалеку, а человек тот решил прибрать все в свои руки и нанял их.

— Продолжай. — Я чувствовал, как холодеет мое сердце.

— Девушка начала шептать о том, что если я отдам свои деньги и товар этим охотникам за головами, то они отпустят ее, а она мне все вернет. Золотом. Все произошло столь быстро, я даже не осознал всего до конца. Предложил им сделку, и они ее приняли. Девушка со мной осталась, а они уехали на повозке.

— Куда?! — взревел я.

Энрико лишь в недоумении пожал плечами. Тут меня прорвало:

— Да ты просто лопух! Дурень, болван! Тупая, бесполезная кочерыжка! На кой рожон ты полез к ним?!

— Они ей угрожали...

— Кому?!

— Этой девушке. Мари из Эвилада. — Энрико был напуган и часто-часто хлопал глазами.

— И где она, где горы ее золота? Тебя обставили, как младенца! Но куда там — и у младенца ума больше.

— Она была здесь. Словно растворилась.

— Может, лопнула от смеха над таким кретином, как ты? Она свалила со своими подельниками и всем нашим имуществом. Ты даже не знаешь, в какую сторону поехала повозка. У тебя мозги спеклись от одной ее улыбки.

Я закрыл ладонями лицо и зарычал от бессильной злобы.

Глава 5. Ведьма из Саракса

Можно исторгать проклятия, можно выместить всю свою ярость на Энрико, но это не вернет нашего имущества. Времена, когда я совершал опрометчивые поступки, руководствуясь лишь сиюминутным настроением, давно прошли. Некое подобие мудрости, а точнее, свойственный моей профессии жизненный опыт подсказывал, что нужно взять себя в руки и принять хоть какое-то решение о дальнейших действиях.

Первое, что пришло на ум, — это оставить Энрико наедине с его бесконечной глупостью и с ближайшим караваном отправиться обратно в Дирейм. Там я смогу достаточно долго отдыхать и развлекаться. Но это путь в никуда. Разве я могу позволить каким-то проходимцам так обдурить меня? Обокрасть, не поплатившись за это?

Я решил действовать. Подбежал к ближайшим прилавкам и начал допрос торговцев, что наверняка видели происходящее здесь безобразия. Однако никакой помощи я не получил. Все будто ослепли. Я упрашивал, сулил вознаграждение, чтобы узнать хотя бы направление, по которому смылись преступники. Попусту.

Важная мысль далеко не сразу посетила мою голову. Я вспомнил слова торговца оружием: «Местных бандитов я знаю поименно».

Он-то мне и поможет. Я окликнул понурившегося напарника:

— Ступай за мной!

Каждая прошедшая минута лишала нас шансов на благополучный исход. Я чувствовал, как желанное богатство становится все более призрачным, и это подгоняло меня. А я подгонял Энрико, даже если он семенял по дороге на расстоянии вытянутой руки.

Мы быстро достигли цели. Не сбавляя шага, я ворвался в лавку оружейника. Тот все еще стоял за прилавком и что-то рассматривал на тяжелой латной перчатке. На меня тут же обратил внимание детина-охранник. Мой решительный вид вызвал у него подозрения, он выпрямился передо мной и преградил путь.

Времени объясняться не было. Я со свойственной мне быстротой вырвал у него из рук деревянную дубину, отпрянул назад и с размаху саданул опешившего охранника по голове. Он крикнул и свалился без памяти на пол.

Я отбросил дубину, вытащил из ножен меч и схватил за шиворот удивленного происходящим хозяина лавки.

— Дважды повторять не буду. — Я глядел ему прямо в глаза. — Нас обокрали. Ты утверждал, что знаешь всех местных бандитов. Значит, можешь поведать, как их найти. Энрико, давай сюда! Сейчас этот паренек опишет внешность негодяев. Ты уж постарайся нам помочь.

Торговец сглотнул, а Энрико начал объяснять:

— Трое мужчин. Один широкоплечий, в черной короткой куртке и с булавой на поясе. Двое других непримечательные. Я даже не знаю, как их описать: среднего роста, безбородые.

— Про девку говори, ежа тебе в пасть! — разозлился я.

— С ними девушка была. Стройная, красивая, с длинными распущенными волосами. Рыжими. Одеты богато.

— Ну, какая банда подходит по описанию? Живо отвечай.

— А то что? — вдруг прищурился оружейник. — Навредишь мне, прикончишь меня, и

тебя вся стража Саракса будет преследовать. Ни здесь, ни в Гелетии ты не найдешь покоя. Тебя схватят, переломают все кости и вздернут, как обезумевшего пса. Сбавь свой гонор, будь вежливее, и все будет хорошо.

Это было произнесено так уверенно и ладно, что моя рука сама отпустила его ворот. Его слова наполнены здравым смыслом. Я вздохнул и, замявшись на несколько секунд, произнес:

— Я заплачу тебе два серебряных дуката за информацию.

— Думаю, ты можешь заплатить больше.

— Послушай, эти бандиты портят репутацию всему городу. Мешают торговле. Какой купец отважится заезжать сюда после таких инцидентов? Это в интересах твоего дела.

— Пять серебряных монет. Пять серебряных и шесть грошей, — тщательно выговаривая каждое слово, произнес хозяин лавки. С явным удовольствием.

На моем скривившемся лице сейчас можно было полоскать белье, как на стиральной доске, что используют в хозяйстве сметливые прачки Хольна. Что ж, это поле битвы осталось за хитрым оружейником. Монеты, так недолго пробывшие у меня, вернулись к прежнему владельцу. Он пересыпал их с ладони на ладонь, удовлетворенно покачал головой и спрятал в карман. Облокотился о прилавок и поведал:

— Банда, которая вам нужна, промышляет в окрестностях нашего города не больше года. Промышляет мелким грабежом. Что они у вас украли?

— Двух лошадей и повозку, набитую отличными коврами. Все припасы и личные вещи — они все у нас сперли. Все из-под носа этого...

— Хм, я, честно говоря, удивлен. Обычно так они не делают. Заберут немного серебра или товара. Наверное, у них какие-то проблемы.

— Это у нас, у нас проблемы. У них они будут, когда я их найду.

— Тут дело вот в чем: девка эта — Алабель — непростая она. Ведьма. Одним движением, одним взглядом может из человека послушную овцу сделать. И человек этот ей все сам отдаст. Не знаю как с бабами такие фокусы проходят, но с мужиками проблем не возникает.

Мы с Энрико переглянулись. Оружейник добавил:

— Это с одной стороны неплохо — ее полезно брать на какие-нибудь важные встречи. Но уж больно она опасна. Мои люди, например, ее предупредили, что если она появится на этом пороге, то я сразу ее прикончу.

— Я с ней не беседы проводить собираюсь. Где ее найти?

— Я скажу, но у меня будет еще одна услуга.

— Да ты издеваешься?

Торговец с улыбкой покачал головой из стороны в сторону.

— Никаких издевок. У ведьмы на шее есть необычный амулет. Камень, что в нем, ты даже определить не сможешь. И он явно не драгоценный. Убей ведьму и принеси его мне, я половину серебра твоего верну.

Я с подозрением взглянул на хозяина лавки.

— Думаешь, что в этом амулете ее сила? Заполучишь его и в язычество подашься?

— Тебе не должно быть это побоку? Я сделку предлагаю. И серебро.

— А вдруг она меня заколдует, спросит, как я ее нашел, и придет к тебе ночью щекотать пятки?

На лице торговца читалось раздражение. Я решил не углубляться в эту тему и сказал:

— Я согласен. Прикончу ее — и принесу амулет. Где она?

— Надеюсь, у них не хватило ума поменять место своего пребывания. Идите к речной пристани. Перед ней повернете налево и минуете торговые конторы и склады. Увидите полуразрушенную колокольню, значит, вы почти на месте. Хранилище свое они устроили на месте старых складских помещений. Позапрошлой зимой там полыхал славный пожар. Сейчас там расселились нищие и бродяги. В общем, настоящий рассадник преступности. Вам нужна бывшая мастерская лодок — над ней пристроены омерзительные деревянные конструкции. Лодочная Башня. Все запомнили?

— Да, — ответил я и собрался уходить. Торговец схватил меня за руку.

— Точно все?

Я медленно кивнул.

Снаружи нас встретил противный мелкий дождь — погода вновь испортилась. Небольшие, будто покромсанные зазубренным небесным мечом тучи вновь принялись закрывать солнце. Даже погода против меня. Но она еще не знает, с кем связалась. Это я про ведьму. Алабель.

Я брел по улице и хлопнул по плечу поникшего Энрико:

— Ты, оказывается, не так уж и виноват. Прости, что я вспылал тогда.

Энрико махнул рукой:

— Что ты, я сам на себя в ярости. Слишком просто попался на ее крючок, этой ведьмы. Может, она и вправду одним щелчком нас разума лишит?

— Встречались мне колдуны и похлеще. Один твердил, что умеет оборачиваться в птицу. Ну, мы его с башни и скинули. Не обернулся. Другой с мертвыми мог разговаривать и насылать проклятия на любого, за кого ему заплатят. В итоге одному моему приятелю заплатили за этого колдуна. Теперь с мертвыми он общается на равных. А в Шэрдашехе я видел заклинателя зверей. Он представление показывал на большой площади: заходил в клетку с двумя пустынными грызарями. Настоящие монстры, скажу я тебе. И у него все успешно получалось — твари сидели и почти не реагировали на него. Но вот кто-то швырнул в них камнем, и беднягу-заклинателя тут же сожрали.

И у нашей ведьмы сегодня будет трудный день, Энрико. Не бойся, ты со мной. Жалко только, что арбалет в повозке валяется. Так-то проку от тебя чуть.

Улица вывела нас на небольшой подъем. Но и с его высоты можно было увидеть широкую реку, неспешное течение которой сильно отличалось от горных стремительных верховий в Блавалагских горах. Отсюда получалось разглядеть и паром, что регулярно перевозил путешественников на другой берег. Я очень надеялся, что сегодня попаду туда. Близился вечер.

Народ сутился у пристани. Мимо нас проносились носильщики, разгружающие прибывший по реке с восточных земель веселый корабль; важные персоны, что было ясно по их богатым платьям и ширине туловища, спорили на ходу и громко обсуждали свои насущные проблемы; надзиратели, что подгоняли нерасторопных работников. А мы с Энрико направлялись в один их самых опасных районов Саракса и не сбавляли шага.

Территория старых складских помещений оказалась на деле довольно обжитым местом. Наименее пострадавшие от огня строения переделывались в убогие жилые дома и служили кровом для неимущих семей. Вокруг нас по лужам скакали босые дети, теребя наши штанины в надежде получить заветную монетку. Надоедали они больше всего Энрико. Конечно, прилично одетый молодой человек — совсем не то что бродяга с черной бородой и спутанными волосами, одетый в поношенную темную тунику-котту и вооруженный мечом.

Для ребятешек я ничем не отличался от сброда, царящего тут.

Все же лишнее внимание нам было ни к чему. Я бросил сорванцам медяк и узнал у них, где находится Лодочная Башня. Они с радостными воплями умчались прочь.

Из различных пристроек выглядывали любопытные рожи. Как в такой ситуации незаметно подкрасться к негодьям? Они могли призвать на помощь своих соседей.

— Фосто, мне кажется, нас здесь прикончат, — пролепетал мой спутник.

— Если бы ты был хоть чем-то вооружен, мы выглядели бы в два раза внушительнее.

Впереди вырисовывалось что-то похожее на описанное оружейником строение: покрытый копотью кирпичный ангар с накренившейся деревянной «башней» наверху. Рядом со здоровенными и кривыми двустворчатыми воротами не было ни души. Однако с внешней стороны не висел замок. Значит, внутри кто-то был. И наша повозка, должно быть, там.

Что ж, я и рассчитывал на то, что драки избежать не получится. Надежда на другое была совсем призрачна. Теперь помочь нам могла внезапность.

Вместе с Энрико я полез через руины какого-то сооружения. Решил пробраться к бывшей лодочной мастерской в обход. Идея не то чтобы казалась глупой, но обгоревшие балки и доски постоянно трескались, выдавая нас с потрохами.

Наконец это препятствие осталось позади, и мы вышли к тыльной стороне вытянутого ангара. Пробираться стало труднее — земля там была сильно заболочена, но мы двигались очень аккуратно, стараясь не допускать всплесков воды.

Перед нами оказались такие же широкие ворота, что и со стороны улицы. Они были приоткрыты. Я обернулся к Энрико, приложил палец ко рту, а другим жестом показал, чтобы он оставался здесь. Его неловкость могла сыграть с нами злую шутку.

Я услышал грохот внутри и заглянул в проем. Там было темновато, но это не помешало мне разглядеть нашу повозку. В нее то и дело запрыгивал крупный мужчина. Он выгружал наши припасы, подлюга! Откупорил бутылку вина и принялся жадно его хлебать, находясь при этом спиной ко мне. Он не удосужился даже распрячь лошадей, а уже мародерствовал. Других описанных Энрико персонажей не было. Значит, надо ловить удачу за хвост.

Пока он глушил вино, я, пригнувшись, начал красться вперед. Крался быстро, но очень осторожно. Благо пол здесь не был скрипучим. Почти не дыша добрался до повозки и разбойника, облокотившегося о нее. Передо мной стоял ящик вина. Пришлось пожертвовать еще одной бутылкой.

Стекло со звоном разлетелось в стороны. Разбойник покачнулся, рухнул на колени и воткнулся носом в пол. Наверное, еще и поперхнуться успел.

Я заглянул в наш фургон. Ковров они разгрузить не успели. Только хотел позвать Энрико, как получил внезапный и сногсшибательный удар в ухо. Я рухнул наземь, а в глазах заискрились звезды. Когда кратковременная тьма перед моим взором рассеялась, я увидел стоящего передо мной бандита. Невысокого, но с крепкими ручищами. Значит, винолюб хозяйничал здесь не один.

Коротышка успел вытащить мой меч и теперь наставил на меня острие.

— Думал, все у тебя пройдет гладко? — насмехался он, ужасно шепелявя. — Хотел нашу добычу отнять?

Я потер ноющее ухо и ответил:

— Ну что ты, я просто хотел поздравить тебя с праздником.

— Каким праздником, болван?

— С днем разбитых голов.

Вряд ли он успел понять всю соль шутки. До момента, когда толстая доска в руках Энрико обрушилась ему на затылок, на его лице читался скептицизм.

Бандит обмяк и упал подле меня. Я же немного отдышался, встряхнул головой и встал на ноги. Внимательно посмотрел по сторонам: не хватало только еще какого-нибудь притаившегося врага.

— Энрико, друг, ты просто молодец, — похвалил я напарника. — Вот что я называю командной работой.

Мы не теряли времени даром. Запихнули все припасы обратно. Я успел обшарить бандитов, но найти смог лишь несколько разменных монет. Правда, у того, о чью голову я разбил бутылку вина, на поясе висела короткая булава с круглым железным наконечником. Да и пояс был довольно хорош.

— Давай же, Фосто, сваливаем отсюда. Открывай ворота!

Я не заставил себя долго ждать. Растворил скрипучие двери и выскочил на улицу. Там меня ждал сюрприз.

Преодо мной, держа наизготовку легкий меч с закрытой гардой, стояла весьма недурная на внешность девица с темно-рыжими распущенными волосами. На ней была удобная кожаная одежда — куртка и штаны. В таком наряде некоторые беспокойные аристократки обычно отправлялись на охоту.

— Она? — спросил я у Энрико.

— Она, — последовал ответ.

— Что же вы, леди, — обратился я к рыжей воровке, — занимаетесь таким непотребством? При вашей красоте и прочих талантах вы могли бы охмурить какого-нибудь состоятельного лорда. А не обкрадывать бедных путников.

— Ты никуда не уедешь отсюда, — вдруг прошипела она и вытянула вперед левую руку с растопыренными пальцами.

По спине пробежал холодок. Девица применила магию.

Глава 6. Королевская милость

Молодая ведьма вытянула руку и прошептала ведомое ей одной заклинание. Момент получился весьма волнительным. Я боялся, что сейчас меня парализует, или я просто потеряю сознание, что в такой ситуации равносильно поражению, а, возможно, и смерти. В зависимости от намерений этой бесчестной воровки.

Ничего не произошло. Она продолжала делать какие-то пассы руками, но мой разум не замутился. Я все так же смотрел на врага, а не на соблазнительную девицу, которой должен отдать все до последнего гроша. Я посмотрел на Энрико. Он тоже был в порядке. Пожал плечами в недоумении.

Ситуация становилась неловкой. Я обратился к ведьме:

— Что ты делаешь, дура?

Она замерла и взглянула мне прямо в глаза. В ее взгляде полыхала смесь злости и удивления.

— Может, хватит уже ерундой заниматься? Уйди с дороги, а не то пожалеешь.

Моя фраза привела ее в ярость. Она бросилась на меня с мечом.

Что поделать, некоторые люди не учатся на своих ошибках. Не могут признать своего поражения, в результате чего терпят его опять. Ошибка за ошибкой. А ведь некоторые из них могут иметь весьма печальные последствия. Горе-ведьма выбрала бой. Я был не против.

Я одним резким движением извлек из ножен клинок и занял оборонительную стойку. Мне просто захотелось посмотреть, на что способна моя противница. Может, треклятый оружейник, считая ее опасной, имел в виду не только колдовские чары. Она вдруг начала наносить частые удары, постоянно меняя позицию, а иногда даже делая пируэт. Парировать ее выпады оказалось делом нелегким, я едва справлялся. Получилось так, что это я совершил ошибку, позволив ей беспрепятственно атаковать меня.

Отбив очередной удар сверху, я отпрыгнул и швырнул ей под ноги кучу подвернувшихся под руку ящиков с каким-то гнильем. Она перепрыгнула это препятствие и изящно рассекла своим клинком воздух. Приглашала меня подойти ближе, перенять инициативу.

— Что ты смотришь?! — крикнул я Энрико. — Доставай арбалет и прикончи эту тварь!

Тот засуетился, но ведьма даже не поглядела в его сторону. Она сверлила меня взглядом и спустя пять секунд атаковала вновь. Я отбил удар и увел ее клинок в сторону. При этом успел пнуть ее в живот. Такого она не ожидала. Охнула и отскочила от меня, но острие ее меча все равно держалось в мою сторону. Я зашагал перед ней и изобразил на лице издевательскую улыбку. Думаю, если разъярить ее, то мастерство фехтования она заменит на слепую жестокую атаку, при которой легко совершить промах.

Отчасти этот план сработал. Моя насмешка заставила ее лицо скривиться от злости. Она мигом забыла про больной живот и бросилась в атаку. Но выпады ее по-прежнему были чертовски искусны. В одном из них она сумела так резко отдернуть свой меч от моего, что я не успел толком защититься. Смертоносная сталь миновала гарду и задела мои пальцы, сжимающие рукоять. По касательной, иначе мне пришлось бы драться только левой рукой. Я вскрикнул от боли. Теперь смеялась девица.

Кровь внутри меня будто закипела. Пора было показать ей, чего стоит мое умение махать мечом. Я кинулся вперед, замахнулся оружием, всем видом показывая, что собираюсь ударить справа. Но это был обманный маневр. В самый последний момент я совершил

быстрый разворот и ударил по другой стороне. Ее рыжей головы, как я планировал, этот удар не снес — она успела защититься и подставить клинок. Однако сила моего замаха и соприкосновение, вызвавшее сноп искр, лишили ее равновесия. Она отшатнулась, но я не дал ей возможности прийти в себя. Атаковал вновь. Подскочил к ней вплотную, заблокировал ее руку, сжимающую меч, и провел атаку лоб в лоб.

Ее клинок упал в грязь. Мне осталось нанести решающий удар. Таковым стал размашистый прилет моего кулака по ее челюсти. Не меча. Она упала в грязь и не шевелилась.

Я не успел почувствовать всей полноты своей победы, когда мимо моего уха пронесся арбалетный болт. Он воткнулся в грязь в двух метрах от лежащей ведьмы.

— Ты что делаешь, Энрико? Чуть не убил меня!

Вид у парня, восседающего на повозке, был, мягко говоря, обескураженным. И виноватым. Его оправданий я даже не слушал, было не до них. Я согнулся над поверженной девицей и поглядел на цепочку, что висела на ее тонкой шее. Металлическая цепочка являлась частью амулета, за который обещал заплатить хозяин оружейной лавки. Желанного для него камня я в действительности никогда не встречал, но не был уверен, что он не драгоценный. Он чем-то напоминал иссиня-черный опал, а в его глубине блестели некие вкрапления, отчего в мыслях сразу всплывали образы ясной звездной ночи, таинственного космоса. Отполированный овальный камень неизвестный мастер заключил в бронзовую оболочку.

Я снял с ведьмы ее странный амулет. Не без удовольствия обыскал карманы, но ничего ценного не нашел. Пришла пора убираться отсюда, пока грабители не начали приходить в себя.

Оружейник жаждал заполучить амулет, обещал заплатить за него половину суммы, отданной мной за информацию. Половину суммы? Да пошел он в преисподнюю. Этот скряга не заслуживает моих услуг. Возможно, амулет гораздо ценнее, чем кажется на первый взгляд. Узнаю это в Гелетии.

— Гони, Энрико! — закричал я, запрыгивая в повозку. — Пристань ждет нас!

— А оружейник?

— В медвежью задницу этого оружейника. По договору я должен убить ту рыжую идиотку. Если хочешь, иди, сделай это.

Энрико подстегнул лошадей.

Когда мы подъезжали к пристани, паром уже отчаливал.

— Стой! — крикнул я старому паромщику с густыми усами. — Нас возьми!

— Подождете, не развалитесь, — проворчал он с недовольством.

— Плачу двойную цену!

Паромщик пробурчал что-то еще и начал пришвартовывать свой здоровенный плот к берегу. Я даже помог ему уложить трап — время сейчас на вес золота, а старый пень еле шевелился. Наконец мы отправились на другую сторону реки. Саракс я провожал радостным взглядом, испытывая вполне закономерное облегчение.

Помимо нашего экипажа, на пароме стоял и другой, запряженный одной лошадью. Я разговорился с его владельцем — худощавым торговцем по имени Мартин, примерно моего же возраста. Всегда полезно узнать что-нибудь новое о стране, по которой придется путешествовать. Однажды я посещал Гелетию, но то был город, лежащий в тысяче километрах к северу — грандиозная цитадель Флагранг. И долго я там не задержался.

Отправился назад, к вольным городам и туманному побережью.

Мартин оказался бывалым путешественником и интересным собеседником. Я показал ему наш товар и поинтересовался, можно ли успешно реализовать его в Гелетии. Как оказалось, наши мнения были схожи.

— Трудно сказать, сколь много вы получите золота за свои ковры. Я бы не надеялся на приличное состояние. Тут дело в чем? Когда последний раз был в Меске, в столице Гелетии, я своими глазами видел пришедший из пустыни огромный караван, полный всевозможного добра. Целая торговая армия столпилась у городских стен. Путь через Мальдион безопаснее, но через Аккарские равнины гораздо удобнее и короче. Я не думаю, что подобные караваны очень редки: время сейчас тихое. Сколько я уже торговлей занимаюсь — всегда все гладко проходило. Разбойников, нам на радость, всех истребили.

Я улыбнулся уголком рта и кивнул. Истребили, как же.

— Так я, в принципе, и считал, — поделился я своим мнением. — Главная наша цель — далекая Парлания. Там-то уж точно наш товар нарасхват пойдет.

Мартин пожал плечами:

— Все возможно. Про ту страну знаю мало, но слышал, что торговля по великой реке сейчас затруднена. Там орудуют очень много пиратов и прочего мятежного сброда. Они захватывают суда и свозят добычу в свои горные крепости. Сухопутный же маршрут вполне безопасен, но слишком протяжен. У вас все может получиться. Значит, сейчас вы в Меску направляетесь?

Я утвердительно кивнул.

— Нам по пути. Я, правда, сойду с него раньше, но до того времени мы можем ехать рядом. Как вы на это смотрите?

Мне и Энрико эта идея показалась вполне здоровой. Может, удачливый путешественник Мартин еще чего вспомнит.

— А ты что везешь? — спросил я его.

— Два куса особого мрамора с горы Боннок. Заказчик и мой друг — великолепный скульптор из небольшого, но славного города, что скоро предстанет перед нами. Я покажу вам его работы, они заслуживают внимания.

Мрамор. Если Мартин постоянно возит что-то подобное, то легко понять, почему люди ножа и топора его не трогают. Сдались им эти куски камня. Остается только пожалеть его лошадь.

Паром причалил к маленькой неприглядной деревеньке, за которой виднелись пологие холмы, с засеянной на них пшеницей. Островки роцц на этих холмах ютились так аккуратно, что больше походили на приусадебные садики.

— Погодите, — сказал Мартин после моего замечания. — За холмами настоящий лес начнется. Густой и малообжитой. Здесь когда-то война была, во многом из-за такого богатства этой земли, как древесина. В Мальдионе-то с ней туговато.

Как мать встречает сына с войны, с той же радостью нас облепили гелетианские таможенники. Тыча нам в лицо налоговыми указами и вердиктами, они выманили у меня несколько монет, при этом не переставая намекать на возможность расплатиться нашим имуществом. Я вежливо отказался, при этом выразил уверенность, что другой купец — Мартин — вряд ли откажется от подобной сделки. Один из пограничников, вальяжно шагая, приблизился к Мартину и высказал ему такое предложение. Тот засмеялся и ответил, что согласен. Растерянное лицо пограничника, заглянувшего в его повозку, немного скрасило

уныние от хищнических пошпин.

Деревеньку мы покинули быстро. На этом настаивал я. Лучше заночевать в лесной чаще, чем так близко к беспокойному Сараксу. Наши повозки, покачиваясь на ухабах, миновали поля, старую лесопилку, несколько пустующих кособоких хижин и оказались на холмистом пустыре, изъеденном оврагами.

Пределов леса мы достигли перед самым закатом. Он действительно выглядел бесконечным — от горизонта до горизонта. Хотя далеко на западе виднелись башни какого-то замка, а сам лес, будучи лиственным, не казался чем-то страшным и непреодолимым. Дорога была наезженной и твердой. Лужи, конечно, встречались, но недавний дождь не сделал из нее подобия улиц Саракса.

Мартин неплохо знал эти места, так что поиски удобного места для ночлега не затянулись. Наш караван остановился у опушки перед маленьким лесным озером.

Время у костра пролетело незаметно. Мы долго беседовали с Мартином, делились своими историями. И небылицами. Многие аспекты своей жизни я, конечно же, опустил, да и последние события описывал достаточно туманно. Не стоило пугать Мартина, подробно рассказывая о наших с Энрико приключениях. Ибо не все проходило гладко.

Мартин многое нам поведал о событиях разной степени давности, происходивших на этой земле. О которых я слышал лишь краем уха и о которых совершенно не знал. Среди упоминаний о войнах, мятежах и интригах он обмолвился о гонениях на ведьм, проводимых и по сей день властями Гелетии. Я попросил рассказать об этом подробнее — мол, всегда интересно послушать о мистических вещах.

— Это началось лет девять назад. Тогда еще к колдунам и знахарям в Гелетии относились столь же лояльно, как и по настоящее время в Эллас-Амине, в Мальдионе. А стоило бы задуматься. Так вот, у короля Гелетии заболела дочь. Тяжело. Лекари оказались бессильны. Кто-то посоветовал пригласить ведьму, что славилась своей потусторонней силой. Ее привели, она исполнила какой-то ритуал и удалилась. Случилось чудо — принцесса на следующий же день пошла на поправку. Порозовели щечки, появилась улыбка. Можно жить да радоваться. Король хотел отблагодарить ведьму, как вдруг принцесса уснула, и разбудить ее никто не смог. Она спала, но ее сон был столь крепок, что положи ее рядом с извергающимся вулканом — она бы не очнулась.

В моей голове появилась такая картинка. Я усмехнулся, а Мартин продолжил:

— Так вот, принцесса спит, а король понимает, что виной всему ведьма. Ее находят, доставляют во дворец и требуют объяснений. Мол, как так-то? А та заявляет, что это заклятье, но она разбудит принцессу, если ей дадут власть, замки и телеги, груженные золотом. Наверное, и мужа молоденького да благородных кровей пожелала. В противном случае принцесса будет спать, пока не умрет от истощения. У короля от таких речей волосы на голове дыбом встали. Он подскочил к ведьме и ударил ее скипетром так, что та дух испустила. Ни земли, ни замки ей уже нужны не были. Но и принцесса не проснулась.

В королевский дворец стали сгонять других ведьм и колдунов, но те были бессильны. Король так осерчал, что приказывал под страхом смерти исцелить свою дочь. Полетели магические головы. Никто не хотел быть обезглавленным, так что ведьмы начали всячески избегать людей короля. А тот стал их искать. Пока принцесса спала, найденных ведьм привозили во дворец. Когда же Первозданный забрал ее, отряды эскорта стали просто карательными. Всех ведьм убивали на месте. И всех, кто им помогал. Вот так одна алчная ведьма наслала настоящее проклятие на свой род. Король тяжело переживал утрату

единственного ребенка и, говорят, обезумел. Сейчас на троне восседает его младший брат, но политика в отношении всякой магии осталась прежней. Как-никак, он племянницу потерял. Да и прежний король перед смертью завещал истребить всех ведьм.

— Интересная история, — согласился я. — Да только ведьма — это не всегда живущая в лесной избушке жуткая старуха со всклокоченными волосами. Это устоявшийся образ из сказок или рассказней крестьян, выставляющих так своих знахарей и ведуний. Есть ведьмы и ведьмаки, совершенно неотличимые от обычных людей. Да, я видел таких. Довольно много. Поэтому я считаю, что лучше уж, когда ведьма не боится сказать, что она ведьма. Хотя бы знаешь, как себя с ней вести. Или понимаешь, что лучше просто унести ноги от греха подальше.

На том наше обсуждение и закончилось. Приближалась полночь, так что пришла пора сна. Ввиду хорошей погоды я и Мартин улеглись на земле рядом с тлеющим костром. Энрико залез в повозку.

Вырубился я довольно быстро. Мне снилось, как принцесса с развевающимися рыжими волосами убегает от гремящего вулкана, исторгающего лаву и пепел. Она прыгает ко мне на руки, и я несу ее к лодке. Мы покидаем ужасный остров и плывем навстречу рассвету сквозь величественный голубой океан.

Я почувствовал на своем лице чье-то дыхание. Оно было едва уловимым, но годы, проведенные в опасных походах, дали мне особенное чутье, обостренное чувство опасности. Это невероятно ценное качество, и оно редко подводило меня. Не подвело и сейчас.

Я открыл глаза и в туманной предрассветной дымке увидел лицо, склонившееся ко мне. Лицо ведьмы из Саракса. Она держала в руке нож, занесенный надо мной. Проклятая тварь преследовала наш экипаж всю ночь, чтобы отомстить и перерезать мне горло! То, что я проснулся, оказалось для нее полной неожиданностью. Она вздрогнула и было отпрянула назад, но одновременно с этим я подался вперед, одной рукой схватил ее за запястье, другой вцепился ей в горло. Перевернулся и придавил злодейку к земле.

Мартин проснулся от звуков борьбы, рычания и моих ругательств. Он толком не понял, что происходит, и в страхе начал отползать от остатков костра.

— Энрико! — вскричал я.

Парень не заставил себя долго ждать. Он выскочил из повозки, чертыхнулся, увидев, что творится, и тут же бросился мне на помощь. Вырвал нож из руки ведьмы. Теперь ничто не мешало мне придушить злодейку голыми руками. Она поняла, что ее ждет, выпучила глаза от ужаса и попыталась что-то прохрипеть.

— Что ты там бормочешь, дрянь?! Страшно помирать? — сквозь зубы процедил я.

— Может, она хочет сказать что-то важное? — Энрико суетился вокруг меня.

— Знаю я, чего она хочет, но не стоило сюда приходить. — Я с победоносным видом смотрел ведьме прямо в глаза.

— Постой, Фосто, давай узнаем, — не унимался мой друг.

Я выдохнул с раздражением и ослабил хватку. Отпустил ее горло, взамен чего вытащил кинжал и схватил ее за шиворот.

— Что же ты хочешь мне сказать?

Ведьма закашлялась, когда ей вернулась способность дышать. Подал голос совершенно ошарашенный Мартин:

— Что тут творится, черт подери? Кто это такая?

— Это, Мартин, как раз то, что мы обсуждали вчера под звездами. Это мальдионская

ведьма, промышленяющая грабежом в окрестностях Саракса. Она умеет заговаривать зубы наивным паренкам вроде нашего Энрико, но со мной такой фокус не удался. Она чуть не похитила все наши товары. Потерпела неудачу, но не смирилась с этим. Теперь она пришла, чтобы нас убить и забрать кое-что назад.

Я обратился к ведьме:

— Я прав?

Она наконец заговорила:

— Нет-нет, то есть... Я хотела лишь забрать медальон. Я не стала бы никого убивать.

— Ну, Энрико, ты достаточно услышал? Могу я ее уже прикончить?

Пока Энрико соображал, что ответить, а ведьма просила пощады, вдруг заговорил

Мартин:

— Фосто, стой! Нет нужды пачкать руки в богомерзкой крови. За нас это могут сделать другие.

— Что ты, мне это совсем не доставляет проблем.

— Нет, ты не понимаешь. Я знаю деревню в этом лесу. Она недалеко от главной дороги. Там есть церковь и священник, что занимается истреблением ведьм. У него есть помощники, есть королевское разрешение. Ты, отдав ему эту ведьму, сможешь получить вознаграждение.

— А одной ее головы не хватит?

— Они проведут ритуал очищения и сожгут ее на костре.

— Хм, — задумался я.

— Этим поступком ты можешь завоевать уважение в столице. Я бы не стал пренебрегать такой возможностью. У деревни той мы будем сегодня вечером. Там и заночуем.

— Энрико, неси веревки! — крикнул я. — Твое желание сбылось, я не стану убивать эту девицу.

Ведьма было дернулась, но тщетно. Ее судьба была предрешена.

Глава 7. Пламя очищающее

Обитые железом колеса повозки скрипели на неровной дороге. Участок попался каменистый, и наше движение несколько замедлилось. Тяжелая телега Мартина ехала впереди. Мы обогнули крутой холм, на котором красовалась высокая сторожевая башня, и выехали на равнинную местность. Холмов почти не стало — их лесистые вершины, напоминающие волны, терялись где-то на юго-западе. По левую сторону от дороги лес не терял своей густоты, в то время как с правой то и дело попадались широкие просеки и опушки.

Мы миновали деревянный мост через небольшую речку, встретили хижину лесника у дороги, но вот прошло часа четыре, миновал полдень, а никаких поселений и избышек мы больше не встретили.

Солнце ярко освещало наш путь. Энрико держал поводья и постоянно морщился от слепящих лучей. Я же сидел внутри повозки и старался не сводить глаз с пленницы. Мы связали ей руки и ноги. Пару часов назад я заткнул ей рот кляпом, ибо увещевания ее начали меня сильно раздражать.

Скука от возложенной на меня обязанности мне тоже порядком надоела, но доверять такое дело Энрико я не мог. Ведьма могла взбаламутить парня, нашептать ему сладких речей, лишь бы спасти свою шкуру. И никто не гарантировал, что она не явится следующей ночью вновь. Моя безопасность куда важнее ее лживых, умоляющих глаз. Но раз ее магия на меня не действовала, я решил спокойно с ней побеседовать. Узнать побольше об ее мотивах и, если повезет, выведать о вероятных тайниках, где она хранила награбленное. Я сказал ей, убирая кляп:

— Если будешь продолжать взывать к моей жалости — я заткну тебя опять. Поняла?

С лицом, полным страдания, она закивала. Не человек, а лиса.

— Что за камень в твоём амулете? В нём твоя сила?

— Ты не слишком сведущ в магии. В нём нет никаких сил и нет никакой ценности. Он достался мне от покойной матери. В нём ценность лишь для меня. Из-за него я и искала тебя.

— А из-за этого? — Я залез рукой под один из ковров и достал ее меч с закрытой гардой.

— Мне плевать на него. Найду себе другой.

— Уже не найдешь, — злорадствовал я. — И в словах про амулет нет ни капли правды. Я многое повидал и чувствую, когда мне лгут.

— Думай как хочешь, Фосто. — Мое имя она произнесла с изрядной долей неприязни.

— Гм, да, я — Фосто. А тебя, стало быть, Алабелью зовут. Очень приятно.

Она удивилась:

— Кто назвал тебе мое имя?

— Один надежный человек.

— Это Астор Кальдеро, торговец оружием из Саракса? Вот ублюдок!

— Не знаю его имени. То есть с чего ты взяла, что это он?

— Он хочет заполучить мой медальон. Как и ты, считает, что он обладает некой силой.

— Ошибается?

Она демонстративно отвернула от меня лицо.

— Я слышал от надежного человека, что твоя банда обычно не обирает до нитки своих жертв. Если это правда, то отчего с нами вы поступили иначе?

Я увидел, как Энрико чуть повернул голову и наострил уши.

— Думаешь, если бы мы действовали более жестко, то смогли бы так долго промышлять этим? Над нами есть другие люди. Не будь глупцом.

— О, так в мерзопакостном Сараксе все официально? Что-то подобное я предполагал.

— С нас вдруг потребовали больше, чем обычно. И угрожали. Наши привычные методы тут не работали. Пришлось выкручиваться, и все равно мы еле справлялись.

— Не строй из себя жертву. Меня это только распаляет. Знаешь, что я понял из нашего разговора? Что у тебя за душой нет ни гроша, а у меня нет никаких причин оставлять тебя в живых.

Девушка растерянно заморгала, осознав свою ошибку. Тут же попыталась пойти на попятную:

— У меня есть золото. О нем не знают даже мои помощники. Много золота — мы целый год работали в городе. Купцов проезжало столько, что нам хватало с избытком. Я все расскажу, если отпустишь меня.

Я зевнул. Дальнейшую ложь слушать даже не хотелось.

— Еще одна твоя ошибка в том, что при мне нет амулета. Я обменял его на кучу серебра у твоего друга-оружейника. Ты зря пожертвовала своей жизнью, Алабель.

— Врешь! — вдруг вскричала она. — Я чувствую, что он у тебя. Ощущаю это каждой каплей своей крови. Ты не смог бы спрятаться с ним даже в самой глубокой и затерянной пещере!

В ее словах сквозило столько эмоций, что я вернул кляп на место. Не хватало мне только проклятий, исторгаемых нечестивой ведьмой.

Заканчивался очередной день путешествия. Я начал беспокоиться, что и эту ночь придется провести в лесу, не смыкая глаз. Мои опасения не подтвердились. Мартин остановил свою повозку и указал на развилку. От основной дороги отделялась тропа, уводящая глубоко в темный лес. Никаких указателей и строений я не наблюдал.

— И далеко до той деревни в лес заезжать? — спросил я у торговца мрамором.

Мартин махнул рукой:

— Что ты, еще солнце не сядет, как мы будем там. Всего пара километров. Можно попроситься на ночлег в любой дом — там нас накормят и дадут лучшее место для сна. Я пару раз уже бывал там.

— А на суде над ведьмами присутствовал?

— Нет, это не такое частое явление, как ты думаешь. И нашу ведьму казнят, скорее всего, через несколько дней. Мы и на этой казни не побываем.

— Какая жалость! — громко сказал я.

Мы направились по извилистой узкой тропе в сторону деревни. Солнце нам больше не докучало. А жаль.

Становилось все темнее и темнее. Угрозило же кого-то поселиться здесь, в окружении вековых дубов и хищных зверей. Даже указатель не удосужились поставить. Нашествия мальдионцев боятся, что ли?

За очередным поворотом из-за непролазных кустов появились наконец признаки человеческого присутствия. По сторонам от дороги, словно входные ворота, возвышались два массивных деревянных столба. В верхней их части были вырезаны изображения мужского и

женского лица. Одно с бородой, другое с косами. Прodelана работа была довольно топорно, но суть улавливалась.

За «воротами» начиналось очищенное от дикой растительности пространство. Виднелись покосившиеся домики, пустующая кузня. Стояла тревожная тишина, прерываемая лишь робким пересвистом птиц и сопением лошадей.

Мы проехали мимо деревенской площади, в центре которой был врыт черный столб с небольшими перекладинами. Его окружало кольцо из уложенных друг к другу камней. Между камнями и столбом было полно всякого мусора: обгорелых поленьев, веток и кирпичной крошки. Место, где ведьм отправляли на встречу с властителем преисподней. Самым ужасным образом.

— Где люди, Фосто? — недоумевал Энрико.

— Может, болезнь какая пролетела. Эй, Мартин, куда весь народ подевался?!

— Наверняка на службе в церкви! — последовал ответный крик.

Все возможно. Но на душе было паршиво. Наши лошади поковыляли дальше.

Высокая рубленая церковь располагалась неподалеку. На ее строительство люди явно не сэкономили ни средств, ни сил. Про их жилища я такого сказать не мог. У церкви была двускатная черепичная крыша, увенчанная квадратной колокольней. Вершину колокольни также украшала своеобразная башенка.

Когда мы подъехали к дверям этого храма, через кладбище и широкое поле еще проникали последние солнечные лучи, а небо на западе окрасилось в багровый цвет.

Мы слезли со своих повозок. Перед тем как спрыгнуть на землю, я проверил путы, что сковывали Алабель. Их надежность не вызывала беспокойства.

— Я покину тебя на полминуты. Не дай бог ты попробуешь сбежать, попробуешь разрезать веревки. Я проверю, и если что-то меня не устроит, то отсеку тебе ступни. Все поняла?

Я удовлетворился кивком своей пленницы и присоединился к Энрико и Мартину.

— Ни одного огонька, — с тоской заметил я.

Видно было, что Мартин тоже озабочен происходящим. Он подошел к дверям церкви. Я следовал за ним. Войдя внутрь, мы увидели лишь сумрак, царящий там. Высоко над алтарем виднелось круглое окно, благодаря которому церковь освещалась днем.

— Святой отец! Святой отец Бенедикт! — крикнул Мартин.

Обращение в пустоту. Кроме нас, в странной деревне не было никого. Даже собак.

— Ни святого отца, ни святой матери. Вообще ничего святого здесь нет. — Я был раздражен нашей ошибкой. — Я даже ночевать здесь не собираюсь. Сделаем факел и поведем наш обоз обратно к большой дороге.

— Поддерживаю, — только и произнес Энрико.

Но тут случилось невообразимое — двери церкви захлопнулись сами по себе. С такой силой, что раздался грохот. Вместе со створами дрогнули наши сердца. Вся наша троица кинулась к выходу, но тщетно — кто-то крепко-накрепко запер двери с другой стороны.

Мартин принялся читать вслух молитву Первозданному, а Энрико заметался в сумеречной темноте. Я, хоть и пытался сохранить присутствие духа, был серьезно встревожен. В месте, где истребляли зло, ощущалось присутствие нечистой силы. Неужели это как-то связано с Алабелью?

Сквозь незримые щели под полом вдруг повалил густой белый дым. Церковь подожгли. Подожгли так легко, будто вся она была облита горючим маслом. Дым необычайно быстро

заполнял помещение. Я хотел броситься прочь, найти другой выход, но ноги вдруг перестали меня слушаться, а глаза заволокло туман. Я оглянулся на своих спутников. Энрико, по-видимому, уже лежал на полу, а вот Мартин все еще пошатывался и пытался что-то мне сказать. Дым дурманил и лишал воли. Я потерял сознание.

Голова раскалывалась, а к векам будто привязали кирпичи. Что-то сдавливало шею. Я хотел открыть глаза, но чувствовал такую слабость, что не мог даже голову держать прямо. Сквозь пелену бессилия и отчаяния я сумел различить гвалт голосов, окружающих меня. Слышались какие-то песнопения на непонятном и грубом языке, не имеющем ничего общего даже с древнеимперским.

Первым, что я увидел, когда зрение начало ко мне возвращаться, был черный столб на деревенской площади. Вокруг него горели факелы, носились неясные силуэты. Я набрался сил и попытался встать. Безуспешно. Мое тело сковали путы. Я сидел на земле с вытянутыми ногами, но руки и шея были привязаны к невысокому столбу с перекладиной, которого раньше здесь не было. Я оглянулся через правое плечо, но увидел лишь темноту, оглянулся через левое — и увидел своих товарищей по несчастью. Мартин и Энрико. Их связали так же, как и меня. И они тоже начали приходить в себя.

Вдруг прямо перед моим взором возникло лицо безобразной женщины с крючковатым носом. Я вскрикнул от неожиданности, а она дико захохотала и бросилась к центру площади. Это определенно была ведьма. Безумная и отвратительная. Мы привезли Алабель прямо к ее сородичам.

— Они просыпаются! Они просыпаются! — заверещала колдунья, созывая своих сестер.

Нас тут же окружили бесноватые твари в бесформенных одеждах. Их лица перекосились от злобных и довольных гримас.

— Что здесь творится?! Кто вы такие?! — с неподдельным ужасом закричал очнувшийся Мартин.

Ответом ему послужил лишь издевательский хохот со всех сторон.

— Это ведьмы, Мартин. Целая куча проклятых ведьм, — пояснил я, тяжело вздыхая. Тут же получил удар в лицо.

— А церковь? Ведь церковь горела!

— Ради жалкого обеда мы не будем сжигать наше святилище, — прошипела одна из тварей с изрезанным лицом. — Вы считаете, что это церковь вашего божества, но за сотни лет до этого здесь поклонялись Эрхивиану. Повелителю демонов!

Ведьма безостановочно принялась хохотать.

— Повелителю сумасшедших! — выпалил я и получил очередную порцию болезненных тычков. Одна из уродин чуть не выцарапала мне глаза.

Энрико еще полностью не пришел в сознание. Он со стоном пытался поднять голову. Мартин уже был на грани истерики. Принялся читать молитву, оберегающую от зла, но тут же замолчал, увидев вышедшего из толпы ведьм черного жреца.

То был колдун в маске из куска козлиного черепа и ветхих тряпок. С его плеч свисала серая роба, а в руке он сжимал длинный кривой посох с навершием из человеческого черепа.

— Вы осквернили своим присутствием священную землю, — произнес он низким голосом. — За это ваши души отправятся к Хозяину Ночи, а тела сгорят и послужат пищей для его верных слуг.

— Может, я лучше пару оленей для вас подстрелю? — предложил я. — Они вкуснее, и мяса в них несравненно больше.

— Молчи! — рявкнул жрец и ударил меня посохом. Не то чтобы сильно, но соприкосновение живого черепа с мертвым получилось весьма болезненным.

— Значит, всех прежних обитателей деревни вы тоже убили и сожрали? Как же вам это удалось? — не унимался я.

Энрико очнулся и заверещал, услышав мои слова и увидев творящуюся вокруг вакханалию.

— Они погрязли во лжи и неведении, — с чувством отвечал мне жрец. — Их нельзя было спасти, они отрицали силу, что сокрыта в земле. А ты, неугомонный, первым примешь очищение. Первым отправишься в подземное царство.

Он указал своим прислужницам на меня. Те только этого и ждали.

— Отец Бенедикт, это вы?! — Мартин вдруг распознал голос предводителя ведьм.

Жрец резко повернул свою голову к пленнику:

— Того, кого знали под именем отца Бенедикта, больше нет. Есть лишь сила, что ведет меня к вечной жизни. Сила могучая, всепрощающая и безмерная. Сила, которую отрицают лишь глупцы, не желающие спасения. Кто ты такой, чтобы называть меня по давно забытому имени?

— Но... прошлым летом... Я бывал здесь. Я Мартин, торговец. Здесь все было в порядке. Вы собирались сжечь какую-то колдунью и приглашали меня посмотреть на это.

— Заткнись! — заорал жрец Бенедикт. — Схватите его и несите к костру!

Ведьмы переметнулись от меня к Мартину. Тот завопил:

— Что? Нет, простите меня! Я точно ошибся, я не знаю вас! Отпустите!

Поздно. Из его столба выбили перемычку, и связанного пленника потащили к центральному столбу. Тот упирался и заваливался, но ведьмы обладали поистине нечеловеческой силой. Они с легкостью подняли и закрепили его тело на черном столбе. Принялись укладывать вокруг кучу хвороста и дров. Все было готово к страшному ритуалу. Мартин молил о пощаде, но его никто не слушал. Одна из ведьм поднесла факел к костру. Пламя начало разгораться, вверх повалил едкий дым.

Зрелище было кошмарным. Мое тело била крупная дрожь: ведь следующим точно буду я. Проклятые узлы на руках не поддавались. Я рвался всем телом, рычал, как зверь, но чем сильнее дергался, тем больше осознавал собственное бессилие. Энрико, услышав, как завизжал Мартин, когда пламя подобралось к его ногам, разрыдался.

Слуги Эрхивиана неистовствовали. Они выкрикивали заклятья и улюлюкали, предвкушая славный пир. Три блюда, одно из которых — я.

Глава 8. Аристократы

Мысли беспорядочно метались в моей голове. От них не было проку, все мои умения и таланты сейчас не имели никакой ценности. Их без усилий одолел дурманящий колдовской дым. Я пытался напоследок вспомнить что-нибудь хорошее в своей жизни, но будто потерял память. Страх смерти, да еще столь ужасной, не давал сосредоточиться. В моем прошлом был момент, когда пламя окружило меня и грозило испепелить, но с нынешним бедственным положением это имело мало общего. Я обездвижен. Я лишен возможности что-то исправить. Горький ком подступил к горлу, и даже стенания Энрико не вызывали у меня раздражения.

Мартин больше не кричал. Он довольно быстро задохнулся от дыма, и теперь огонь пожирал уже безжизненное тело. Пламя достигло вершины столба.

Столько сомнений и тревог, путешествий и битв — все ради того, чтобы сгинуть в гелетианском лесу. Сгинуть в желудках мерзких тварей. Ожидаемо? Нет. Несправедливо? Кто ж теперь знает. Вот с Энрико загвоздка. Этот паренек точно ни в чем не виноват. Я подбил его на этот путь и жестоко подвел. Он такой участи точно не заслужил. Самую серьезную ошибку совершил Мартин: он привез нас в адскую деревню. Но за сей поступок он уже заплатил непомерную цену. Сейчас ведьмы перестанут плясать перед его трупом и обратят свой взор на меня. Самообладание мое было на грани краха.

— Пс-с, Фосто, — услышал я шепот из кустов позади меня. — Слышишь меня?

Голос принадлежал Алабели. Она почему-то пряталась от других ведьм. Я повернул голову и кивнул.

— У меня к тебе сделка.

— Внимательно слушаю, — прохрипел я, пытаюсь сдержать дрожь в голосе.

— Я освобожу тебя и отдам твой меч. Мы вступим в схватку с этими отродьями. Если победим — ты отдашь мне медальон и позволишь пойти с вами.

Я своим ушам не поверил. Осознав все, затараторил:

— Ты понимаешь, что перед такой смертью я готов согласиться на что угодно. Готов как угодно лгать. Но это не тот случай. Я клянусь, что выполню эти условия. Я отдам тебе амулет. Освободи, пока они заняты другим. Молю.

Я почувствовал, как Алабель разрезает мои путы, как освобождаются мои руки, шея. Как в ладонь ложится рукоять проверенного временем меча.

— Давай покажем тварям, на что мы способны, — сжав губы от злости, произнес я.

Я зашел с правой стороны от главного столба. Все ведьмы стояли ко мне спиной. Одна вдруг что-то почувствовала и повернулась. Зашипела, увидев меня с мечом, сталь которого сверкала под обжигающим пламенем.

Одним резким взмахом я снес ее голову. И пока враги только обратили на меня внимание, я с безумной яростью принялся рубить, кромсать и колоть их. Почти никто из них не бросился бежать. Напротив, они кинулись в атаку, будто их длинные когти казались им эффективнее моего клинка.

Действительно, нападали они невероятно быстро и слаженно. Одна сумела расплосовать мне спину. Но они не до конца поняли, на кого напали. Я уходил от их ударов и наносил свои — рассекающие и смертельные. Мельком взглянул в сторону Алабели. Она сражалась не менее искусно. Вокруг нее лежали четыре заколотых ведьмы. Оставшиеся в

живых не могли к ней подобраться — клинок Алабели походил на веер, приблизившись к которому неосторожные твари лишались головы.

Что ж, я тоже не посрамил себя. Отсек ведьме с изуродованным лицом занесенную для удара руку, молниеносным движением вонзил клинок в напавшего со спины врага и тут же добил визжащую однурукую.

Передо мной, закрываясь посохом, стоял жрец в серой робе. Я выбил у него посох и пронзил его грудь. Сопроводил дергающееся в конвульсиях тело до большого костра и бросил его в огонь, вырвав клинок с помощью ноги. Он еще был жив, когда загорелась его одежда, а кожа начала шипеть и трескаться под безжалостным пламенем. Жрец заорал, попытался выбраться, но не смог и в страшных муках испустил дух.

Все было кончено. Ведьмы, решившие сопротивляться мне и Алабели, отправились напрямиком к столь почитаемому ими владыке преисподней. Кто-то еще корчился на земле, но на это я даже не обращал внимания.

Я стоял напротив Алабели, пытающейся отдышаться после продолжительного сражения. Она взглянула на меня, на мой клинок, с острия которого капала темная кровь. Я вздохнул, вонзил свой меч в землю и достал из-за пазухи амулет с необычным камнем. Протянул ей. Алабель чуть склонила голову в благодарность за это и взяла принадлежащую ей реликвию.

Энрико же толком и понять не успел, что произошло. Его лицо приобрело нездоровый, землистый оттенок, и даже после освобождения от веревок он не проронил ни слова. Сидел и молчал, глядя куда-то в темноту. Пока парень приходил в себя, я посохом жреца Бенедикта разворошил костер и раскидал горящий хворост, чтобы его потушить. Рубанул по веревкам, дабы тело Мартина рухнуло на землю, а не висело, словно кабан на вертеле.

Я подошел к Алабели.

— Слушай, ты можешь забрать повозку и лошадь нашего погибшего приятеля. Мы дадим тебе еды и несколько монет, если хочешь. Ступай с миром в любую сторону — хоть в Саракс, хоть к вольным городам.

— Ты обещал другое.

— Зачем тебе идти с нами? Не понимаю.

— Меня ничто не держит в Сараксе, и ждет там меня лишь смерть. Не будет ничего хорошего и от путешествия по Гелетии в одиночку. Таким, как я, непросто в этом мире. И я сейчас не про магические способности.

— Понимаю. Но ты должна знать, что направляемся мы далеко на север. Не Меска наша главная цель.

— Мне все равно.

Я развел руками. В конце концов, она спасла мне жизнь.

— Учитывая твою роль и заслугу в том, что мы не запеклись, как бедняга Мартин, я не могу отказать тебе. Энрико, вставай уже! Познакомься с нашей новой спутницей. Повторяю: спутницей, а не торговым партнером.

Я подошел к нашей повозке и испуганным лошадям. Посмотрел на телегу Мартина и после недолгих раздумий распряг его лошадь. Разве можно оставлять ее одну? Лучше продать в ближайшем городе.

Настроение Энрико едва ли улучшилось, но наконец он нашел в себе силы подойти ко мне и спросить:

— Как же товар Мартина? Ведь мы можем в память о нем отвезти мрамор к скульптору.

Так было бы правильно.

Я потер свой лоб.

— Ага, может, и правильно. Но ты опять не думаешь о последствиях. Что, если его друг-скульптор не поверит нам? Тогда, Энрико, ты отправишься с костра на виселицу. Я предпочитаю поступать не правильно, а разумно.

— А его тело. Надо похоронить его.

— Занимайся, — ответил я усталым голосом. — Потом догонишь нас. Я бы не рисковал здесь оставаться. Чего доброго, к ведьмам подмога подойдет.

Этих доводов оказалось достаточно, чтобы черед глупых вопросов закончилась. Мы с максимальной возможной поспешностью отправились прочь от проклятой деревни.

До самого рассвета мы не делали привала, не давали покоя лошадям, не смыкали глаз. Я просто не мог заставить себя погрузиться в сон, даже когда не управлял повозкой. Во тьме мне мерещились неясные образы, тени, преследующие нас. Всю ночь я провел в состоянии полной боевой готовности. Готовности защищать свою жизнь до последней капли крови. Алабель успокаивала меня и твердила, что за нами никто не следит, но я мог доверять только себе.

С первыми лучами солнца усталость и нервное перенапряжение взяли свое. Мы остановились прямо у дороги. Освободили лошадей от упряжи. Первое дежурство посредством жребия выпало Энрико, и я сразу же отключился.

Разбудил меня шум снаружи повозки. Я вскочил, выглянул из-за полога и увидел, как мимо нас в противоположную сторону проезжает экипаж. Пожилой кучер со своим помощником или сыном. Везли они какие-то бочки. Энрико, который должен был следить за обстановкой и разбудить меня через несколько часов, ожидаемо уснул. Было уже не утро — полдень.

— День добрый, странники! — поприветствовал меня и моих спящих путников кучер и приподнял соломенную шляпу. Энрико, наверное, не разбудил бы сейчас и раскат грома.

— Добрый, друг, — поднял я руку. Шляпы у меня не было.

— Как дорога, безопасна? — вдруг спросил старик, замедляя лошадей.

Что ж тебе ответить? Что теперь, видимо, да?

— А вы за лес, к границе едете?

Старик кивнул.

— Вполне безопасна. Вы, главное, с дороги не съезжайте — зверья тут много дикого.

На том беседа и закончилась. Телега с бочками отправилась дальше, а я шлепнул ладонью Энрико. По его кудрявой глупой голове, которую даже страх смерти не заставляет прочнее держаться на шее. Тот проснулся, испуганно заморгал.

— Что? Что, Фосто?

— Где лошади, Энрико? По-моему, они отвязались и убежали в лес. Так что теперь потащит нас виновный в этом.

Со скоростью стрелы парень соскочил с повозки. И испытал огромное облегчение, увидев лежащих в траве лошадей, сгруппировавшихся за задними колесами нашего экипажа.

— Ха, это шутка! Черт, я испугался.

Я даже отвечать ему не стал. В желудке сильно заурчало.

Не прошло и получаса с момента пробуждения, как мы двинулись дальше. Все трое сидели на облучке и глазели на дорогу. Молчание длилось недолго — я решил прояснить некоторые моменты из жизни нашей новой подруги.

— Где же ты так мечом махать научилась?

— О, это давняя история. Даже рассказывать ее не хочу.

Отлично. Прояснил.

— А в том лесу... ты не думала, что убиваешь своих сородичей?

— Сошел с ума? У меня не может быть ничего общего с теми чудовищами. И их обычаями.

— А твои друзья, сообщники по грабёжам? Ты так легко их бросила. Тебя с ними вообще ничто не связывает?

— Ты спрашиваешь, есть ли среди них мой любовник?

— В любом смысле. Ты с ними целый год добычу делила.

— Скорее, они со мной. Это я вкалывала в этом дрянном городе, а помощники мои... Они как артисты в театре. Могут кого-нибудь ограбить, но только самым обычным способом. Вплоть до кровопускания. Я же действовала иначе и часто одна. Это было мое наказание, и наказание для них — то, что мы действовали вместе.

— Они чем-то провинились? И ты?

— Попыталась обчистить не того человека, — закивала Алабель.

— На днях ты наступила на те же грабли.

Алабель хмыкнула в ответ.

— Вот Энрико, — я обнял своего торгового партнера за плечи, — на ошибках потихоньку учиться. Правда, друг? Надеюсь, ты усвоил, как коварен девичий взгляд? То-то.

— По правде говоря, я удивилась, что моя способность совсем не подействовала на тебя, Фосто, — посетовала Алабель. — Есть устойчивые к этому люди, но даже они хоть что-то ощущают: начинают тереть виски или трясти головой. Ты же ничего не почувствовал.

— Ничего, — согласился я и вдруг предложил: — А вот попробуй на Энрико снова подействовать.

— Лучше не надо, — пролепетал мой друг.

— Да брось, — я взял у него поводья. — Давай, Алабель, заставь его поверить, что он лягушка. Заставь его квакать.

Меня самого это предложение рассмешило. Но Алабель, отсмеявшись, посерьезнела. Так как я сидел между ними, она вытянулась и взглянула Энрико в глаза.

— Смотри на меня, — сказала она и подняла руку перед его лицом. Зажмурилась. Секунд десять молчала, а потом произнесла едва слышимые магические слова. Добавила громче: — Пока я перед тобой, Энрико из Дирейма, ты не сможешь произнести ни одного человеческого слова. Ты будешь разговаривать по-лягушачьи. До самого заката.

Я еле сдерживал смех, только представив, как бедный парень в ужасе квакает до захода солнца. Ну, или молчит, что я бы делал на его месте.

Алабель заняла прежнее положение, а Энрико с опаской поглядывал на нас.

— Ну, — я испытывал любопытство, — скажи, Энрико, в каком городе мы хотим продать все наши ковры?

Он собрался с духом и ответил:

— В Берсене. Уф, я все же нормально разговариваю.

Алабель пожала плечами:

— Это что-то невиданное. Будто с тобой, Фосто, вся моя магия испаряется. Когда я преследовала вас, паромщику я не заплатила ни гроша. И переплывал он реку так быстро, словно на другом берегу его ждал сундук золота.

Что ж, противостоять колдовству — весьма полезная способность. Жаль, что я не задумывался о ней раньше.

— А ты, Фосто, не поведаешь мне, где обучился так драться? — после недолгой паузы спросила чародейка.

— Отчего же? Я не так скрытен, как ты. Меня с детства обучал этому лучший фехтовальщик вольных городов. Видишь ли, я когда-то был настоящим аристократом, но несчастная любовь и месть вынудили меня покинуть родные края и стать бродягой, торгующим коврами.

Алабель с прищуром смотрела на меня. Энрико качал головой из стороны в сторону — мол, как же ты надоел со своими историями. Я лишь улыбался.

На следующий день мы покинули пределы леса. Я с облегчением провожал взглядом его опасные чертоги. Если придется возвращаться в Мальдион, я ни за что не выберу этой дороги. Ибо очень давно я не испытывал подобного отчаяния, как той ночью перед ведьмовским костром.

Стали чаще встречаться поселения, поля и сторожки. Люди занимались своей рутинной работой. Земледельцы Гелетии мало чем отличались от земледельцев других стран. Тот же труд с рассвета до заката, те же повинности. Разве что овощи на рынках иногда попадались диковинные. Земля здесь гораздо плодороднее, чем в Мальдионе.

Через пару дней мы заехали в город, где жил скульптор, друг Мартина. Я продал его лошадь, при этом бессовестно воспользовался способностями Алабели, чтобы завысить цену. Она оказалась весьма смышленной девушкой. И храброй, потому что не побоялась применить свой дар в Гелетии. Я стоял поодаль и наблюдал, как полноватый ремесленник расстаётся со значительной частью содержимого кошелька. Все прошло гладко. Заночевали мы на постоялом дворе вне города. Фортуны стоило иногда трясти, но не насиловать.

Благодаря дорожным табличкам мы подсчитали, что до Мески осталось шесть-семь дней пути. Провизии хватало, так что мы решили не ночевать в деревнях и придорожных гостиницах, а побережь деньжата до столицы. Там и отдохнуть славно можно, и поторговать, как в последний раз. Кто знает, может, и не придется нам топать до северного моря.

Меска — это больше, чем столица непримечательного королевства. В свое время там была резиденция одного из величайших императоров Нардарии — Хантала Третьего, прозванного Светлым. Насколько я помню, не за цвет волос. Наследие замечательных правителей древности не исчезает бесследно: Меска славилась богатством, красотой строений и величием стен, дворцов и храмов. Золотишка там было в избытке.

Но не только о торговых делах задумывались отважные путешественники. Во время пути я все чаще стал замечать особенные взгляды, которыми Энрико одаривает миловидную чародейку. Когда мы решили искупаться в реке, естественно, отдельно друг от друга, парнишка весь извелся, пытаясь разглядеть сквозь камыши голое тело Алабели. Глядя на такое безобразие, я абсолютно не сомневался, что в Сараксе девица могла и не применять магии. Обойтись одним жалостливым взглядом.

В один из дней, когда обработанные поля вновь сменил лес (скорее, даже роща), а небо посерело от туч, у нашей повозки отвалилось колесо. Я в это время лежал на коврах, недалеко от Алабели, и неожиданный удар борта о землю застал меня врасплох. Мы с девицей сшиблись лбами. Я вскочил и закричал:

— Стой, Энрико, тяни поводья!

Повреждение оказалось не то чтобы серьезным, но в полевых условиях исправить его

без инструментов было непросто. Я кое-как поставил колесо на место, вбил клин, но надежность ремонта вызывала справедливые опасения. Мы поехали очень аккуратно, стараясь избегать выбоин и рытвин. Предстояло лишь добраться до какого-нибудь поселения. Я был уверен, что незначительная проблема не сильно нас замедлит. Но я не учел того, что последнее время нам чертовски везет на приключения.

Крик о помощи услышала Алабель. При всей своей чуткости, я улавливал в роще лишь шум листвы и порывы легкого ветра.

— Кто-то в беде, — сказала она.

— Я ничего не слышу. Брось, тебе мерещится.

— Нет, надо остановиться. — И не успел я возразить, как наша спутница выскочила из повозки. Делать нечего — я побрел за ней.

Чем дальше я продирался сквозь кусты, тем больше убеждался в том, что Алабель была права. Поначалу я принял этот звук за необычный крик далекой птицы, но стоило пройти пару десятков метров, как я действительно разобрал чей-то зов о помощи.

Первой к нему подскочила Алабель. Это был молодой и рослый рыцарь, лежащий среди гнилых стволов и лесного мха. На нем были дорогие пластинчатые доспехи и сюрко с гербом. Синий грифон на белом фоне. Белый фон, правда, сильно запачкался, но главная причина плохого самочувствия рыцаря крылась в ином — из-под его шлема виднелись засохшие ручейки обильно сочившейся по лицу крови. На самом шлеме была приличная вмятина, которой не заработать простым падением с лошади. Кто-то саданул его по башке чем-то тяжелым. Других повреждений на доспехах я не заметил.

Рыцарь увидел склонившуюся над ним Алабель и произнес еле слышно:

— О, мой ангел. Я умираю?

Та принялась его успокаивать, а я сокрушенно вздохнул и закрыл лицо ладонью. Не доехать нам до Мески спокойно.

— Надо снять шлем, — пробормотала чародейка.

Рыцарь вдруг завозился и увидел меня. Пытался протестовать:

— Нет, не надо. Там все разбито. Такая боль. Я боюсь...

— Боишься, что мозги вытекут, — закончил я за него. — Если бы там была серьезная пробоина, ты бы сейчас не шевелился. И не разговаривал. Рану надо перебинтовать.

Я позвал Энрико. Алабель мало поможет в транспортировке такой железяки.

Когда мы с немалым трудом дотащили раненого до повозки, уложили его и замотали голову чистой тряпкой, я наконец смог задать ему несколько вопросов. Не хватало только, чтобы мы нарвались по дороге на толпу разбойников.

— Имя свое помнишь?

Рыцарь, сморщившись от боли, закивал:

— Конечно. Райнер Хамвольд. Таково мое имя. Я господин замка Остерат. Отвезите меня туда, я отблагодарю вас.

— Кто тебя так приложил? Разбойники?

— Кто же еще. Они подло напали. Их было много, а я один. Но я не дался им без боя. Их прибывало все больше и больше, пока они полностью не окружили меня. Я получил рану. Пришлось спасаться — они не оставили бы меня в живых. Я скажу вам, как проехать к замку.

— Они рядом, эти разбойники?

— Нет, я бежал очень долго, они давно отстали. Их логово далеко. Бежал, пока силы не

оставили меня.

— Ты пошел один против целой банды?

— У меня был конь. Был конь...

Занятная история получалась, но дальнейшие расспросы прервала бесцеремонная Алабель. Она оттолкнула меня и принялась ухаживать за раненым рыцарем: вскипятила воду с какими-то травами, смочила кусок ткани и заменила прежнюю повязку. Рыцарь едва успел рассказать нам, как проехать к замку, прежде чем потерял сознание.

Мысль о вознаграждении за спасение феодала бредила душой, но пока я его не получил, меня терзали сомнения. Недоверие к незнакомцам плотно укоренилось у меня в сознании. Это не какой-то Мартин, торгующий камнем. Это высокомерный рыцарь, черт его дери.

Глава 9. Остерат

Нам пришлось сделать приличный крюк. Мы обогнули рошу, в которой подобрали полуживого рыцаря, и повернули не на восток, к столице, а на запад — к замку Остерат. Райнер Хамвольд то приходил в себя, то вновь отключался. Я начал переживать, как бы к его фамильным владениям не привезти труп. Уж очень не любят сильные мира сего плохих вестей. Однако спустя сутки Райнер почти полностью пришел в себя. Его перестали терзать страшные боли, он уже не впадал в беспамятство. Крепости его молодого организма можно только позавидовать. Естественно, он сильно переживал потерю своего боевого коня. Все время клялся отомстить. Он жаждал чуть ли не сразу, как попадет в замок, вновь вооружиться и отправиться «добивать недобитых». Я надеюсь, что в следующий раз он возьмет каких-нибудь помощников, потому что не геройство сильно раздражает врагов, а самоуверенность. Подобного счастливого спасения уже вряд ли стоит ждать.

Я знал похожих героев, которые всегда атаковали вражеский строй первыми. Врубались на огромном коне в ряды копейщиков, круша и уничтожая. Пешими прыгали грудью на щиты, размахивая оружием направо и налево. И все не для того, чтобы их не могли упрекнуть в трусости или бездействии, — все для того, чтобы быть лучшими. Я же считал, что главная задача воина в битве — сохранить строй, а в беспорядочной рубке — прикрыть спину рядом стоящего сослуживца. Потому что каким бы мастерством ты ни обладал, спастись в подобной заварушке в одиночку не получится. В конце концов, героев выбивали из седла, закалывали толпой, и звание нового бога войны переходило к другому яростному бойцу, везучему до поры до времени.

В случае с Райнером все было несколько иначе. Мне казалось, что он заметно привирает о своих подвигах, превращая одного противника во вражеский отряд, а полуголых разбойников — в отлично экипированных злодеев, но высказывать ему это вслух я, по понятным причинам, не собирался. Воспользуемся его щедростью, если таковая обнаружится, починим колесо и тронемся к столице.

Придя в себя, благородный рыцарь постоянно сыпал комплиментами в сторону Алабели. Это раздражало меня гораздо больше его великого жизнеописания. Среди «прекрасной спасительницы», «королевы цветов», «самого совершенства» встречались и совсем уж заковыристые восхищения, которые можно было понять, лишь хорошо зная фольклор этой гелетианской провинции. Алабель в ответ на это томно вздыхала, сверкала глазками и мило улыбалась. Знал бы этот рыцарь, что за девица сидит перед ним.

— Понял, Энрико, — говорил я другу, — что тебе нужно для того, чтобы завоевать Алабель? Пустая болтовня и разбитая черепушка!

Мне казалось, что еще немного, и Райнер Хамвольд признается ей в вечной любви, попросит руки и сердца и сделает ее леди Хамвольд. Я совсем не был против, если бы Алабель покинула нас, но прекрасно знал, что этому не бывать. В Остерате она станет его наложницей, а не супругой. Если, конечно, ее это устроит. В противном случае она отсечет ему яйца.

К центру владений Хамвольдов мы добрались перед самым вечером. Остерат представлял собой небольшую, но хорошо укрепленную крепость на живописном холме, окруженном полями, деревьями и рошицами. С высокого донжона местность наверняка просматривалась на десятки километров во все стороны. Судя же по тому, что на домики

простых жителей можно смотреть без содрогания, деньжата у Райнера водились.

Замковые ворота были отворены. Нас остановил скучающий сержант в длинной кольчуге и шапеле. Узнал, что везем. Тут же его скука развеялась, а шапель от излишней спешки слетел с головы. Он со всех ног бросился в замок, созывая врачей, пажей и прочих слуг. Райнера положили на носилки и отнесли в покои.

Он успел дать все необходимые распоряжения по поводу нас, так что в гостеприимстве нам не отказали. Накормили, обеспечили уход лошадям и нашли плотника, который тут же приступил к решению проблем с колесом повозки. Камердинер заверил нас, что возимое имущество и оружие будет в полной и безусловной сохранности. Я очень надеялся, что уже на следующий день мы выдвинемся в путь.

Нам выделили помещение для сна: одно на двоих с Энрико и отдельную гостевую комнату — Алабели. Ее покои располагались гораздо ближе к пиршественному залу, чем наши. Кто бы сомневался.

— Что думаешь о нашем приключении? — спросил я у Энрико, когда дневное светило уже покинуло небо и его место заняла полная луна.

— Об этом, — он окинул взглядом низкий свод комнаты, — или о лесном?

— О лесном кошмаре я стараюсь не вспоминать. Что думаешь о Райнере?

— Что он напыщенный и подозрительный пустозвон.

— Правильно, но выказывать это в той или иной мере не следует. Будь вежлив. Мы здесь гости, а хозяин слишком честолюбив. По крайней мере, на вид. Почаще вспоминай свою Гиону, и все будет хорошо. Алабель — это Алабель. Она преследует свои цели. Ей можно доверять хотя бы потому, что она выручила нас из беды, хотя имела все возможности понаблюдать за нашими корчами и агонией. Но доверие должно ограничиваться только тем, что она не желает нам смерти. Все остальное — ее мир, неподвластный нам. Понимаешь?

Энрико угрюмо кивнул. Я потрепал его за плечо и отправился к своей лежанке.

Меня разбудил стук в дверь. Это была молоденькая служанка, которая принесла нам чан с теплой водой и просила через полчаса спуститься в зал к завтраку. Я поблагодарил ее и лукаво подмигнул. Она засмушалась, но меж тем успела бросить любопытный взгляд на Энрико, который зевал и потягивался перед открытым окошком.

«Побриться, что ли? — подумал я и почесал бороду. — К черту!»

Внизу нас уже ждали. Рядом с пустующим креслом главы стола сидела мать Райнера Бригитта. С ней я имел случай познакомиться вчера. Весьма холодная и властная особа. Она была одета в темное шелковое платье и причудливый головной убор, как бы дополнявший сложную прическу. Умело пользовалась макияжем, так что совершенно не очевиден тот факт, что Бригитта на несколько лет старше меня.

Через один стул от хозяйки замка сидела Алабель. Наверное, то был знак уважения, поскольку некие родственники Бригитты в количестве семи человек сидели гораздо дальше от нее. Нам с Энрико выделили места напротив остальных. Оно и лучше.

— Присаживайтесь, дорогие гости, — с едва заметной улыбкой произнесла Бригитта. — Райнер пока не может присутствовать с нами, но он еще раз велел передать, что высоко ценит помощь, которую вы ему оказали, и искренне благодарит вас. Восхвалим Первозданного и приступим к пище!

Это было самым долгожданным пунктом в ее короткой речи. На столе стояло множество блюд, один вид которых из сытого сделает голодного: фазаны под соусом, рагу из овощей, жареный сом с перцем и бобами и много другого, чего простой крестьянин в глаза

никогда не видел. Все это понеслось в мой желудок с угрожающей скоростью. Думаю, мой аппетит немного удивил госпожу Бригитту, так как она сказала:

— Это лишь завтрак. На сегодняшнем пиру все будет богаче. Будет открыто лучшее вино пятилетней выдержки. Кстати, из Мальдиона.

Я чуть не поперхнулся, но вовремя протолкнул застрявший в горле комок пищи глотком душистого пива.

— Какой пир, простите?

— Пир в честь моего сына Райнера и его спасителей. В вашу честь.

— Я вам так благодарен, но, не примите за грубость, нам пора ехать. Мы и так сбились с пути.

На лице Бригитты не дрогнул ни один мускул:

— Это лишь один день, не больше. Завтра мы вас отпустим, снабдим едой и другими припасами для дальней дороги.

— Я бы и рад, но...

— Мой сын предугадывал такой ваш ответ. Он слезно просил, чтобы вы не отказывались. Если вы не будете присутствовать на пиру, люди сочтут Райнера неблагодарным. Это даст повод для слухов и сплетен. Соглашайтесь, прошу вас. Алабель ответила согласием.

Энрико робко поглядел в мою сторону. Я переглянулся с ним и пожал плечами:

— Что ж, примем за честь.

А хотелось сказать совершенно противоположные вещи. Ох, уж это гелетианское гостеприимство! Можете валить хоть в преисподнюю, но для начала улыбнитесь на публику, дабы благородные люди даже не подумали про хозяев плохо.

Спустя минуту размеренного поглощения пищи я сказал, обращаясь к Бригитте:

— Простите, если касаюсь старых ран, но Райнер как-то обмолвился, что его отец погиб шесть лет назад. Не поделитесь, как это случилось?

— Несчастный случай на охоте. Упал с коня и сломал шею. Так бывает, когда вокруг царит мир и теряются военные навыки.

Я понимающе закивал. Райнер говорил, как умер его отец. Сказал, что он получил тяжелые ранения в схватке с гигантским вепрем, наводящим ужас на окрестные леса. Кто же отомстил за отца? Правильно — Райнер. Ударом тяжелой пики пронзил его насквозь. Мяса этого чудовища, по его словам, хватило на всю округу.

— Ваш сын храбро сражался с негодьями в неравном бою. Это подвиг, но он должен быть более осмотрителен — у него же еще нет наследников. Не знаете, когда он собирается подарить вам внуков?

Такого вопроса Бригитта явно не ожидала. Она сохранила вид, но в ее коротком взгляде на Алабель я уловил нотку растерянности. Чародейка тем временем, словно хищница, вгрызалась в баранью ногу.

— Всему свое время, — только и сказала госпожа.

После столь замечательной трапезы я решил прогуляться по замку. Отдельно от всех. Мне не терпелось поглядеть, что за вид открывается с какой-нибудь высокой башни. В передвижениях по замковым коридорам меня никто не ограничивал.

Вскоре я нашел лестницу на смотровую башню. Это, конечно, не донжон, но вид, тем не менее, открывался просто восхитительный. Равнинная Гелетия предстала во всей красе.

На вершине этой башни я оказался не один. Там уже стоял и любовался видом некий

мужчина с аккуратными усами и длинными черными волосами, развевающимися на ветру. На нем был светлый расшитый кафтан, который так любят носить в Мальдионе. Он заметил меня и поприветствовал:

— Тоже пришли полюбоваться остератскими землями?

Я кивнул, а он спросил вновь:

— Вы тоже гость в этом замке?

— Да. Если вы слышали про неприятность с хозяином, то я тот, кто выручил его. Меня зовут Фосто.

— Хавьер из Патса. Это рядом с Сараксом. К вашим услугам.

— По торговым делам здесь?

— О, вы очень проникательны, Фосто. Жизнь — это погоня за достатком. И я в ней не последний бегун. Местные лорды очень ценят товары, что я им привожу. Лорд Райнер, к примеру, взял заказ на декоративные конские доспехи. Несмотря на несчастье с его конем, он все равно их купит. Предоплату-то ему никто не вернет.

— Все справедливо, — согласился я. — Так вы из Саракса товар привозите?

— Я — нет. Мне привозят его из Саракса в город, что лежит между большим лесом и этим замком. Ну, а дальше либо я — к лордам, либо лорды — ко мне. Не желаете приобрести какой-нибудь доспех? Вы ходите на война. Как спасителю моего постоянного клиента, я сделаю вам скидку.

— К сожалению, сейчас я стеснен в средствах. А оружием торгуете? Что-то плечи у моего арбалета потеряли упругость.

— Нет, — протянул Хавьер. — С оружием дела обстоят иначе. Если вы движетесь в Меску, там сможете купить все необходимое. Так куда вы направляетесь?

— В вольные города. Надеюсь, Великий Перевал безопасен.

— Вы не один?

— Нет. Нет, не один.

Распрощавшись с новым знакомым, я спустился вниз. Внимательно оглядел внутренний двор укрепления. Спустя минут двадцать мое терпение вознаградилось — на противоположной от меня галерее шагали мои скромные знакомые: Райнер Хамвольд и Алабель. У молодого рыцаря все еще была перебинтована голова, но он всю улыбался и без умолку что-то говорил. Алабель смущенно улыбалась в ответ. Просто восхитительная пара. Я дождался, когда Райнер покинул ее, и сопроводил девушку до пустующего коридора, где находились ее покои. Она заметила меня лишь тогда, когда я схватил ее за руку.

— Ты что, Фосто? — вздрогнула она.

— Что я? Мне хотелось тебе тот же вопрос задать. Какого черта ты крутишься с этим Райнером?

— Ревнуешь?

Мои глаза округлились от ее наглости:

— Ты что задумала? Хочешь обчистить его, как орех? Или в благородное сословие вздумала вступить?

— Каждое твое предположение имеет право на существование. Ни в одном я не вижу ничего плохого.

— Хочешь оставаться здесь — оставайся, но не вздумай его обворовывать. Завтра мы должны уехать отсюда почетно и спокойно. Поняла?

— Утром будет видно.

Я придавил ее к стене:

— Послушай, идиотка. Только что я встретился с одним торговцем, который, похоже, имеет связь с твоим любимым оружейником из Саракса. Не думаешь, что тот может узнать тебя?

— Переживаешь за меня?

Мне хотелось взвыть.

— За себя, за себя я переживаю. Сдалась ты мне. Когда мы уедем отсюда, делай тут что хочешь. Пока же не привлекай к себе внимания.

Когда я отпустил ее и собрался уходить, она крикнула мне вдогонку:

— Торговцев стало слишком много. Не может быть, чтобы Астор Кальдеро столь легко нашел меня здесь.

Я лишь отмахнулся. Мне порядком надоело строить из себя няньку для безмозглых спутников, с коими свела меня судьба. Нужно просто пережить еще один день.

Почти до самого начала торжеств я провалился в выделенной мне комнате. Энрико где-то пропал. Мне принесли чистое белье и наряд взамен моего старого залатанного тряпья — черный камзол и похожего цвета штаны из телячьей кожи. Что ж, буду выглядеть как дворянин. Чтобы соответствовать образу, пришлось воспользоваться услугами брадобрея. Теперь я мог дать фору Энрико.

Когда парень зашел в комнату, я, развалившись на лежанке, кидал в потолок угольки. Вид у Энрико был счастливым.

— Что, все уже готово?

— Да. Много гостей, много столов и еды. Я думаю, не зря мы согласились остаться.

— Ты чего такой радостный? Предвкушаешь бесчеловечное набивание желудка отличной снедью?

— Помнишь ту девушку, что приходила к нам утром? Так вот, потащила она меня в чулан...

Гостей и правда оказалось полным-полно. В пиршественном зале царила жуткая суматоха. Кухарки ставили на столы последние яства. Слуги пытались распределить места так, чтобы никто не обиделся. Из-за таких ошибок, чего доброго, можно головы лишиться, ибо немалая часть гостей — сурового вида рыцари, не терпящие к себе пренебрежительного отношения. Что бы они под этим ни понимали. Были и дамы разных возрастов, прибывшие из соседних поместий вместе с мужьями и свитой. У большого вытянутого окна в середине зала готовились к выступлению музыканты со свирелями, барабанами, скрипками и лютнями. Уже веселили гостей подвыпившие шуты, пригнанные сюда в спешке. Все было готово к празднованию такого замечательного события, как победа храброго Райнера над отрядом разбойников. Это не ошибка — вокруг говорили про то, как он в одиночку их всех до единого поубивал. Мы же подобрали раненого, но не побежденного. Пусть будет так. Пусть он твердит, что убил огнедышащего дракона, — лишь бы нас не беспокоили.

С лестницы сошел Райнер Хамвольд собственной персоной. Зал загудел, приветствуя храбреца. Тот в ответ помахал всем геройской рукой и занял место во главе стола. Мы с Энрико сидели почти на тех же самых местах, что и утром. Вокруг нас стояли горы первоклассной еды и бочонки, полные хмеля.

Слово взяла госпожа Бригитта:

— Мои возлюбленные гости! Сегодняшний день наполняет мое сердце радостью. Я безмерно счастлива наблюдать, как мой сын пользуется своей заслуженной славой. Как

щедро делится ею с вами. Как бесчестные злодеи понесли заслуженное наказание, а настоящие герои могут отпраздновать это. Ешьте, пейте, благодарите Первозданного за его милость! Слава отваге!

— Слава! — гаркнула мужская половина зала и принялась уничтожать запасы замка Остерат. Заиграла веселая музыка.

Изрядно наевшись и напившись, я осознал, что зря хотел как можно скорее покинуть чертоги этого прекрасного владения. Надо было прикинуться отцом Алабели и остаться здесь на правах бедного родственника. А судя по взглядам, которыми иногда одаривала меня госпожа Бригитта, я мог бы вообще прибрать этот замок к своим рукам. Вот бы поглядеть тогда на лицо этого Райнера.

Кто-то попросил музыкантов сыграть всем известную мелодию. Рыцари запели. Даже я знал эту старинную песню. Обнял покачивающегося Энрико и принялся надрывать глотку:

Принцесса из Варамиада, благая сердцем и душой,

Глядела на море и пела, звала любимого домой!1

Прошло часа три безудержного веселья. Повсеместно зажгли факелы и толстые свечи. Праздник продолжался.

Я почувствовал зов ошалевшего от происходящего желудка. Пришлось на время покинуть стол и пиршественный зал. Ввиду сильного опьянения я так и не обнаружил необходимого помещения. Вместо этого случайно наткнулся на одиноко стоящую в темном углу корзину. Какая удача!

Возвращаясь в зал, я несколько заблудился. Спросил у седой служанки дорогу, но все равно вышел не к залу, а к какому-то хранилищу. Подходя к нему, услышал голоса за приоткрытой дубовой дверью. Один из них принадлежал Райнеру. Другого, хриплого, я никогда не слышал.

Голос у Райнера был довольно сердитым:

— Завтра же, я повторяю, завтра же собирай ребят. Всех, кого найдешь. Надо срочно навестить их. Они пожалеют о том, что сделали.

— Мне кажется, мы прибудем в опустевшую деревню. Они уже давно разбежались по лесам, — ответил ему хриплый голос.

— Они слишком тупы. Это же никчемные крестьяне. Их зерно в амбарах — куда они его денут? По карманам набьют? Они задолжали мне пушнину. Их не устроило, что я удвоил подать. Они на коленях умоляют меня должны, а они что сделали? Цепом мне по голове врезали.

— Я согласен, это неслыханно. Это мятеж. После такого нельзя в живых оставлять никого. Это должно быть примером остальным. Но какого рожна ты один к ним поехал?

— Я их хозяин. Их император, повелитель, бог. Они должны кланяться мне и бояться поднять голову. Это все их кузнец — он подбил остальных. Его надо поймать и четвертовать!

— Что насчет коня?

— Заберешь у Косолапого. Пусть за нами пешком ковыляет. Или на пони. Идем назад.

Я услышал шаги, направляющиеся ко мне. Хмель сразу вылетел из головы. Я быстро огляделся и спрятался за пустыми бочками, что стояли рядом. Райнер и его бандитского вида друг проследовали мимо. Все обошлось.

Кусочки истории сложились в единую картину. Благородный рыцарь сражался не с разбойниками, а с собственными подданными, живущими у леса. Ну, как сражался? Просто

из-за собственной наглости и самоуверенности получил удар по голове, но благодаря шлему смог выжить. Не человек — герой. Надо будет рассказать Алабели, с кем она имеет дело. С таким рыцарем милovidным девицам лучше не оставаться наедине.

Когда я вышел к залу, пир уже подходил к концу. Точнее, он мог бы продолжаться до утра, и кое-кто был полон сил и продолжал упиваться, но большинство уже с трудом стояло на ногах. Многие разошлись по гостевым комнатам. Многие войны спали где придется: на лавках, на полу, друг на друге. Ни Райнера, ни Бригитты, ни моих спутников я в зале не увидел. Побрел наверх, в свою комнату.

Энрико крепко спал на соломенной кровати. Стоял жуткий храп. Я не собирался с ним церемониться, поскольку знал, как непросто бывает его разбудить. Начал трясти его изо всех сил.

— А? Фосто? Во имя пресветлых демонов, что тебе надо? Оставь меня в покое!

— Ты один сюда поднимался?

Энрико рыгнул и попытался закрыть глаза. Я опять встряхнул его:

— Один или нет?!

— Проклятие, один. Нет-нет. С Алабелью. Она сказала мне... А, черт!

— Что она тебе сказала?

— Ничего.

— Говори, а не то я вышвырну тебя в окно. Пока будешь лететь — протрезвеешь.

— Она просила не говорить тебе. Дело в том... В общем, она решила к Райнеру зайти околдовать его и стянуть у него что-нибудь ценное. Сказала, ты еще «спасибо» скажешь.

— Ну, спасибо ей. — Я был в ярости.

— Вот видишь, — по-идиотски улыбнулся Энрико и тут же уснул.

Надо срочно остановить ее. Связываться с Райнером, да еще когда в замке полно верных ему друзей, пусть и в неважном состоянии, было крайней степенью глупости. Если что-то у Алабели пойдет не так, поплатимся мы все.

Я выскочил из комнаты. Пробежал по коридору и достиг винтовой лестницы. Там, наверху, были покои благородных. Я поднялся и тут же натолкнулся на торговца доспехами Хавьера из Патса. Он стоял, облокотившись о стену, и подкручивал свои ненаглядные усики. На его поясе висел меч. Хавьер удивился, увидев меня:

— Господин Фосто, как вовремя вы прибыли. В глубине души я знал, что вы появитесь.

— Что вы здесь делаете? Я решил зайти к Райнеру. Узнать о его самочувствии, поблагодарить за пир.

— Хм, думаю, нет. Думаю, что вы решили вырвать из его рук свою возлюбленную. Хотя можно ли называть богопротивные чары любовью?

— Не понимаю, что вы несете.

— Все вы понимаете, Фосто. Из Саракса в нашу контору пришли необходимые инструкции по поводу рыжей ведьмы Алабели. Мне посчастливилось услышать ее имя на устах лорда Райнера. А зная, что с ней было двое сообщников на большой повозке, легко сделать вывод, что именно мне улыбнулась удача. Господин Астор очень зол на всех вас. Он думал, что у вас хватит ума разделаться с ведьмой, а не примкнуть к ней.

Я смотрел на Хавьера. Следил за движением его глаз. Его рук. Он добавил:

— Лорд Райнер очень опечален, что его хотели обмануть. В некотором роде он испытывает к ведьме благодарность. Но я сказал ему, что все это она сделала лишь для собственной выгоды. Так что и он не сразу покончит с ней. Использует для собственной

ВЫГОДЫ.

Хавьер выхватил меч в тот же момент, как я бросился на него.

Глава 10. Ложный след

Положение мое было незавидным. Я стоял безоружный перед лицом вооруженного противника. Пусть и торговца. Я не испытывал никаких иллюзий — любой его удар мог стать решающим. То, что коридор довольно узок и полноценного размаха у него не получится, мало успокаивало мое колотящееся сердце. Враг мог рубануть сверху или сделать внезапный укол. Он неплохо владел мечом, это можно понять по его реакции. По тому, как быстро он выхватил клинок и вытянул его пред собой. Я еле успел отпрыгнуть. Моя атака сорвалась.

Хавьер явно не спешил с разрешением нашего недопонимания. Он усмехнулся:

— Слишком самонадеянно, Фосто. Я понимаю, что ты околдован, но попробуй все-таки сложить пару кирпичиков в своей голове. Моему нанимателю нужно лишь то, что носит ведьма. Про тебя ничего подобного сказано не было. Ты мог бы убраться отсюда, а вместо этого глупо рискуешь жизнью.

— Сколько же обещал тебе наниматель за такую услугу?

— О, это коммерческая тайна. Скажу лишь, что у вознаграждения золотой блеск.

— А мне он предлагал пару сребреников. Вот ублюдок!

— Я дам тебе их прямо сейчас, если ты исчезнешь.

Я засмеялся, оскалив зубы:

— Засунь их себе в задницу!

Хавьер улыбнулся и потряс мечом:

— Не терпится умереть? Пожалуйста.

Он бросился на меня, замахиваясь мечом. Все, до чего я додумался, — это выхватить из железного кольца в стене горящий факел и швырнуть в него. В глаза ему полетели искры. Это секундное замешательство я обратил в свою пользу, мгновенно сократив дистанцию между нами. Хавьер подумал, что я хочу вырвать его меч, а я вместо этого свободной рукой схватил его за волосы и ударил головой о стену. Он вскрикнул, попытался вырваться, но я уже знал, что делать дальше. Я швырнул его прямо на крутую винтовую лестницу. Он, гремя и чертыхаясь, полетел по ступеням вниз. Замолк. Я надеялся, что навсегда. Меча из рук он так и не выпустил.

Я кинулся к покоям Райнера. Он как-то говорил, что над ними висит огромное панно с изображением грифона, рвущего на части огромного змея. Хоть в этом не соврал.

Я подбежал к дверям, но не услышал звуков борьбы. На самую малость приоткрыл дверь.

Райнер стоял вплотную к Алабели и нагло заявлял ей:

— Я очень ценю то, что ты сделала для меня. И я знаю способ, как отблагодарить тебя.

Он попытался прильнуть к ней губами, но Алабель ловко выскользнула из его объятий.

— Послушай, разве ты не хочешь спать? — шелковым голосом произнесла она и сделала едва заметный характерный жест рукой. Пыталась зачаровать хозяина замка.

Эффект вышел противоположный. Райнер вдруг в ярости перевернул стол, что стоял подле него, и начал обходить испуганную чародейку, отрезая ей путь к отступлению.

— Так я и знал! Так и знал! — гремел он. — Хавьер был прав. Ты проклятая ведьма! Ты решила втереться ко мне в доверие. Исцелила магией, преследуя свои коварные цели.

— О чем ты?! Это не так!

— Я чувствую яд в твоих словах! Ты чуть не погубила меня! Всякая помощь ведьмам запрещена под страхом смерти. Но никто не узнает, что подобное имело место.

— Райнер, стой! Ты ошибаешься.

— Но не волнуйся, для начала я все же отблагодарю тебя.

Он принялся расстегивать на своих штанах ремень. Алабель попыталась улизнуть от него, юркнула вправо, но затея не удалась. Райнер схватил ее, поднял, будто она не имела веса, и с силой швырнул в стену. Алабель охнула и свалилась на пол.

Я в это время, не издавая лишнего шума, просочился в проем и обхватил двумя руками высокий железный канделябр, стоящий справа от двери.

Райнер стоял ко мне спиной. Мне оставалось лишь свалить его неожиданным ударом.

Взмах! Но удар не стал для него неожиданностью. Он выбросил правую руку и перехватил мое импровизированное оружие. Будто глаза на затылке имел. Медленно повернулся ко мне. Вид у него был очень сердитым. Да, он выше меня на голову, шире плечами, но я не думал, что он настолько силен. Он вырвал у меня канделябр так, как отнимают конфету у маленького ребенка. Чтобы не упасть, я разжал пальцы. Райнер отбросил этот предмет интерьера в сторону, почесал кулаки. Что-то сейчас будет.

Я едва успел пригнуться перед ударом его увесистого кулака, что рассек воздух прямо над моей макушкой. Увернувшись, я тут же рванулся вперед и ударил его головой в грудь. Он даже не отшатнулся. Схватил меня за руку, за ногу и поднял над собой.

Он наверняка был постоянным победителем игры «кто дальше всех швырнет тяжелый камень». Все, что я успел сделать, — вцепиться пальцами свободной руки в повязку на его голове. Я надавил на рану. Райнер вскричал, но это меня не спасло. Он швырнул меня в противоположную стену от корчащейся на полу Алабели. Траектория моего полета оказалась куда протяженнее. Я успел подставить руки, что значительно смягчило удар, но падение вышло довольно болезненным.

Враг приближался, и это не сулило мне ничего доброго. Я, постанывая, попытался подняться и успокоить Райнера:

— Друг, послушай. Хавьер соврал. Просто торговец из Саракса втюрился в нее.

Вместо ответа я получил размашистый удар его ноги. Я вновь защитился руками, которые он чуть не сломал. Отлетел в стену, ударившись головой. Это был полный провал. Все мое тело болело, но вряд ли это самое плохое, что со мной могло случиться. Сейчас Райнер втопчет мою голову в пол...

Помощь пришла в последний момент. На этот раз чутье подвело рыцаря. Алабель обрушила на его больную голову пресловутый канделябр. Я успел заметить, как сморщилось от боли лицо Райнера. Однако он нашел в себе силы повернуться к обидчице. Лучше бы он этого не делал. Алабель замахнулась и ударила его верхней частью канделябра в пах. Райнер вздрогнул всем телом и грохнулся навзничь. Теперь точно неизвестно, сможет ли Бригитта дожидаться внуков.

Алабель очень разозлилась и всерьез собиралась добить рыцаря. Я еле успел выкрикнуть:

— Нет, не делай этого!

— Почему же? — спросила она, тяжело дыша.

— Послушай меня хоть раз! Брось чертову железку!

С неохотой, но она пошла мне навстречу. Я, кряхтя, поднялся на ноги. Голова звенела. Я потряс ею и сказал:

— Ступай к Энрико. Разбуди его и скажи, что надо бежать. Если закапризничает, объясни, что нас будут жестоко пытаться и обезглавят, если мы не покинем замок. Пусть возьмет мою котомку. Я пойду в конюшни. Когда закончу, наша повозка должна беспрепятственно покинуть Остерат. Поняла?

Алабель кивнула. Оглядела меня с ног до головы:

— Неплохо выглядишь. Это я про наряд.

С трудом я нашел в себе силы улыбнуться.

Мы помчались вниз и разошлись на том ярусе, где находились наши покои. Пробраться в конюшни оказалось делом нехитрым — их «охранял» упившийся до потери сознания молодой стражник. Трудно было найти своих лошадей и запрячь их, не спалив неосторожным огнем факела всю конюшню. Хотя если в замке что-то пойдет не так, пожар может стать отличным отвлекающим маневром.

Наконец все было готово. Лишь бы у Алабели все получилось, иначе придется устроить кровавое побоище у замковых ворот. А на крики обязательно прибегут добрые гости с тяжелыми и острыми предметами в руках. Я выволок повозку на замковый двор и подхлестнул лошадей. Перед открытыми воротами стояли мои спутники. Только они.

— Все прошло успешно? — спросил я у Алабели.

— Да. Два привратника отворили ворота и пошли вздремнуть. Все прошло в высшей мере успешно.

Хотелось мне ей высказать некоторое недовольство по поводу наших успехов, но времени на это не было. Мы покинули Остерат и двинулись по дороге в сторону того леса, где мы подобрали Райнера Хамвольда. Мы ехали в сторону Мески. Уже бодрее выглядящий Энрико не преминул указать мне на ошибочность моего маршрута:

— Райнер же в курсе, куда мы изначально направлялись. Он отправит погоню по этому тракту. Надо искать другой путь.

— Я понимаю, что он знает. И он понимает, что мы знаем. Тьфу, в общем, он может как раз и подумать, что мы выдвинемся в другую сторону. Будем уповать на наше... Просто поедем тем же путем. Там больше густых лесов и чащ.

Поездка обещала быть предельно волнительной. Алабель, как самый чуткий человек среди нас, постоянно вслушивалась в каждый ночной звук. Если она в чем-то сомневалась, мы сразу же сворачивали с дороги. Открытые пространства преодолевать было особенно тревожно — ночь выдалась лунной. Если враги спохватятся быстрее, чем мы ожидаем, наше бегство закончится, едва начавшись. Стоило бы добить торговца Хавьера — мы могли выиграть на этом несколько лишних часов. Однако это настроило бы против нас еще большее количество людей. Сделало бы из нас преступников государственного масштаба. Все наше спасение заключалось в копытах и колесах. Лошадей я не жалел — они славно отдохнули, и теперь пришла пора отблагодарить нас за это.

— В следующий раз, — говорил я чародейке, — как услышишь зов о помощи, держи это при себе. Потом будешь уверена, что тебе просто померещилось.

С наступлением рассвета скорость движения мы лишь увеличили. Когда почувствовали, что лошади начали уставать, сделали в ближайшей роще привал на несколько часов.

— У Райнера есть немало друзей, — сообщил я своим спутникам. — Не знаю, просто ли это наемные бандиты или же безземельные рыцари, но дела у нас неважные. Без приключений мы в Меску не попадем.

— Ты предлагаешь вернуться в Саракс? — поднял брови Энрико.

— Нет, что ты. Это еще опаснее. Тот путь контролируется владельцем оружейных мастерских. Я вот что предлагаю — выехать к какому-нибудь крупному лесу по пути в столицу и остаться там на неделю-полторы. Поиски могут поутихнуть.

— А что, это идея, — поддержала меня Алабель.

— Другого выхода нет. Провизии у нас хватает. Мы можем охотиться на дичь, если что. Энрико, твоя ученая голова думает так же?

Парень поспешно закивал. Я очень надеялся, что план сработает. Во всяком случае, если нас обнаружат спустя какое-то время, собрать достаточных сил враги не успеют.

Мы вновь выехали на большую дорогу. Все встреченные экипажи я воспринимал как возможных доносчиков, все попутные — как опасных преследователей. Но деваться было некуда.

В середине следующего дня наш путь пролегал через громадную лощину, полную мелких болот и оврагов. Деревьев на удивление росло мало. Я управлял повозкой, когда Алабель ткнула меня локтем в бок:

— Смотри туда.

Я повернул голову в указанную сторону. На самой высокой точке лощины виднелся всадник на легком и беспокойном жеребце. Он явно провожал взглядом наш экипаж. Это был разведчик, и он обнаружил то, что искал. Если бы позволяло расстояние, я вполне смог бы поразить его из арбалета, но он, на свое счастье, был далеко. Всадник покрутился на месте и скрылся из поля нашего зрения.

— Скоро Райнер и его компания будут знать, где нас искать. Надо быстрее найти убежище.

Я подстегнул лошадей. Время работало против нас. И окружающий ландшафт тоже. Прятаться было совершенно негде. Ночь после нашего обнаружения выдалась самая что ни на есть беспокойная. Мы остановились у мелкой безымянной речки, но любой мало-мальски внимательный взгляд легко бы нас обнаружил. За час до рассвета мы вновь тронулись в путь.

Лес. Обширный, темный и манящий безопасностью, которой мы так искали. Я увидел его издалека и понял, что наш поиск окончен. Что у нас появился шанс спастись от преследователей. Когда солнце покидало зенит — место своего триумфа, — наша повозка достигла цели. В глубь леса вела широкая тропа. Для начала можно воспользоваться ею. Жаркое солнце не сулило нам ничего плохого.

Мы вполне уверенно двинулись по лесной дороге, хоть и знали, что в столицу ведет совсем другой путь. Здесь мы должны отдохнуть, прийти в себя и оторваться от назойливых врагов. Нет ничего проще, чем переждать бурю в надежном укрытии, которое весьма непросто обнаружить. Во время очередного привала я обратился к своему торговому партнеру. Решил вновь провести с ним тренировку.

— Ну, Энрико, теперь для тебя созданы все условия, чтобы научиться хорошо стрелять из арбалета. Помни только, что каждая потерянная стрела лишает тебя ужина. Приступай!

Напутствие получилось довольно пафосным, лишенным реализма, но парень, несмотря на все препятствия, наконец понял, чего ему не хватало для точного попадания. Получасовой урок — и он сумел поразить белку, мирно шелушащую орехи на толстой сосновой ветке. Может, это было лишь случайным везением, но я преподнес это как высшую степень мастерства. Сейчас Энрико сам не понимал, как мы в нем нуждались. Если нас застанут врасплох, мы однозначно должны дорого продать свои жизни. Этому правилу я следовал слишком много лет.

Тяжело идти против собственных привычек. Я всегда понимал цену отступления. Будь оно запланированным, согласованным с тактиками, или же просто появившимся как результат непредсказуемого сражения. Но главную цель командования надо было во что бы то ни стало выполнить. Ты невероятно удачлив и сотрясаешь строй врагов? Будь добр отпрянуть и помчаться назад, в сторону ставки полководца. Ты должен бежать, изображая такой ужас, чтобы ни у одного вражеского командира не появилось сомнений в твоей трусости, в потере твоего духа. Рядовые враги могут понимать, что за игру мы ведем, но никто их мнения не спросит. Их погонят вперед, прямо на убой. На ловушки, припрятанные для такого случая.

Но иногда бывает иначе. Иногда командование просто жаждет избавиться от ненадежных наемников. Хочет, чтобы враги нанесли по чужеземным воинам страшный удар, во время которого регулярные войска смогут выполнить свою, понятную лишь их руководству миссию. И тогда приходится выживать. Выживать под ударами кавалерии, элитной гвардии и других, более везучих наемников. Именно в такие моменты в душе даже самого посредственного воина просыпается невиданная доблесть. Его уже не надо подгонять, не надо твердить о славе и золоте, что ждут его после битвы. Он все прекрасно понимает сам. Бьется до последней капли крови, до последнего вздоха. И потом, когда удивленное командование вынуждено вознаградить его, осыпать почестями, он уже далеко не тот человек, что был до битвы. Он совершенно иной. Зачерствевший, но непоколебимый. Ветеран.

К чему я все это? Энрико не являлся ни ветераном, ни опытным воином. Но в нем был потенциал. За короткое время он претерпел очень много потрясений, но не замкнулся в себе. Он мог помочь нам в случае внезапного нападения врагов. Однажды он уже спас мою жизнь, мог спасти и вновь. Я знал цену случайного выстрела.

Словно в насмешку над моими мыслями, перед нашей повозкой, волочашейся по лесу, из ниоткуда возникли люди. Множество людей. Крайне опасное количество людей, вооруженных чем попало. Лошади заржали и остановились перед неожиданным препятствием. Энрико в глубине повозки судорожно заряжал арбалет. Алабель застыла, будто лишенная речи. Она прекрасно понимала, что против стольких бандитов нам не выстоять, будь они вооружены лишь метлами. В руках окруживших нас врагов метел не было. Рогатины, топоры и цепи. Они были настроены весьма враждебно. Я приготовился дорого продать свою жизнь, пока не увидел их главаря.

Глава 11. Настоящий мятежник

Из толпы ко мне вышел мускулистый суровый воин. Это можно было понять только по его стойке, его росту и нахмуренному выражению лица. В остальном он имел столько же общего с армией, сколько безногий солдат, на колотушках прибывший домой. Опасный воин предо мной никогда не знал битвы. Не знал ничего, что связано с кровопролитием. И бандит был из него такой же, как из куриных перьев броня. Никакой. Но он смотрел на меня своим взглядом исподлобья и пытался только этим внести сумятицу в мои мысли.

— Вы пришли в наши владения, — с напускной ненавистью произнес он. — Вы должны за это поплатиться. Выходите из своей телеги и ступайте, пока я не размозжил ваши головы.

Я оглядел сурового разбойника с головы до пят. Короткие волосы, голый торс, залатанные широкие штаны и старые деревянные башмаки, что носят крестьяне. В руках он держал тяжелый молот. Молот кузнеца.

— Мы не выйдем, — произнес я, чем вызвал шепот не только среди разбойников. Алабель прильнула к моему уху:

— Ты что, спятил? Или у тебя каменная кожа? Посчитай, сколько их здесь.

Я проигнорировал ее слова. Воина с молотом мой ответ немного озадачил, но он оглянулся на своих соратников, воодушевился и вновь заговорил:

— Я не буду повторять. Лучше вам выйти и бежать отсюда, пока подошвы не сотрете. Это не шутка — я всех вас порешу.

— Мы не выйдем, — вздохнув, сказал я.

Надо было видеть, как растерялся силач с молотом. Ничто не мешало ему натравить на нас всех своих подельников, но он молчал. Вид у него был немного растерянным. Пока он не натворил глупостей, я произнес:

— Еды в нашей повозке хватит лишь на один ваш ужин. Все остальное там для вас не имеет цены. Вы ничего не заработаете. Мы возем ковры. Что вы будете делать с ними летом? Палатки из них мастерить?

— Это уже наши проблемы.

— Черта с два. Никаких ваших проблем. Вы мятежный сброд, возомнивший себя бессмертными налетчиками. Вы можете атаковать нас, но поплатитесь за это немалой ценой. Я воевал двадцать лет. Для меня отнять жизнь — как щелкнуть пальцами.

В подтверждение своих слов я действительно произвел громкий щелчок пальцами. Некоторые бандиты вздрогнули.

— Вы лишь крестьяне, зажатые в угол.

Разбойники начали перешептываться. Их главарь потерял терпение:

— Мы прикончим вас! Выметайтесь из повозки!

— Ты был кузнецом. Так? — ошарашил я его вопросом.

— Нет.

— Да! Да и еще раз да. Простой кузнец, давший отпор злобному дворянину. Этим поступком ты заслуживаешь уважения, но все имеет цену. И ваш мятеж тоже. Лорд Райнер Хамвольд поклялся всех вас уничтожить. До последнего человека.

Этими словами я вызвал бурные споры среди окруживших нас разбойников. Я не мог ошибиться. Это были именно те крестьяне, что чуть не убили его.

— Ваша судьба довольно печальна, — пояснил я. — Но мы с вами на одной стороне.

Сообщники Райнера преследуют нас, чтобы убить. И они предполагают, что мы прячемся здесь.

— Что за бред вы несете? — поморщился главарь.

— Бред? — насмешливо переспросил я и обратился ко всем присутствующим — Это не бред. Это истина. У вас теперь мало вариантов. Каждый из них трудно описать точно. Вы можете отправиться к Райнеру с повинной, но, скорее всего, он вас уничтожит. Вы можете выдать ему своего лидера. Жестоко убив его, он может пощадить остальных. Но надежды мало. Еще вариант — всей толпой отправиться на юг. Если какие-то войска остановят вас, вы можете сказать, что совершаете паломничество к могиле Хантала Первого. Последний вариант — самый трудный. Это сопротивление. Я гляжу на вас и не могу вам его рекомендовать.

Пора было выложить перед ним все козыри. Я не боялся подробностей. Я рассказал все и старался быть максимально честным. То, что мы спасли рыцаря Райнера. То, что мы сильно его расстроили. То, что я услышал о его «подвиге». Правда, Алабель выступала в моем рассказе как соблазнительница, но не как ведьма. С крестьянами так лучше не шутить.

Доверие было завоевано. Я знал слишком много подробностей, чтобы они списали все это на простую хитрость. Они мне поверили. Мятежный кузнец по имени Яков признал свою вину в том отпоре, что жители деревни оказали рыцарю.

— При его отце никогда не возникало ничего подобного. Мы исправно выплачивали свою подать. Никогда не утаивали лишнего. Здешние леса не слишком богаты ни на крупных, ни на малых зверей. Но лорд Райнер посчитал иначе. Он наложил на нас непосильный налог. Мы тут же оказались в его должниках. Лучшие охотники не справлялись с его алчностью. И вот он прибыл к нам на белом рыцарском коне и заявил, что если мы не выплатим долг через неделю, он устроит нам особое наказание. Убьет каждого десятого жителя. По жребью. И все равно, какого возраста и пола будет жертва. Такое трудно перенести. Мы были слишком обозлены. Ударили его коня, потом его. Он оказался более живучим.

— Не вините нас в его спасении. Вы сами проявили глупость.

Яков с грустью закивал. С этим было не поспорить. Он вдруг спросил:

— Если его подельники будут искать вас здесь, сколько воинов нам следует ожидать?

На подобный вопрос я мог ответить только неопределенно:

— Готовьтесь к худшему. Только так можно сохранить самообладание перед битвой. Я вам помогу, если товар в моей повозке останется нетронутым.

Предложение мое они приняли, хоть я толком и не знал, чем смогу им помочь. Возглавлять маленькое крестьянское восстание в Гелетии не входило в мои планы. Это было бы безумием. Алабель, похоже, уловила мое настроение. Она понимала, что мой разговор с кузнецом Яковом — лишь попытка сохранить наше имущество. Без него все невзгоды и тревоги, пережитые за последнее время, оказались бы напрасны. Но вот как теперь ускользнуть и от Райнера с его головорезами, и от отряда отчаявшихся крестьян?

Нас сопроводили к лагерю, расположенному у болота. Дым костров, шалаши из веток и наскоро вырытые землянки — вот что мы увидели там. Каждый занимался своим делом: кто-то рубил дрова, кто-то разделывал туши оленей, кто-то готовил еду. Иногда встречались женщины. Как я узнал, почти все они вместе с детьми находились в другом убежище, гораздо дальше от людных дорог. Хотя в любом случае слишком долго прятаться в этих лесах не получится. Тот, кто поставит себе цель найти их, — найдет, рано или поздно.

Я осмотрел границы лагеря и пришел к неутешительному выводу. Лагерь был очень плохо защищен от внезапного нападения. Враг мог атаковать с трех сторон. С другой точки зрения, и сбежать в суматохе было проще. Правда, не на медлительной повозке.

— Ну, что думаешь? — обратилась ко мне Алабель, сидя перед костром, когда я вернулся с обхода. Я сел рядом и молчал. Необходимо сосредоточиться.

Когда к нашей компании присоединился Энрико, засыпавший в котелок овощи и мясо, я начал говорить:

— Дела у нас не то чтобы плохие. Если Райнер не найдет нас здесь, мы вполне можем провести какое-то время в этом лагере. Я думаю, что спустя неделю мы тут станем своими, и Яков не станет держать нас против воли. Отпустит, и мы продолжим путь.

— А если найдет? — спросил Энрико.

— Если найдет, то нам конец. Никто из этих отщепенцев не сможет сражаться с рыцарями. Даже мы вряд ли справимся. Нужно будет бежать, если враг предоставит нам хоть немного времени. Но про товар придется забыть.

— Я не могу его бросить. Это все, что у меня есть.

— Когда замаячит опасность потрошения твоих внутренностей — бросишь.

Мой ожидаемый ответ не унял решимости Энрико.

— А что, если устроить на них засаду? — вдруг предложил он. Да так уверенно, будто раньше только этим и занимался. — Заманить в ловушку, в приготовленное для атаки место?

— Ты начитался трактатов о стратегии? Если подобное устроить на лесной дороге, то все наши хитрости разобьются об их щиты и мощь боевых коней. Если устроить это в самом лесу, то шанс, что они попадут в какие-то ловушки, ничтожен. Ну, провалится один из врагов в яму, и что дальше? Эти мятежники, — я стал говорить тише, — разбегутся в разные стороны, стоит им увидеть бегущего на них рыцаря. Будешь сражаться за них, Энрико? Меня это не прельщает.

— Есть еще вариант, — посмотрела на меня Алабель хитрым взглядом. — Он нечто среднее между всеми прочими.

Мы с Энрико с интересом выслушали ее.

Я подошел к Якову. Он точил меч, которого лишился Райнер. Рядом валялся и его рыцарский щит.

— Хорошее обмундирование, — сказал я. — Только кузню сменить на поле битвы непросто.

— Что по металлу бить, что по вражьей голове — одинаково. И орудовать мечом не сложнее, чем молотом.

— Подкова вряд ли жаждет тебе смерти. А Райнер — да.

— Вы же говорили, что сильно его ранили.

— Ранили, но как бы его жажда мести не оказалась сильнее недуга. Я думаю, что он не откажется возглавить карательный отряд. Уж простите за откровенность.

— Неужто у нас нет шансов?

— Трудно сказать. Сколько у тебя людей? Я насчитал примерно тридцать мужчин.

— Тридцать четыре. Из них трое сейчас на охоте.

— Те трое хорошие стрелки?

— Да. Но вон, погляди в ту палатку. Там лежат луки, которых хватит почти половине из нас.

С недоверием я заглянул в палатку, точнее, крупный шалаш, накрытый холстиной. Яков

не обманул — луков и стрел там лежала целая куча. Я взял один, натянул тетиву. Попробовал прикинуть его силу натяжения, качество древесины. Разочарованно покачал головой. Такими луками даже царапин на доспехах не оставить. А если принять во внимание стрелков, что ими будут орудовать, картина получалась и вовсе удручающей. Но высказывать кузнецу именно это откровение я не собирался. Не оно входило в мои планы. Я положил слабый охотничий лук на место и вернулся к Якову. Поделился своими мыслями и надеялся, что они придутся по душе лидеру мятежников.

— Я посмотрел на ваш арсенал. Луков действительно много, и они могут принести нам пользу. Однако для этого нужно выполнить элементарное условие.

— Какое-какое условие?

— Простейшее. Твои люди озабочены рытьем землянок, а должны бы думать про другое. Возня в грязи не спасет нас от врагов. Нужны тренировки, а луки лежат без дела. Лишь напав на врагов из засады, мы можем рассчитывать на успех. Я готов помочь. Обучить крестьян хотя бы малой толике военных знаний. Но нужна твоя помощь — люди должны слушать меня.

Яков задумался, но я по его лицу понял, что он вот-вот согласится на мое предложение. Оно в чем-то было здравым. Точнее, было бы в том случае, если бы на подготовку этих несчастных крестьян мне выделили месяц-два. Но не пару дней. Моя бесполезная, по сути, идея преследовала совсем иные цели. О них Яков не подозревал. Наверное, лишь удивлялся моей заботе об их безопасности. Вот и славно.

— Я с радостью приму твою помощь, Фосто. Она нам пригодится.

— Что поделать, — улыбнулся я. — Люблю помогать ближним. Особенно если это поможет спасти и мою шкуру.

Яков собрал всех присутствующих и объявил им две новости. Очень плохую и средней паршивости. Очень плохая заключалась в том, что лорд Райнер обязательно явится в этот лес. Причем довольно скоро. Он будет зол, у него будет плохое самочувствие, и он однозначно забудет о любой жалости, что, быть может, теплилась в закромах его сердца. Новость средней паршивости состояла в следующем: пора уделять больше времени боевой подготовке и меньше — сидению на заднице.

Яков выстроил передо мной двадцать пять свободных от срочных дел новобранцев. От горбатых стариков с седой бородой до высоких и мускулистых парней, по которым действительно плакал рекрутский набор. Среди них была даже пара женщин. Одна из них была столь внушительной на вид, что я точно понял — лучницей ей не быть. Ее следовало вооружить огромной шипастой дубиной, если таковая обнаружится в лагере. Одним своим видом она могла бы посеять панику во вражеских рядах. Тем более что рыцари довольно щепетильны в вопросах, касающихся причин их поражения. Быть раненным, запуганным или даже убитым крестьянкой — ужасное пятно в их биографии.

Я запомнил имена некоторых из новоявленных бойцов, хоть и старался реже смотреть им в глаза. Всех этих новобранцев не ждало ничего хорошего. Битва, к которой я начал их готовить, будет для них последней.

Луки я вручил двенадцати мятежникам. В основном тем, чьи внешние качества никак не позволяли вступать в ближний бой. Остальные довольствовались своими привычными сельскохозяйственными орудиями. Те, кто не был вооружен длинными цепями и вилами, в обязательном порядке должны были смастерить себе хоть какой-нибудь щит, способный выдержать пару-тройку ударов меча или копья.

Я начал с подготовки стрелков. Построил их перед мишенью, сделанной из связанных досок и ветвей. Взял наименее уродливый лук, наложил стрелу на тетиву и выстрелил. Попасть-то в мишень я попал, но древко не выдержало удара и разлетелось в стороны. Несмотря на то что наконечник лишь на четверть вошел в доску, я представил свой выстрел как само собой разумеющееся явление. А щепки от стрелы назвал дополнительным уроном противнику.

Вообще в последний раз я стрелял из лука очень давно. И очень посредственно. Тогда мне было нечем защитить руку, и мощная тетива то и дело хлестала меня по пальцам. В таких условиях чертовски трудно сосредоточиться на цели, которая жаждала спастись бегством. И спаслась. Сальгурский лучник ушел от справедливого возмездия, получив в спину лишь проклятия на языке, который он вряд ли знал.

Вместе со стрелками тренировался и Энрико. С переменным успехом. Алабель же я попросил провести урок фехтования с Яковом. Показать свои навыки, но при этом не слишком задаваться — Яков должен обрести некоторую уверенность в своих силах, а не полностью в них разочароваться. Лидер мятежников сперва с сарказмом отнесся к идее учебного поединка с хрупкой на вид девушкой. Но Алабель показала ему несколько индивидуальных трюков, после которых сарказм его испарился. Яков немного размялся, взял в руки меч и щит и пошел в атаку. Несмотря на то что чародейка была без щита, я за нее не переживал. Грубая сила не всегда означала неоспоримое преимущество. Тот, кто не был защищен куском стали или дерева, часто показывал чудеса ловкости в стремлении сохранить свою жизнь.

Яков, как и ожидалось, пошел напролом, стремясь опрокинуть Алабель ударом длинного щита. Но она не позволила прижать себя к деревьям. Ловко ушла от столкновения, а когда Яков замахнулся мечом, легко парировала удар и одним резким движением заставила руку противника вывернуться и отпустить рукоять меча. Кузнец вздохнул, огляделся на многочисленных зрителей и поднял выпавшее оружие. Надо отдать ему должное — он быстро понял, что успех может прийти к нему только при умелом и быстром чередовании ударов щитом и клинком. Но тактика Алабели тоже не стояла на месте. Вместо того чтобы последовательно отступать под натиском мускулистого кузнеца, она отвела удар мечом в сторону, пригнулась и сделала молниеносную подсечку. Такого удара по ногам Яков не ожидал и рухнул на примятую траву.

— Мне кажется, что пора дать мне пару советов, — поделился он своими мыслями. — То, что от врага мне стоит ожидать любого подвоха, я уже понял.

В трудах и заботах день быстро подошел к концу. Яков поставил вдоль лагеря четырех часовых, так что по-тихому смыться из леса не представлялось возможным. Всю ночь я провел, с головой закутавшись в плащ, ибо мошкара и прочие мрази жаждали выпить мою кровь до последней капли. Спутники мои страдали не меньше, а вот крестьяне переносили тяготы жизни у болота стойко.

С рассветом мятежники приступили ко второй части нашего плана. Засаду решено было устроить недалеко от дороги. Да и от лагеря мы не слишком-то отделились. Место для ям, растянутых веревок и прочих ловушек я выбирал тщательно. Враг не должен быстро сокрушить мой отряд оборванцев, а стрелки должны иметь какое-либо укрытие, чтобы их атака была для рыцарей неожиданностью. Таким укрытием мог стать маленький холм или заросший кустами овраг. Я описывал новобранцам принцип нашей засады. Говорил, где должен находиться каждый из них в момент нашего неожиданного нападения и что должен

делать, чтобы засада увенчалась разгромом врага.

Враг должен почувствовать себя окруженным со всех сторон, должен непрерывно осыпаться стрелами, а в его ушах должен греметь непрекращающийся крик атакующих, призванный лишить рыцарей храбрости. На словах все это звучало красиво. На деле же красота моих воодушевляющих слов померкнет после первой пролитой крови. Да и заманить вражеских воинов в лес не так просто. Эту роль я собирался передать трем охотникам, что умели стрелять из лука и могли нанести пусть небольшой, но урон. Я предлагал им выпускать стрелы по лошадям. Это здорово разозлит всадников. Они определенно спешатся и бросятся в атаку. Охотники, убегая, приведут их в приготовленное для большой атаки место. Начнется бой. А в это время Алабель, что останется в лагере, погонит повозку через лес к дороге.

Итог атаки на бронированных опытных воинов довольно предсказуем. Я закричу, чтобы все отступали. Но мы с Энрико побежим не к лагерю и не в глубь болот. Мы отправимся к дороге, где нас будет ждать Алабель. Мы покинем эти треклятые земли и больше никогда сюда не вернемся. Отправимся в долгожданную Меску, где Райнер до нас не доберется.

План мог сработать. Для его успешного выполнения я обязал Якова постоянно отправлять разведчиков к границе леса, где они могут увидеть наших противников. Как только мы завершили приготовления, я призвал каждого из новобранцев быть в полной готовности. Разведчики могли примчаться в любой момент.

Вечерело. Алабель только вернулась с прогулки — высматривала маршрут, по которому возможно было безопасно перегнать повозку. Обнаружила таковой и поделилась с нами хорошей новостью. Энрико заметно нервничал. Теребил в руках булаву, что досталась ему от одного из бывших сообщников Алабели.

— Тебе не придется применять ее в бою, — успокаивал я парня. — Главное, будь рядом со мной, когда начнется заварушка. А вот из арбалета пальнуть придется. Может, кого прикончишь. Было бы неплохо. Представляю, как это будет выглядеть: сын благородного человека из Дирейма убил чужеземного рыцаря, чем вновь привел Мальдион и Гелетию в состояние войны. Страшные битвы и тысячи жертв. Есть и плюсы — Саракс вновь сотрут с лица земли.

— Все шуточки, — негодовал Энрико.

Я подбросил дров в костер. Спросил Алабель:

— Справишься с лошадьми?

— Легко. — Она отмахнулась от назойливых комаров и поделилась: — Я могу ошибаться, но во время поисков удобной дороги мне послышался какой-то крик. Может, птица, а может, человек. Крик был неясным, далеким, но я почувствовала опасность. Думаю, скоро нам придется претворять в жизнь нашу задумку.

Такие слова понуждали к немедленному действию. Нельзя было уповать на случайность. Я ответил Алабели:

— Если что, времени у нас будет мало. Попробуй сейчас запрячь лошадей. Скажи интересующимся, что мы должны быть начеку, готовы отступить в болота, если что-то пойдет не так. Если надо, примени магию.

— Не слишком ли рано?

— Отнюдь. Я пойду к Якову и скажу, чтобы он тоже подготовился. Скажу, что ты ходила на разведку, что слух у тебя просто замечательный. Ты приложила ухо к земле, и тебе показалось, что ты слышишь конский топот. Это работает. Лошади во что бы то ни стало

должны быть готовы.

Алабель отправилась выполнять мое поручение. Я оставил Энрико перед костром и подошел к палатке Якова. Тот подтачивал уже не меч, а наконечники стрел. Тоже полезно.

— Что-то случилось? — Он почувствовал, что я хочу поделиться новостями.

— Может быть так, что враги уже близки к лесу. Сколько разведчиков ты сегодня отправил?

— Трех. Один недавно вернулся, но он ничего не видел.

— Маловато. Скажи своим лучшим охотникам, чтобы приготовили луки. С них все начнется. Моя подруга приготовит повозку. Если нам придется отступить, я хочу сохранить наше имущество. И еще — надо отправить кого-нибудь к дороге. Вдруг твои разведчики облажались.

Яков неуверенно закивал. В его глазах поселился страх. Я не осуждал его, но и не жалел: если ты начинаешь мятеж, будь добр быть готовым к тому, что его придут подавлять. И захватить лидера мятежа — для господ главная задача. Так как умертвить его желательно особо мучительным способом. Для назидания другим смельчакам. Кузнец явно догадывался о таких вещах.

Только не подозревал он о том, что случится дальше. И я не подозревал, хотя стоило бы при таких вояках продумывать все варианты. Я помогал Алабели закончить дела с повозкой, как вдруг услышал сдавленный крик совсем рядом. Из кустов со стороны дороги выполз крестьянин. Он полз на животе, а из его спины сочилась кровь.

Яков хотел кинуться к нему, но я его задержал.

— Это тот, кого ты послал к дороге?

Кузнец закивал, сжимая в руках оружие. Чуть поодаль от раненого из-за деревьев вышел сам лорд Райнер Хамвольд. Господин замка Остерат. В полном доспехе, с подправленным шлемом и с новым оружием — большим мечом с удлиненной рукоятью. Без щита. В левой руке, защищенной кольчужной рукавицей, он за волосы держал отрубленную голову другого мятежника. Разведчика. С презрением швырнул ее нам под ноги. Голова перестала катиться прямо перед ногами Якова.

— Он должен был выслеживать нас, а вместо этого привел меня прямо к вам, лишь бы только я не убивал его, — усмехнулся Райнер. Обратился ко мне: — Фосто, торговец коврами, я нисколько не удивлен, что ты примкнул к мятежникам. Тебе так легко запудрить мозги. Ведьма Алабель, надеюсь, здесь? В прошлый раз мы так и не закончили нашу беседу.

— Ты про то, что тебя одолела девица?

— Смейся-смейся, пока можешь. Твои новые друзья так жалки, что шансов у тебя никаких.

Вслед за Райнером из-за естественных преград вышло еще восемь воинов. Все были вооружены до зубов. И защищены так же. Мой план потерпел крах. Это мы попали в засаду.

Глава 12. Кровь и стекло

Сидел бы я в Дирейме, в большой таверне прохвоста Хазмора, да попивал бы вино. Не понесла меня нелегкая в опасное путешествие. Судьба предупреждала меня еще в Мальдионе, на Хромом Перевале, но я не внял ее знакам. И час расплаты за свои ошибки пробил. Ситуация складывалась так, что побег сейчас крестьяне врассыпную — мне, моим спутникам и глупому кузнецу Якову тут же придет конец. Мы будем главной целью врагов. Этого нельзя допустить. Я закричал, выхватывая меч из ножен:

— В бой, мои соратники! Защищайте то, что вам дорого: своих детей и братьев! Хватайте все, что есть под рукой, и бейте этих проходимцев! Они не оставят вас в покое, если вы отступите!

Райнер ухмылялся, а меж тем мои слова возымели действие. Мужчины похватили свое примитивное оружие, хлипкие щиты и бросились на врагов. Первой жертвой среди атакующих стал широкоплечий скорняк, которого скосила стрела из тяжелого арбалета. Убивший его рыцарь тут же отбросил дальнобейное оружие и вооружился железным щитом и топором. Крестьяне сшиблись со стоящими фалангой воинами и принялись осыпать их ударами цепов, топоров и батогов. Воины Райнера выдержали этот натиск, защищаясь щитами, и начали контратаковать.

Мельком я взглянул в сторону Алабели. Та, пользуясь неразберихой, уже уводила повозку с лошадьми с территории лагеря. Если нас здесь убьют, она сможет неплохо разбогатеть. Я был бы не прочь пуститься в бега вслед за ней, но ко мне через толпу крестьян сумел прорваться Райнер. Он уже убил двоих — их рогатины не причинили рыцарю никакого вреда. В него выстрелил из лука чернобородый охотник, но стрела лишь отскочила от железной брони.

Райнер бросился на меня. Я сумел отвести его первый удар, но звонкое соприкосновение клинков не прошло бесследно — мои руки дрогнули и чуть не выронили оружие. Сила вражеского замаха беспокоила меня. Так и меч сломать можно. Райнер ударил вновь, но я увернулся, не прибегая к парированию.

Следующий удар лорда Остерата был бесцеремонно прерван — кто-то приложил его дубиной по спине. Он резко развернулся, взмахнул мечом, но я тоже не терял времени. Попробовал проткнуть опасного врага. Напрасно. У меня ничего не вышло — доспех вновь выдержал удар. С языка моего слетела пара грязных слов. Надо было рубануть по его руке. Но уже поздно. Райнер расправился с внезапной помехой и вновь обратил свой взор на меня.

Я отбивался, как мог, и несколько раз попал по корпусу рыцаря. Но либо по касательной, либо без должного размаха. Это не могло помочь мне в такой схватке. Я вдруг споткнулся, отступая, о какой-то шалаш и упал. Райнер не преминул воспользоваться случаем и занес меч так, чтоб обрушить на меня всю свою мощь.

Я знал, что успею защититься от первого его удара, но он не остановится. Он будет атаковать меня до тех пор, пока не убьет.

Не сразу понял, что произошло. Свист рассекаемого воздуха — и голова Райнера, дернувшаяся вбок. С неподдельным удивлением осознал, что это Энрико. Это болт, выпущенный им из арбалета. Болт, который в самый разгар сражения попал прямо по округлому шлему Райнера. Я восхищался своим учеником.

Снаряд, конечно, отскочил от шлема, но мой противник прочувствовал это

соприкосновение сполна. Он пошатнулся и зарычал. Я просто не мог оставаться в стороне от такого шанса покончить с этим поединком. Вскочил, схватив с земли увесистый пенек, и обрушил его на многострадальную голову рыцаря. Тот, покачиваясь, побрел в сторону кустов и свалился где-то там.

Я подбежал к Энрико и с криком: «Бежим!» — понесся в сторону дороги. Мой друг быстро внял этому разумному совету.

Лесное сражение меж тем продолжалось. Я успел увидеть, как еще пытается сопротивляться Яков, пользуясь поддержкой своих наиболее преданных сторонников. Он, именно он сумел убить одного из приспешников Райнера, но прочие нападавшие уже теснили мятежников, отступающих в центр лагеря. Скоро крестьяне окончательно дрогнут и, как большинство до этого, побегут в сторону болота, в надежде спасти свою жизнь. Во всяком случае, все стрелки уже поступили именно так.

Я летел сквозь заросли, перепрыгивал через упавшие деревья и как таран продирался через колючие кусты. Некогда выбирать легкий путь. Энрико старался не отставать, хоть до моей прыти ему было далеко. Да еще и арбалет цеплялся за ветки.

Уже близилась проторенная лесная тропа. Я смог различить силуэты боевых коней, которых привязали к деревьям. Их наверняка кто-то охранял.

— Заряжен? — спросил я у Энрико, когда он поравнялся со мной.

— Ага, — ответил парень и привел свое оружие в состояние полной боевой готовности — осталось лишь задать тяжелой стреле направление и нажать на рычажок.

Мы начали приближаться к дороге, и тут я увидел совсем уж непонятную картину — недалеко от боевых коней и одного пони стояла наша повозка. Неужели, Алабель попалась врагам в руки?

Все было с точностью до наоборот. Мы с Энрико покинули заросли и увидели за фургоном Алабель. Торжествующую. Перед ней лежало два тела: воин в легком кожаном доспехе, который не спас его от меча чародейки, и — что удивило меня — торговец Хавьер из Патса. И вот он-то еще шевелился. Одна его рука от кисти до локтя была перевязана бинтами с дощечкой. Вероятно, во время нашей с ним драки в Остерате Хавьер сломал себе руку. Другой рукой он прижимал рану на ноге.

— Что тут происходит, Алабель? — недоумевал я.

— Угораздило их остановиться прямо перед тем бугром. Я их поздно вато увидела. Пришлось атаковать. Первого я легко победила. А вот второй, несмотря на свою рану, смог оказать небольшое сопротивление.

— Ты проклятая ведьма! — прохрипел Хавьер. — Вас всех сжечь надо!

— Было бы у меня больше времени, я облила бы тебя лампадным маслом и подожгла. Ты прочувствовал бы все свои никчемные угрозы на собственной шкуре.

— Хватит тратить на него время, Алабель. Что делать с лошадьми? Я порежу ремни под седлами, но наши враги справятся с этой проблемой и погонятся за нами.

— Режь ремни, но самих зверей не трогай. Я покажу тебе еще один фокус.

Я выполнил задуманное, хоть один из жеребцов чуть не откусил мне ухо. Порезал все подпруги и веревки, что держали коней на месте. К животным подошла Алабель. Я же побежал к нашей повозке — нельзя было мешать чародейству.

Магия всегда поражала меня своей таинственной природой. То, что непостижимо обычному человеку, отчего-то легко дается другому. Вряд ли Алабель кто-то долго обучал этому темному искусству, но она владела им отменно. Я услышал, как в ужасе заржали кони.

Увидел, как они бросились по дороге, ведущий еще глубже в лес. Не прошло и полминуты, как скакунов простыл и след. Шансы долго не бояться преследования возросли многократно.

— Оставить этого однорукого в живых? — спросила у меня Алабель.

— Да. Я предпочитаю не добивать раненых. Победа — победой, но если они еще живы, то пусть пробуют выжить и дальше. Чем черт не шутит. Может, их борьба за жизнь будет не напрасной. Запрыгивай, и поехали уже!

— Ну, разве я могу спорить с человеком, принимавшим участие в грандиозных сражениях? — съязвила чародейка.

Я лишь улыбнулся в ответ. Ее ирония была вполне уместной — мы вновь, несмотря ни на что, выбрались из передраги. Настроение стремительно улучшалось. Теперь важно уехать как можно дальше от владения Хамвольдов. Хоть враги и понесли урон, они могли оказаться до жути упрямыми. Да что там могли — такими они и были. Торговец доспехами Хавьер поразил меня больше всех. Это как же нужны ему несколько золотых монет, что он готов ради этого лезть в самое пекло? Я не думаю, что оружейник Астор из Саракса мог заплатить ему больше. Значит, все дело в упрямстве и недостатке ума. И жадности — куда же без нее.

Энрико сидел рядом со мной и сжимал в руках арбалет. Он был воодушевлен и будто высматривал новых врагов, что могли выскочить перед нами. Возможно, считал себя героем недавней схватки. Во всяком случае, он сумел сохранить самообладание перед лицом смертельной опасности, что дается далеко не всем. Боевое крещение прошло достаточно успешно — не будь у Райнера шлема, Энрико прикончил бы молодого, но свирепого рыцаря. Я даже подшучивать над своим спутником перестал. Конечно же, лишь на время.

Первую ночь после схватки у болота мы провели в милой деревеньке на берегу реки. Постучали в случайный дом и попросились на ночлег. Хозяином оказался вполне зажиточный земледелец. И, что наиболее важно, поселение это не относилось к владениям Райнера. Мы в долгу перед стариком и его семьей не остались. Принесли вина и мяса, отпраздновали, так сказать, успешное продвижение к нашей цели. Успешное, но лишь время от времени.

Через три ночи после этой наш экипаж добрался до большой придорожной гостиницы. До столицы Гелетии оставалось совсем чуть-чуть, так что многие купцы, путешественники и гонцы останавливались здесь на ночлег. Заведение определенно пользовалось популярностью. Когда мы, уже после захода солнца, зашли внутрь и выбили себе комнатку на чердаке, народу на первом этаже сидело полно. Причем морды у многих были вполне приветливыми, не слишком похожими на разбойничьи. Хотя непросто сохранить приятный вид после стольких дней, недель и месяцев пути.

Зато здесь, в трактире, можно легко услышать все последние новости, которые пережевывает людская молва. И не только о Гелетии. От трактирщика я узнал, что в южной части Эллас-Амина вспыхнуло грандиозное восстание; что пираты атаковали какой-то город на побережье Огненного моря; что вольные города заключили очередное перемирие с сальгурскими княжествами. От случайного пьяного забулдыги услышал новость еще интереснее: в Парлании, куда мы направляемся, месяц назад умер король. Я очень надеялся, что это никак не отразится на безопасности нашего путешествия. Хоть правители частенько умирают, невзирая на свое величие, так же часто их смерть может привести на трон кого-то более жадного и сурового. Того, кто захочет пополнить казну за счет своего населения. И за счет пошлин с населения чужеземного, которое прибывает в страну ради торговли.

В глубине зала я разглядел компанию из четырех человек. Богатый купец со своей

свитой. По его длинному наряду и украшенному бахромой берету я понял, что это торговцы из вольных городов. Покинул своих спутников, чтобы поприветствовать земляков.

— Господа, простите мою назойливость, но вы, случаем, не с западного побережья? — Я чуть поклонился: — Позвольте представиться — Фосто из Соро, как и вы — торговец. Еду в Меску из самой империи.

Горбоносый купец торопливо прожевал жареную куриную ножку и едва заметно склонил голову.

— Левио Кемена, — представился он, — а это мои друзья. Так сказать, партнеры и опора. Мы едем в столицу из прекрасного города Ярв. Бывали там?

— Ох, где я только не бывал... — Я присел за их стол. — Но ваш город не посещал давненько. Как там нынче дела обстоят?

— Дела не совсем спокойные, но нынешний правитель справляется.

— Не совсем спокойные?

— Хольн, северные налетчики. Хорошо, хоть с Гелетией диалог наладили. В противном случае дела были бы просто отвратительными.

Как удачно я сказал, что из Соро. А то бы не получилось беседы. И без того один из помощников купца подозрительно на меня пялился. Тощий доходяга с резко очерченными скулами. Из-под его темного жилета торчала короткая кольчуга.

— Что везете? — вдруг спросил меня Левио.

— Ковры. Закупился в Шэрдашехе. Думаю получить здесь хорошую цену. В противном случае двинусь еще дальше. А вы?

— В моей телеге товар куда более хрупкий.

— Керамика?

— Берите выше.

— Неужели стекло?

— Именно. В моей ответственности продукция лучших стеклодувных мастерских Ярва. И задача привезти все это в сохранности. Но я справляюсь. Мы лишь одно звено из целого каравана.

— Я считаю, Гелетия многое потеряет, начав войну с таким замечательным городом.

— Я точно потеряю много, — засмеялся купец.

— Разбойники на дорогах не беспокоят?

— Нам везло. Вольные города нашли способ, как сбить опасных ребят в кучи и заставить их колотить друг друга до смерти.

— Это вы про наемников? Ха-ха, меткое замечание! Мне самому приходила в голову эта мысль, когда я... когда я встречал таких опасных ребят. А как здесь, в полной дремучих лесов и болот Гелетии?

— У вас возникали такие проблемы? Мы все посчитали наш путь безопасным. Я бы с удовольствием поблагодарил короля этой страны за порядок, который он поддерживает.

Купец странно переглянулся с одним из своих спутников. Конечно же это был тот, что в кольчуге.

Я надеялся, что у них не возникло каких-либо подозрений на мой счет. Выглядел я прилично, зубы мои были на месте, вел я себя обходительно. Лицо не обезображено ни ранами, ни оспинами. Не могли же они подумать, что я замышляю какую-нибудь подлость? Наверное, разговор пора заканчивать. И отправляться на чердак.

Доходяга в кольчуге вдруг обратился ко мне:

— А вы, господин Фосто, никогда не были в городе Флагранге? Он далеко к северу отсюда.

— Флагранг? Нет. Не бывал. Вы оттуда родом?

Тощий молча кивнул.

— Ну, мне пора, — сказал я, поднимаясь. — Мои партнеры уже заждались меня. Наверное, все деликатесы съели.

Купец улыбался и одобрительно кивал. Я покинул своих новых знакомых. Успел отойти метра на три. Услышал. Четко, хоть меня и окружали голоса множества людей. В момент, когда я услышал ключевую фразу, мне показалось, что в заведении звучит лишь она. И ничего другого. Это был голос. Говорил тощий караванщик:

— Это он.

Глава 13. Турнир всех истин

Благодаря моей треклятой общительности я в той гостинице почти не сомкнул глаз. Сон шел плохо. Я не мог выкинуть из головы услышанную на первом этаже фразу. Что бы она ни означала, для меня в ней не было ничего хорошего.

Если бы за мою голову объявили награду, я бы узнал это не таким образом. Купцы из Ярва путешествуют в столицу совсем другим путем. Никаких владений гордых Хамвольдов. Никакого Райнера. Весть обо мне, если таковая разлетается по стране, не может быть настолько быстрой, чтобы каждый бродяга знал, как я выгляжу, что везу и кого нечаянно обидел. Крутилась мысль, что дело тут совсем в другом. Что некоторые мои старые грешки выползают наружу, а я, как собачонка, бегу к ним, высунув язык.

Ни Алабели, ни Энрико я ничего не сказал. Еще бы: они сразу обвинят меня во всех своих проблемах. Обвинят в том, что я сам навел на них беду. Неблагодарные. Теперь они сладко спят по своим углам, а я совсем забыл про сон. Каждый чертов шорох, стук и ветры за стеной заставляли меня крепче сжимать рукоять меча. Меча, который я держал под покрывалом, как самую страстную любовницу.

Ближе к утру я уснул. Раньше я долго корил бы себя за подобную слабость, но сейчас дела обстояли иначе. Я просто отвык от постоянной опасности, хоть в последнее время она и пыталась напомнить мне о себе.

Меня разбудил Энрико — он приглашал пойти вниз и позавтракать. Чувство недосыпа было сродни легкому опьянению. Раз ночью за мной никто не явился, можно было это состояние усилить.

С рассвета не прошло и пары часов, а народ в заведении уже всю толпился. Прибывали новые гости и уезжали старые. Старых гостей в лице полноватого купца Левио и его помощников я не увидел. Трактирщик поведал, что они покинули заведение еще до восхода солнца. Нужно подкрепиться и выдвигаться в путь. Так наш экипаж вполне может нагнать их по пути в столицу, и можно будет спросить у долговязого, с кем он перепутал меня во время нашего разговора. Или не перепутал. Так или иначе, такое решение было оправданным. Да и любопытства еще никто не отменял.

Где-то пропадала Алабель. С самого моего пробуждения я ее не видел, а Энрико твердил, что она ушла по делам. Каким, во имя святых, делам? Я боялся, что она задумала обчистить попавшегося ей на глаза богатого клиента. Опять обрушит на мою голову горы несчастий, кровавых схваток и прочего дерьма. Я ошибся. Она просто посетила особые помещения для дам, где те могли привести себя в порядок и искупаться в бочках с теплой водой. Эта гостиница не переставала меня удивлять. Я даже спросил у трактирщика, нет ли комнат, подобных женским, но объединенных. Где с какой-нибудь дамой я могу залезть в одну бочку. Он огорчил меня. Сказал, что такое возможно по праздникам. Ну, или для высокопоставленных гостей. Что ж, мои монеты будут целее. Да и силы тоже.

Мы отправились в путь. По хорошему, вымощенному качественным булыжником тракту; по каменным мостам через довольно широкие реки; по деревенькам, один вид которых говорил, что мирное время для простых людей чрезвычайно полезно. И, конечно, что столица уже совсем близко.

Вопреки своим ожиданиям, экипажа купца Левио я так и не догнал. Наверное, их стекло было так хорошо упаковано, что они не боялись хлестать лошадей. Примерно как я.

За последние дни мы преодолели громадное расстояние, так что я имел право надеяться, что никакой погони за нами нет. Ни команды Райнера, ни чьей-либо еще. Я чувствовал себя восхитительно, а красивые пейзажи — залитые солнцем холмы; реки и ручьи, прорезающие эту местность тысячами потоков; ухоженные пшеничные поля — заставляли вспомнить слово, которое я начал забывать. Безмятежность. До самой Мески я ощущал ее. В самой столице — густо заселенной и беспокойной — это чувство, конечно, пропадет. Там нас ждут дела. Я надеялся, что караван из Эллас-Амина, полный ковров и прочих предметов роскоши, давненько не посещал этих мест. Я не против, если наш путь закончится там. Золото везде одинаково.

Меска. С одного из холмов нам открылся замечательный вид на этот город, раскинувшийся на берегу великой реки Арис. Вид на дворцы и укрепления высшей знати, на водоносные каналы, прорезающие город. На высокие кирпичные стены, окольцовывающие внутренние кварталы Мески и теряющиеся где-то совсем далеко. На предместья, в которых серая масса стареньких домов соседствовала с богатыми поместьями и многочисленными рынками, где продавались товары со всего света. Город, когда-то бывший центром огромнейшей империи, притягивал к себе торговцев и искателей приключений. Он мог дать надежду на новую жизнь или забрать ее. Забрать не только надежду. Я никогда не заезжал так далеко на восток, но был уверен, что богатство окружающих земель поможет нам в поисках нашего счастья. То бишь звонкой монеты. Я очень надеялся, что здесь девица по имени Удача посмотрит на меня с сочувствием. Сжалится.

Под стенами столицы проходил праздник. Толпа народу, цветные ленточки, наспех сколоченные сцены. День какого-то там проповедника, когда-то где-то что-то сделавшего. Короче говоря, обычный повод для простолюдинов забыть о тяжелой работе с восхода до заката и напиться, восхваляя благодать небес и щедрость господ. Праздник, как полагается, сопровождался ярмаркой, выступлениями артистов и раздачей денег. Последнее, как иногда случалось, могло превратиться в настоящую битву между нищими, забавляющую тех, кто все это организовал.

Были здесь битвы и другого толка. Турниры. Правда, без конных рыцарей, несущихся по полю с копьём наперевес. Может, власти не хотели разоряться на содержание этих привередливых вояк, а может, не желали, чтобы в мирное время рыцарей погибло больше, чем на войне. Политики Гелетии в отношении этих вопросов я не знал. И знать мне, честно говоря, не хотелось.

Без рыцарей проходящие в округе турниры были не слишком зрелищны, зато малокровны. Вот две группы воинов со щитами и деревянными дубинками сходятся меж собой. На всех большие шлемы и толстые стеганки. Каждый отряд построен в тесную фалангу. Поначалу, когда вражеские щиты касаются друг друга, каждая из сторон пытается просто оттеснить соперника, громогласно ревя и пыхтя. Однако вскоре боевой пыл возрастает, строй рушится, и начинается свалка. Тот, кто упал, выронил дубинку или потерял шлем, покидает поле боя. Оставшиеся лупят друг друга до тех пор, пока хватает сил.

Близ реки соревновались лучники. В то время как мы подъехали к стрельбищу, осталось лишь четверо претендентов на главный приз — кубок, наполненный серебряными монетами. Мишень была поставлена на максимально возможное расстояние. Словно по тайному договору, над предместьями поднялся сильный ветер. Это добавляло интриги. Первая же выпущенная стрела улетела в реку. У промахнувшихся еще был шанс повторить попытку, если промажут все. Но случилось иначе. Двое из четырех поразили мишень и получили

право побороться за награду. Длинноволосый парень в фетровой шапке и жилистый немолодой стрелок с проседью и небольшой бородой.

— Монеты есть? — спросил я у Алабели. Про Энрико-то я все знал.

— Есть, — с подозрением посмотрела на меня девица.

— Ставлю сребреник, что победит тот, кто старше.

Алабель пригляделась к финалистам. Прикинула что-то в голове и ответила:

— Идет. Победит лучник в шапке.

Не то чтобы я был полностью уверен в своем выборе, но быстрота, с которой старший лучник посылал снаряд в цель, позволяла надеяться на его и мою победу. Более молодой долго прицеливался, пытался почувствовать ветер, но все равно производил впечатление менее искусного стрелка. Опыт должен был победить.

К заключительному этапу состязания мишень заменили на другую, в два раза меньше диаметром. На глаз я прикинул, что до нее двести-триста шагов. Задача перед противниками стояла не из легких. Каждому выдали по три стрелы. Если никто цели так и не поразит — приз останется у организаторов турнира.

Первым стрелял Шапник, как мы его прозвали. Вид у него был очень сосредоточенным и серьезным. Он натянул тетиву, замер, едва заметно уводя лук в наветренную сторону. Замерли и все зрители. Выстрел. Раскрашенная в яркий цвет стрела со свистом полетела к цели, описала дугу, но ей не хватило совсем чуть-чуть — она вонзилась в землю в метре от левой стороны маленькой мишени. Я сжал от радости кулаки и бросил взгляд на Алабель. Та ничем не выказывала своего беспокойства.

А зря. Немолодой стрелок, получивший от меня имя Дед, почесал лоб, вскинул лук и через пару секунд выстрелил. Он меня не подвел — стрела воткнулась в круг из спрессованной соломы. Теперь лицо Алабели не было столь равнодушным.

На второй попытке Шапник целился еще дольше. И его старания вознаградились: ветер смягчил свой нрав, и цель была поражена. Счет сравнялся, но Дед был спокоен. Он выстрелил и попал. Попал в деревянную основу мишени, а не в сам круг. Ничего страшного. Пока еще ничего страшного.

Шапник вытащил из земли последнюю стрелу. Так же размеренно, неторопливо начал процесс прицеливания. Я вдруг почувствовал себя неуютно: этот стрелок занял почти ту же самую позицию, точно так же начал уводить в сторону свое оружие, но явно сделал поправку на отсутствие ветра. Хотелось крикнуть ему, чтоб он уже наконец выстрелил, но потом бы Алабель попрекала меня этим еще очень долго. Зря я так не сделал. Шапник попал в самый центр мишени.

Пока еще монета принадлежала мне. Был немалый шанс, что потребуются дополнительные снаряды. Дед подошел к линии. Он был гораздо сосредоточеннее, чем минутой раньше. Поглядел на цель. Наверное, представил, как пьет из призового кубка дорогое вино в окружении нескольких молодых красоток. За исключением этой заминки, он остался верен себе — выстрелил, только натянув до максимума тетиву. Я был уверен, что он поразит цель. И сам стрелок в этом ни разу не сомневался. Но обстоятельства оказались сильнее мастерства. Резкий и внезапный порыв ветра в самый неподходящий момент сбил правильную траекторию стрелы. Она улетела в реку. Победа осталась за его соперником. Теперь его ждали красотки и море вина.

Радостные и негодующие возгласы раздавались со всех сторон. Рядом со мной сияла от счастья Алабель и хлопала меня по плечу. Я достал монету, но не сразу положил ее на

ладонь чародейки. Необходимо было удостовериться в ее честности по отношению ко мне. В отношении других, как я знал, эта черта характера у нее отсутствовала.

— Покажи свои деньги, — вежливо попросил я. — Хотелось бы знать, что я спорил не на воздух.

Она не изобразила обиженной мины. Легко и непринужденно вытащила из внутреннего кармана куртки серебряную монету. Тут же вцепилась двумя пальцами в мою. Я не спешил мириться со своим поражением.

— У тебя же ничего не было. Ты ее у Райнера сперла?

— Пусть будет так. — Алабель улыбалась. Я разжал руку.

Наш экипаж двинулся дальше, к непосредственным границам города — здоровенным воротам, через которые могли одновременно проехать штук пять телег. Ничто не должно было нас остановить. Пока не раздался громкий и зычный голос герольда. Он объявлял о том, что могло заинтересовать народ куда сильнее, чем стрельба из луков, дротиков и потешных боев. Он объявлял о поединке чести. Смертельном поединке.

— Внимание-внимание! Жители и гости нашего славного города! Слушайте меня! Пробил час, когда решится судьба давней вражды между господином Фарвингом, графом Арисгата, и рыцарем Гильбертом Стором из Красных Земель. Господин Фарвинг обвиняет своего противника в том, что тот обесчестил его дочь и подверг смертельной опасности, в результате чего молодая девушка погибла. Гильберт отрицает все обвинения. И даже больше — он обвиняет графа в смерти его же дочери. Слухи об этой вражде достигли ушей самого короля. Своим повелением наш милостивый король запретил враждующим сторонам проливать кровь друг друга и дал год на примирение. Теперь срок истек, и разрешение на судебный поединок получено. В этот час два славных воина сойдутся в схватке насмерть. Всем, кто ждал этого события, должно пройти на песчаную борцовскую арену. Сегодня там прольется кровь. И пусть победит справедливость!

— Стоит сходить, — тут же сказала Алабель.

Я отмахнулся:

— Заключать пари я больше не буду. Возможно, это интересное зрелище для обывателей, но для нас-то что там нового?

— Я предоставлю тебе право первого выбора.

Я почесал подбородок. Шанс победы в таком случае был велик. Черт, знает же эта ведьма, как воздействовать на меня, даже без магии. Я согласился.

Мы двинулись за народными массами, устремившимися к месту поединка, и быстро поняли, что повозку придется оставить. Энрико тут же заявил:

— Видимо, не судьба. Поворачиваем назад.

— Не хочешь смотреть на это? Или себя на место того Гильберта ставишь?

— С чего бы это, Фосто?

— С того, что ты так же мог сбежать со своей Гионой. Я не прав?

— Не прав. Раз на повозке мы туда не проедем, стоит заняться своими делами.

— Кто-то просто должен приглядывать за повозкой. Кто-то один. Заезжай в город и остановись где-нибудь на видном месте. Это все недолго продлится, я тебя уверяю.

— Ступайте, — произнес Энрико. — Я уже насмотрелся кровавых поединков. В одном даже участие принял. То, что здесь будет происходить, — дикость. В Мальдионе предпочитают решать такие проблемы законным путем.

— Конечно, — закивал я, — в Мальдионе обычно просто нанимают убийцу или

бандитов, которые подкараулят свою жертву в удобном месте. Это более гуманно.

Энрико отмахнулся и слегка подстегнул лошадей.

— Эй, — крикнул я вдогонку. — Внимание. Бдительность. Никаких разговоров с незнакомцами. Понял?

Ответа не последовало. Он все понял.

К подготовленной для поединка арене прибыло огромное количество народу. Многоярусные места для высокого сословия были огорожены от сброда забором и охранялись стражниками. Там уже расселись благородные мужи и прекрасные дамы. Жаль, король не соблаговолил присутствовать на таком интригующем событии.

Нам с Алабелю повезло — мы нашли свободные места на маленькой возвышенности рядом. Оттуда все отлично просматривалось, и не было той давки, что образовалась у границ арены. И за кошель здесь можно не волноваться. Мы сидели на траве и беседовали в ожидании битвы.

— Станный выбор, — протянул я.

— Ты о чем?

— Сражение на песке. Да и день выбрали праздничный.

— А чего странного в песке? Не так тяжело падать. Да и в глаза бросить можно.

— Вот и я об этом. Тут впору задуматься о разного рода случайностях.

— Будет тебе. Опытный боец не попадется на такую хитрость, а наши дуэлянты наверняка неглупые. Благородные. Да и оружие будет в двух руках.

— Ты решила притащить меня сюда только для того, чтобы стянуть еще монетку?

— Или чтобы ты смог отыгаться...

Отыгаться, как же! Я хорошо помнил, к чему приводит азарт. Но считал, что он уже давно не имеет надо мной власти. Сейчас не знаю, что и думать. Лучше не забивать этим голову и поговорить о другом.

— Как, Алабель? Как ты научилась так драться? Ты немногим старше Энрико, а ему всего двадцать. Да еще и девица. Я не знаю ни монастыря, ни ордена, где женщин обучают воинскому делу. Если ты не аристократка, то кто тебя этому обучил?

— Сам-то ты не очень делишься своим прошлым...

— Но для меня хотя бы есть объяснение. Ты не можешь удивляться моим навыкам, зная, что я много лет был наемным воином. А кем была ты до того, как грабить путников в Сараксе?

— Может, я тоже сумела протоптать половину мира? Такое тебе в голову не приходило?

— Очень сомнительно. Мало времени для этого.

— А что, если я скажу, что родом из Флагранга?

— Это значит, что ты подданная этого королевства. Кстати, во Флагранге я тоже бывал.

— О, — улыбнулась Алабель уголком рта. — Может, ты мой пропавший отец?

— Не смешно. Я был там в первый раз и сравнительно недавно. И дети у меня могли появиться там лишь от довольно сомнительных женщин.

— Чем же ты там занимался, кроме того что посещал злачные места и сомнительных женщин?

— Залечивал старые раны. Но мы отошли от темы. Предположим, ты сказала правду. Держим в уме, что... — Я воровато огляделся и удостоверился, что нас никто не подслушивает. — Что ты особенная. В Гелетии на таких особенных объявлена охота. Могу предположить, что тебе и твоей семье пришлось бежать из королевства. Но почему

Мальдион? Вольные города ближе.

— Предположим, — переняла она мою манеру речи, — что в вольных городах в то время всякие наемники, подобные небезызвестному Фосто, устраивали честным людям самый настоящий ад на земле. По сравнению с которым мои злодеяния в Сараксе — благотворительность.

— Не так уж много я знал честных людей. Но ты права в том, что работа порой огорчала меня.

— Предположим, что в Мальдионе у меня и моих покровителей были связи. А сами покровители были такими же особенными, как и я. Они научили меня сражаться, научили древнему и забытому языку, который существовал еще до Нардарии.

— Что же с ними стало?

— Ничего хорошего. — Алабель замолчала.

Оживилась толпа. Герольд объявил о том, что поединок чести вот-вот начнется.

— А ты? — спросила Алабель. — Ты владеешь мечом не как простой наемник.

— Когда я говорил, что меня обучал лучший фехтовальщик вольных городов, я не лгал.

— Граф Фарвинг из Арисгата! — вскричал герольд.

Из своего шатра в сопровождении слуг вышел закованный в тяжелую червленую броню рыцарь. Он был большого роста и производил впечатление крайне опасного соперника. Лично я не хотел бы разрешать спор с таким воином силой. Его лицо полностью скрывал большой шлем, украшенный причудливым гребнем, а на плечах висел дорогой бордовый плащ. В руках он сжимал щит и тяжелую палицу. Он не потрясал ею, не выкрикивал ругательств и угроз в сторону врага. Просто стоял и молчал.

Его противник не появлялся несколько минут. Я, да и вряд ли только я, решил уже, что битвы не будет. Что второй ее участник решил ретироваться. Эта мысль оказалась ложной. Противник графа Фарвинга покинул свое укрытие в гордом одиночестве. Перед зрителями предстал юноша с правильными чертами лица и глазами, полными грусти. Ни его рост, ни ширина плеч не шли ни в какое сравнение с могучим телосложением графа. Молодой рыцарь Гильберт Стор медленно взошел на арену. Шлем он держал под рукой, и его длинные светлые волосы трепал ветер. Его имя объявили, но сразу после этого поединок не начался. Гильберт поднял руку, прося выслушать его.

— Уважаемый народ Гелетии! Благородные и безродные! Сегодня я вынужден вступить в бой с отцом той, что я любил больше жизни. Не я желал этого. И видит бог, я не виновен в ее смерти. Облава, которую устроил на меня и мою возлюбленную господин Фарвинг, заставила нас искать убежище в замке его недруга. Но мы не нашли там покоя — люди Фарвинга подкупили хозяев замка. Они выдали дочь отцу, а меня те хозяева бросили в темницу. Но Истрид не смогла пережить разлуки. Она бросилась с обрыва в реку, и никто из людей графа не смог ее спасти. Скажите же мне теперь, люди, кто более виновен — я или отец ее?

— Заткнись, заморыш! — раздался гулкий голос из-под шлема. Граф был разъярен. — Сейчас мы узнаем, кто. Сейчас я разнесу твою голову на куски!

— Я с честью приму любой итог.

Я взглянул на Алабель. Она нахмурилась, наблюдая за происходящим. Почувствовала мой взгляд, повернулась.

— Кого же ты выберешь? — поинтересовалась она.

А есть ли тут выбор? Я протер уставшие глаза и произнес:

— Оставь монету себе. Может, пойдём? Энрико ждет. Опять натворит чего-нибудь.

Алабель покачала головой из стороны в сторону. Я понимал, на чьей стороне ее симпатия, но все же не мог разобраться, что она хочет увидеть. Может, сейчас она вспоминала историю про маленького пастушонка, который из пращи свалил огромного медведя, попав тому в глаз. А может, будучи чародейкой, верила в самые необыкновенные чудеса. Я, поставив себя на место Гильберта, обязательно зачерпнул бы ладонью горсть песка и швырнул его в щели графского шлема. Но я знал, что юный рыцарь не будет этого делать. В противном случае он просто избежал бы этого поединка. А он стоит здесь и ожидает неизбежного.

Бой начался сразу после того, как кто-то из знати произнес обязательную для таких ситуаций речь. Напомнил о чести, справедливости и прочей чепухе. Граф Фарвинг не стал тянуть с развязкой боя. Он сразу пошел в атаку, обрушивая на щит Гильберта удар за ударом. Один из них выбил молодого рыцаря за пределы арены. Толпа ревела. Гильберта подняли на ноги и вновь вытолкнули на песок. Граф ждал его в центре арены. Юноша попытался атаковать, но его меч разрубил лишь воздух. Граф даже отбивать удара не стал — чуть отклонился и тут же обрушил палицу на щит противника. Раздался треск лопнувшего дерева. Меч Гильберта вновь пронесся перед грудью графа Фарвинга, совсем не задев его. Взмах палицы — и щит молодого рыцаря разлетелся на куски. Тот закричал от боли. Удар, видимо, повредил ему кисть. Новый взмах — и стальное навершие графского оружия раздробило Гильберту челюсть. Во все стороны брызнула кровь, что только подогревало неистовство толпы. Праздник, без сомнения, удался.

Красивое лицо молодого рыцаря было обезображено, но он еще пытался стоять на ногах. Вдруг зашатался и припал на одно колено. Граф Фарвинг размахнулся и закончил мучения паренька одним мощнейшим ударом по виску. Шлем тут помочь никак не мог — палица разнесла неудавшемуся жениху голову. Теперь граф мог считать месть свершившейся. Он привел в исполнение все свои угрозы и в глазах народа снял с себя вину за смерть дочери.

Я вновь посмотрел на Алабель, но не смог распознать на ее лице никаких эмоций. Она сверлила взглядом лежащее на песке тело молодого рыцаря и молчала. О чем она думала, я не мог и предполагать. Может, жалела, что не послушала Энрико.

Глава 14. Величие на ладони

С Энрико ничего не случилось. К нему не привязались ни злые, ни добрые люди. Мы с Алабелю миновали ворота, а он ждал нас перед большим четырехэтажным зданием. Сидел на месте кучера и грыз яблоко.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Еще немного — и я бы отправился на ваши поиски. Турнир закончился? Было много крови?

— Порядком.

— А я, в отличие от вас, без дела не сидел. Есть тут большой постоялый двор. Он идеален для таких, как мы. Очень много комнат, большая конюшня с охраной. Прямо по улице, потом направо. Цена нам по карману.

— Давно в твоих карманах было что-то, кроме собственных рук? — с улыбкой поинтересовался я.

— Давно, но я надеюсь в ближайшее время это исправить. И, заметь, наполнить золотом не только свои карманы.

— Что ж, тогда вези нас. Я до остервенения проголодался.

Никаких планов на сегодня, кроме как набить желудок и отдохнуть, я не имел. Место для отдыха, коим для нас являлся постоялый двор, было найдено не сразу. Не только направо нам пришлось повернуть, но и прилично поблуждать по улицам Мески. Благо они, в отличие от таковых в Дирейме или, не приведи господь, в Сараксе, отличались большей шириной. Так что копыта наших лошадей не отдавляли ног случайным прохожим и попрошайкам, ютившимся у стен.

Скоро мы нашли место своего пристанища на ближайšie, как я рассчитывал, два-три дня. Цена оказалась не слишком привлекательной, но овчинка стоила выделки. Уют и крыша над головой после долгого и опасного пути стоили затраченных средств. Решено было остановиться именно на этом постоялом дворе. Правда, возникли некоторые сложности. Хозяин заведения ни в какую не желал поселять всех троих в одну комнату. В округе велась серьезная борьба за нравственность.

— С вами дама. Вам следовало бы снять ей отдельную комнату, — настойчиво произнес лысеющий делец. Алабель сжала губы, прикидывая в уме плюсы такого развития событий.

— Дама? — я обернулся к спутнице. — Ах, эта! Это моя дочь. А вот этот добрый паренек — мой сын. Неужто одна семья заслуживает жить отдельно?

— Простите, но это правило нашего заведения. Для нас, месканцев, моральный облик очень важен.

— Что же вы в каких-то ужасающих наклонностях меня подозреваете?

— Таково правило...

Алабель пожала плечами:

— Видимо, папенька, тут не поспоришь.

Я сверкнул глазами в ее сторону:

— Видимо, доченька, придется тебе самой платить за проживание. Глава семейства несколько поистрепался за последнее время.

Пришлось нам снять две комнаты. Алабели досталась маленькая каморка на верхнем этаже заведения. Нам же с Энрико — довольно просторное и светлое помещение на втором этаже гостиницы. Но независимо от этого большую часть ближайшего вечера мы собрались

провести в трактире неподалеку. Там мы и кутили до самых сумерек. Правда, Алабель наши с Энрико возлияния, шутки и песнопения разделяла не слишком охотно. Вот уже несколько раз предлагала отправиться в гостиницу. Я ее совершенно не слушал и отправился к стойке трактирщика за добавкой. Там-то меня и заметила прекрасная незнакомка. Она предстала передо мной в довольно откровенном наряде — ярком платье с корсетом, подчеркивающим все ее достоинства. Вьющиеся черные волосы незнакомки ниспадали на большую грудь, которая, казалось, вот-вот покинет свое ненадежное пристанище и явит себя моему изумленному взору.

— Привет, красавчик, — игриво произнесла она, оглядывая меня с ног до головы. Я в долгу не остался. Задержал свой взгляд на ее манящих формах, посмотрел на милое напудренное личико.

— Благородный торговец Фосто к вашим услугам. Позвольте поцеловать вашу ручку, миледи, и узнать имя прелестной особы.

— Белинда. Так меня зовут, — она протянула свою руку для поцелуя. — Фосто — это ведь нездешнее имя, не правда ли?

— Фристейское. Я из вольных городов. Вы не только прекрасны, Белинда, но и очень умны.

В ответ на мои комплименты она лукаво улыбнулась и элегантно поправила прическу. Всем своим видом она показывала заинтересованность в дальнейшей беседе. И не только. Деньжата у меня водилась, так что в приятном завершении этого вечера я уже не сомневался.

— Не желаете ли восхитительного вина из западной провинции? — предложил я новой знакомой.

— Вряд ли вино сможет утолить мою жажду.

— А что сможет? — прильнул я к ней ближе. Наши губы почти соприкоснулись.

Белинда немного отстранилась, задумчиво поглядывая в сторону зала.

— Мужская щедрость. И мужская страсть. — Последнюю фразу она произнесла, глядя мне прямо в глаза.

Столь недвусмысленный намек предполагал более решительный подход к делу. Впрочем, хорошо, что она не теряла времени даром. Быка за рога, а Фосто за... Фосто легко заинтересовать.

— И щедрости, и страсти у меня навалом. Можешь не сомневаться.

Белинда поглядела на меня с легкой улыбкой:

— А у меня есть дом, где ты сможешь все это продемонстрировать.

Дом — это весьма неплохо. Бордель, если быть точнее. Привести эту даму в комнату на постоялом дворе было бы проблематично — лысый хрыч может не пустить. Пришлось бы каким-то образом затащить Белинду через окно. На второй этаж. А здесь все просто. В борделе созданы все условия для хорошего времяпрепровождения.

— Идти далеко? — поинтересовался я.

— Что ты, тут буквально пара шагов. Идем, Фосто из вольного города. Я умею быть благодарной.

Энрико увидел меня, идущего под руку с прекрасной дамой, и толкнул в плечо задумчивую Алабель. Они, несомненно, удивились моему внезапному порыву. Я только помахал им свободной рукой. Мол, бывайте, неудачники.

Снаружи трактира уже царила темнота. Огни освещали лишь двери заведений,

подобных этому, а также различные государственные учреждения, коих в таком районе было предостаточно. Здания торговых контор, юридических коллегий и судов, маленьких часовен освещались, наверное, до полуночи. Так что споткнуться я не боялся. Белинда уверенно вела меня по улице, а я, не в силах сдерживаться, прижал ее к себе и подарил горячий поцелуй. Она засмеялась:

— Какой торопливый! Потерпи чуть-чуть, мы почти пришли.

Она указала на поворот, ведущий к борделю. Путь пролегал по тихой узкой улочке. Здесь смотреть под ноги стало гораздо тяжелее.

Я толком и понять не успел, что произошло. Вот передо мной манящей походкой шла Белинда, а спустя мгновение я оказался в окружении, наверное, десятка воинов. Они, как по команде, вынырнули из-за углов, из дверей домов, что располагались по обе стороны от меня. Те, кто выскочил из домов, держали в одной руке мечи, а в другой факелы, так что я смог оценить все то, что организовали в мою честь. Не только холодное оружие — как минимум у трех налетчиков были тяжелые арбалеты, угрожающие вмиг настигнуть меня смертельными зарядами. Мой клинок, который я успел извлечь, ничем не мог помочь в такой ситуации. Глупый похотливый Фосто попался в ловушку. И, похоже, даже в могилу с собой никого из врагов не унести. Какая бесславная кончина.

Из дома вышел еще один человек. Невысокого роста, с длинным носом и в невзрачном плаще с откинутым капюшоном. На вид, я прикинул, ему стукнуло лет пятьдесят. Оружия при нем не было. Он производил впечатление уверенного в себе человека. В его темных глазах я не разглядел какой-либо враждебности, что несколько смутило меня. Что же это — простой грабеж, организованный целой группой отлично экипированных воинов, или нечто другое? Уж лучше бы подтвердилась первая догадка.

— Брось оружие, Фосто, — спокойным тоном произнес человек в плаще. Похоже, он был здесь главным. — Меч тут бесполезен. Если послушаешься и пройдешь с нами, то все с тобой будет хорошо.

Стоило довериться и поступить именно так. Вдруг, чего доброго, у одного из арбалетчиков дрогнет рука. Я бросил меч себе под ноги. Один из воинов тут же подобрал его.

— И кинжал.

Само собой.

— Иди за мной, Фосто, — приказал главарь и отправился вперед по маленькой улочке. Как я ни крутил головой, Белинды заметить не смог. Грязная плутовка успела получить оплату за свое коварство и смыться.

Мы шли молча. Ни встречных, ни поперечных. Воины пристально наблюдали за мной, будто даже безоружный я мог представлять для них угрозу. Похоже, они что-то слышали про меня. Что-то, чего не знал я сам.

Конечным пунктом нашего тягостного похода оказалось некое заброшенное здание. Оно было построено из камня, а на дверях висел здоровенный ржавый замок. Для главаря это не являлось препятствием — ключ у него имелся. Было несколько волнительно заходить внутрь, в чернеющий проем. Я каждую секунду ожидал удара по голове. Или чего хуже. Хотя, если здесь мне приготовлены пытки, лучше уж помереть сразу. С достоинством. Но выбор я свой уже сделал, осталось узнать, насколько он верен.

В первом помещении мы не задержались. У дверей остался дежурить один из воинов, мы же проследовали дальше. Комната за дубовой дверью. Стол и несколько табуретов. Цепи

на стенах, и голос главаря: «Присаживайся». Вместе с ним здесь остались трое. Я занял место за столом, человек в плаще сел напротив.

— Может, познакомимся наконец? — не выдержал я. — С кем имею честь общаться?

— Всему свое время, Фосто. — Главарь сцепил руки и положил их на стол. — Пока зови меня Филином.

— Интересное имечко. Любите ночные прогулки?

— Ты сейчас, конечно, несколько озадачен, но нам пришлось пойти на такие меры исключительно из-за твоей дурной славы.

— На какие меры? Вы имеете в виду внезапное нападение? Но ведь бандиты так и поступают. Все ваши меры ни капли не удивляют меня.

— Мы не бандиты, и мы не желаем тебе зла.

— В таком случае, могли бы просто подойти ко мне в трактире, а не устраивать этот цирк с подставными шлюхами и воинским отрядом.

— Мы заложники обстоятельств.

— А я ваш заложник, так?

— Нет. Мы просто должны побеседовать.

— Если я не заложник и не хочу с вами разговаривать, значит, я могу идти?

— Не передергивай, Фосто. Ты свободно покинешь это здание, но только после беседы.

Что ж, умеет этот Филин успокаивать. Я принял удобную позу и стал ждать продолжения столь важной для непонятных мне лиц беседы. Филин, не сводя с меня глаз, начал говорить:

— Мы, Фосто, не какие-то там злодеи или бандиты. Мы то, что с ними борется. И борьба наша не ограничивается одной лишь Гелетией. Все, кто представляет угрозу для нашего государства, являются нашими врагами. Теперь ты понимаешь, кто мы? Мы — особая организация на службе короля и всего королевства. Особая потому, что действуем мы скрытно и выполняем важнейшие задачи, недоступные ни для рыцарей, ни для послов, ни для инквизиторов.

— Ясно-ясно. Шпионы и убийцы на службе его величества короля Альберта.... Забыл. Воинственного?

— Мирного, Фосто. Альберта Мирного. И твое определение нашей организации меня несколько огорчает.

— Так вы что, считаете меня врагом государства? — Я немного напрягся.

— Нет, но ты знаешь одного такого врага.

Я молчал.

— Несколько лет назад, — продолжил Филин, — некий Фосто покинул вольные города и на короткое время обосновался во Флагранге. В Стальных Воротах нашего севера. Там он занялся немислимым делом — принялся собирать добровольцев и солдат удачи для похода на вольный город Ярв. Такое не могло пройти мимо нашей новообразованной службы. Скоро мы знали, сколько золота потратил Фосто, какую армию сумел набрать благодаря своей славе, храбрости и невероятным обещаниям. Мы только решали вопрос о дальнейших действиях, как вдруг Фосто пропал. Покинул всех своих сторонников и чуть ли не в одиночку вернулся в вольные города. Истратив столько сил и средств, он вдруг передумал атаковать Ярв. А ведь у него были на то все причины, все законные основания. Я прав, Фосто?

Так вот оно в чем дело. Старые грешки всплывают из прошлого, обретают плоть и

жаждут схватить меня за горло. Утянуть с собой на дно. А ведь я стал все это забывать, все свои дурацкие амбиции уже давно похоронил. Купцы из придорожной гостиницы были не просто путешественниками, торгующими стеклом. Я нарвался прямо на сообщников этого длинноклювого Филина. Кто-то из них проследил за мной до самой столицы. На вопрос, прозвучавший только что, я не дал ответа. Молча и хмуро взирал на своего собеседника. Филина это совершенно не смутило.

— Теперь ты вновь здесь, в Гелетии. Но теперь у тебя другие намерения — подороже продать невесту откуда взявшийся товар, разбогатеть. И что дальше? Какие у тебя дальнейшие планы?

— В мире, покое и достатке прожить остаток отведенного мне срока, — тщательно проговаривая слова, произнес я.

— Ты не жаждешь ни мести, ни справедливости, ни власти? Оставил прошлое позади?

— Все так.

— На троне Ярва сейчас — настоящий тиран, задумавший повторить то, что не удалось его предшественнику. Ты понимаешь, кого я имею в виду. Только новый тиран успешнее, расчетливее и имеет опасных союзников. Он, этот безумец Аттор, уже расширил свои владения, захватив несколько городов, и не собирается останавливаться на достигнутом. Но итог всей этой авантюры предсказуем. Земли Ярва и сам город вновь отойдут салгурам. Только теперь навсегда. И они не остановятся на этом — падет весь запад, и захватчики смогут ударить по нашему королевству с нескольких направлений.

— Чего же вы хотите от меня?

— Чтобы ты поднял восстание против владыки Ярва. Сверг его и встал во главе города. Мы дадим тебе войска, золота, которого ты так желаешь. Получишь его столько, сколько не выручишь и за много тысяч ковров.

Филин произнес это довольно эмоционально. Я не повел и бровью. Отвечал спокойно и без волнения. Теперь я понимал, зачем понадобился королю Гелетии.

— Сначала были слова о мире и покое. Вы переоцениваете мою алчность.

— Ярв принадлежит тебе по праву. Ты — законный наследник своего свергнутого отца, а не этот узурпатор. Кем он был в те времена — лишь его советником? Неужели ты готов смириться с этим? Безучастно смотреть, как гибнет твоя родина? Возьми власть в свои руки. С нашей помощью ты справишься с этим.

Слова Филина заделали меня, но я сумел побороть накипающее возмущение. Лишь немного скрежетнул зубами.

— В свое время я очень много думал об этом, — произнес я после недолгих раздумий. — Мое происхождение долго преследовало меня, заставляло совершать ошибки, за которые расплачивались другие. Я смог найти себя в битвах, задешево продавал свои услуги всем желающим. Убивал тех, кто не был угоден моим нанимателям. Все эти войны, весь этот дележ земель, деревень, рудников, лесов я видел изнутри. И порой меня это жутко злило. Злило и то, что не в последнюю очередь вся эта мясорубка была по причине неумной жажды. Какой именно? Жажды власти моего отца. Если все это кровопролитие не способно остановить нашествие салгуров, то не справлюсь и я. Непросто исправить ошибки, за которые погибли десятки тысяч невинных. Это можно сделать, лишь погубив в десять раз больше. А я этого не хочу.

— А мечь? — развел руками Филин. — Что сотворил Аттор с теми, кто был тебе дорог, кто заменил тебе убитого отца? Ведь именно из-за этого ты бросился сюда, в Гелетию. Еле

спасся от его преследований. Я не могу поверить, что Фосто, сын Конрада Яростного, оставит все это безнаказанным. Я не могу поверить, что ты не хочешь отомстить, содрать шкуру с этого негодяя.

«Будь мы с тобой один на один, ты поверил бы», — подумал я и спросил:

— Чего же хочет Гелетия за столь щедрые услуги?

— Твоей преданности. Твоего желания защитить свою страну от страшной угрозы. С нашей помощью. Мы вместе укрепим твердыни Ярва вдоль Дикого Берега и остановим нашествие. Какой вольный город решится противостоять тебе, если за твоей спиной будет могучее королевство, готовое в любой момент защитить тебя. Подумай, Фосто. Подумай хорошо.

И я думал. О том, что было, и что меня ждет дальше. Расколоть надвое население Ярва, завладеть городом, стать вассалом Гелетии, отдать ей богатые железом, медью и золотом земли — вот мое будущее, если я соглашусь на сделку. Мой собеседник кричит о власти, о мести. Но он лукавит. Имеющие власть не делятся ею, они лишь позволяют некоторым сидеть подле своих ног и исполнять роль собаки, что готова грызть всех, на кого укажет их повелительный перст.

— Ты говоришь про месть, — решил я положить конец угнетающей меня беседе, — но я давно все для себя решил. Рано или поздно всех рассудит смерть. И тебя, и меня, и Аттора. Я не владыка Ярва. И никогда им не был. Забудьте про меня — теперь я лишь мирный торговец, который ничем не сможет вам помочь. Теперь решай, Филин. Открывай двери и позволь мне уйти либо прикончи меня.

— Меня зовут Карл. Карл Бильфид, — разочарованно вздохнув, пробормотал мой собеседник. Он махнул рукой — его люди отворили все двери и подали мне мое оружие.

— Сегодня ты мог вернуть себе все, что потерял, — крикнул мне вдогонку Филин. — Но променял величие на бесславную жизнь.

Глава 15. Назойливый друг

Воспоминания. Тягостные и неловкие. Печальные и ненавистные. Старательно избегаемые. Они вновь появились в моей голове. Их туманные образы не давали мне покоя. От них не отмахнуться, как от назойливых мух. Стоит закрыть глаза — и они окружают меня, наполняют сердце яростью и безумием. Они безмолвны, но будто кричат мне. Хотят, чтобы я вернулся к агенту его величества и принял условия, которые он мне предлагал. Настойчиво. Со знанием дела. Но все же я смог отказаться и удивить его этим. Филин, или Карл, вернется к королю несолоно хлебавши. Не справившись с заданием. Придется им искать другую причину для войны со злосчастной деспотией Ярва. Так или иначе, они ее найдут. Но без меня.

Аттор, владыка Ярва. Мой заклятый враг. Он погубил последних, по-настоящему близких и дорогих мне людей. Я чувствовал свою вину и не мог избавиться от мысли, что причиной их гибели стало мое легкомыслие. Я клялся отомстить, копал от ярости землю, но внутренний голос уже тогда говорил мне, что уничтожить главного виновника тех трагических событий — это просто-напросто убить себя. Я привел людей Аттора к дому человека, что в отсутствие отца воспитал меня, обучил воинскому делу и грамоте. Спас меня от мести тех, кто желал уничтожить род Конрада Яростного под корень. А я подвел его. Мой воспитатель погиб. Погибла его приемная дочь. Прекрасная Юдит.

Аттор заслуживал смерти. Я убивал бы его долго и мучительно, пытаюсь оттянуть момент гибели до максимально возможного срока. Так я думал раньше. Эти мысли подпитывали меня и придавали решимости. Сейчас же все иначе. Сейчас я не был уверен в том, что желаю видеть труп Аттора в окружении тысяч мертвых тел мирных жителей Ярва. Неравноценный обмен. Сперва я удивился своей мягкости. Не понимал, почему мое сердце окончательно не зачерствело, ведь я через слишком многое прошел. А потом понял. Вспомнил все разговоры, все споры. Все время, проведенное вместе. Вместе с Юдит.

Это отрезвило меня. Вся человеческая низость, все мои яростные позывы отступили. Я отрекся от своей мести. Не сразу, не через месяц, но в конце концов я почувствовал, что боль утихает. Судьба, уготованная мне, потекла по другому руслу.

Сегодня это русло очень хотели повернуть вспять. Ничего не вышло, но кусочки тщательно скрываемых воспоминаний они смогли разворошить. Этим я был очень недоволен.

Я еще долго блуждал по ночным улицам Мески. Думал. Вспоминал. Я не спешил возвращаться в гостиницу — ни покой, ни сон не смогли бы сейчас завладеть мной, поэтому я просто шагал мимо темных очертаний домов, парков и храмов. Шагал по закоулкам и не оглядывался назад. Тьма была моим союзником.

Опомнился я лишь тогда, когда начало светать. Дивясь самому себе, я отправился к гостинице. Сегодня я и мои спутники должны были обойти все крупные рынки Мески, узнать цены, выявить спрос. Возможно, полностью реализовать свой товар. Теперь все это казалось мне излишним. Я видел другую цель сегодняшнего дня — свалить как можно дальше от гелетианской столицы. Не хватало только, чтобы Филин, как следует оценив и обдумав ситуацию, решил надавить на меня через моих спутников, о которых он наверняка успел что-нибудь разузнать. Молот Эрхивиана на мою голову, если я допущу это. Меска — это далеко не последнее место, где мы можем дорого продать свой товар.

Я торопился. Стоило только вернуться мыслями из прошлого, как на тело тут же навалилась усталость. Сказывалась ночная прогулка. Однако упорное нежелание становиться пешкой в бесчестной игре подгоняло меня. Совсем скоро я увидел маленькую площадь с фонтаном, а за ней — большое деревянное здание, в котором досыпали свои последние минуты Энрико и Алабель. Сейчас их ждет удивительная новость.

Нет, всей правды им не видать. Я уже придумал, что скажу своим спутникам. Обстоятельства складывались так, что главная опасность им представлялась вполне отчетливо: рыцарь Райнер Хамвольд со своей командой преследователей. Я решил сказать, что видел его на улицах Мески. Это заставит моих приятелей быть осмотрительнее, и они наверняка сами захотят покинуть город как можно скорее.

Стоило мне зайти внутрь здания, как я тут же встретился с хозяином заведения. Он уже бодрствовал. Быстро узнал меня и поинтересовался, почему я не ночевал здесь, в оплаченной звонкой монетой комнате.

— Всю ночь провел в храме, — ответил я перед тем, как подняться по лестнице. — Замаливал свои грехи перед Первозданным. Видите ли, я очень верующий человек. И, как и все, очень грешный.

Больше вопросов хозяин не задавал. В своей комнате я первым делом растолкал храпящего Энрико. Его улыбающееся лицо и расспросы о том, весело ли я провел ночь, мне пришлось сменить на тревожное молчание, рассказав ему об опасности, подстерегающей нас. Первой же его фразой после короткого раздумья было ожидаемое: «Надо убираться отсюда в другую страну». Я похвалил Энрико за столь мудрое предложение и отправился на третий этаж, к Алабели. Я пребывал в абсолютной уверенности, что она скажет то же самое.

На мой стук в дверь каморки чародейка отреагировала сразу. В отличие от легкомысленного Энрико, Алабель уже давно проснулась и приготовилась к покорению рынков Мески. Она уже натянула на ноги сапожки, а свои волосы собрала в одну косу. Села перед маленьким окошком и внимательно оглядела меня:

— Как прошла ночь? Что-то вид у тебя больно утомленный.

— Все прошло не так, как я рассчитывал, — оправдывался я, стоя в низком проеме двери. Пришлось пригнуться.

Алабель взглянула на меня с ноткой удивления и настороженности:

— Тебя обчистили? Та девица показалась мне весьма одаренной в этом плане особой.

Я пожал плечами:

— Скажем так: она обещала мне больше, чем смогла выполнить. А ты знаешь, как я не люблю разочаровываться в людях. Я не смог ей довериться и покинул ее.

— Долго же ты разочаровывался, раз пришел только под утро.

— Возможно. Дело сейчас не в этом, Алабель. Нам вновь угрожает опасность. Прогулка на свежем воздухе оказалась полезной.

— Ты кого-то видел?

Я кивнул.

— Райнера?

— И нескольких его приспешников. Они ищут нас. Мне пришлось сделать приличный крюк, чтобы вернуться сюда. Из города надо уезжать.

— Они были недалеко? — взволнованно спросила Алабель.

Я с самым серьезным лицом закивал вновь. Сомнений в правдивости моих слов у девушки не возникло.

— Ступай вниз. Вели приготовить экипаж.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа, — язвительным тоном ответил я.

— Мне надо немного поточить оружие. Через десять минут я и Энрико будем внизу.

Да будет так. Я, конечно, ценил поспешность, с которой мои спутники желали покинуть Меску, но сам не собирался затевать лишнюю суету. Я не хотел притягивать к себе возможные подозрения хозяина гостиницы. Однако подозрениям суждено было притянуться без моего участия. И без участия кого-либо из моих приятелей. Спускаясь по лестнице, внизу я неожиданно услышал голоса. Я замер на ступенях. Хозяин гостиницы беседовал с новым гостем. Гость упомянул мое имя.

— Здесь останавливался мужчина по имени Фосто? Рост чуть выше среднего, темные волосы до плеч, такое суровое лицо. Явно бандитское. На поясе меч. С ним были еще два человека.

— Фосто? — переспросил удивленный хозяин. Своего настоящего имени я ему не называл. — Нет, никакого Фосто я не припомню.

— Он мог назваться иначе. — Тягучий голос гостя показался мне знакомым. — Вы не дали мне договорить. С ним были двое — молодой кучерявый паренек и рыжеволосая смазливая девица в одеждах, больше подобающих мужчине. Она наша главная цель. Она богомерзкая ведьма, что может наслать проклятье на недостаточно праведную голову. Если вы ничего не вспомните, а потом выяснится, что такие люди хотя бы только заглядывали сюда, то берегитесь. Вам предъявят обвинение в утаивании врагов королевства. Ваша судьба будет крайне незавидной. Поэтому не спешите с ответом и напрягите свою память.

Хозяин гостиницы сильно заволновался. Даже с лестницы я слышал, как тяжело он дышит.

— Постойте... сейчас я подумаю. Ох, кажется, я могу помочь.

Вдруг я понял, что за гость прибыл по наши души. Я вспомнил, где слышал этот голос. Удивительно, но это был неугомонный торговец Хавьер из Патса. Как быстро он смог поправить свое здоровье, подлатать раны, коими мы щедро наградили его! Наверняка он являлся членом лишь одной из многих групп, занятых нашими поисками. Райнера, слава Первозданному, я не услышал.

Я прислушивался к голосам, как вдруг на мое плечо легла чья-то ладонь. Я вздрогнул, но ладонь принадлежала Энрико. Он увидел меня в странной позе и приблизился, стараясь не издавать лишних звуков.

— Нас нашли? — прошептал он. Я взглянул на него и утвердительно кивнул.

Судьба сыграла со мной злую шутку. Она просто возненавидела меня, непрестанно издеваясь над моими жалкими потугами избежать ее козней. Та ложь, которую я пытался выдать своим спутникам за правду, таковой и оказалась. Я, сам того не зная, предупредил Энрико и Алабель об опасности.

— Знаю-знаю, видел людей, подходящих под это описание, — затараторил хозяин заведения. — Они все здесь. Все трое здесь. Один из них назвался Ричардом, но я сразу подумал, что человек очень подозрительный. Очень неприятный. Он бродил где-то всю ночь и пришел совсем недавно. Я думаю, он кого-нибудь убил или ограбил. Почти уверен. Мне показалось, что на его одежде были пятна крови.

— Остановись, черт тебя дери, — приказал Хавьер. — Говори, в какой комнате они расположились!

— Две. Две комнаты. Мужчины на втором этаже, третья дверь справа от лестницы.

Ведьма, спаси меня святой Хантал, выше этажом. Налево, комнатуха под крышей. В самом углу.

— За мной! — обратился Хавьер к кому-то. Нетрудно догадаться, что к своим вооруженным помощникам. Вопрос в том, сколько человек он с собой взял.

Нас мог спасти элемент неожиданности. Я схватил Энрико под локоть и потащил его вниз. Он и запротестовать не успел. Но я не собирался сталкиваться лоб в лоб с неприятелем. Под лестницей таился небольшой спуск к чулану. Враги не смогут нас там разглядеть. Они побегут наверх, а мы двинемся следом за ними. Напасть сзади гораздо проще. Лишь бы напуганный Энрико дышал тише.

Сквозь щели между ступенями мы увидели тех, кто желал нам смерти. Первым поднимался Хавьер. Я видел его лишь несколько мгновений, но и этого хватило, чтобы понять — его состояние оставляло желать лучшего. Бледное осунувшееся лицо, перевязанная рука висит на петле перед грудью, свободная рука опирается на трость. Хавьер заметно хромал — клинок Алабели знатно подпортил ему жизнь. И тем не менее, торговец доспехами возглавлял поисковый отряд. То ли у Райнера был дефицит людей, то ли Хавьер после битвы в лесу тронулся рассудком. Иначе объяснить его упорство я не мог.

За медлительным Хавьером поднимались лишь два воина. Они нарядились в короткие кольчуги, прикрытые льняными накидками. Без гербов. Без грифонов. Шлемов и щитов они также не использовали. Оружие — короткие мечи — держали наготове. На их лицах читалось полное отсутствие таких любимых философами качеств, как милосердие и благочестие. Да и интеллектом, судя по их отвратительным лицам, они не блистали.

Стоило им подняться на второй этаж, как я толкнул Энрико и кивком велел следовать за мной. Если к лестнице сейчас подскочит любопытствующий хозяин заведения, придется отправить его к праотцам. Хвала небесам, делать этого не пришлось, иначе вся наша скрытность пошла бы псу под хвост.

— Здесь пусто, — услышали мы приглушенный голос. — Давай еще выше.

Троица преследователей отправилась к Алабели. Вот уж она удивится! Но времени мы тоже не теряли. Начали медленно подниматься.

Лестница закончилась темным коридором. Комната по левую руку от меня образовывала угол, который прикрывал нас от команды Хавьера. Я на самую малость высунулся из-за него. Враги стояли перед каморкой Алабели. Хавьер ткнул в грудь одного из воинов, приказав тому ворваться первым, сея панику и смерть в рядах обитателей этой убогой комнатухи. Торговец доспехами полагал, что вся наша компания скрывается там, вероятно, предаваясь разврату и черной магии.

Я приготовился. Как только один из негодяев ворвется к Алабели, я кинусь на второго. Он не успеет среагировать. Рука одного из воинов коснулась дверной ручки. Двери здесь не запирались. Бандит приготовился к нападению, крепко сжал свое оружие. Я начал красться. То, что случилось дальше, на секунду поразило и меня. Как и остальные, я не сразу понял, что произошло. Враг собрался с криком ворваться внутрь комнаты, дернул дверь на себя и подался вперед. Его разинутый для боевого клича рот так и остался разинутым. Навстречу его броску Алабель совершила молниеносный выпад. Ее меч на половину своей длины вонзился в пасть невезучего злодея, выйдя наружу через шею. Это неожиданное развитие событий ввело остальных нападавших в ступор.

Я подкрался ко второму воину, тронул рукоять своего меча в ножнах и решил действовать иначе. Без кровопролития. Это решение не означало, что я буду милостив к

врагу. Я просто обхватил его голову двумя руками и, используя всю свою силу, одним резким движением свернул тому шею. Она глухо треснула под моим яростным напором.

Вряд ли Хавьер из Патса готовился к такому внезапному поражению. Он с ужасом взирал, как Алабель, скривившись от злости, пытается вытащить свой меч из головы поверженного врага. С другой же стороны находился я. Под моими ногами лежало бездыханное тело второго глупца, посягнувшего на мою жизнь. И поплатившегося за это своей. Энрико тоже вышел из тени. Сжимая двумя руками булаву, он стоял позади меня.

Хавьер забился в угол, отбросил трость и достал свой меч. Приготовился умереть с достоинством.

— Все это стоило обещанного золота? — спросил я его.

— Может быть, — процедил он. — Вы подписали себе приговор, связавшись с мятежниками. Хоть вы и убьете меня, покоя вам не будет.

— Думаю, убить определенно стоит, господин Хавьер. Я два раза оставлял тебя в живых, а ты все не понимаешь намеков. Третий раз будет перебором.

— После меня придут другие. Бригитта Хамвольд наняла много людей, чтобы уничтожить всех вас.

— Бригитта? — удивился я. — А она здесь при чем? Я считал, что всеми этими грязными делишками занимается исключительно Райнер.

Хавьер недобро усмехнулся:

— Раньше так и было. Да только теперь Райнеру нездоровится. Ты сильно ранил его там, у болота. Теперь даже простейшее действие является для него непосильной задачей. Его кормят с ложки, как младенца. Разве может Бригитта оставить безнаказанным то, что ее единственный сын, бывший славным рыцарем, теперь способен только пускать пузыри да ходить под себя?

Вот так новость. Отвоевался лорд Остерата. Несмотря ни на что, это обстоятельство не вызывало у меня радости. Гелетию надо срочно покидать.

— Да чтоб всем вам провалиться в ад! — в негодовании воскликнула Алабель. Она наконец-то извлекла свой меч из трупа. — Опять точить придется. Только посмотри на эту зарубину.

Она вытерла лезвие тряпкой и впилась взглядом в Хавьера. Тот уловил ее настроение. Дыхание торговца стало сбивчивым. Алабель приблизилась к своему обидчику с явным желанием оборвать его жизненный путь. Я спросил у торговца:

— Скольких же людей отправила Бригитта по мою душу?

— А зачем мне отвечать? — Хавьер бросал взгляд то на меня, то на Алабель. — Вы все равно меня убьете.

— Пытаешься торговаться?! — рассердился я и вытащил меч. Чародейка приготовилась нанести удар одновременно со мной. Шансов защититься у Хавьера не было. Он понял это, склонил свою голову и бросил меч на пол.

— Еще четыре отряда. Мой был пятым. Я на собственные средства нанял его. Хватило только на двух человек.

— Сколько отрядов в Меске? — Острие моего меча подрагивало в опасной близости от лица неприятеля.

— Вместе с моим — два. Сегодня должен прибыть еще один.

Если слова Хавьера верны — время работает против нас. Я вздохнул. Мне не слишком-то хотелось убивать торговца, но его настойчивость не оставляла мне выбора. Впрочем,

грязную работу с удовольствием выполнит Алабель.

Но произошла случайность, которая не входила в мои планы. Из комнаты справа от меня вышел полноватый постоялец в длинной тунике. Он зевал и протирал глаза.

— Что за шум тут у вас? — спросил он. Замер на месте, увидев неожиданную картину: два трупа и двое убийц, готовых расширить список жертв еще на нескольких любопытных зевак.

Он дернулся и хотел закричать, но я толкнул его плечом и зажал рот ладонью. Обратил его внимание на свой меч. Спросил:

— Ты один в комнате?

Трясущийся постоялец закивал. Я поглядел на Алабель. Она была в самых расстроенных чувствах. Ждать, пока изо всех комнат повалят люди, попросту глупо. Мы затащили тела мертвых воинов в комнату Алабели. Хавьер и любопытный постоялец стали нашими заложниками. Мы привели их вниз. Третьим неудачником стал хозяин гостиницы.

— Ты считал меня омерзительным негодяем, — зловеще проговорил я ему. — Ты оказался прав. Таких, как ты, я давлю, словно тараканов. Поэтому, если хочешь жить, отдавай все ключи и полезай вместе с этими глупцами в свой чулан.

Он быстро выполнил мое приказание. На чулане висел замок, так что сразу они оттуда не выберутся. Когда заталкивал Хавьера внутрь темного помещения, я не смог не полюбопытствовать:

— Чем закончилась битва у болота, Хавьер? Воины Райнера всех перебили?

— Не всех. Многие убежали. Яков тоже спасся. Преследовать их не стали — мы и так потеряли четверых.

— Моя школа, — улыбнулся я и обратился ко всем пленникам: — Мы посадим вас под замок, но уберемся отсюда не сразу. Эту дверь будет охранять моя прекрасная и злопамятная подруга. Если вы завершите или попытаетесь выломать дверь чулана, пока она будет здесь, то пеняйте на себя. Она эту дверь попросту подожжет, и все вы сдохнете в муках. Сидите тихо — тогда все с вами будет хорошо.

Мы с Энрико отправились к конюшне. Пребывание в Меске было в высшей степени неприятным. Пора гнать повозку к границе.

Глава 16. Сила знания

— Ежели искать другой путь, то двигаться вам надо на север. — Седой землепашец почесал бок и указал рукой в ту сторону, где мы могли бы найти переправу через реку Арис. — Там городишко один есть. Много рыбаков. Кто-нибудь да перевезет вас на ту сторону.

Мы с Энрико переглянулись. Рыбаки — это, конечно, хорошо, но на углой лодочке здоровенную повозку мы не перетащим. Старик заметил наши сомнения и добавил:

— Найдется там плот, найдется. Не такой большой, как в столице, но раз вы не хотите платить втридорога, будет вам самое то.

— Как город-то называется, дед?

— Королевский Яр. Бывал я там как-то в молодости.

Яр, так Яр. Нам ничего не оставалось, кроме как воспользоваться полученным советом. Побродим по землям Гелетии еще какое-то время, раз нависшая над нами опасность не давала покоя. Переправляться через реку в Меске было бы слишком очевидным действием. Наши враги двинутся именно по такому пути. Они наверняка решат, что мы попытаемся как можно быстрее пересечь границу с Парланией, тем самым обезопасив себя от преследования. Но, быстренько обсудив этот план со своими спутниками, я осознал, что он чересчур рискованный. Мы минуем реку, но до границы все равно придется ехать еще много дней. Нас быстро догонят. А этот путь — дорогу вдоль реки — наши преследователи могут и не взять в расчет. Нам хотелось в это верить.

Мы поблагодарили услужливого землепашца и двинулись дальше. Жаль только, что старик не смог поведать нам, какое расстояние было до искомого города. Или хотя бы сколько дней пути нам придется потратить на это путешествие. Со счетом дела у него обстояли совсем плохо.

— Скажи, Энрико, — обратился я к своему торговому партнеру. — Вот ты, как человек грамотный, прочитавший много книг, можешь ответить мне: сделало ли тебя знание об окружающем мире счастливее? То, что ты умеешь читать и писать, принесло тебе в жизни какую-нибудь пользу?

— Отец говорил мне, что без грамоты не приумножить богатства.

— Что-то не сильно ты его приумножил.

— А я знал, что ты так и скажешь.

— Я предсказуем. Но ты не ответил на вопрос — счастливее ли ты того улыбчивого старика, который и на пальцах считать не умеет?

— Если бы получил за свой товар много золота, если бы за нами никто не гнался, то точно был бы счастливее.

— Уверен? Старик и без богатства счастлив, а ты, получив какое-никакое, но наследство, готов был удавиться с горя.

— Хочешь сказать, что большой ум порождает большие потребности? Старик всю жизнь работает на земле и привык к этому. Не мыслит себе иной жизни. Считает, что Земля плоская, как блин, а Солнце — свечка, что крутится вокруг этого блина. И этого знания ему достаточно. Я как-то пытался доказать конюху, что планета наша круглая, что Солнце — это лишь одна из тысяч звезд, а он только усмехнулся и спросил меня: «Как же мы держимся на земле, раз она круглая?» В общем, сказал, что это чушь, что горизонт прямой, а значит, и

мир наш такой же.

— Занятный спор. Но видишь ли, конюху ничего бы не дало это знание. Если бы он был смелым мореплавателем, то смог бы получить из этого какую-нибудь выгоду, а так — пустая болтовня. Ты не смог ничего доказать, так что он наверняка высмеял тебя перед друзьями. Сказал, что Энрико любит рассказывать всякие небылицы. Справедливости ради — ты тоже не мореплаватель.

— Все же я не считаю свои знания бесполезными.

— Но не они помогли тебе спастись в гостинице. Не они позволили тебе попасть стрелой в Райнера. Я научил тебя пользоваться арбалетом. Думаю, твой отец неспроста оставил тебе такое наследство. Хотел, чтобы ты поднял свою задницу со стула и взглянул на реальный мир. Круглый, но не лишенный острых граней.

На это Энрико ничего не ответил.

— Не принимай мои слова близко к сердцу, — добавил я немного погодя. — Мне моя грамотность в отряде тоже не пригодилась. Хотели меня как-то счетоводом сделать, но жуткая смерть счетовода предыдущего заставила меня отказаться от этого предложения. Видишь ли, его четвертовали за воровство. И голова его отлетела в самую последнюю очередь.

На такой позитивной ноте я закончил беседу и залез под полог, где уже несколько часов дрыхла Алабель. Перед тем как уснуть, я успел дать последние наставления парню:

— Увидишь подозрительных личностей на дороге — сразу буди.

Изнуренный организм быстро погрузился в сон. Я бодрствовал почти двое суток, а это не самое хорошее состояние для отражения возможной атаки неприятеля. Отдых был необходим.

Я проснулся оттого, что меня теребили за плечо. Вздрогнул и открыл глаза. Уже темнело, но взволнованное выражение лица Энрико я видел отчетливо.

— Там люди, — только и пробормотал он.

— Какие люди? Нас преследуют?

— Нет, они движутся навстречу. Все на лошадях.

Я приподнялся, взглянул на дорогу. Метрах в ста от нас ехала в попутном направлении телега, груженная сеном. Вокруг нее кружили не менее четырех всадников в длинных черных плащах. Они что-то спросили у кучера и, получив ответ, подстегнули лошадей и поскакали прямо на нас.

— В повозку, быстро! — крикнул я Энрико. — Вводи арбалет!

Сам я занял место на облучке. Там же, держа поводья, сидела Алабель.

— Не слышала, что они спрашивали у крестьянина? — спросил я, памятуя о том, что чародейка обладает поистине звериным слухом.

— Имени не расслышала, но они кого-то ищут. Крестьянин им не помог.

— За что нам все это, а, Алабель?

Она взглянула на меня, подняв одну бровь. Действительно, вопрос неуместен. Будь мы более религиозны — точно поверили бы в неотвратимость божьего возмездия. Сейчас же я просто-напросто ощущал себя неудачником.

Всадники поравнялись с нами. Задержали своих скакунов. Их возглавлял молодой мужчина непримечательного внешнего вида на гнедом жеребце. Из-под грубого темного плаща виднелось навершие меча.

— Прошу вас, остановитесь! — Не совсем это было похоже на просьбу. Алабель

придержала поводья.

— Мы скачем по дорогам от деревни в деревню, — пояснил главный, — и ищем медиков или целителей для нашего господина. Он очень плох.

— Вы надеетесь найти таких людей здесь? — удивился я. — Езжайте в Мальдион, там целителей еще не перебили.

На самом деле я очень радовался, что эти подозрительные лица носятся по округе не за нами. Вспоминая рассказ покойного Мартина, я подумал, что всадники ищут ведьм, таким нехитрым способом выискивая их среди честного люда. Не представляю, кто может попасться на столь очевидную уловку.

Главного наездника мое замечание ни капли не задело. Он спокойным тоном ответил:

— Ни травников, ни знахарей мы здесь никогда не трогали. Но при прежнем короле вооруженные отряды не слишком разбирались, кто есть кто. Поэтому многие сбежали. Если вы думаете, что мы — один из таких королевских отрядов, то ошибаетесь. Мы из поместья Георгия Красного. Это очень добрый и справедливый человек, но судьба оказалась к нему слишком жестока.

— Что же за недуг сразил вашего господина? — полюбопытствовал я.

— Мигрень. Раньше она его не слишком беспокоила, но после гибели сына эта болезнь приобрела ужасную форму. Известие о трагедии стало страшным ударом. Боль настолько сильна, что господин может кричать от нее по много часов. Успокоение же слишком коротко. Если можете чем-то помочь — помогите. Мы в долгу не останемся.

Где-то я уже слышал про благодарность аристократов. Пора распрощаться с этими людьми. Я уже открыл рот с этой целью, как вдруг мой собеседник посмотрел на Алабель и обратился к ней:

— Леди, вы можете помочь нам? Хоть что-то, что позволит облегчить страдания нашего господина.

— Если только отвар из трав, — с задумчивым видом вдруг ответила Алабель.

Мой рот так и остался открыт. Я даже не понял сразу, специально она это произнесла, или фраза случайным образом слетела с ее уст. Но, как бы то ни было, рыжая бестия опять подставила всех нас под удар. Я бы вцепился ей в горло, если бы позволяли обстоятельства. Но они позволяли мне лишь сверлить ее злобным взглядом.

— Мы будем признательны, если это поможет. Следуйте за нами, до поместья добираться несколько часов.

— Но вынуждена признаться, у меня этих трав совсем мало.

— Мы найдем все возможное, чего не будет хватать!

Когда всадники двинулись вперед по дороге, сопровождая нас на небольшом расстоянии, я прошептал Алабели:

— Что ты сейчас сделала? Огонь не будет к тебе милостив.

— Неужели, ты не спасешь меня от него? — ехидно ответила чародейка.

Возражать было бессмысленно. То ли девица жаждала приключений, то ли решила заработать на своих способностях. Во всех этих вариантах она тянула нас на дно вместе с собой. Больше такого допускать нельзя. Если мы выберемся из этой истории, я отправлю ее на все четыре стороны. Пусть путешествует одна и исцеляет кого хочет.

Мы проехали деревню и несколько ферм. Сопровождаемые под тусклым светом луны четверьмя всадниками с факелами, мы напоминали неторопливую траурную процессию. Ухабистая дорога разветвлялась, но подданные Георгия Красного с пути не сбились — они

хорошо знали эти места, да и местность была не слишком лесистой.

— Долго еще? — не выдержал я и прокричал вопрос ближайшему всаднику.

Тот отрицательно покачал головой. Немой, что ли?

Не то чтобы долго, но еще час мы точно ехали. Наши лошади сильно утомились, и в мыслях я поминал Алабель последними словами. Чародейка же не выказывала своим видом ничего. Она была спокойна и почти не говорила. Лишь с Энрико перекинулась парой фраз. Само хладнокровие.

Когда мы заехали в очередную деревню, предводитель отряда наконец обрадовал меня — мы добрались. Проехали с десяток хижин, миновали мельницу и пшеничные поля. За полями на пологом холме и располагалось поместье. Его окружала каменная стена, а само здание больше походило на укрепление, чем на жилой дом. Земли, богатые камнем, к слову, располагались довольно далеко отсюда.

Ни воины с копьями, ни священники, потрясающие посохами, нас за воротами не встретили. Напротив, приняли радушно. Повозку и коней отправили в конюшню — я лично проследил за этим. Встречать своих людей и тех, кого они привели сюда, вышел молодой человек в длинной тунике. Он был среднего роста, с короткими волосами и рыцарской статью. Впрочем, рыцарем он и являлся.

— Тилло! — воскликнул он радостно. — Неужели ты смог найти лекарей? Я всегда говорил отцу, что на тебя можно положиться в любой ситуации.

Молодой человек обратился к нам:

— Позвольте представиться, меня зовут Альберт, я старший сын хозяина этих славных земель. Имя легко запомнить — так зовут нашего досточтимого короля. С кем имею честь разделить надежду на добрый исход отцовского недуга?

Красноречивый рыцарь попался. За каких-то пятнадцать-двадцать секунд он успел утомить меня так, как не утомила долгая дорога в ночи. Пока еще чего не лягнула репоголовая Алабель, я ответил Альберту:

— Меня зовут Фольмгам. Это мои партнеры: Каспар и Гиона. — Я внимательно поглядел на своих приятелей и продолжил: — Мы едем с товаром из самого Эллас-Амина. Сами-то мы мальдионцы. Ваши люди поделились своей проблемой, и мы решили помочь: Гиона хорошо разбирается в травах. Ну, понимаете, знает, что добавить в суп, чтобы сдобрить его. И чтобы мы кусты потом не сдабривали.

— О, я этому несказанно рад. — Альберт повернулся к Алабели и поцеловал ее руку. — Вы очень красивы, Гиона. Мой отец — он хороший человек, но сейчас у нас горе, которое подавило его. Он только недавно затих. Если вас не затруднит, приготовьте травы сейчас, потому что уже скоро он будет страдать вновь. Мы принесем вам все, что нужно.

— Мы тоже не останемся в стороне, — добавил я свое слово в речь рыцаря. Нельзя оставлять Алабель одну, ибо даже если нам не грозит опасность, она может создать ее искусственно. Сейчас она участливо смотрит на Альберта, а мгновение спустя может попытаться его обокрасть. За время, проведенное с нею, я стал осмотрительнее.

Мы вошли в просторный дом, где я сразу же отметил красиво обставленный главный зал: столы из красного дерева, маленькую оружейную экспозицию, несколько изящных статуй и ваз. Нас привели на кухню, где горел очаг. Альберт куда-то удалился, но Тилло со своими друзьями был готов отправиться на поиски нужных ингредиентов, если таковые обнаружатся в окрестностях.

Алабель сняла с пояса маленькую сумку с травами, порылась в ней и произнесла:

— Я всегда стараюсь обновлять запасы трав, но в последнее время что-то расслабилась. Я могу приготовить простое средство для облегчения приступов мигрени, правда, его будет совсем немного.

— Лучше, чем ничего, — ответил Тилло.

— Так, листья медвежьей ягоды есть, омела, тысячелистник. Останется нарвать спорыша, — обратилась новоявленная целительница к слугам. — Он везде растет.

Тилло тут же отдал распоряжение. Алабель взглянула на него и на меня:

— Настой будет не слишком действенным. Если приступы действительно так сильны, нужны травы, которых здесь точно не добыть.

— А муравьиная трава? — вдруг подал голос Энрико. Все уставились на него. — В трактате известного нардарского ученого Данаила Варамского упоминалась эта трава, точнее, ее корень. Он способен справиться даже с сильной болью. И найти его легко.

Алабель пожала плечами — она не слышала о подобном растении. Я был просто поражен:

— Эн... м-м, Каспар, черт тебя дерит, да ты, оказывается, скрывал от нас такие познания. Теперь я верю, что не зря ты прочел столько книг!

— Ты сможешь найти ее? — спросил Тилло, и мой приятель уверенно закивал. Он отправился вместе с остальными на поиски этой удивительной муравьиной травы. Кроме меня и Алабели, на кухне мельтешила еще пара служанок. Они грели воду, то и дело спрашивая у чародейки, чем могут помочь. В момент, когда я и Алабель остались одни, мне захотелось узнать ее мотивы.

— Зачем ты согласилась помочь этим людям? Я не верю в твои добрые намерения.

— Напрасно. Я не избегаю даже бескорыстной помощи. А это дело еще и пользу нам принесет.

Я старался говорить как можно тише:

— Как же ты собираешься исцелить хозяина? Магией? Будешь читать заклинания перед его лицом?

— Можно и так. Только тебе придется подальше отойти.

Алабель неисправима. Я покинул жаркую кухню и вышел на улицу. Воздух был свеж и приятен.

Команда Тилло вместе с Энрико прибыла довольно быстро. Невероятно, но он смог добыть в ближайшей роще прославленный древним ученым корень. Это подарило мне надежду, что никакая магия, кроме природной, в сложившейся ситуации не пригодится.

Алабель повертела перед собой непримечательный корень, хмыкнула и принялась растирать его для приготовления отвара. Спустя пару часов все было готово. Тилло понес кувшин с зельем наверх, в покои хозяина поместья. Если чудо-корень поможет, я больше никогда не обвиню Энрико в праздности, в бессмысленности его увлечений. Главное, чтобы не стало хуже.

— Как ты смог так быстро его найти? — спросил я у парня, когда мы все трое вышли на открытую террасу, пока для нас благодарные слуги готовили еду.

— Эту траву трудно спутать с другой. У нее листья похожи на конские копытца. По моему, где-то ее называют именно так.

— Копытник? — насторожилась Алабель, и глаза ее забегали.

— Вроде да, — улыбаясь, ответил Энрико. — А что-то не так?

— Не так?! Думаешь, «не так» — это подходящая фраза? Да ты... Копытник опасен.

Ослабленное болезнью тело может не выдержать его силы. Если хозяин умрет, мы отправимся в могилу вместе с ним, никчемная твоя голова!

Глава 17. Вознаграждение

Должно быть, это невероятно увлекательно, когда твоей смерти желает все королевство. Когда куда бы ты ни явился, везде находишь врагов и приключения, порождаемые попыткой спасти свою шкуру. Все это я говорю потому, что если сегодня умрет господин Георгий Красный, мне и моим спутникам придется ох, как несладко. Кто бы мог подумать: Энрико ошибся в выборе лекарства. Может, не так понял труды древнего врачевателя Данаила. Может, все дело в том, что у каждой травы есть десятки разных названий, и нельзя понять сразу, какая именно может помочь. Я, в свою очередь, должен был предвидеть, что может произойти именно то, что произошло.

Энрико сразу же предложил по-быстрому сматываться отсюда, но Алабель осекла его.

— На что нам рассчитывать? Если корень был ядовит, нам конец.

— Яд яду рознь, — пояснила Алабель. — Я попытаюсь уменьшить его воздействие.

— Магией?

— Да что вы заладили с этой магией! За хозяином надо приглядывать. До конца ночи его будет мучать не только головная боль.

После этих слов Алабель понеслась к слугам, чтобы те проводили ее в покои Георгия. Нам оставалось лишь ждать. В гостевой комнате я «подбодрил» Энрико:

— О тебе, друг, можно песни слагать.

— Ты о чем?

— Твои приключения в Гелетии. В одного лорда стрелял, пытаюсь убить, а другого отравил.

— Но я не понимаю. Я точно помню, что упоминалась именно эта трава. Говорилось даже, что она злых духов отгоняет.

— Теперь важно, чтобы она дух Георгия от тела не отогнала. И чтобы Алабель в колдовстве не уличили. Как видишь, шансов на плохой исход больше.

— Но ты отчего-то сохраняешь спокойствие?

— О, нет, друг. Спокойствие лишь видимое. Внутри меня бушует пламя, но за то время, что я с тобой путешествую, я научился стойко переносить рвущееся наружу бешенство.

— Есть план на случай плохого исхода?

Я махнул рукой. Какой тут может быть план? Можно украсть скакуна и нестись в сторону далеких гор, так как в окрестностях спрятаться не получится. Можно оправдываться и валить вину друг на друга, но мы в любом случае повязаны все трое. И всех троих ждет расплата. Утро не за горами. Утро все расставит по своим местам.

Я даже успел немного вздремнуть. Энрико это не удалось. Его поведут на эшафот невыспавшимся.

Когда с первыми лучами солнца, пытающегося пробиться сквозь ставни, дверь в нашу комнату открылась, я тут же разлепил веки. Сна как не бывало. У двери стояла Алабель. Вид у нее был очень уставший.

— Как все прошло? — робко спросил Энрико, поднимаясь с лавки.

— Слышали бы вы все те звуки, что издавал в своей опочивальне лорд Георгий, — сказала чародейка и, увидев на комодке полупустую бутылку вина, принялась жадно его пить. Утолив жажду, она пояснила: — Целое ведро рвоты, жар, куча тряпок с колодезной водой. Удивительная ночка. Когда хозяин потерял сознание, я думала, что все кончено. Слава всем

высшим силам, что рядом не стоял Альберта. Он бы, наверное, решил, что я колдовским обрядом погубила его отца.

— Так что с ним, что с хозяином?

— Очнулся. Жив. Никакой мигрени. Пока. Корень помог, но его концентрация в отваре была слишком велика. Я намекнула Альберту — дескать, такое количество отвара можно давать лишь в первый раз. Теперь здесь сами смогут приготовить необходимое лекарство. И давать его больному понемногу.

Лицо Энрико просияло. Теперь он мог с облегчением вздохнуть и даже поживать на лаврах, как знаток древних книг и великий целитель. Я был более сдержан, хоть в душе и радовался, что еще одна волнительная ночь позади. О какой-либо награде за труды моих спутников я даже не думал. Хорошо помнил, как нас «наградил» за свое спасение Райнер Хамвольд. Лишь бы благородные господа уехать дали спокойно.

— Когда выезжаем? — спросил я у Алабели.

— После завтрака. Жрать я хочу сильно, а от сухофруктов и твердого, как камень, мяса меня уже тошнит.

Такой ответ меня устраивал. Я вышел из гостевой комнаты и пошел умываться, чтобы привести себя в надлежащую форму. Сделать это я собирался во дворе. Стоило снять рубаху, набрать воды и окатить себя ею, как навстречу мне из дома вышел сын хозяина Альберт.

— Я хотел бы позжать вам руку за помощь, оказанную моей семье, — подойдя ближе, произнес он.

Я вытер ладонь рубахой и протянул ее для рукопожатия.

— Меня не за что благодарить. Я в травах плохо разбираюсь.

— Но вы могли бы отказаться. Съезжать с дороги неизвестно куда и к кому — это заслуживает похвалы.

— Я не очень-то боязливый, — улыбнулся я и сразу же вспомнил ведьмовской костер, на котором меня собирались сжечь. Напряг на мгновение скулы.

— Вы похожи на воина. Я прав? — задал неожиданный вопрос Альберт. Наверное, увидел шрамы на моей спине. Мне подумалось, что он хочет нанять меня для какого-нибудь темного дельца.

— Был им давно, но теперь я миролюбив.

— Я хотел бы подарить вам замечательную кольчугу. Она принадлежала моему брату Гильберту. Она подойдет вам — ему эта броня была несколько велика.

— Думаю, это слишком дорогой подарок, господин Альберт. Я его не заслужил.

— Это не так. Я буду очень расстроен, если вы откажетесь.

Столь щедрые дары могли нести в себе некий смысл. Я попытался вразумить рыцаря, говоря о том, что негоже одаривать вооружением представителя другой страны. Да еще Мальдиона. Он был непреклонен. Что ж, у него хорошо получается уговаривать. Похоже, он действительно считал меня начальником над Алабелю и Энрико. Отчасти он был прав, хотя не все его догадки в последующей беседе попадали в точку. Немного коснувшись тумана собственного прошлого, я перевел беседу в другое русло — кое-что мне тоже не давало покоя.

— А давно погиб ваш брат?

Альберт покачал головой:

— Лишь несколько дней назад. Его тело из столицы еще не привезли, но гонцы через день доставили нам это ужасное известие.

История начала проясняться. Осталось лишь задать пару наводящих вопросов.

— Отец, видимо, очень любил вашего младшего брата. Как сейчас господин Георгий себя чувствует?

— Гораздо лучше. Он спит, но на щеках появился румянец. У Гионы золотые руки.

— Простите мое любопытство, но почему вашего отца прозвали Красным? Насколько я понимаю, это не родовое имя.

— Здесь все просто. — Легкая улыбка проскочила на лице Альберта. — Эта провинция зовется Красными Землями. Когда-то далекий предок моего отца, мой предок, владел всей этой территорией, всеми глиняными карьерами, реками и лесами, которыми славятся эти места. Теперь у нас остался жалкий клочок земли, но память о прошлом живет в наших сердцах. Я надеюсь, что унаследую от моего славного отца это прозвище. Пока что же я просто Альберт Стор.

Вот все и стало на свои места. Стоящий передо мной человек — брат рыцаря Гильберта, погибшего прямо на моих глазах от рук свирепого графа Фарвинга. На моих глазах и на глазах всех жителей столицы. Печальная ирония, но подобные случайности меня никогда не удивляли. Жизнь всегда непредсказуема. Своими глазами видел невероятное происшествие, случившееся давным-давно в пригороде Соро. В проповедника, пришедшего из пустыни, где он считался еретиком, прямо во время выступления перед публикой ударила молния. Он стоял на небольшом холме и с этого холма, как бревно, покатился вниз. Как тут не поверить в гнев божий? Слушатели того еретика, наверное, долго боялись выходить на улицу. Особенно в пасмурную погоду. Несмотря ни на что, с Альбертом я откровенничать не собирался. Его боль еще слишком свежа.

Помимо щедрого подарка, рыцарь выказал желание пополнить наши запасы еды. С этим я спорить не стал. Привередливая Алабель будет довольна красноземельской щедростью, да и мое благостное расположение духа уже не позволяло мне обрушиться на Алабель с негодованием, которое я испытывал всю вчерашнюю ночь. Она оказалась права — не могут несчастья преследовать повсеместно. Когда-то они должны потерять нас из виду.

Завтрак прошел в спокойной обстановке. Помимо нас и Альберта, за столом присутствовала его жена — худенькая, невысокого роста женщина в скромном платье. После того как мы расправились с ячменной кашей, яйцами и разбавленным вином, каждый из нас отправился по своим делам. Алабель решила проверить состояние хозяина поместья. Энрико отправился к слугам на кухню — рассказывать им, как выглядит лечебная трава, и напомнить, как важно соблюдать правильную дозировку. Я решил проверить повозку и отправился в конюшню. Если есть необходимость в маленьком ремонте, то пусть его сделают здесь, в спокойном и доброжелательном окружении.

Конюшня располагалась прямо у хлева, примыкая к нему стороной, противоположной просторному загону. Тут же стояли амбары с зерном и сеном. До ворот было подать рукой, поэтому я сразу услышал ржание коней у дороги и громкий крик неизвестного всадника, обращенный к смотрителю сторожки и его молодому помощнику:

— Эй, ребята! Позовите хозяина, тут срочное дело!

Смотритель приподнялся и выглянул наружу. Крикнул в ответ:

— Кто такие и чего надо?

— Мы из столицы. Ищем преступников, устроивших резню в одной из гостиниц. По слухам, они проезжали по Приречному тракту.

Смотритель пожал плечами и отправил юнца в поместье. Тот вприпрыжку помчался

сообщить Альберту о неожиданных гостях. Я бежал не менее резво. Только предупредить собиравших своих спутников, которые и не подозревали о новой опасности. Времени не было даже на то, чтобы осмыслить все услышанное. Какие слухи привели этих всадников сюда? Кем они являлись? В голове промелькнул самый очевидный вариант ответа на последний вопрос, но полной уверенности не было.

Когда я подбежал к порогу дома, помощник смотрителя уже выскочил наружу и помчался к воротам. Наверняка чтобы открыть их для гостей. Я забежал внутрь и тут же столкнулся с Энрико. Он, оказывается, тоже собрался к конюшне.

— Что-то случилось, Фосто? — Его насторожила моя суетливость.

— Фольмгам! Ты что, память потерял? Называй здесь меня только так. — Я удостоверился, что пока в главном зале никого нет. — По наши души прибыли. Похоже, это лазутчики Хамвольдов. Ступай на кухню и не высывайся оттуда. Если почувешь угрозу, беги через другой выход. Я наверх, к Алабели.

Оставив опешившего парня наедине с его беспокойными мыслями, я помчался по узкой лестнице с деревянными поручнями на следующий этаж. Мимо меня прошли Альберт и Тилло.

— Ты идешь за своей помощницей? — спросил рыцарь, и я утвердительно кивнул. — Она приготовила моему отцу чай из своих трав. К нам какие-то гости приехали. Я сразу подумал, что это наши люди из столицы, но был неправ. Если желаешь, можешь присутствовать при разговоре.

— Я не любитель чужих бесед. Совсем не любопытен.

— Как знаешь, Фольмгам. Как знаешь.

В покои Георгия Красного мне заходить не пришлось. Оттуда вышла сначала служанка, а следом за ней — и Алабель. Вот тут-то ее и ждал сюрприз в виде моих откровений.

— Думаешь, нам есть чего бояться? — Она не была напугана. По ее бледному, уставшему лицу промелькнула лишь тень раздражения.

— Определенно, дорогая моя Гиона. Нам следует бояться — это не предосудительно. Нам следует бояться того, что мы безоружны, что мы окружены стенами и врагами. Все наше благополучие сейчас в руках одного человека — Альберта.

— Надо уходить из дома.

Но это оказалось невозможно. Мы промедлили — и опоздали. В главный зал, стуча каблуками по полу, уже вошли двое гостей. Я мельком успел увидеть их, когда спускался вниз. И сразу же поднялся выше, предостерегая Алабель.

Первый гость оказался высоким широкоплечим мужчиной лет сорока. С длинными русыми волосами и небольшой бородой, слабо скрывающей массивную нижнюю челюсть. С его плеч свисал длинный плащ с откинутым капюшоном. Под плащом оказалась простая солдатская одежда, но сапоги весьма неплохи — высокие, из качественной кожи. Второй человек в описании не нуждался. Это был многострадальный Хавьер из Патса. Его усы и прическу я не спутаю ни с какими другими. Ублюдок вновь нас нашел, что, естественно, возмущало меня до крайности. До такой крайности, что, будь я чуть более психованным, я бы прыгнул вниз и вцепился ему зубами в горло. Вот к чему приводит жалость к врагам — некоторые из них принимают это как завуалированное предложение атаковать вновь и вновь.

— Здравствуйте, господин Альберт, — вежливо поприветствовал рыцаря неизвестный мне мужчина. — Мы к вам прибыли из Мески, где произошло неприятное событие.

— Каким бы это событие ни было, поверьте, для меня оно не единственное в столице, — печально произнес Альберт.

— Так вот, меня зовут Том, а это известный и в Гелетии, и в Мальдионе снабженец Хавьер. Мы ищем людей, которые ограбили в столице гостиницу, при этом убив нескольких человек. Среди злодеев есть могущественная ведьма, которая прикрывается лицом молодой красивой женщины. На деле же вся эта иллюзия держится только благодаря ее колдовским чарам.

Я вскинул бровь и с интересом взглянул на Алабель. Провел рукой по ее щеке. С облегчением почувствовал, что кожа молодая и гладкая. Чародейка, скрежетнув зубами, отдернула мою руку от своего лица. Я наострил уши вновь.

— Преступников, виноватых перед богом и королем, трое. Все они заслуживают справедливой кары. Они передвигались на крытой повозке, запряженной двумя лошадьми. Главного среди них зовут Фосто. Омерзительный и крайне опасный тип. Рыжую ведьму зовут Алабель. Еще с ними таскался паренек-мальдионец.

— Их имена ничего не значат! — вдруг воскликнул Хавьер. — Они могут назваться любыми: Ричарды, Марианны, Хавьеры, будь они неладны! Если вы что-то знаете, то скажите — это опаснейшие злодеи, их надо казнить. Сжечь, разорвать, обезглавить!

— Простите моего друга, — сказал Том. — Вы можете видеть, что он пострадал от них довольно серьезно. Лишь чудом спасся. Мы гонимся за ними по всем дорогам. Некоторые из здешних крестьян видели похожих личностей и повозку. Ах, да, сама повозка нагружена интересным товаром — коврами. Чуть не забыл. Скорее всего, повозку и все, что в ней, они добыли привычным для них нечестивым путем. Так вы видели этих людей?

Несомненно, Альберта поразило услышанное. Он видел таких людей. Он все понял. И он знал, что мы возьмем в своей повозке.

Как я уже говорил когда-то, всех нас рассудит смерть. Ее невозможно миновать. Ее не подкупить, и она не знает милосердия. Ее не задобрить сладкими речами, и не убежать от нее на остров Бессмертия. Она может быть ожидаемой, как ливень при окутавших небо черных тучах, а может быть внезапной, как голубь, нагадивший тебе на голову, когда ты меньше всего этого ждал. Таким голубем сейчас был Хавьер из Патса. Он гадил и гадил на меня, но пока что мне удавалось избегать этих дурно пахнущих неприятностей. Сегодня свою попытку Хавьер предпринял вновь. Его не останавливали ни раны, ни страх смерти. Им двигали алчность, глупость и жажда мести. Продавал бы он сейчас панцири и не дул бы в свой подбритый ус. Но он решил довести дело до конца, и я уже не знал, сомневаться ли мне в его везении. При стольких попытках вероятность его успеха возрастает. Вероятность нашего — наоборот. Чистая математика!

Наверное, Альберт Стор, услышав от гостей столь нелюбезные факты, находился в подавленном и растерянном состоянии. Но это продлится недолго. Он поймет, сколь опасных преступников приютил в своем доме, и решит, как действовать дальше. Мы этих действий можем не пережить.

Мы с Алабелью начали бесшумно подниматься по лестнице. В случае опасного для нас развития событий была возможность растянуть время и спастись. Не слишком благородная, но, за неимением других, она могла дать нам шанс выбраться из этой передряги.

Мы переглянулись. Никаких слов и едва различимого шепота. Лишь движение глаз, жест рукой — большой палец, надавленный на горло, и взмах головы, указывающий на второй этаж. Алабель все поняла. У нее в сапоге был припрятан нож, который она тут же извлекла. Чтобы спастись, нам придется взять в заложники хворающего отца Альберта. Враги не посмеют напасть, пока у горла Георгия будет нож чародейки, которая только что усердно занималась лечением старого лорда. Мы сможем выторговать себе резвых лошадей и попробуем уйти от неминуемой погони. Про товар можно будет забыть. Жизнь важнее, а сейчас она под большой угрозой. Весь этот план может сработать. В теории.

Поднявшись на очередную каменную ступеньку, я услышал голос Альберта. Он говорил спокойно, сохраняя присутствие духа:

— Простите, но таких людей я не видел. Есть старенький постоялый двор у тракта. Его владелец обычно всегда сообщает мне о проезжающих торговцах, о подозрительных личностях. Он знает, в чем я время от времени нуждаюсь, и если торговцы владеют таким товаром, то он направляет их ко мне. И уже давненько здесь никаких торговцев или людей, ими притворяющихся, не было. Я не смогу вам помочь. Ищите злодеев в другом месте.

— Это очень печально, — заметно расстроился Том.

— Я бы сказал — это хорошо, что такие люди не бродят по моим владениям.

— Все же вы должны знать, господин Альберт, — взял слово Хавьер, и в его голосе чувствовалось раздражение, — что укрывательство ведьм и колдунов — страшное преступление. Я говорю это к тому, что вы должны объяснить жителям окрестных деревень опасность таких действий. Вдруг кто-то из них пускал преступников на ночлег? Если подобный факт подтвердится, найдите нас в гильдии борцов с темной магией. Мы возвращаемся в столицу.

— Может, перекусите? Я велю накрыть стол.

— Благодарю, но это ни к чему.

Звук шагов начал удаляться, пока совсем не стих. Опасные гости покинули поместье. Альберт не выдал нас.

Нет, мы с Алабелю, конечно, не расслабились. Мы не видели лиц и движений, так что услышанный разговор мог быть ширмой, сотканной для нашей поимки. Девушка осталась наверху. К Альберту я спустился один. Он будто бы знал, что я подслушивал его. Стоял перед искусной статуей нагой арфистки, сделанной в натуральную величину, и рассматривал ее изящные изгибы и умиротворенное выражение лица, которое придал изваянию мастер. Стоял Альберт спиной ко мне, но тут же произнес, когда я к нему приблизился:

— Вам стоит задержаться здесь хотя бы до обеда. Мой совет — еще на день-два. Они не сразу отправятся в Меску.

— Почему вы не сдали нас им?

— Потому что чувствовал, что в их словах много лжи. Но была и правда, да? — Альберт повернулся ко мне.

— Была, — вздохнул я. — Но их правда несколько отличается от нашей. Гость, назвавшийся Хавьером, — мальдионец. Он снабжает некоторых знатных лордов этой страны доспехами. Имеет много связей и здесь, и в Мальдионе. Так уж получилось, что Алабель — свои настоящие имена называть мы, конечно, боялись, — так вот, она какое-то время работала на него. Вынужденно. Когда встретила нас, решила сбежать. Мы не знали всей правды, поэтому когда в Меске на нас неожиданно напали, нам пришлось дать отпор. Я вспомнил все свои старые навыки.

— Скольких же вы убили?

— Двух наемников, что пришли с одной целью — убить нас. Теперь месть Хавьера повязана еще и на крови. Да, я ранил его, но пощадил, надеясь, что он отстанет. Ошибся.

— Фосто, да? Как бы то ни было, твоей правде, Фосто, я доверяю больше. Я видел вас немного, но понял, что вы не злодеи, коими описывают вас недруги. Вы самоотверженно пришли мне на помощь, когда я в ней так нуждался. Если Алабель знает не только то, как лечить травами, мне плевать. Но опасность вам грозит большая. Привратник сообщил мне, что всадников у дороги было не меньше десяти. Я думаю, что это не все.

— Не все, — согласился я. — За грудки я держал Хавьера. Угрожал расправой и требовал рассказать, сколько людей рыщет за нами по городу. Я не верил, что он с двумя людьми так легко смог найти нужную гостиницу. И он, стремясь сохранить свою жизнь, все рассказал. Хавьер привлек на наши поиски своих проверенных клиентов. Не знаю, что он им пообещал, но откликнулись лорд Райнер Хамвольд и граф Фарвинг Арисгатский. Они прислали достаточно своих людей.

Я наблюдал за реакцией Альберта, и от меня не скрылись его дрогнувшие губы, когда он услышал имя графа Фарвинга — имя убийцы его брата. Я поступил жестоко, но отступить было некуда. Он всецело должен быть на нашей стороне. Без малейших сомнений.

Из кухни вышел Энрико. Он слышал все и понял, что опасность миновала. Альберт лишь мельком взглянул на него и ничего не сказал.

— Если позволите, мы останемся до полудня.

— Хорошо. Тилло со своими людьми сопроводит вас до Приречного тракта. Это необходимость, не спорьте. Пока отдыхайте, здесь вы в безопасности. Алабель не спала всю ночь.

— Благодарю вас, сеньор.

Задерживаться надолго я здесь не собирался. Мне уже давно начало казаться, что отсутствие людей — главный залог отсутствия неприятностей. Теперь самое время было подняться к Алабели, а не то она, чего доброго, уже угрожает старику расправой. Очень не хотелось бы поменять мнение Альберта о нас с положительного на прямо противоположное.

К счастью, Алабель оказалась весьма осторожной особой. Она, как и Энрико, слышала мой разговор с Альбертом, поэтому никаких противозаконных действий не предприняла. Теперь стоило последовать совету рыцаря и поспать хоть несколько часов перед очередным путешествием. Негоже испытывать усталость всем троим.

Не знаю, спала ли хоть немного Алабель, но когда я через несколько часов проснулся, вышел из дома и побрел к конюшне, она уже была там. Поила лошадей.

— Теперь у них новые подковы, — похвалилась девушка и погладила животное по гриве.

— Только не говори, что этим занималась ты.

— Что ты, такое дело не по моей части. Все сделал конюх. Теперь можно ехать хоть до моря. Когда отправляемся?

— Думаю, что уже пора. Я не прочь бы остаться подольше, но слухи имеют свойство распространяться быстрее ветра. Проклятую Гелетию надо срочно покидать. Прости, что так груб с твоей родиной.

— Не извиняйся. Поверь, я обзывала это королевство более нелестными словами.

Минуты прощания с Альбертом, который пришел к главным воротам вместе со своей супругой, походили на какую-то церемонию. Он лично вручил мне кольчугу своего покойного брата, хоть я и считал, что последние события заставят его передумать. Передачу доспеха он сопровождал короткой речью, где вновь и вновь благодарил меня за помощь. Это, конечно, было лишним, но после такого я уже не мог строить из себя смущенного скромнягу и отказаться от дара. Моим спутникам достался мешочек с серебром. На удивление, Алабель не сразу схватила его. Сперва вежливо пыталась отказаться, что совсем на нее не походило. Обмен любезностями продлился недолго — мешочек с деньгами вскоре висел на ее поясе. На долю этой прибыли мне рассчитывать не приходилось, но я обязательно прослежу, чтобы хитрая травница поделилась с Энрико. Его заслуга в исцелении хозяина поместья определенно имела. Правда, я не ожидал того, что случится дальше. Альберт подошел к сыну диреймского патриция и, пожав ему руку, произнес:

— Ты оказал мне неоценимую помощь, о чем я никогда не забуду. Но я бы хотел помнить о вас не просто мысленно. Я хочу купить один из ваших ковров, чтобы он всегда напоминал мне о нашей встрече. Алабель обмолвилась ночью, что товар принадлежит тебе. Если ты согласишься, я заплачу тебе четыре золотых дуката.

Обрадованный Энрико сразу и не нашелся, что сказать. Лишь энергично закивал.

— Да, я согласен. Это достойное предложение. Ваши слова очень приятны, — затараторил парень, осознав всю выгоду неожиданного предложения. Четыре золотых тут же переключались в его руку. Мне оставалось только завидовать: кольчугу за такую сумму я никому не продам.

Альберт выбрал ковер по своему вкусу, причем сделал это довольно быстро. Больше мы не задерживались, и в сопровождении аж восьми всадников во главе с Тилло наша повозка покатила к тракту. Альберт провожал нас взглядом до тех пор, пока мы не скрылись из виду.

Честно говоря, в сопровождающих я не нуждался. Ну неужели подозрительный Хавьер

будет сидеть в засаде перед помещьем случайного лорда? В это я не верил. Зато верил в людскую жадность, которая доводит некоторых до смертоубийства. Могло случиться так, что Тилло, зная о щедрых подарках, которыми осыпал нас рыцарь, позавидует нашему богатству и попробует прикончить нас в ближайшей роще. Потом скажет лорду, что мы без происшествий доехали до большой дороги и отправились в Королевский Яр. Жизненный опыт подсказывал мне, что такого варианта исключать нельзя. Наверняка и Алабель понимала это, так как, несмотря на усталость, спать она не собиралась. Энрико, ввиду отсутствия опыта и наличия необъяснимого доверия к людям, радовался, словно ребенок. Крутил головой по сторонам, любуясь окрестностями, насвистывал песенки и даже беседовал о маловажных вещах с Тилло, едущим по правую сторону от нас. Наконец-то почувствовал себя богачом, совершенно не думая о том, что легко может этого богатства лишиться.

Не лишился. Мы доехали до тракта, попрощались с Тилло и его людьми и продолжили свой путь. Наша охрана ускакала, а я почувствовал себя гораздо спокойнее. Теперь я считал нашего главного сопровождающего славным, искренним и ответственным парнем. И мог доверять всем его словам. Дело в том, что перед тем, как покинуть нас, Тилло поведал об очень важной вещи. Он заявил, что один из его помощников проследил за отрядом Хавьера до этого самого места. Наши враги отправились в сторону столицы. В сторону, противоположную нашей. Все мы могли вздохнуть с облегчением.

На ночлег мы остановились прямо на берегу многоводного Ариса. Место попало необжитое: последняя деревня встретилась нам за много километров до этих мест. От тракта мы также удалились порядком, чтобы огонь и дым от костра не смущал ни злых, ни добрых путников. Берег, на котором мы разбили лагерь, был очень крутым и высоким — река протекала прямо под нами, неся свои воды к Меске и другим городам. Не только гелетианским. Несмотря на возвышенность и просторное, свободное от густой растительности место, с нескольких сторон нас обступали деревья, скрывая повозку от каких-нибудь наблюдательных глаз. Можно было спокойно приготовить пищу и провести ночь, подступающую к окружающим землям. Уже погасившую последние солнечные лучи и окрасившую луну в бледно-голубоватый цвет. В траве застрекотали сверчки, а дневные птицы допевали свои последние песни. Скоро их пересвист сменится громким совиным уханьем.

Алабель пыталась дождаться ужина, но не выдержала усталости, съела копченый окорок и полезла в повозку спать до утра. Я ее прекрасно понимал. Мне было это даже на руку, ведь теперь я мог без ее нравоучений ограбить Энрико. Точнее, на законных основаниях немного уменьшить размер его богатства.

— Как думаешь, сможем ли мы продать что-нибудь в Королевском Яру? — спросил я у сидящего напротив Энрико, когда бульон в котелке начал закипать.

— Я бы не надеялся. Мне кажется, там никто не предложит нам достойной цены.

— Такой, какую предложил нам Альберт?

Энрико молча кивнул в ответ.

— Знаешь, какое ключевое слово было в моем вопросе? — вновь спросил я, после чего парень исподлобья взглянул на меня. — Слово «нам». Энрико, я честно ждал до этого момента. Ждал, что ты поделиться своим заработком, как мы и договаривались. Но ты до сих пор молчишь, будто забыл наш договор. Я не твой отец. Не твой, черт его дери, брат. Я твой торговый партнер и путешествую с тобой не просто из желания оберегать тебя от всех

опасностей. Я хочу на этом заработать.

— Но как я смогу выделить треть из четырех монет? Кроме них у меня ничего нет, — попытался оправдаться Энрико. Весьма слабо.

— Не можешь, так отдай половину, — возмутился я. — Разве это мои проблемы?

Вселенская грусть отразилась на лице парня. Он достал из потайного кармана две золотые монеты, взвесил их на ладони и молча протянул мне. Так-то лучше. Я стал богаче на сумму, которую иной рыцарь получает за два месяца военных походов и лишений, связанных с этим. Однако я хотел показать Энрико, как важна в наших отношениях честность, поэтому отсчитал из своего кошелька двадцать серебряных монет — почти вся сумма, полученная при продаже лошади бедняги Мартина, — и отдал их изумленному парню.

— Держи. Я не хочу, чтобы ты считал меня грабителем. Алабель на это начхать, мне же — нет. Был договор, которого я честно придерживаюсь, и впредь жду от тебя того же.

Думаю, Энрико все понял. Он приободрился и принялся помешивать нашу почти готовую стряпню.

— Ты уж извини, Фосто. Я эти деньги воспринял как свою награду за исцеление лорда. Глупо, конечно.

— Глупо, — согласился я. — Все дело в ковре. Без него придраться мне было бы не к чему. Тем не менее, мы должны радоваться — торговля началась успешно. Это хороший знак.

— И погоня пошла по другому следу, — усмехаясь, пробормотал Энрико.

— Ошибаешься! — вдруг раздался громкий голос из темноты.

Мой меч лежал рядом. Я выхватил его из ножен и вскочил на ноги. В двадцати метрах от меня, уверенно сжимая клинок, стоял Хавьер из Патса. Стоял не один, а в окружении целого воинства, каким-то образом подкравшегося к нам. Видимо, не стоило мне затевать с Энрико спор. В свете пламени суровые лица врагов походили на демонические. А лицо Хавьера и без световых эффектов я считал таковым, ибо его неутомимость и способность находить иголку в стоге сена просто поражала. Он в очередной раз выследил меня. Только теперь ввязываться в драку не имело смысла. На этот раз нам не победить, будь Энрико даже лучшим мечником в мире. А он им не являлся вовсе. Кроме того, в нас целились семь лучников. Зря я не набросил на себя подарок Альберта.

Хавьер сделал несколько шагов вперед.

— Время пришло, Фосто, — угрожающе произнес он. — Не дергайся и не пытайся сбежать. Это бессмысленно.

— Хавьер, старый друг! Как же ты нашел нас?

— Я нашел вас еще во владениях лживого Альберта Стора. Думаешь, ты один такой хитрец? Со мной подобных хитрецов шестнадцать человек. Есть следопыты, охотники за головами и просто славные воины. Конечно же, есть разведчики. Повторяю вновь: ты зря связался с Алабелью. Кстати, пусть она покинет свое хлипкое укрытие и взглянет на то, что уготовала ей судьба. Выходи, тварь, иначе мы нашьпигуем твоих дружков стрелами!

Алабель не заставила себя долго ждать. Она выпрыгнула из повозки, держа в руках взведенный арбалет, направленный на Хавьера.

— Для тебя хватит и одной стрелы, негодяй, — процедила она. — Убирайся отсюда, иначе я проткну твое вонючее сердце.

Хавьер засмеялся, оглядываясь на своих наемников. Постучал кулаком по груди. Под его накидкой раздался звон металла.

— Я быстро учусь на своих ошибках. Кольчуга с прочнейшим зеркалом. Твои угрозы не стоят ничего.

— А перед твоими яйцами тоже есть зеркало? — Алабель прицелилась чуть ниже.

Хавьер сморщил лицо от злости.

— Я бы с радостью посмотрел, как ты извиваешься над пламенем, визжа во все горло. Как твои обугленные останки скармливают собакам, но, видимо, придется поступить более гуманно. Буду надеяться, что стрелы и мечи не сразу заберут твою жизнь, чтобы я хоть несколько мгновений смог понаблюдать за твоей агонией.

После этих слов каждый вражеский лучник натянул тетиву. Все остальные изготовились для нападения. Бежать в лес или прыгать в реку было чертовски поздно. Капкан захлопнулся.

Глава 19. Два берега

История, переломившая хребет моей рассудительности и железной выдержке, моему беспечному прожиганию жизни, которое чередовалось с участием в кровопролитных и порой бессмысленных битвах, произошла сравнительно недавно. Так было на самом деле, но сейчас мне отчего-то казалось, что прошло не меньше десятка лет. Что эта история также далека от меня, как неведомая земля за бескрайним океаном, которую удавалось посетить лишь несколькими кораблями из Эллас-Амина. Земля, полная той же людской ненависти, подлости и жажды власти, что процветают и здесь.

То было беспокойное время, хоть я и понимаю, что такое определение весьма туманно. Спокойного времени не было никогда и нигде, если только не считать таковым счастливую жизнь вельмож в защищенном стенами и войсками дворце. Но если на одной стороне света кто-то купается в роскоши, то на другой — умирает от голода и болезней, выжигающих, как пламя, целые города. Умирает от раны, нанесенной безжалостным завоевателем. Да и вельможи редко знают покой, погибая от яда, царской немилости и кинжала заговорщиков.

Странное время перемен, в которых я принял непосредственное участие, имело значение не только для того клочка суши, где развивались самые значительные события. Множество городов на северо-западном побережье, образованные правителями Нардарской империи, обрели свободу вместе с ее распадом. Бывшие наместники стали полноправными властителями своих вотчин, что доказывали далеко не всегда простым словом. Чаще всего — огнем и мечом. В конечном счете, сформировались те города-государства, что и сейчас на равных могли соперничать не только друг с другом, но и с обширными королевствами, с империями и ордами чужеземных врагов. Менее удачливые города либо становились подданными новых государств, либо после неоднократных разорений превращались в пустырь. Если повезет, то в маленькую деревню. Тогдашние правители влиятельных городов, в конце концов, поняли важность мира, торговых союзов и договоров о разделении зон влияния. Свои силы они могли направить в другое русло: корабли вольных городов бороздили прибрежные воды не только своей земли. Поселения и крепости возводились даже на северном континенте, отделенном от нашего лишь довольно узким морем. Пансега — так называли эту землю еще нардарцы.

С ростом колоний росли и амбиции отдельных городов. Войны вновь стали довольно распространенным явлением, но они никогда не отличались ни масштабностью, ни разрушительностью. А потом заморские колонии захлестнуло настоящее нашествие: союзы племен южной Пансеги забыли свои разногласия и принялись методично завоевывать владения вольных городов. Терялись плодородные поля и рудники, рабы и деньги. Некоторые предприимчивые правители пытались договориться с завоевателями, обещаниями и дарами направляли их бесчисленные войска на конкурентов. Но вслед за своими торговыми противниками сами подвергались внезапной атаке и вскоре разделяли их печальную участь. Пансега была потеряна для вольных городов, но настоящие проблемы только назревали.

Одно из самых сильных варварских племен — салгуры — смогли пересечь море, покоряя колонии, располагающиеся в непосредственной близости от вольных городов. Теперь враг угрожал самому существованию этих государств. Это отрезвило бывших конкурентов — они смогли объединить достаточно своих сил, чтобы остановить натиск

захватчиков. Но, несмотря на несколько громких побед, полностью разгромить салгуров не удалось — они надежно закрепились на полуострове Балдагор. Если бы правители вольных городов проявили чуть больше упорства и самоотверженности, они смогли бы сбросить в море ненавистных врагов. Но случилось иначе. Первоначальный успех затмил им глаза. Навязанный салгурам мир они восприняли как полную победу и принялись вырывать друг у друга из зубов остатки бывшего величия. Прежние союзы оказались забыты. Кто-то отчаянно пытался сохранить свои последние земли на Балдагоре, кто-то начал искать новые торговые пути. А кое-кто решил, что республики и советы старейшин просто не способны противостоять могучим врагам. Не способны создать единую армию и действовать на благо всего побережья. Всей Фристии. Следовательно, с ними надо покончить.

В ту пору, когда мой отец Конрад — потомок первых наместников города Ярва — смог добиться власти, мне было около семи лет. Борьба за власть не прошла для него бесследно — моя мать выпила отравленное вино, предназначавшееся отцу. Виновных Конрад найти сумел, и я вряд ли ошибусь, если скажу, что личная потеря придала ему еще больше решимости. Его взлет получился стремительным, и так же стремительно он рухнул вниз.

Ярв тогда был ближе всех к землям салгуров, но сумел сохранить перед полуостровом довольно обширные территории, богатые на металлы и минералы. Это богатство мой отец использовал для наращивания военных сил, привлекая на службу и гелетианцев, и салгуров, и горцев Альгелага. Собрав внушительное войско, он напал на ближайший вольный город — Ристарию. Обедневшее, истощенное войнами государство не смогло ничего противопоставить завоевателю. Лишь невероятными усилиями мой отец смог уберечь Ристарию от ужасной резни, которую хотело учинить разношерстное воинство. Все они жаждали добычи, жаждали золота. Следующие города на их пути оказались не столь везучи. Слишком поздно мой отец понял, что не завоевывает, а опустошает землю, которую желал объединить. Хольн, Соро и несколько других крупных городов выступили против него единым фронтом.

Одна из самых страшных битв произошла на поле, которое сейчас называется Костяным из-за частого обнаружения там земледельцами человеческих останков, закопанных на скорую руку. Мой отец мог бы праздновать победу. Но потеря половины войска являлась победой лишь условно — сил продолжать войну было недостаточно. И тогда Конрад совершил свою самую ужасную ошибку: вместо того чтобы добиваться перемирия, он призвал на службу большую армию салгуров, обещая им в случае победы земли у Дикого Берега. С новыми силами он смог осадить Хольн, но союзные войска не собирались долго сидеть без дела. Они выжигали все в пределах своей досягаемости, надолго посеяв ужас в сердцах простых жителей. Отец уже не мог контролировать разбушевавшихся наемников. Когда же к Хольну подошла вражеская армия, стремящаяся снять осаду, салгуры попросту не вступили в бой и отошли к Ярву. Мой отец потерпел полное поражение и пал в бою.

Салгуры взяли Ярв наскоком — им некому было оказать сопротивления. Но долго праздновать успех у них не получилось, поскольку вольные города понимали опасность потери столь обширных земель и собрали максимально возможные силы. Неосмотрительно оставшиеся в Ярве захватчики были взяты в кольцо и с моря, и с суши. Им пришлось сдать город, но шадить их никто не стал. Ярв был освобожден.

Уроков из этого тяжелого периода никто не извлек. Передел земель закончился полной размолвкой некогда союзных городов. Консул Хольна сумел поставить в Ярве преданных себе людей, но это вызвало возмущение со стороны других городов, увидевших в этом угрозу

своим интересам. Напряжение росло день ото дня. Начались опаснейшие политические игры. Чем они закончились, можно понять по той профессии, что я сам себе избрал. Но мой путь до принятия этого решения был довольно долог.

Незадолго до гибели отец понял, чем обернется для него вся эта безумная авантюра. Он отправил меня в сопровождении своего лучшего телохранителя в одно из самых глухих мест, что можно найти в вольных городах. В деревеньку, расположенную в отрогах великих гор, разделяющих Фристию и Гелетию. Впрочем, телохранитель по имени Сандер хорошо знал эти места. Эти земли были родиной его предков. Теперь он вернулся сюда, потому что знал: победители не будут милостивы к проигравшим. Так и оказалось. Семейство Конрада Кровавого, или Яростного, как называли его чаще, пытались уничтожить полностью. Да только единственного сына его найти так и не сумели. Отыгрались на его сестрах и племянниках. В конце концов решили, что я погиб в последней битве. Телу ребенка легко затеряться среди тел тысяч погибших мужей. Так для меня началась новая жизнь.

Я не скажу, что плохо помнил то время, что испытывал сострадание к убитым родственникам. Терпел какие-то лишения. Нет, это было не так. Поселение, в котором я провел детство, превратилось для меня в настоящее убежище, спокойное и красивое. До ближайшего крупного города была пара недель пути, а отсутствие в этих местах рудного дела обезопасило меня от любопытных исследователей и прозорливых чиновников.

Я хорошо знал историю земли, права на которую потерял. Хорошо знал и другие науки: Сандер был очень просвещенным человеком, имевшим в своем владении немало книг. Они являлись его главным сокровищем, и он часто твердил, что буквы могут быть ценнее золота. Это я запомнил навсегда.

Сандер мастерски владел мечом, обучив в Ярве не один десяток гвардейцев. Он хотел передать свои удивительные навыки и мне. Он содрогался, рассказывая о правилах строевого боя, так как свято верил в индивидуальное мастерство настоящих воинов, заключающееся не в том, чтобы долбить по щитам. Истинным мастерством он считал полное единение воина и его оружия. «Это искусство — и поэзия, и танец. Каждое движение должно быть красиво. А красота, сочетающаяся с храбростью, хладнокровием и полной уверенностью в собственном превосходстве, — это уже победа», — говаривал Сандер.

Я не сразу понял ценность его уроков, принимая это как вынужденную работу. Впрочем, к некоторым наукам я относился так же, чем нередко вызывал его справедливое негодование. Но все же это не приносило мне проблем, если я через силу усваивал урок. Если же нет — меня ждали изнурительные, казавшиеся бесконечными тренировки. Ну, и розги, если я пытался от тренировок улизнуть.

И все-таки я был счастлив. Пусть в тренировках я сполна чувствовал на себе повышенную требовательность Сандера, но при обучении грамматике, философии и другим наукам не был одинок. Сандер не имел в то время ни жены, ни детей, но принял на воспитание дочь умершей от тифа сестры — маленькую темноволосую Юдит. Это произошло буквально через полгода после нашего бегства. Юдит осталась полной сиротой, так как отец ее погиб еще на Костяном поле. Мы сразу сдружились, поскольку мои отношения с другими деревенскими мальчишками всегда были довольно сложными. Они считали меня зазнавшимся, высокомерным ублюдком, что я часто и демонстрировал, но справиться со мной удавалось только наиболее старшим — уроки Сандера возымели действие. Позже, конечно, склоки между нами стали редки. Я даже пытался обучать мальчишек фехтованию. В бытность свою наемником, вступая в схватку с отрядом врага,

иногда задумывался, не попадет ли мне случайно противник из той деревни. Вдруг кто-то из тех мальчишек, подростки, решил зарабатывать на хлеб мечом. Хвала Первозданному, этого не произошло. Мне хотелось думать так.

С Юдит мы часто прятались от Сандера, бегая по окружающим лесам и полям, чем порой доводили его до исступления. Он искал нас, кричал во все горло, грозя скормить наши тела драконам и гоблинам, если мы не выйдем из укрытия. А мы сидели на верхушке дуба и пытались сдержать смех, а заодно и не шлепнуться вниз. То было прекрасное время.

В подростковом возрасте опрометчивых поступков мы совершали гораздо больше. Об одном из них не знал даже Сандер. Наверное, думал, раз мы хорошо образованны, значит, ума у нас через край. Не подозревал, что порой этот ум выплескивался полностью, оставляя в голове лишь пустоту. Дело в том, что во время очередного исследования леса я и Юдит наткнулись на двух прибившихся к старому разломанному пню волчат. Совсем крохотных. Признаюсь, я сразу почувствовал, что дело пахнет жареным: в моих руках не было даже маленького ножа. Юдит, однако, пребывала в умилении. Она взяла обоих детенышей на руки и поднесла ко мне — показать, насколько они милы. Я с нею согласился, но посоветовал как можно быстрее вернуть их на место. Чего доброго, внезапно придет разъяренная волчица.

— Давай возьмем их домой, — восхищенно оглядывая волчат, произнесла черноокая девчонка. — Вырастим. Представь: у всех собаки, а у нас будут волки!

Я ничего не успел представить — из кустов можжевельника появилась мать наших несостоявшихся питомцев. Она была столь огромна, что сердце мое забилося, как колокол. Серая волчица была крайне недовольна увиденным. Она зарычала и, медленно переставляя лапу за лапой, начала приближаться к нам. Я думал, что Юдит завизжит и бросится наутек, оставив волчат на земле. Но она лишь молчала, глядя на грозного хищника. Я видел ее испуганные глаза и разделял ее страх. Крайне осторожно поднял лежащий рядом с деревом небольшой камень.

— Сейчас она бросится на нас, Юдит, — упавшим голосом произнес я. — Беги и найди дерево. Я задержу ее.

— Нет, — шепнула она мне, прижимая волчат к груди. — Мы уйдем вместе.

— В наших руках ее щенята. Она будет мстить. Догонит и убьет нас. Очень быстро.

Юдит лишь едва покачала головой. Она думала иначе и вместо бегства пошла навстречу волчице, чем поразила меня до крайности. Я лишь протянул руку и открыл рот, желая ее остановить. Но не сделал этого. Волчица замерла на месте. Девчонка подошла к ней очень близко. Аккуратно опустила на траву перед хищницей ее детенышей. Юдит приподнялась во весь рост, а волчица продолжала сверлить ее взглядом своих немигающих глаз. Но я мог бы поклясться, что волчица прекратила рычать. Буквально через несколько секунд она повернулась и, в сопровождении своих неуклюжих волчат, исчезла за теми же кустами, из которых появилась. Я не сразу поверил в наше спасение. А Юдит верила изначально. «Я не разглядела в ее глазах злости, — позже сказала мне подруга. — Лишь страх, что был сродни нашему. Я дала ей понять, что не собиралась причинять ее детям вреда». Такой храбрый поступок невозможно забыть.

В шестнадцать лет я смотрел на Юдит, что была младше меня почти на два года, уже совсем не по-дружески, чувствуя, как крепнет между нами невидимая связь. Как преображаются наши глаза, когда пересекаются взгляды. Наш опекун Сандер к тому времени взял в жены молодую незнатную девушку из деревни неподалеку. Но, строя свои новые отношения, он не мог не заметить перемены во мне и Юдит. Однако Сандер боялся

собственного прошлого так же сильно, как и моего. Тогда я не думал об этом, но теперь знал точно: мой воспитатель не хотел подставлять Юдит под удар. В моей крови он ощущал жажду приключений и славы, которая может вылиться в то, что я провозглашу себя истинным властителем Ярва и попытаюсь захватить власть. На деле же эта попытка была обречена на провал — меня и моих близких ждала бы смерть после столь откровенных признаний. Я сам говорил Сандеру, что ощущаю здесь себя не на своем месте, что горы и леса, словно прутья клетки, окружают меня и сдерживают, но я не собирался открывать миру свою прошлую жизнь. Я просто хотел на него поглазеть.

Сандер нашел выход. Он снабдил меня припасами, вручил мне простенький меч и отправил в Хольн, где мне предстояло найти кое-каких людей, что могли бы помочь мне вступить в орден Тридцати, который готовит лучших бойцов в гвардию консула. Надо ли говорить, что искомые люди давным-давно почили. Я узнал это только после продолжительных поисков. В Хольне я ощущал себя изгоем. Часто прозябал в таверне, что не могло закончиться добром.

Грабители подошли ко мне так же, как я подошел к Энрико в Дирейме в момент его печали. Только намерения этих отщепенцев не были добрыми. Моя одежда показалась им достаточно приличной, а сам я — несмышленным юнцом, что позволяло попробовать на мне нажиться. Они сходу заявили, что я не заплатил за вход в таверну и должен им несколько серебряных. Я не был наивен, но наглость этих двоих меня озадачила.

— Мне кажется, такая плата за вход более подобает другим заведениям, — ответил я, нервно постукивая пальцами по столу.

— Здесь я устанавливаю правила, — угрожающе сморщившись, пробормотал грязный тип с гнилыми зубами. Он вытащил из-за пояса нож и воткнул его в центр стола, не отпуская рукоятки. — Больше повторять не буду — гони деньги, — добавил он.

Больше повторять и не пришлось: я вскочил из-за стола, выхватил меч и отсек негодюю руку. Он ничего не успел понять, только, быстро моргая, глядел на кисть, которая перестала быть частью его тела. Пальцы по-прежнему крепко сжимали нож. Моргал грабитель секунд пять, после чего дико заорал и упал на пол, обильно поливая его кровью. Дружок его исчез со скоростью молнии. Я с грустью поглядел на первого поверженного мной противника и вновь, как ни в чем не бывало, сел за свой стол.

В покое меня не оставили. Тут же к столу подошел внушительных размеров мужчина. В кольчуге и с топориком на поясе. Настоящий воин. Он присел рядом со мной.

— Дай угадаю: я должен заплатить за вход? — поинтересовался я.

— Не угадал. Все как раз наоборот — я хочу предложить тебе деньги.

— Предлагайте, они мне не помешают.

— Ты вроде очень молод, но уверенно держишь меч, — указал он на корчащегося бандита, который отполз в угол. — Я — вербовщик. Собираю новый отряд по заказу своего командира. Наместник Хольна хочет наказать зарвавшихся торгашей из Дорлага. Деньги обещаны хорошие.

— А что случилось со старым отрядом?

Вербовщик вздохнул:

— Его перекупили торгаши из Дорлага.

«Занятно», — подумал я и ответил:

— Предложение интересное, но не считайте за невежливость или трусость, мне не очень-то хочется погибнуть в первом же бою. Этот лишенец — одно, а вот мясорубка в

плотном строю — совсем другое.

— Ты ведешь речь не как простолюдин. Может, грамотой владеешь, или еще какими навыками? В отряде найдется место не только отчаянным рубакам.

— Владею грамотой, хорошо стреляю из арбалета. Моя охота с ним часто заканчивалась удачно.

Вербовщик заулыбался. Он нашел того, кого искал.

— А зовут-то тебя как?

— Фосто. Фосто, сын Сандера.

Так началась моя новая жизнь. На землях Дорлага наш отряд имел некоторые успехи, так что уже скоро я почувствовал на своей ладони вес золотых монет. Я ощутил себя свободным, но не забывал тех, кто помог мне встать на ноги.

Спустя год я на короткое время вернулся к Сандеру и Юдит. Я не соблюдал особых мер предосторожности, не запутывал своего следа, поскольку никто и никогда не подозревал во мне прямого потомка Конрада Яростного. Для всех я представлялся вторым сыном мелкого землевладельца из предгорий. Десять лет — это не шутки. Никто, наверное, уже и не помнил, что у безумного завоевателя из Ярва был сын.

Сандер крайне удивился моему прибытию. Не скрывал своей радости. Столь же тепло меня встретила и Юдит. Из непоседливой девчонки она за столь короткое время превратилась в статную и прелестную девушку, один взгляд которой заставлял мое сердце стучать сильнее. Мы провели за разговорами не один вечер, а в последний день перед моим отбытием мы стали друг другу еще ближе. Провожая уставшее от дневных скитаний солнце на живописной скале, Юдит вдруг прижалась ко мне всем телом. Я увидел в ее глазах бескрайнюю нежность, и чувства, подзабытые мной за целый год опасных приключений, разгорелись с новой силой. Я жадно целовал ее губы и чувствовал непреодолимое желание овладеть ею. Но, упав с ней на траву, смог взять себя в руки и постарался быть максимально чутким и неторопливым. Мы наслаждались друг другом до самого утра. Я тогда сказал ей, что вернусь через год. Навсегда. Как я ошибался!

Наш отряд поступил на службу в вольный город Соро. Город, который имел большое влияние в морской торговле с империей Эллас-Амин, перевозя товары даже за великую пустыню. Привилегии, полученные вольным городом, возмутили население одной из имперских провинций. Скоро весь юг охватили волнения, мятежи и погромы. Воспользовавшись неразберихой, провозгласил независимость остров Пармед. У империи не хватало сил справляться с новыми вызовами, поэтому она прибегла к помощи чужеземцев. Город Соро не мог не откликнуться на этот призыв. Меня ждали песок, жара и море крови. На пять лет затянулось это кошмарное путешествие. Большая часть моего отряда погибла не от оружия, а от болезней, однако золота я получил с избытком, хоть и не был уверен в том, что все эти испытания его стоили.

Я вновь вернулся в предгорья, но добрался лишь до городка, лежащего неподалеку. Там я встретил Сандера, везущего с помощниками свой товар на большую ярмарку. Эта встреча предопределила всю мою дальнейшую судьбу.

Сандер, волосы которого уже начали приобретать серебристый цвет, изумленно глядел на меня. Но проскочила в его взгляде и другая особенность. Сожаление — его я заметил сразу. Он был рад, что я жив, но не радовался моему возвращению.

— Юдит ждала тебя, Фосто, — говорил он, разводя руками, — но в конце концов мы решили, что нить твоей жизни оборвалась. Утекло слишком много времени.

— Что ты имеешь в виду? Мою жизнь держит не нить, а прочнейший канат, — попытался я улыбнуться, но у меня это не получилось. Голос выдавал мою растерянность.

— Она вышла замуж, Фосто. Совсем недавно, но ты не должен беречь прошлое. Егс уже нет. Ты сам говорил так, когда обещал мне не влезать в политику Ярва. Забудь о Юдит.

Для меня эти слова стали потрясением, но я ни словом, ни действием не выказал этого. Я переварил услышанное и согласился со словами моего учителя. Попросил лишь об одном: клочок бумаги и чернила. Я знал, что Сандер имел все это при себе. Послание, адресованное Юдит, я велел передать ей через несколько лет, когда связь между нами ослабнет окончательно. Уверенности в том, что Сандер выполнит мою просьбу, не было, но я посчитал важным, так или иначе, оправдаться перед Юдит. Здесь я совершил свою главную ошибку.

У меня не осталось иного выхода, кроме как вернуться к военному ремеслу. Там не нужны ни глупые чувства, ни пустые метания. Лишь меч, превращающий чужую кровь в золото. Похлеще, чем магические эксперименты свихнувшегося алхимика. Погрязшие в междоусобицах города нуждались в людях, подобных мне.

Ситуация могла бы измениться, когда с новой силой возобновились атаки захватчиков-сальгуров, но поражение в этой войне перевернуло все с ног на голову. Вкус пепла на своих губах ощутил каждый правитель побережья. А неприятности только начинались.

Говорят, что старые сказки часто переделывают на новый лад. Это не относится к истории вольных городов. Их сказки походили на замкнутый круг.

В решающем столкновении с сальгурами погиб, среди прочих, наместник Ярва. Погибли его ближайшие сподвижники. Тогдашний консул Хольна потерял многие ниточки, связывающие его с самым северным из вольных городов. В этот момент и поднял свою голову Аттор Каствиль, бывший советник Конрада Яростного. Он не только сохранил жизнь после поражения моего отца, но и был причастен к предательству сальгуров, как утверждали некоторые. Этим слухам я склонен верить, потому что иначе его везения не объяснить. Аттор давно ждал своего часа и не высывался, пока не набрал достаточно сторонников. Это позволило ему расправиться с враждебными партиями внутри города. Поражение в борьбе с варварскими княжествами стало началом его триумфа. Решительность и хитрость новоиспеченного правителя возымели действие — народу Ярва не доставало сильной руки. Аттор не стал особо полагаться на наемнические армии, создав свою, регулярную. Но главным его успехом стала дипломатия. Он сумел заключить прочный союз с правящим домом Ристарии, и сообща они смогли отторгнуть от Хольна значительные куски территории. Смогли успешно противостоять его контратакам. Но Аттор оказался не только изобретательным дипломатом, но и осторожным полководцем: дальнейшая война была непредсказуема, поскольку осада Хольна могла спровоцировать все прочие вольные города, пока еще безучастно наблюдающие за развитием ситуации. Да и республика Хольн была лишь надколотым орешком — ее многочисленный флот смог нанести существенное поражение противникам. И если для Ярва это не являлось катастрофой, то правители Ристарии пребывали в ужасе — их, по сути, единственный источник дохода был потерян. Теперь они целиком и полностью зависели от милости Аттора.

Все эти события завершились шатким перемирием, существующим и по сей день. Вражда не забыта, и кровь, до того лившаяся рекой, была готова в любой момент прорвать плотину навязанных договоров и лживых заявлений. Трещины на этой плотине существовали изначально. Завсем происходящим в те годы я наблюдал как простой зритель, сидящий в

амфитеатре на последнем ряду. Какой-то период времени я просто не мог воевать, получив серьезные раны в салгурском походе. Думал, что с опасной профессией стоит завязать, но для этого одного желания было недостаточно. Я вновь взялся за меч.

Я провел немало времени в раздумьях о былом и грядущем. О моем злополучном письме Юдит, повлекшем трагические события. О том, как меня смогли обнаружить лазутчики Аттора, — ведь посещение Ярва было по большей части случайным. На развалинах деревеньки, лежащей на равнине к северо-востоку от города, мною в давние времена был закопан тайник с золотом и драгоценностями. С его помощью я надеялся начать совершенно иную жизнь и какое-то время перед этим решил провести в Ярве. Но я не догадывался, что уже стал знаменитостью, за которой шпионы Аттора наблюдали вовсе не по причине богатой родословной. Возглавляя отряд из головорезов, я напал и сжег замок лорда Клерносского близ Дорлага. Сжег вместе с лордом, но погибший сукин сын оказался личностью, близкой к Аттору, что не могло не волновать последнего. Так на меня и вышли его шпионы — в этом у меня не было никаких сомнений. И в это же время в городе меня увидела одна из жительниц деревни, в которой я провел детство и юность. Уже немолодая и чрезвычайно словоохотливая женщина легко узнала меня среди многочисленных прохожих, чему я удивился до крайности. Сам я вспомнил ее лицо далеко не сразу. Мое удивление сменилось полной растерянностью, стоило только начаться нашей беседе.

— Силы всемогущие, это просто невероятно! Как же ты изменился, Фосто! Не помнишь меня? Я Паулина. Мой муж был фермером, работал на твоего отчима Сандера, пока не умер. Я решила все оставить и перебраться в Ярв.

Воспоминания носились в голове, но я не пытался их перехватить. Вместо этого осторожно спросил:

— Пока кто не умер?

— Мой муж. Ты подумал, что я говорю про твоего отчима? — женщина засмеялась. — Не переживай, он в порядке. И Юдит тоже. Она до сих пор тебя ждет.

— Что значит «ждет»? У нее теперь семья, дети.

Паулина махнула рукой:

— Какая семья? Вся деревня была в курсе того письма, которое она смогла найти у Сандера. Твоего письма, запомнил? Если у нее и были какие-то мысли о замужестве, они сразу же испарились. Бедный Сандер. Он и так и сяк пытался найти ей мужа, но все попусту. Она ведь просила меня, и не только меня, сказать тебе это, если судьбе будет угодно нас столкнуть. И вот это произошло!

Я испытывал целую мешанину из противоречивых чувств и мыслей. Схватил Паулину под локоть и повел в ближайшую харчевню. Я должен был узнать все до мелочей, расставить все по полочкам.

Много лет назад Сандер солгал мне. А я принял все за чистую монету. В том городке у предгорий моя жизнь могла идти так, как я тогда и планировал, а вместо этого она совершила крутой поворот, заставив меня без ропота лезть в котел войны. Вновь и вновь. Я был жутко зол на Сандера, но одновременно с этим испытывал сильнейший душевный подъем. Теперь я мог все исправить и не собирался с этим медлить. Оставалось только переночевать.

Перед рассветом я хотел навестить Паулину и отблагодарить ее золотом за весть, которую она мне преподнесла. Я знал, где находится ее дом, но не догадывался, что ждет меня дальше. Я оказался не единственным ее гостем.

Перед избушкой с красной черепичной крышей у Белого Косогора, в которой жила Паулина, я увидел двух лошадей. Их хозяева вышли на улицу прямо в тот момент, когда я подходил к порогу. Хорошо снаряженные воины с бандитскими рожами. Один из них вытирал свой меч о рукав куртки. Они увидели меня и замерли. Оценивали. Наконец поняли, что за человек перед ними. Не говоря ни слова, бросились в бой.

Несмотря на то что они напали с двух сторон, я не испытывал трудностей в отражении их атаки. Парировал удар бойца справа и тут же сменил позицию, после чего незадачливый противник подался вперед, лишаясь возможности отразить контратаку. Я изо всех сил рубанул по его открытому корпусу. Его напарник попытался убить меня колющим ударом, но недооценил мою реакцию. Я увернулся, ударил его локтем в нос, после чего произвел свой укол. Острие моего меча пробило голую шею врага аккуратно под нижней челюстью. Во все стороны брызнула кровь. Воин не издал ни единого звука. Упал на землю, дернулся пару раз и испустил дух. Все это произошло за несколько секунд.

Я заскочил в дом, хоть и знал, что увижу там. Несчастливая Паулина была жестоко убита бандитами. Беглого взгляда хватило для того, чтобы понять — ее смерть не была быстрой. Ее допрашивали, но как узнать, зачем? Зачем им понадобилось убивать ни в чем не повинную женщину, которая не имела никакого богатства? Ответ на этот вопрос мог дать стонущий от раны злодей.

Враг с рассеченным туловищем еще был жив. Кожаная броня не помогла ему в схватке со мной, но рассечение получилось менее глубоким. Он корчил гримасы и цеплял пальцами траву, возясь в собственной крови.

— Кто тебя прислал? — спросил я спокойным голосом.

Он что-то промычал, но я не разобрал ни единого слова. Надавил сапогом на его рану. Он закричал от боли, тяжело задышал, но я смог услышать следующие слова:

— Ты — Фосто. Ты сын деспота Конрада. Сандер. Наш хозяин все понял.

— Какой хозяин? — Мой тон поменялся.

— Ты знаешь, по чьему приказу мы здесь. Эта баба рассказала про тебя все, что знала. Сомнений нет.

— Были еще люди. Где они? Если не скажешь — пеняй на себя.

Бандит попытался засмеяться, но вместо этого закашлялся кровью.

— Я и так не жалею.

— Я могу облегчить твои страдания или просто оставить здесь. Уверен, часов через шесть-восемь ты наконец умрешь.

Он с громадным усилием перевернулся на спину и, глядя на светлеющее небо, произнес:

— Тебя уже должны были убить. Но если ты здесь, то искать тебя будут там, в горах, где ты вырос. Где прятался от мести все эти годы.

Враги не смогли найти меня на постоялом дворе. Теперь они полагались только на слова Паулины. Правдивые слова. Они жаждали моей смерти, и любой человек на их пути был обречен.

— Ты заслужил мою милость, — сказал я бандиту, опуская меч на его грудь.

Я оседлал одну из лошадей поверженных врагов и понесся прочь из Ярва. Мой путь лежал в предгорьях. По кратчайшему пути. Я не знал отдыха и был уверен в том, что смогу нагнать наемников Аттора. Смогу напасть, пока они будут на привале. Я загнал своего скакуна, так и не обнаружив их, и потерял драгоценное время в поисках нового.

Все было кончено, когда я добрался до своей деревни. Враги опередили меня, а люди,

шокированные их нападением, только начали приходить в себя. Многие не спешили покидать свои укрытия в горных ущельях. Жители смотрели на меня с немым укором, а я глядел на безмолвные тела погубленных Аттором людей. Тело Сандера, его жены и маленького сына. Тело Юдит. Тела еще пятерых крестьян. Их готовили к сожжению и уложили на белые полотна ткани. Лишь один человек — старый плотник — заговорил со мной тогда.

— Моя жена успела спрятаться, когда они нагрянули в дом к господину Сандеру. Она все слышала. Господин схватил оружие, но в их руках уже была Юдит. Убийцы искали тебя, Фосто.

Я молчал, склонив голову. Хотелось выдавить из себя какие-то слова, вопросы, но все это было ни к чему. Злодейство уже совершено. Уже не зальется искренним смехом Юдит, не покажет мне пару трюков жизнерадостный Сандер. Все пошло прахом, все обратилось в пыль, разгоняемую ветром. Последний луч света в моей никчемной жизни погас, а новая цель существования была темна, как самая глубокая пропасть. Эта цель затмевала все разумные мысли, оставляя в сердце лишь клубок из ярости, кровожадности и отчаяния.

Убийцы должны были вернуться в Ярв, но я не встретил никаких отрядов по дороге сюда. У этого могло быть два объяснения: либо они возвращались по другой, более протяженной дороге; либо остановились в городишке неподалеку. Нужно было действовать.

В том городке находилось не так уж и много питейных заведений. Я посетил два, представляясь, как отбившийся от остальных воин из Ярва. Перед третьей таверной я услышал от служанки с ведром, что четверо моих друзей еще не покинули город.

— Ваших было так много, что не мудрено забыть о некоторых. Те четверо напились, проспали и скоро тоже уедут. Повезло тебе.

Я кивнул и вытащил из ножен меч. Повезло мне лишь отчасти.

Внутри помещения за столом сидели только те четверо. Один уже вырубился, уткнувшись лбом в столешницу, другой пошатывался. Остальные о чем-то вяло переговаривались. Все были вооружены, но ни на меня, ни на мой меч даже взгляд никто не бросил. Пусть это лишь несколько мерзавцев, но разве можно исключать, что именно рука одного из них оборвала жизнь тех, кто был мне дорог? Ответ очевиден.

Я неторопливо шел к ближайшему врагу, крутанул в воздухе меч. Он повернул голову в сторону непонятного шума. Через мгновение эта голова уже катилась по полу. Шею спящего я разрубил вместе с куском стола. Остальные опомнились, попытались убежать, но было поздно. Во время расправы я не произнес ни слова.

Я наткнулся на лагерь врагов спустя сутки после этого. Ночь стояла звездная, безлунная, так что я успел перерезать несколько глоток. Но сил одного человека не хватило для полной мести. В отряде наемников остались в живых еще человек двадцать. Поднялась тревога, едва не стоившая мне жизни. Но я успел сбежать. Более того, я успел выкрикнуть, что не оставляю в покое никого из них. И что мои пальцы дотянутся даже до горла Аттора.

На меня объявили самую настоящую охоту, но я не стал для врагов легкой добычей. Я выдержал все их уловки, ушел от всех засад. Я нашел свой тайник и отправился в Гелетию, в город Флагранг. Мне нужна была помощь в битве с узурпатором Ярва.

С тех пор прошло лет пять. Аттор все еще восседает на троне, а я тащу связку ковров по чужой земле, надеясь забыть обо всем ушедшем. Разговор с гелетианским шпионом Филином всплыл в моей памяти в момент, когда Хавьер и его подельники окружили меня на крутом берегу Ариса. Что случилось бы, согласись я на предложение шпиона?

Сопутствовала бы мне удача, или я лежал бы, истыканный копьями и стрелами, на поле боя? Не знаю, но глупая смерть от руки упрямого торговца еще обиднее. Филин сулил мне бесславленную жизнь, но даже он не думал, что она будет столь коротка.

Ничего не исправить. Каждый выбирает яму, в которую не страшно упасть, если смотрит себе под ноги. И находит могилу, если идет вслепую. Моя судьба могла пойти иначе. Много раз. Но я так и остался слепцом.

Глава 20. Судья

Хавьер поднял руку и приготовился отдать приказ к атаке. Атаке, которую мы не переживем, даже если всех стрелков поразит сильное косоглазие. Я думал, что нужно как-то потянуть время, но не понимал, чем это может нам помочь.

— Ты должен знать одну важную вещь, Хавьер, — промолвил я, не меняя боевой стойки.

Рука Хавьера осталась поднятой. Он чуть склонил голову набок и спросил с издевкой:

— Касательно жизни и смерти, судьбы мира или закопанных сокровищ?

Я отрицательно мотнул головой.

— Какую вещь? Может, ты желаешь сложить оружие?

— Касательно амулета Алабели, — сказал я, сам не понимая, что нес.

— Ну? — Хавьер терял терпение.

— У нее его нет, — произнес я, пристально глядя во вражеские очи. — Но мы знаем, у кого он сейчас находится.

Мои слова рассмешили Хавьера.

— Ты цепляешься за жизнь, Фосто, но не понимаешь, что уже сорвался вниз. Кто может поверить в такую чепуху? Самая ценная вещь этой ведьмы ускользнула от нее?

— Да, кстати, не подскажешь, в чем его ценность? Когда я продал его случайному попутчику, то не понимал этого. Алабель молчит.

Лицо Хавьера с каждой секундой становилось все суровее и суровее. В конце концов он заявил:

— Меня не волнует этот амулет. Если он есть — хорошо, если нет — плевать. Весь ваш товар принесет мне больше денег, чем несчастная побрякушка. Одно время ты производил впечатление умного человека, Фосто, но теперь я вижу, что ты глупец. Твоя кровь окропит эту землю, а тело послужит хорошим удобрением траве. Это лучшее, на что способен ты и твои жалкие друзья. Убить их!

Он взмахнул рукой, приказывая своим псам покончить с нами. Я бегал глазами от стрелка к стрелку, но так и не понял, сколько из них целится в меня. И Алабель, и Энрико были совсем рядом со мной. Впрочем, одной-единственной стрелы мне может хватить сполна.

Свист смертоносных снарядов пронесся по ночному воздуху. При всем своем мастерстве я не смог бы увернуться от нескольких из них. Но боль не пронзила моего тела. Я не закричал, сжимая торчащее из груди древко. Закричали враги. Почти в унисон. Стрелки, мечники — все они заорали от боли, а свист все не прекращался.

Алабель поняла быстрее всех — на наших врагов напали столь же внезапно, как и они на нас. Чародейка выпустила арбалетный болт по противнику, находящемуся слева от Хавьера из Патса. Не промахнулась. Сразу же после этого к ней бросились двое. На меня напал лишь Хавьер. Он забыл про хромоту, забыл про то, что может держать меч лишь одной рукой. Он решил прикончить меня самолично.

Я с большим удовольствием вступил в схватку с этим мерзавцем и не собирался быть к нему снисходительным. Тем не менее, мечом он владел весьма недурно. Ярость придавала ему сил, словно берсерку, не ведающему боли. Наши клинки звенели при ударах, выбивая снопы искр, и поначалу я был в роли обороняющегося. Но поле боя ограничивалось

обрывом. Хавьер прижал меня к нему, парировав мой выпад так резко, что я чуть не свалился вниз. Под моей правой ногой осыпалась земля. Враг почувствовал, что я замешкался, потерял контроль над ситуацией, и замахнулся мечом с такой силой, что лицо его перекосилось от напряжения.

Только невдомек было Хавьеру, что я тоже умею преподносить сюрпризы. Я сделал вид, что утрачен его атакой и парализован страхом. А он купился на этот примитивный трюк и, будучи уверенным в своем превосходстве, нанес слишком простой и ожидаемый удар. Где-то на уровне моей груди. Я выиграл этот бой, просто пригнувшись, прижавшись к земле. Удар Хавьера рассек пустоту, а из-за излишней прыти он крутанулся вокруг своей оси, застыв на самой кромке обрыва. Замахал руками, пытаясь удержать равновесие и не рухнуть вниз. Разве можно просто глядеть на такое? Я ударил его ногой в грудь, после чего он сделал кульбит, ударился о глинистый склон берега и с громким плеском упал в реку. Над водой он так и не появился. Тяжелая кольчуга — не лучшее снаряжение для плавания.

Я подбежал к повозке, чтобы помочь Алабели, но опоздал. Помощь ей уже не требовалась. Один из врагов не шевелился, а вот второй, приятель Хавьера Том, еще возился на траве, бормоча что-то несвязное.

— Здорово ты их, — похвалил я девушку.

— На моем счету один. Второго прибил Энрико.

Парень стоял рядом, сжимал булаву и тяжело дышал.

— Поздравляю, друг. Твой первый убитый враг, — похлопал я Энрико по плечу. Тот повернул ко мне голову.

— Мой тот, который еще жив, — запинаясь, произнес он.

— Сию минуту, — воскликнула Алабель и пронзила мечом оглушенного Тома. — Теперь все как надо.

Битва у крутого берега закончилась. Наши покровители покончили с командой Хавьера и явили нам свои лица. Во главе одетых в черные плащи воинов шел Тилло из поместья Георгия Красного. Они пришли нам на помощь как раз вовремя. Правда, я не хотел думать о том, что бы случилось, не заведи я с Хавьером глупой беседы.

— Тилло! — воскликнул я. — Ты спас наши жизни!

— Всегда рад помочь друзьям, — улыбнулся он, пряча меч в ножны.

— Как вы оказались здесь?

— Так же, как и эти ребята. Они оказались слишком подозрительны, чтобы оставить дорогу к нам без присмотра. Но и мы не лыком шиты. Когда они двинулись за вами, я собрал всех, кого успел, — десять человек.

— С твоими бойцами все нормально?

— Один убит, один ранен. Но у врагов дела обстоят гораздо хуже.

— Не поспоришь.

— За вами больше нет погонь. Вам никто не угрожает. Это самое главное.

Такие слова грели мне душу, но добрые поступки не должны остаться без вознаграждения. Я вытащил свой кошель и протянул Тилло.

— Возьми. Там всего несколько золотых, но не забывай, что мы можем поделиться другим своим богатством, — я указал на повозку. Мы лишимся части нашего товара, но без Тилло мы бы лишились всего. Я уверен, Энрико согласится со мной.

Наш спаситель оказался человеком не только храбрым, но и благородным. Он отказался от всего предложенного.

— Все, что мы сделали, — это благодарность Альберта. Он и сам хотел принять участие в преследовании, но я сумел отговорить его. Если земля останется без хозяина, то просто отойдет к другим. Нашим трофеем станет то, что мы найдем у врагов. Этого вполне достаточно. Езжайте с миром и больше не влипайте в неприятности.

Напутствие было очень кстати, ибо черная полоса моей жизни уж слишком затянулась. Я искренне считал эту ночь переломным моментом нашего путешествия, но долгожданное спокойствие я смогу обрести, только убравшись с земель Гелетии. С земель, где врагов мы встретили гораздо больше, чем друзей. Правда, это все равно не помешало нам одержать победу. Но испытывать судьбу больше не хотелось.

Мы смогли найти переправу в городе Королевский Яр. Паром, правда, чуть не перевернулся, но нашей вины в том никакой не было. Просто паромщик оказался не очень дальновидным человеком. Мягко говоря. За один раз решился перевести на другой берег население, наверное, целого городского квартала. Что понадобилось такой ораве людей за рекой, я не знаю, но страху пришлось натерпеться порядком. Идти на корм рыбам совершенно не хотелось.

Спустя неделю нашего неспешного странствия мы достигли границ герцогства Логрианд — зависимого от Гелетии небольшого государства, что своей северной границей касается высочайших гор, а южной — одного из притоков Ариса. Нашей же целью была граница восточная. Там начиналась территория королевства Парлании, где мы должны наконец-то распродать свой товар.

Путешествие по Логрианду проходило спокойно. Где мы только не останавливались на ночлег! Проводили ночь на постоялом дворе, где клопы чуть не сожрали нас. После этого сон у костра в лесу казался настоящей благодатью — от кровожадного гнуса укрыться было гораздо проще. Ночевали в крестьянских домах, благо закон гостеприимства на этой земле не был забыт. Однажды нас даже в замке приютили, но сравнения с Остератом были безосновательными — укрепление располагалось прямо на тракте, и немало торговцев останавливалось именно здесь.

Вообще от меня не скрылось — да и любой наметанный глаз сразу заметит это, — что количество крепостей и незначительных укреплений здесь было очень велико, учитывая, сколь незначительна территория страны. Я, конечно, спрашивал у попутчиков и простых жителей, с чем связана такая ситуация, но внятного ответа так и не получил. Стычек с парламентами не случалось давно, да и сами укрепления, как поведал мне один старожил, в большинстве своем появились, когда в Гелетии на престол взошел новый король. Тот самый Альберт Мирный, что до жжения в заднице хотел развязать войну с Ярвом. Именно из казны Альберта шли деньги на строительство логриандских замков. Что ж, парламентам будет над чем задуматься на досуге.

Через день после того как мы проехали столицу герцогства, произошел довольно забавный случай. Стоял солнечный день, хорошо подсушивший лужи, что сотворила почти двухдневная непогода. Мы спускались с холма, у подножия которого лежала достаточно крупная деревня. Соломенные крыши низеньких домиков то тут, то там показывались из-за деревьев с густыми кронами. Видимо, крестьянам нравилось окружать свои жилища просторными садами, поскольку обширное пространство за деревней было абсолютно безлесным. Люди занимались своей рутинной работой: опаливали огороды, косили траву на лугах, пасли скотину, но перед самым въездом в деревню, облокотившись о края обложенного камнем колодца, стояли два каких-то бездельника. Один из них, что ниже

ростом и старше, был одет в старую холщовую рубаху и дырявые портки, а вот второй производил впечатление довольно зажиточного хозяйственника: на нем красовалась белая льняная рубаха, поверх которой он накинул темный жилет. Его круглую голову венчала зеленая шерстяная шапочка.

Так как перед этим самым колодцем грунтовая дорога раздваивалась — одной своей частью пересекала деревню, а другой уходила в сторону, поднимаясь на живописный отлогий косогор и исчезая за ним, — я предложил Энрико спросить у этой парочки более удобный путь. А заодно и набрать воды.

— День добрый, уважаемые! — поприветствовал жителей парень. — Не поведаете, по какой дороге мы быстрее до границы доедем?

Парочка переглянулась. Казалось, они только и ждали того, чтобы к ним обратились. Крестьянин в жилете радостно всплеснул руками:

— Конечно-конечно! Все расскажем, что надо, и поможем, чем сможем!

Энрико недоуменно обернулся ко мне. Я скривил рот, изображая не меньшее недоумение. Излишняя доброжелательность всегда настораживает. А тут она просто сочилась изо всех щелей. Однако причина такого радушия раскрылась очень быстро. Крестьянин в жилете пояснил:

— Меня Яном кличут, а это мой сосед Виг. Мы неспроста стоим на распутье. Ждем первого встречного путника, чтобы он помог разрешить наш спор.

— Это как? — удивился Энрико.

— Ну, мы опишем тебе нашу проблему, а ты решишь, кто прав, а кто нет.

— Я?

— Ты и стал первым встречным, да еще первым заговорил с нами. Это старинный обычай нашей страны, которого мы еще не забыли. Обычный имущественный спор.

— Простите, — растерянно пробормотал Энрико, — но я не имею никакого отношения к суду. Вот мой друг — он изучал судопроизводство в самом Хольне.

— Негоже нарушать древние обычаи, Энрико! — крикнул я с повозки. — Помогите этим милым людям с их проблемой.

Я взглянул на улыбающуюся Алабель. Ситуация ей тоже казалась забавной.

— А староста? — сообразил Энрико. — Он вашу проблему решит честно и справедливо.

Ян поглядел на парня со снисходительным взглядом.

— Я и есть староста. Дело в том, — начал объяснять Ян, — что мой сосед Виг задумал отдать мне в жены свою дочь Изольду. Мы заключили договор, я пожаловал другу трех коров, а Изольда вдруг возьми да сбеги из деревни с каким-то нищим смазливый виконтиком, что целую неделю ошивался по округе. И за это время он смог взбаламутить девицу и похитить ее прямо накануне свадьбы.

Мне оставалось лишь удивляться: и в Гелетии, и в этой стране на любовном фронте одни неприятности. Дочери совершенно не слушают своих отцов, что порождает кучу проблем. В одной из них предстояло разобраться Энрико.

— Я был, конечно, оскорблен и расстроен, — продолжил Ян, — но что случилось, то случилось. Я забрал у соседа коров, однако на следующий день узрел, что две из них отчего-то погибли. Оказалось, что по недосмотру соседа они забрели дальше пастбища и объелись белены. Он держит ответ за это, поэтому я требую, чтоб он отдал мне свой огород и свое поле.

Энрико все выслушал и обратил свой взор на Вига:

— Так все и было?

Тот развел руками:

— Как-то так. Но без клочка земли меня и жену ждет голодная смерть.

— Или работа на меня, — добавил староста и вновь обратился к Энрико. — Пока подумай, как должно решить это все. Я соберу с десятков людей в центре деревни. Твое решение должны услышать не только мы. Как будешь готов, подъезжай туда.

После этих слов крестьяне оставили нас.

— Может, отправимся по той дороге прочь? — предложил парень.

— Бог с тобой, Энрико. Неужели ты не сможешь объявить во всеуслышание, что этот староста прав? Чего тут сложного? Он нам еще и с припасами поможет.

На мои слова Энрико возразил:

— Мне кажется, что тут что-то нечисто.

— Опять на себя эту историю примеряешь? Девушка сбежала, оставив бедолагу-отца без гроша, думая лишь о сиюминутном удовольствии. Крайним остался Виг, но такова судьба.

— Слова человека, истово поддерживающего семейные ценности. И старинные традиции, — ехидно заметила Алабель.

Я возмутился:

— А что ты предлагаешь? Расследование устроить, как погибли коровы, куда свалила Изольда и почему этот Ян такой довольный? У нас есть более насущные проблемы.

Алабель фыркнула:

— Фосто, ты забыл, с кем путешествуешь. Не нужно никаких расследований.

Мы с Энрико пристально посмотрели на свою спутницу.

Я в гордом одиночестве, если не считать толстого управляющего, сидел в местной харчевне и неторопливо вкушал нехитрые яства. Большинство крестьян было занято работой, а я тем временем просто наслаждался жизнью. Пил хмельное пиво и думал, будет ли успешен план, предложенный Алабелью. Мне не нашлось в нем места, кроме начального этапа, когда я сумел вызвать на беседу без посторонних глаз старосту Яна. Он с удовольствием согласился. Как я и ожидал, он заверил меня во всяческой помощи, если я уговорю Энрико поддержать его позицию. Я ответил, что сделаю все возможное. И удалился, но, казалось бы, совершенно случайно с Яном пересеклась Алабель. Это случилось на тропинке в одном из пышных садов. Она вела себя с ним до чрезвычайности кокетливо и бросалась недвусмысленными фразами, чем полностью расположила его к себе. Знал бы несчастный, чем это все закончится.

На маленькой деревенской площади собралось далеко не десять человек, как рассчитывал Ян. Людское любопытство не знало границ, и даже такое незначительное событие привлекло внимание, наверное, половины всех жителей. От мала до велика.

Перед собравшимися предстали виновники собрания: уверенный в себе Ян, грустный молчаливый Виг и Энрико в сопровождении Алабели. Все зеваки, в принципе, знали причину и предмет спора между своими земляками, но Энрико не торопился озвучивать свое решение.

— Друзья! — воскликнул староста. — Сейчас этот досточтимый человек разрешит наш с Вигом спор. Я воспользовался законом первого встречного. Ко всему прочему, эти встречные оказались чужеземцами, что хорошо вдвойне. Все вы знаете, что произошло со мной и с моим имуществом, так что я готов смело выслушать нашего гостя.

— Простите, — вдруг сказал Энрико. — Ян, мог бы ты еще раз подробно описать

ситуацию? Из-за чего все началось?

— Так я же говорил.

— Так привыкли в моей стране. Перед оглашением приговора надо обязательно повторить суть дела. С самого начала.

— Ну, ладно, — нахмурился Ян, но отчего-то вдруг потер свой лоб и замялся на несколько секунд. — Что мне, сложно, что ли? Пришел я к Вигу месяц назад и говорю: «Отдай за меня свою дочку. Что мне, вдовцом теперь до смерти ходить? Я хоть и старше, но зато не бедный. Да и тебе кой-чем помогу». Ну, Виг почесал репу и согласился. А жениться-то я и не хотел. От своей старой стервы не знал, как избавиться. Зачем мне это, когда я в столице по всем борделям могу прогуляться. Ха, помните, когда я в город общую подать вез и сказал, что ее повесили. Так я с вас еще монет собрал и прокутил их все вместе с помощником!

В толпе начали перешептываться. Энрико времени не терял:

— Что дальше случилось? Почему свадьба не состоялась?

— Еще до разговора с Вигом встретил в таверне голодранца одного, который сам себя благородным рыцарем именовал. Сразу видно, что проходимец какой-то. Но видом был довольно красив. По бабьим меркам, конечно. Я и понял, что он легко сможет эту Изольду забаловать. Он наобещал ей с три короба: что у него и замок где-то далеко имеется, что он сделает ее чуть ли не королевой. Эта простушка повелась на такую чушь. Я дал этому «рыцарю» несколько монет и сказал увезти Изольду как можно дальше. Будет путешествовать с ней, пока она ему не осточертеет.

— А коровы?

— Коровы? — Ян громко сглотнул слюну, будто бы начиная понимать, что говорит лишнее. По его лбу потекли струйки пота. — Сам я их и потравил. Мясо-то все равно в город отправил. Мне нужна земля Вига, а самого этого идиота я в батраки заделаю.

Ян посмотрел на свои руки — они сильно дрожали. Он вытер лицо своей шапкой.

— Что я такое несу? — опомнился он. — Что я только что сказал?

— Достаточно, чтобы признать тебя виновным в обмане, воровстве и подлоге, — твердо произнес Энрико. — Теперь все решит суд народный. Закон первого встречного ты уже использовал.

В качестве первого наказания озлобленный Виг со всего размаху ударил виновника своих бедствий в ухо. Ян отлетел к позорному столбу и рухнул подле него. Очень кстати, поскольку остальные жители тут же подняли лжеца и привязали его к средоточию местного правосудия. За многочисленными тычками и оскорблениями бывший староста проведет немало времени. И это не самое плохое, что с ним может произойти.

Магия Алабели сделала свое дело. Она не внушила Яну ничего своего. Она заколдовала его таким образом, чтобы он говорил только правду, когда это потребуется. Правда оказалась неожиданной для всех, кроме Энрико. Первый встречный оказался замечательным судьей.

Глава 21. Смутное время

Кочевая жизнь, которой я подверг себя на столь продолжительное время, начала меня тяготить. Я понимал, что богатство не приходит из ниоткуда, но уж слишком далеко завела меня дорога. Если бы в Гелетии нас не преследовало столько неприятностей, я бы с превеликим удовольствием распродал товар там. Сон на земле, в повозке, в дешевых гостиницах надоел мне уже очень давно. Для Энрико, прожившего всю жизнь в роскошном особняке, все это было приключением, неожиданным разрывом с прошлым, но я всеми этими делами насытился до тошноты. Насчет Алабели я не мог сказать того же. И не только потому, что мало знал об ее жизни до встречи в Сараксе, но и по той причине, что она не выказывала никакого недовольства нашим текущим положением. Я бы сказал, что ей все это нравилось. И это учитывая тот факт, что я не собирался делиться с ней доходом от продажи ковров. Пусть этим занимается Энрико. Глядишь — предложит ей руку и сердце, и станут они влиятельной парланской семьей. Это было бы мне на руку, так как возвратиться на юг я планировал один. По великой реке Арис и на боевом корабле, место на котором я с легкостью раздобуду. Почему на боевом? Да потому что ни так называемая империя Эллас-Амин, ни Парлания ничего не могут поделать с целым государством пиратов и мятежников, держащим в страхе половину востока. Они контролируют часть реки и нередко безнаказанно нападают на торговые суда, что не может не беспокоить благочестивых путников. Именно поэтому наш путь пролегал через самое сердце Гелетии. Именно поэтому мы который месяц колесим по пыльным дорогам и дремучим лесам, по забытым богом деревенькам и диким пустошам.

Одно придавало мне сил — цель была близка. Границу мы должны пересечь со дня на день. Зеленые луга и плодородные пашни уже начали сменяться редколесьем и каменистыми равнинами. Пора покинуть землю густозаселенного герцогства Логрианд и добраться до страны, жителей которой еще нардарцы называли неотесанными варварами. Правда, так никогда их полностью и не покорили. Предки парланцев, может, и были диким племенем, но топоры и копья держали крепко.

В тот день, когда мы добрались до пограничной вышки, стоящей на скале перед трактом, небо почернело от туч. Некоторые облака стелились так низко над холмами и двигались с такой скоростью, что даже стрижи не смогли бы их обогнать. Несмотря ни на что, дождем облака разразились далеко не сразу, дав нашему экипажу ложную надежду, что все может обойтись. Но завыл ветер, а вместе с ним на землю упали первые капли предстоящего ливня. Пик этой непогоды мы смогли переждать, укрывшись под накренившейся скалой, но вскоре поняли, что нет смысла ждать. Стоило дождю немного поутихнуть, как мы продолжили путь. Добрались до Парлании, несмотря ни на что.

С вышки нас разглядели быстро, выслав воинский отряд для проверки и уплаты таможенной мзды. Самый грустный момент при въезде в любое государство.

Все воины носили высокие конические шлемы с наносником и были укутаны в серые плащи. С лошадей прыгнули двое. Подошли к нам.

— Нардарский? — спросил меня главный, имея в виду язык, которым мы пользуемся. В отличие от прочих стран, в Парлании не все владели языком великих завоевателей. И отчего-то считали, что многие путники тоже его не знают, хотя даже элласцы предпочитали пользоваться только нардарским. Считали себя продолжателями дел первых императоров.

Я утвердительно кивнул на вопрос воина.

— Что везете?

— Ковры из далекой пустыни. Едем в Берсену, если что.

Лицо воина было угрюмым и серьезным. Его помощник заглянул в нашу повозку. Присвистнул, увидев Алабель.

— Советую вам либо распродать все в ближайшем городе, либо повернуть назад, — сухо сказал главный стражник.

— С чего это?

— В столице беспорядки. Над страной нависла угроза большой войны. Междоусобицы.

Эти слова пришлись очень некстати. Они уничтожили последние остатки хорошего настроения. Прделан такой путь, а какие-то беспорядки могут обернуть все прахом.

— Из-за беспорядков вся торговля остановлена? Вы все караваны разворачиваете назад?

Видно было, что стражник уже устал объяснять всем простые вещи. Вздрогнул от холода, протер лицо от капель дождя и промолвил:

— Нет, торговля идет, но на дорогах стало небезопасно. С неделю назад здесь бродил какой-то непонятный отряд. Возможно, планировал напасть на нас, но не решился. Ушел в соседнюю страну, и один дьявол знает, чем он там занимался. Может, грабил деревни, так что скоро сюда придет, мать его, сам герцог Логриандский. Теперь ясно? Мне, в общем-то, плевать, куда вы двинетесь. Платите пошлину и езжайте.

Я быстренько посоветовался со своими спутниками. Энрико остался в меньшинстве — мы доберемся до Берсены. Чего бы нам это ни стоило. Будем двигаться по менее значительным дорогам, да и лесов в этой стране предостаточно. Мы пережили много неприятностей, переживем и эти. Кроме того, я хотел, чтобы моя уверенность в успехе была не просто словами на ветру. О ситуации в стране нужно было прознать более детально. А какое место может предоставить нам достаточно информации? Конечно же трактир.

Искомое заведение было нами найдено только на третьи сутки странствия. В первых встреченных деревеньках не то что захудалой таверны — даже жителей почти не встречалось. Домики можно было по пальцам пересчитать. Первый крупный поселок, с деревянными стенами и рвом по периметру, попался нам перед самым закатом, когда я уже теребил в руках кресало, готовясь развести костер в первой попавшейся чаще.

В хорошо укрепленном поселении и спится крепче, но мы не торопились отойти во власть сновидений. В это время в таверне собираются любители выпивки, любители почесать языками и просто сплетники. Те, кого мы и искали. Правда, своих спутников я предупредил, что новости следует узнавать неторопливо. Не вызывая подозрений. Когда в стране разгорается горнило войны, всякие незнакомцы могут представляться черни вражескими лазутчиками и виновниками всех мыслимых бедствий. Главное — держаться вместе.

Ничто из моих опасений не оправдалось. Спустя два часа обильных возлияний мы уже были для всех своими в доску. Один из состоятельных посетителей, Соломон Орнар, руководящий производством льняной ткани у местного лорда, подсел к приличным господам, коими мы для всех казались, и сам завел беседу. Он оказался довольно веселым типом, хоть большинство шуток были смешны лишь ему. Неумело пытался подмазаться к Алабели, так что и ей приходилось частенько переводить разговор в юмористическое русло, лишь бы не огорчать добродушного разговорчивого мужичка. И это было чертовски правильно, ибо Соломон то и дело угощал и нас, и прочих присутствующих напитками за

свой счет. Лучший источник информации мы при всем желании нашли бы не скоро. Если бы вообще нашли.

— А что, Соломон, не хочешь ковер у нас купить? Какая-то пара золотых, и он твой, — предложил я. — Клянусь, у нас и в два раза дороже покупали.

— Ох, нет, — покачал головой наш собеседник. — Я за такую цену весь дом льняной тканью обвешу и сам на ней что-нибудь нарисую. Сажай, ха-ха! Это в столице любят хвастаться какими-нибудь чудными безделушками. Для нас это излишество.

— Значит, в столице мы озолотимся? Наконец-то, а то уж надоело таскаться по миру и выискивать лучшие цены.

— Удачи вам в этом. Торговцы из империи здесь нечастые гости.

— Что так?

Делец развел руками, изображая ладонями невидимый отрезок:

— Расстояние! Да и злосчастные бандиты покоя не дают.

— У вас бандитов на дорогах много?

— Вообще я говорил про южные границы, но теперь и здесь не лучше. Так что вы старайтесь поменьше ехать по центральному тракту. Есть дорога в столицу недалеко от Серых Топей. Я, конечно, сейчас не смогу описать, как на нее выбраться, но уверен, что любой встречный вам поможет.

Соломон высказал те же мысли, которые я приводил Энрико в качестве того довода, что наше путешествие должно дойти до конца. Необходима лишь осторожность.

— Что ж, мы признательны за совет, — сказал я. — Только откуда у вас злодеев столько?

— Король наш, пресветлая ему память, помер, а прямых наследников не оставил. Но чувствовал, что на тот свет скоро, поэтому распорядился отдать королевство в руки своего ближайшего сподвижника, что казной заведовал. Мудрый и благородный человек на самом деле. Это я про сподвижника. Король таков по умолчанию.

— Разумеется.

— Завещать-то он королевство завещал, да только не всем по нутру такое решение пришлось. Родственнички-то какие-никакие имелись. И права они свои предъявили. Был племянник, был брат по третьей линии. Объявился даже бастард самозванный. Но прежде чем они к трону пожаловали, решили меж собой решить, у кого прав больше. Племянник дядюшку вызвал на переговоры и прикончил. Эка невидаль!

— Если дядюшка повелся на такой трюк, то вряд ли он был достоин трона, — сказал я.

— Верное замечание, но теперь племянник окреп и готов, если потребуется, силой столицу взять. Странников у него там хватает. Только много среди них всякого сброда, что пользуются ситуацией и грабят крестьян и торговцев. Пусть сюда попробуют сунуться — наш господин быстро зубы им обломает.

— А самозванец?

— Мало что слышал про него. Бродит теперь тоже по лесам да крестьян баламутит. Вот вам главный совет: оставайтесь здесь на месяц-полтора, а потом и я свой товар в столицу повезу. Мы будем под хорошей защитой. Что скажете?

Взгляды Энрико и Алабели устремились на меня. Здесь было над чем пораскинуть мозгами, но лично мне прозябать в этой дыре больше месяца, а потом еще несколько недель ехать в Берсену ужасно не хотелось. Однако такое дело я не имел права решать в одиночку.

— А пораньше никак нельзя?

— Бог с тобой, друг Фосто. Производство требует времени. Я бы и рад пойти навстречу. Мне тоже не хочется подвергать опасности вашу прекрасную спутницу. Эх, была бы моя жена пудов на пять легче!

От Алабели не скрылось мое разочарованное выражение лица. Шутки Соломона могли выдавить из меня лишь натянутую улыбку. Да, мы многое узнали о царящих вокруг неурядицах, но дальнейший наш ход оказался в тумане неопределенности. Алабель учтиво обратилась к нашему новому приятелю:

— Жены олицетворяют очаг. Видимо, в вашем доме очаг большой и надежный. Мы бы рады были воспользоваться щедрой помощью, но должны все обсудить. Главное, скажите, где вас найти, если мы надумаем остаться.

— О, это совсем несложно. Мои двери всегда открыты. Особенно для цветущих роз.

До самой полуночи продолжался наш отдых в таверне, так что животрепещущую беседу между собой мы отложили до утра. Стоило подумать свежей головой.

В час рассвета своей свежей головой я хотел биться о стену. Крепкая медовуха вчера была лишней. Когда перезвон в черепе поутих, я смог высказать свое мнение относительно нашего положения. Я считал, что время работает против нас. Не так уж давно почил парланский владыка, чтобы столкновение претендентов на трон достигло апогея, а улицы Берсены окропились кровью. Армию еще надо набрать, а сторонников — умастить подарками и льстивыми речами. Могло быть и так, что в столице будет гораздо безопаснее, чем здесь. Оплот власти всегда укрепляется наилучшим образом.

Энрико рисковать не желал. В действительности он совсем не разделял моей точки зрения. Не понимал, к чему вся эта спешка. Конечный пункт нашего странствия чрезвычайно близок, и предоставлять успех случаю будет верхом глупости. Помереть мы всегда успеем — костлявая любит торопливых. Слова лентяя, но в них тоже имелся смысл. Осторожность часто себя оправдывает.

Последнее слово было за женщиной, как в старых элласских притчах. Алабель, словно заправская интриганка, не сразу решила, чью сторону принять. Дождалась, пока в нашем с Энрико споре не кончились аргументы, и заявила:

— Мы, считай, никого не встретили на дорогах за несколько дней. На окольных тропинках будет столь же спокойно, я уверена. Оставаться тут на такое время? Извольте. Одни шуточки Соломона меня с ума сведут. Прости, Энрико, но, как и на пограничье, я соглашусь с Фосто. Этот прохвост прав.

Я не преминул откликнуться:

— Благодарю тебя, цветущая лилия.

— Роза.

— Да хоть папоротник. Пора выдвигаться.

Собрались мы быстро и покинули поселок с не меньшей прытью. Оставили позади укрепления, обрабатываемые поля и весельчака Соломона. Наш путь лежал через лес и низину, большую часть которой занимали так называемые Серые Топи — заболоченные и глухие места. Производитель ткани не обманул, говоря о том, что любой житель поселка легко укажет нам правильное направление. Дорога там была, конечно, неважной, но при каком-то правителе туда частенько сгоняли крестьян для рытья торфа. Естественно, против их воли, так что земли эти популярностью не пользовались. Да и болото в сознании безграмотных простолюдинов — место сказочное и опасное. Можно по нужде пройти до ближайшего города, а вот селиться здесь — ни-ни. Не то чтобы я насмеялся над страхами

простолюдинов, просто был уверен в своих силах. В крепости колыуги, что скрывалась под моим плащом; в остроте и надежности клинка; в способности противостоять и болотным чудящим, и одичавшим ведьмам, если таковые здесь обнаружатся.

Когда-то самоуверенность являлась моей сильной стороной, но те времена прошли. Ведьмы, подобные гелетианским, нам не встретились. Встретились персонажи далеко не магические. Лучше бы уж были ведьмы.

Прямо на выезде из леса, где по левую сторону от дороги находилась холмистая равнина, а по правую, насколько хватало глаз, простиралось заросшее высокими кустарниками болото, нас уже поджидали неприятности в лице отряда воинов сомнительной наружности. Нет, у них имелось довольно однообразное обмундирование: даже сюрко поверх доспехов у всех было черно-белого цвета, хоть и имело разную степень и форму раскраски. Но то, что почти тридцать воинов проводят время в такой глуши, сильно настораживало.

Дорогу нам преградили. Вперед вышел невысокий худощавый солдат в простом шлеме, который казался великоватым для такой маленькой головы. Он поднял руку в перчатке и приказным тоном проговорил:

— Слезайте с повозки! Мы посмотрим, что вы везете.

— А в чем, собственно, дело? — изобразил я возмущение. — Мы чужестранцы и платили пошлину при въезде сюда.

— Слезайте, я не буду повторять! Мы не знаем, кто вы и куда движетесь.

Делать нечего — мы спрыгнули на землю. Оставалось надеяться, что это действительно обычная проверка. Заговоривший первым воин насторожился, увидев у каждого из нас оружие на поясе. Даже счастливая булава Энрико была при нем.

— Мы прибыли по торговым делам из центра империи и пользуемся ее покровительством, — попробовал я предоставить этим наглецам краткую, но исчерпывающую информацию о нас, когда один из солдат заглянул в нашу повозку. Мне стоило лишь на мгновение оглянуться в его сторону, как я увидел, что он пересекся взглядом с невысоким воякой и утвердительно мотнул головой. Похоже, что они искали именно нас. Мерзкий Соломон Орснар! В этом мире доверять нельзя никому.

— Эдикт о торговле от законного короля Парлании еще не принят, а вы уже этим занимаетесь?! — сердито воскликнул командир.

— Мы заплатили пошлину! — возразил я. — Разве новая власть собирается оборвать все торговые связи?

— Это ни в какие ворота не лезет! — Меня совершенно не слушали. — Все ваше имущество изымается в пользу короны!

Я схватился за рукоять меча. Это вызвало ответную реакцию со стороны неприятелей.

— Ты мне угрожаешь, недоумок?

— Думаешь, только он? — прошипела Алабель.

Командира наше негодование не напугало. За его тщедушным телом стояла целая куча воинов.

— Хорошенькая дева. — Его тонкие губы растянулись в отвратительной улыбке. — Думаю, ты не будешь столь же хороша, когда мы все тебя отымеем.

Его слова вызвали смех среди остальных негодяев. Они не верили, что мы сможем оказать сопротивление. И с истиной это имело чертовски много общего.

— Тебя слезно просил доставить к нему один человек, — добавил коротышка,

ощериваясь гнилыми зубами. — Просил доставить живой, но не уточнил, в каком состоянии. А я скажу в каком — в потрепанном!

Он зашелся смехом и тем подписал себе смертный приговор. Алабель одним движением извлекла нож из голенища сапога. Вторым запустила его во врага. Лезвие вошло точно в глазницу несостоявшегося любовника. Тот успел только взвизгнуть перед встречей с неизбежным, скрючил пальцы в страшном спазме и упал на землю.

— В ЛЕС! — заорал я изо всех сил и бросился наутек. Только таким образом можно было избежать оцепенения, которое часто овладевает Энрико в смертельных ситуациях. Это и вправду помогло. Он опередил меня и сшибся с солдатом, стоящим у повозки. Тот не успел даже обнажить оружия, поваленный сильным ударом плеча.

Погоня не замедлила себя ждать. Один из воинов был на коне, и он же первым настиг меня, но никак не ожидал, что я не только увернусь от копья, но и смогу схватиться за древко. Этим опасным трюком я вырвал наездника из седла. Он пролетел по воздуху и воткнулся головой в каменистый бугор. Вряд ли шлем тут поможет. Копье я швырнул в нападавших, но никого, к своему стыду, не задел.

Скакун лишь секунду оставался с пустующим седлом. Я запрыгнул на него и принялся догонять особо притких друзей. Ветви деревьев грозились вот-вот и меня из седла выбить — набрать приличную скорость никак не получалось.

— Идиоты, стойте! Обернитесь! — кричал я, пытаюсь обратить на себя внимание несущихся без оглядки соратников.

Первой обернулась Алабель. Она смекнула, что к чему, и, замедлив бег, поравнялась со свежеиспеченным наездником. Я помог ей запрыгнуть и выровняться передо мной. У Энрико это не получилось. Во-первых, потому что было мало места на спине несчастного животного — я сам уже сидел почти на крупе, норовя в любой момент соскользнуть. Во-вторых, парень явно прогуливал в детстве уроки верховой езды. Он болтался перед конской гривой на животе. Его ноги свисали с одного бока, а руки, пытающиеся зацепиться за все возможное, с другого. Он походил на мешок с навозом, который фермер везет так из-за сломанной телеги. Но, как бы тяжело и неудобно нам ни было, от погони мы оторваться сумели. Только обмен повозки с добром и двумя тягловыми лошадьми на одного ездового жеребца был крайне неравноценен. Мы все понимали, что это лишь начало дня.

Глава 22. Дым без огня

«Сила в смирении», — говорил один из древних богословов, но тот, кто видел изнанку человеческого существования, с таким доводом вряд ли согласится. Можно смириться со многими вещами, что находятся выше нашего понимания. Можно смириться с тем, чего уже не исправить. Ни увещаниями, ни пустыми слезами. Но, собачья мать, смириться с тем, что кучка недоносков отобрала у тебя все имущество и теперь делит его между собой, я никак не мог. Поганых грабителей следовало прикончить, к какой бы из враждующих сторон они ни относились. Мне на политические игры в этой стране было наплевать.

Я шел по лесу, а под ногами моими хрустели сухие ветки и шуршала гнилая листва. Я вел коня под уздцы и никуда не торопился. Спешить было некуда, да и от дороги, похоже, мы ушли далековато.

Какое-то время все молчали. Каждый думал о своем. Энрико, похоже, испытывал нечто среднее между радостью от успешного бегства и горем от потери повозки с добром. Он совершенно не понимал, что делать дальше. Был обескуражен случившимся. Однако его руки и ноги были целы, а голова пока еще восседала на плечах.

Алабель была зла не меньше моего. Ее мало заботила потеря товара, но бесила та легкость, с которой неприятельский отряд завладел им. Невозможно забыть про то, что из-за этого инцидента мы должны бродить по лесам, собирая ягоды и грибы. Все припасы потеряны. Даже арбалет, который мог помочь нам и в охоте, и в убийстве врагов, теперь послужит подспорьем для других людей.

Бесстрашие Алабели меня поражало. Мы едва скрылись от погони, как она заявила, что необходимо повернуть назад и напасть на воинов. Наверное, если бы у Серых Топей я решил принять смертный бой, она бы не отступила тоже. Я назвал ее яростное желание отомстить — смехотворным, лишенным здравомыслия. Можно было настигнуть их ночью, но преследовать прямо сейчас, когда все они держат ухо востро, попросту глупо. Хорошо, что мы вообще спаслись. Так что нужно всего лишь дождаться вечера, выйти на лесную тропу и проверить следы. Узнать направление, в котором двинулись мерзавцы, а потом действовать по обстоятельствам. Алабель сжала губы, так что теперь она была зла еще и на меня.

Я же, в отличие от сумасбродной девицы, оказаться в огне, словно сухое полено, и заняться пламенем, не успев предпринять ничего толкового, совершенно не хотел. Стоило немного подождать, отсыреть, чтобы потом как следует напустить дыма. Таков был мой план.

Мои молчаливые раздумья прервал Энрико.

— Мы хоть знаем, куда идем? — спросил он, хмурясь.

— Да. В данный момент мы идем прямо. Вместо глупых вопросов лучше бы поискал, чего пожрать.

— И что же мне искать?

— Ну, не знаю. Забей булавой какого-нибудь кабанчика, швырни ее в птицу. Как думаешь, много пройдет времени перед тем, как мы съедим этого коня?

— Но можно вернуться в тот поселок у леса.

— Можно. Я бы поговорил по душам с льняным мастером Соломоном. Скажу больше: это имеется в моих планах. Но всему свое время.

— Я ему кишки наружу выпущу! — воскликнула Алабель, сжимая кулаки.

— Погодите-ка, — удивился парень. — Вы думаете, что это он наслал тех воинов?

— А как же. Не глупи — такой вывод напрашивается сам собой. Он возжелал Алабель...

— И отсеку ему причиндалы! — вновь подала голос Алабель.

Я продолжил:

— Он знал, по какому пути мы двинемся. Отряд тех вояк не просто так бродит здесь. У воина на коне, в отличие от других, не было черно-белой накидки: простая стеганка и плащ. Я очень надеюсь, что убил его, потому что это он предупредил этих гадов о нас.

— Может, тогда наша повозка и окажется у Соломона? — воодушевился Энрико, но я не разделял его мнения.

— Что бы ей там делать? Соломон наводит этих разбойников на цель вроде нас. Конечно, получает что-то, но это наверняка лишь крошки от большого пирога.

— Значит, надо раздавить его и отнять все ценное! — Я никогда не видел Энрико таким сердитым. Непростые испытания ожесточают даже закоренелых добряков.

— Это достойная мысль, но сперва надо разобраться с целым отрядом врагов. Ты, надеюсь, поможешь нам?

— Еще бы!

— Молчите! — насторожилась вдруг Алабель. Конь ее слову не внял и запыхтел. Я положил ладонь ему на морду. Слух чародейки уловил какой-то звук, и это ничего хорошего нам не предвещало.

— Я что-то слышу впереди. Идем туда, — указала она, в какую сторону нам следовало двигаться. В принципе, мы почти и с пути-то не свернули.

Сам я не слышал ровным счетом ничего, кроме естественных звуков леса, но, вспоминая все предыдущие случаи, понял, что Алабель не ошиблась. И стало мне от этого совсем грустно. Похоже, окрестности кишели разного рода бандитами, снующими повсюду, как крысы во время неурожая. Рассчитывать на их милость будет бесполезно.

— Голосов много? — не выдержал напряжения Энрико.

— Да, и у них много лошадей.

— Если это сообщники тех налетчиков, то мы в кольце. — Мое заключение было безжалостным, но похожим на правду.

— У первых же теперь нет лошади. Они не смогут предупредить сообщников быстро.

— Твоя вера в нашу удачу, Энрико, заслуживает уважения, но я тебя не обрадую. Не забывай, что за нами охотились изначально.

Трепать языком можно было и дальше, но это имело ровно столько же смысла, сколько пресной воды в Огненном море. Вместе с Энрико мы пошли на разведку в ту сторону, откуда Алабель слышала чей-то гомон. Чародейка осталась приглядывать за конем.

Когда человеческие голоса стали различимы и нам, я предупредил Энрико о необходимости соблюдать максимальную осторожность: смотреть под ноги, по сторонам и не задавать глупых вопросов. Жизнь — она была у нас в большой опасности. Вновь.

Двигаться бесшумно было непросто, и каждая хрустнувшая ветка вызывала боль в моем сердце, а короткое замечание Энрико, что, мол, впереди нас может ожидать самая обычная деревенька, лишь усугубило мое самочувствие. Деревня, как же! Целое поселение лесных коневодов и болтунов, доброжелательных и чутких к нашим чаяниям. В любой другой обстановке я бы разразился зловещим хохотом, чтобы показать свое отношение к словам Энрико. Но сейчас не до смеха. Я хотел восстановить справедливость и вернуть потерянное, да только все складывалось так, что сейчас важно сохранить хотя бы то, что у нас осталось.

Нелепое предположение моего друга изжило себя в тот момент, когда мы смогли различить слова и грубые приказы, раздававшиеся неподалеку. Когда был замечен дым от костров, взвивающийся к небесам. Мы припали к земле и полезли через кусты, растущие на небольшом холмике. Именно они, вкупе с несколькими осинами, послужат отличным укрытием от враждебных глаз. Следовало оценить обстановку, количество бандитов и свалить отсюда куда подальше. Вероятность, что мы сможем вернуть свой товар, становилась все более призрачной. Вернуть бы самого себя в безопасное место.

Перед нашими глазами распростерся военный лагерь. На большой истоптанной опушке среди редких деревьев стояло приблизительно тридцать палаток, окружающих высокий, явно командирский шатер. Он не выглядел вычурным и богато обшитым, но в таких непростых условиях это являлось преимуществом: знатность командира определяла важность его захвата или устранения. Здесь военачальник был явно стеснен в средствах, но кое-какими основами тактики и походной науки обладал: вокруг лагеря легко можно было различить часовых, а в наиболее уязвимых для внезапной атаки местах стояли наспех сколоченные заграждения из кольев. Людей было много, и каждый занят своим делом — от обязанностей никто не отлынивал. Всех воинов посчитать сложно, так что я сбился со счета на семидесятом. Они не носили черно-белых накидок, однако сомневаться в правильности нашей маскировки не приходилось. В этой стране мы для всех чужаки, неприятели и просто сомнительные личности, достойные того, чтобы отыграться на нас за свои неудачи и лишения. У одних это уже получилось. Мне хватило с лихвой.

Все, что нам оставалось делать в такой ситуации, — отсидеться какое-то время в глубине леса, а потом отправиться в столицу Парлании. Уже там мы решим, кто в какую сторону двинется и чем займется дальше. В Берсене наши пути, скорее всего, разойдутся. Приключения, что посыпались на нас еще в Мальдионе, крайне утомили меня, а ведь у некоторых в моем возрасте уже седеет голова, и она предпочитает большую часть времени проводить на подушке, а не на голой земле. Да, я не сумел сохранить товар Энрико, но пытался сделать для этого все возможное. Эти возможности исчерпали себя прямо сейчас, когда я увидел, что живыми выбраться из проклятого леса будет очень сложно. Какие уж тут ковры! Мысли о них могли только угнетать и без того угнетенный сомнениями разум.

Решение принято. Энрико оно не понравится, но кто его будет спрашивать. У этой задачи нет иного ответа. Я толкнул парня в бок и махнул рукой, показывая, что пора ползти назад. Мы увидели все, что необходимо.

Я так и не успел встать. В ситуациях, близких к боевым, я всегда проявлял особенную чуткость и сноровку, но до способности Алабели мне было далеко. Если бы со мною ползала она, то, возможно, я не угодил бы в подобную передрагу, но время не повернуть вспять. А жаль. Дело в том, что совершенно неожиданно для нас из густых крон деревьев рядом с нами прыгнула троица самых настоящих разведчиков. Все были вооружены мощными составными луками, которые они тут же пустили в дело, угрожая настигнуть нас стрелами. Темно-зеленые одежды как нельзя лучше скрывали их от любопытных глаз. Опытные, уверенные в себе воины. К тому же они будто бы знали, от кого можно ждать сюрпризов: в мою голову целились двое. Один из этих стрелков свистнул так, что у меня уши заложило. Он зазывал подмогу, так что день, начавшийся ужасно, закончится стократ хуже. Думаю, такой неудачник, как я, это заслужил.

Кучка воинов вела меня и Энрико по лагерю, чтобы представить нас командиру отряда. В качестве пленников. Нас бесцеремонно толкали в спины и выкрикивали ругательства на

парланском языке. Энрико один раз приложили так сильно, что он упал на взрытую тяжелыми солдатскими сапогами почву. Хорошо, что хоть руки наши были спутаны спереди — лицо от соприкосновения с землей можно было защитить. А вот с затылком возникали проблемы, и несколько вражеских подошв успели оставить на кудрявой голове обездоленного мальдионца свои следы.

— Крепись, Энрико, — печально произнес я. — Эта «деревенька» нам не по зубам.

— Заткнись! — рявкнул один из сопровождавших нас вояк. Стоило внять этому решительному возгласу — месить лицом грязь совсем не хотелось.

Внутри шатра за небольшим столом сидел предводитель отряда — серьезного вида мужчина в самом расцвете сил. Прямо как я. Кроме темных бровей и щетины, волос на его буйной голове не было. Ни дать ни взять, разрисованное угольками белое куриное яйцо. Такие шутливые сравнения издавна помогали мне бороться с волнением в случаях, когда уверенность в собственных силах походила на гнилое дерево, трескающееся под напором ураганного ветра. Хоть я и не какой-то там безумный фанатик, умирающий от пыток с улыбкой на лице, но иногда смерть заслуживает того, чтобы над ней смеялись. Даже если при этом приходится смотреть ей в глаза.

Взгляд у яйцеголового был недобрым. Он смотрел на нас и явно пытался определить, что мы собой представляем. Какова степень той угрозы, что мы несем ему и его людям. Одного взгляда тут было явно недостаточно.

— Кто такие? — спросил он наконец. В его темных глазах, помимо неприязни, я смог различить усталость. На ожидаемый вопрос следовало отвечать незамедлительно.

— Мы торговцы из империи, — я с гордым видом приподнял подбородок, изображая недоумение сложившейся ситуацией. — Мое имя Фосто, по правую руку от меня — мой партнер Энрико.

— И что же вы продаете, торговцы из империи?

— Изделия из ткани: шелковые гобелены и тому подобное, — невозмутимо ответил я.

— Гобелены, значит? А когда вы ползали перед моим лагерем, получается, что клиентов искали, так? Я правильно понял?! Отвечайте! — в конце концов взорвался яйцеголовый.

В какой-то мере я понимал его чувства. Совершенно незнакомые люди следят за ним исподтишка и представляются торговцами, не имея при себе ничего, что могло бы это подтвердить. Но именно на такую реакцию я и рассчитывал. Прежде чем из наших уст польются оправдания, следовало заинтересовать командира отряда маленьким кусочком нашей богатой биографии. Возможно, это поможет нам избежать неминуемой расправы на то время, пока мы будем интересны предводителю.

— Вы что-то вынюхиваете здесь, имеете при себе оружие и доспехи, но, чтоб вас черти драли, представляетесь торговцами? Считаете, что я вчера родился?

— Позволю заметить, что путешествие по вашей земле просто обязывает любого маломальски здравомыслящего человека обзавестись оружием. То, что произошло с нами, это подтверждает.

— Сейчас ты будешь петь мне сопливую песенку о том, как вас ограбили и заставили скитаться по лесам, а ко мне вы вышли случайно. Я прав?

Я поднял брови:

— А что, мы не первые, кто говорит подобное? По правде говоря, так все и было.

— Кончай кривляться, Фосто из империи. Вас было двое?

В этом вопросе я вдруг почувствовал явный подвох. Походило на то, что командир отряда осведомлен намного лучше, чем казалось на первый взгляд. Что, если лишившие нас имущества грабители бросили все силы на то, чтобы поймать Алабель? Она лишила жизни далеко не простого бойца, так что милости ей ждать не стоит.

— Все правильно, — ответил я. — Только двое.

— Все плохо, — злобно усмехнулся командир. — Мои люди знают свое дело. Девицу, что поймали еще до вашего пленения, уже ведут сюда. Мне доложили, как она объясняла свое присутствие здесь, прямо за минуту до вашего прибытия. Для вас все закончится очень плохо. Ваши оправдания ничего не стоят. У меня есть особые люди, которые добьются правды.

— А что нам еще оставалось делать? — дернулся я, и держащие меня воины усилили хватку. — Нас лишили всего на глухой дороге. Откуда я знаю, может, вы такие же разбойники? Я должен выдать вам свою подругу только из-за боязни солгать?

У яйцеголового было совершенно безразличное выражение лица. Вступить в словесную перепалку с жалким пленником он не собирался.

— Вы собираетесь нас пытаться, но не сможете добыть никаких сведений, кроме тех, что вы уже знаете. Если вы сообщники тех, кто похитил нашу повозку, то проще всего вам просто нас прикончить.

— Нет, мы не разбойники, — угрюмо пробормотал командир, — но твоя идея мне нравится. Повесить их всех!

Воины поволокли нас к выходу из шатра. Я мотал головой и пытался вырваться, но был бессилён сделать это. Что уж говорить про Энрико: несчастный мальдионец, дернувшись в железных объятиях пару раз, уже смирился со своей судьбой.

— Черно-белые накидки! — выпалил я. — У разбойников были черно-белые накидки!

Командир вскинул руку, останавливая своих подопечных.

Глава 23. Белое на черном

Вновь заморосил дождь. Его мелкие холодные капли падали на мое лицо, обращенное вверх, в бледно-серое небо. Небо чужой страны, равнодушное к нам.

Мы носимся по ступеням преисподней, с каждым новым шагом спускаясь все ниже и ниже, в самое пекло, где ужасный Эрхивиан вскрывает грешникам грудные клетки и поедает их сердца. Он бросает мертвецов в огонь, но пламя не пожирает тела полностью. Напротив, обгоревшие, лишённые памяти и человеческих чувств покойники начинают извиваться и корчиться, как змея, лишённая головы. Они выбираются из пламени, но лишь для того, чтобы бродить по бескрайним темным чертогам властителя ада. Бродить до скончания веков: без цели, без капли смысла. В страшном царстве есть даже выход на поверхность, но обезображенные покойники не могут его увидеть — их глаза разъело подземным жаром. Чем-то это напоминало мне мое собственное существование. Так что к такому посмертию я более чем готов. Да и грешником я был порядочным. Может, прежде чем лишить меня сердца, повелитель демонов пожмет мою руку в благодарность за то, что я значительно увеличил население его царства, пока был жив. Неплохо бы, хоть я никогда не понимал, зачем могущественному потустороннему существу подобные слуги. Вероятно, у демонов свои причуды.

Когда капля дождя попала в мой глаз, я зажмурился и потер лицом о руки, прикованные кандалами к прочному деревянному столбу. Прикованные так близко, что пожелаю я отлить, пришлось бы делать это в штаны. Других вариантов не было — любым акробатическим трюкам мешала деревянная клетка, которую наскоро смастерили для меня и моей компании люди яйцеголового. Ее назначение осталось для меня загадкой. Может, командир отряда не хотел, чтобы воины смогли добраться до Алабели прежде, чем он поймет, кто мы такие. Если сумеет понять. Нам оставалось только ждать, уповая на мастерство следопытов и охотников, отправившихся на разведку. В их навыках я не сомневался: они легко поймали нас с Энрико, легко повязали чародейку. Я был уверен в том, что Алабель не сдастся без боя, но все вышло немного иначе. Охотники накинулись на девушку с разных сторон, так что ей оставалось лишь вскочить на коня и броситься наутек. Итог противостояния решил удачно брошенный аркан. Теперь рассчитывать на помощь извне, как в случае с гелетианскими ведьмами, не приходилось.

Из короткой беседы с командиром затерянного в лесах отряда я смог понять, что к грабителям в черно-белых сюрко они относятся враждебно. Хоть в чем-то повезло. Тем важнее оказались мои слова о том, что мы прикончили одного из их лидеров. Не то чтобы нам сразу поверили, но петли на шеях пока не затянуты, а значит, шанс на спасение есть. Наши свидетельства требовали доказательств, и именно за ними отправились вчера лучшие следопыты окрестных земель. Момент, когда они вернутся, будет крайне волнительным.

Жизнь троих странников сейчас мало чего стоила, а поэтому я рассчитывал не только на удачное стечение обстоятельств. Если следопыты не вернутся до сегодняшней ночи, я всеми правдами и неправдами попробую организовать побег. Алабель, как наиболее ловкий человек среди нас, поможет мне в этом. Грабители лишили нас повозки, а в этом плену мои спутники лишились оставшихся богатств. У чародейки отобрали медальон и горсть серебряных монет, а Энрико лишился выручки за единственный проданный ковер. И только я смог перехитрить врагов: они сняли с меня дорогую кольчугу, но свои золотые дукаты и

драгоценное кольцо я предусмотрительно спрятал в исподнем. Никто не стал обыскивать меня там. Такова моя маленькая победа над обстоятельствами.

За время военных походов я научился утаивать добычу всеми возможными способами. Прятал драгоценности в полем наверхи меча, в прорехах стеганки. Делал тайники при каждом удобном случае, так что и сейчас во Фристии есть несколько мест, которые стоило бы посетить. Я не сказал бы, что там много золота, да и большую часть этих тайников я попросту не найду, но сам факт, что мое финансовое благополучие может быть восстановлено, придавал мне сил и уверенности. Дележка добычи с боевыми товарищами — необходимая и славная традиция, которую чтут в армии, но забывать, что все воины наемного отряда дерутся в первую очередь за звонкую монету, попросту глупо. Я этого никогда не забывал.

В неудобной позе я и мои друзья провели почти целые сутки. Под жарким солнцем, какое-то время освещавшим тайный лагерь; под светом холодной луны; под надоедливим дождем, которым пропитались наши одежды. Под хмурыми взглядами сменяющих друг друга стражников. Нас никто не кормил, а испить воды позволили лишь после рассвета. Но жажды я не испытывал — само небо позаботилось об этом.

Энрико дрях уже не один час. Он долго искал удобную позицию для сна, стонал и кряхтел, не зная, как устроиться, но все же справился с этой задачей. Справилась и Алабель. В этом плане я был менее успешен. Короткие провалы в сон не могли помочь изнуренному телу, да и кандалы сильно давили на запястья. Я возился в грязи, а секунду назад что-то кольнуло мою лодыжку.

Дождавшись времени, когда все воины были заняты своими делами, мыском сапога я ткнул в ногу чародейки. Та проснулась, тряхнула головой и спросила:

— Что еще, Фосто?

— Сегодня ночью мы должны убраться отсюда, — прошептал я.

— Ага. Должны, но не уберемся.

— Рано сдаваться, Алабель.

— Мы даже с цепями не справимся: ни ключей, ни отмычек, а некто, лежащий рядом со мной, не даст мне воспользоваться магией. О чем ты говоришь?

— Один из тех, кто прибавал обручи к этому бревну, выронил гвоздь. Он под моей ногой. Я попробую передать его тебе, чтобы ты смогла открыть им свой замок.

— Гвоздем? Издеваешься?

— Он довольно тонкий. Ты должна попробовать.

Алабель скептически скривила губы, но, тем не менее, попросила указать, где этот гвоздь находится. Вытащила ногу из сапога и пальцами ступни легко схватила нужный предмет. Воровато огляделась по сторонам и, улучив момент, словно заправская акробатка, чуть приподняла свое тело и вскинула ногу, коснувшись закованных рук. Гвоздь оказался в ее цепких пальцах. Если она и не сможет вскрыть им кандалы, то хотя бы вонзит его в глаз одного из палачей, когда придет время казни.

Наша возня разбудила Энрико. Он приподнял голову и осмотрелся по сторонам.

— Мне снился дурной сон: за мной гнались братья. Хотели догнать и убить меня, а я еле-еле бежал, словно через паутину, — тихо промолвил парень. — Я чуть не забыл, что реальность гораздо хуже сна. О чем вы сейчас говорили?

— Ничего важного, — ответила Алабель. — Фосто верит, что мы можем спастись.

— Это правда? — с надеждой в голосе обратился ко мне Энрико.

— А еще он верит, что я могу взглядом испепелить всех наших врагов. Что ночь за мгновение может обратиться в день, а святой Хантал спустится с небес, и на всей земле наступит мир.

— Тем не менее, благодаря мне мы не болтаемся сейчас на ветвях, — ответил я на неучливое замечание чародейки. — Мы не сделали этим людям ничего плохого, так что да, Энрико, мы можем спастись. И жизни наши не только в милости лысого командующего. Если Алабель будет чуточку упорнее, мы сможем справиться с этой неприятностью.

— Ты напрасно сомневаешься в моем упорстве. Вся беда в том, что оно натывается на сотню вояк, что окружают нас. Освободиться из клетки — самое простое, что нам предстоит.

Да уж, воодушевить Алабель не так-то просто. На каждое мое предложение она ответит двумя. И самое плохое, что она чертовски права. Попытка побега будет стоить нам жизни, но сидеть на цепи в ожидании позорной смерти было чрезвычайно тягостно.

Наш разговор пришлось завершить, так как возле нашей клетки вновь собрались воины. Некоторые из них показывали на нас пальцем и смеялись, бросая шуточки на парланском языке. Уверен, что наиболее обсуждаемой темой в их беседах была судьба Алабели. На нее показывали пальцем чаще.

Не прошло и часа после нашего разговора, как все в лагере загудело, забегало и загремело. Следопыты вернулись. Нам не дожидаться ночи.

— Что там? — вытянул шею Энрико. — Это те люди, что отправились к Серым Топям?

— Это наши судьи, друг. Приговор не за горами.

— Лишь бы он был справедливым.

— Справедливость для всех своя. Для этих людей она может выразиться в расправе над возможными шпионами врага.

— Но мы же невиновны. Ты сам говорил, что мы не сделали им ничего плохого.

«Невиновность не освобождает от ответственности», — подумал я, но не произнес этой фразы вслух. Думаю, не стоит объяснять Энрико правила выживания в нашем мире. Он и сам все прекрасно понимает, хоть и продолжает строить из себя несмышленного подростка, впервые столкнувшегося с настоящими трудностями. Наверное, это его способ защититься от ударов судьбы, противопоставить себя агрессивной человеческой природе. А выражается это в постоянном недоумении от происходящего.

Я бы мог ответить парню, что железные кандалы с замком на наших запястьях имеют для окружающих большую ценность, чем собственно наши жизни. Что если следопыты не обнаружили разбойников, нас могут казнить исключительно для повышения боевого духа войска. Такое практикуется повсеместно. Утомленные постоянным движением, кишечными инфекциями, ненасытными комарами и опасностью неожиданной атаки, немые вояки будут рады поглазеть и поучаствовать в коротком представлении со смертельным исходом. А может, и не коротком — смотря какую роль припасет для нас командир отряда. Я взглянул на Алабель. Девушка почувствовала мой взгляд и повернулась ко мне. На ее лице промелькнула слабая улыбка — она обязательно преподнесет врагам сюрприз.

Спустя полчаса в нашу сторону из высокого шатра направились шестеро стражников. Я бы очень хотел прочесть мысли, которые ютились в их головах, но такое не под силу даже Алабели.

— Они идут к нам, — напрягся Энрико.

Чародейка сохранила полное самообладание:

— Спасибо за гвоздь, Фосто. Первого ублюдка, что ко мне полезет, я постараюсь прикончить.

— Не спеши с этим. Никто не будет убивать тебя неожиданно.

— Все-то ты знаешь.

— Тут не надо быть ясновидцем.

— Я, конечно, рад, что вы тут чем-то вооружились, — подал голос Энрико. — Но что делать мне, если они решат меня повесить?

— Выпучить глаза и как можно сильнее дрыгать ногами. Если твои кривляния позабавят врагов, они могут срезать веревку. Дать тебе передышку до следующего дня.

— Ты умеешь поднять настроение, Фосто.

Один из приблизившихся воинов выкрикнул что-то на парланском, разметал ногами хлипкую клетку и отвесил Энрико неплохой подзатыльник. Очевидно, он был возмущен нашими переговорами. Другой воин, гораздо моложе и добрее на вид, произнес:

— Мы поведем вас к предводителю Джаносу. Ведите себя хорошо.

— Ты отменно владеешь имперским, — заметил я. — Ты точно парланец?

Мой вопрос озадачил молодого воина. Несколько секунд он оглядывался на своих соратников, а после изобразил на лице недовольную мину и, склонившись, принялся отцеплять мои кандалы от столба. Все его следующие слова были исключительно на парланском.

Суть предстоящего разговора я уловил не сразу — лишь когда увидел сосредоточенное выражение лица человека, которого здесь именовали Джаносом. Он уже не морщил лба на своей лысой голове, оглядывая нас. На этот раз он не пересиливал себя, пытаясь говорить спокойно. В его взгляде чувствовалось некое подобие любопытства и заинтересованности. Наши руки все еще были скованы, но во время короткой прогулки в шатер нас никто не ударил и не швырнул в грязь.

— Называйте меня Джаносом, — сходу заявил предводитель.

— Мы в курсе. М-м, только что узнали.

— Как вам далась ночка?

— Терпимо. Спасибо, что оставили нам возможность отмахиваться от мошкары ногами.

— Любишь шутить, Фосто?

— Напротив, сейчас я говорил вполне серьезно.

— В империи именно так строят беседы: подменяют суть произнесенного ироничными замечаниями?

— Скорее, слегка разбавляют этими замечаниями ответ. Но я понял, к чему вы клоните, сеньор Джанос. Вам наверняка доводилось читать произведения шэрдашихских стихоплетов.

Джанос хмыкнул, а я решил, что ходить вокруг да около больше нет смысла.

— Я родился не в империи. Лишь провел там определенное время. В тех местах, где я вырос, привыкли как можно быстрее переходить к делу. Что накопили ваши следопыты, сеньор Джанос?

— Быстро же ты обрел уверенность, Фосто. Теперь ты меня допрашиваешь? — В язвительности Джаноса не было ни капли гнева, что являлось хорошим признаком. — Мои люди нашли то, что искали. «Двуцветные», как мы называем местных разбойников, действительно потеряли одного из своих лидеров.

— И у них была повозка?

— Была.

— Может, тогда вы прикажете уже освободить нас? Мы не солгали. Ни в чем.

— Ни в чем? А что насчет ваших слов о том, что вражеского лидера одним разом убила простая девка? Алабель. Зачем было говорить эту откровенную чепуху? Да, Энр Змеелов был хлипким на вид, но я своими ушами слышал, как мастерски он орудует ножами. На его счету много жизней — сволочью он был порядочной, и чтоб его прикончили так просто... Бред.

Поспешные слова. Алабель опровергла их так же внезапно, как оборвала жизнь ничтожного Змеелова. Она выскользнула из рук стоящего позади воина так быстро, что тот не успел ничего предпринять. Чародейка сделала полуоборот, и вот уже она находилась за спиной зазевавшегося стражника, а короткая цепь на ее оковах сдавливала его горло. Чтобы обезопасить себя, Алабель приставила к кадыку заложника гвоздь и прикрылась его телом, защищаясь от мигом обнажившихся мечей.

— А что ты теперь скажешь, сеньор Джанос? — оскалилась девушка. — Это все еще откровенная чепуха?

— Теперь в гораздо меньшей степени. — Предводитель продолжил сидеть на своем табурете, лишь скрестил руки на груди.

— Алабель, — махнул я чародейке ладонью, призывая закончить представление до той поры, пока Джанос действительно не решит, что она задумала прикончить одного из его воинов. Ее поступок пришелся как нельзя кстати, но иногда Алабель была не прочь перегнуть палку, чего в нашем положении делать не следовало. Мгновение спустя гвоздь упал на землю, а перепуганный воин закашлялся, когда цепь перестала перекрывать ему воздух.

Теперь настал черед Джаноса. Все пленники смотрели на него пристально, испытывая вполне закономерное волнение. Однако я знал, что он примет верное решение: мы не солгали ему ни в чем.

— Что с ними делать? — спросил у своего командира один из стражников, стоящих за мной.

— Я говорил, что они будут живы, пока мы не проверим их слова. Мы проверили, так что теперь в их жизнях нет смысла. Как тебе такая шутка, Фосто?

— Поэма Элмарха «Рука пещерного короля», — улыбнулся я, — где владыка убивает пленников, перед тем пообещав им свободу. Поклявшись, что его владения они покинут живыми и невредимыми. Как оказалось, по местным обычаям имуществом короля является лишь трон и меч, так что формально в его владениях пленники не были изначально. Вы точно читали это, сеньор Джанос.

— Поразительная проницательность, — закивал командир и приказал: — Черт с ними, снимите с них оковы!

Похоже, Энрико до последнего не верил, что нас отпустят. Как же: такой неожиданный поступок Алабелы, такие недвусмысленные слова командира, от которых колени имеют свойство дрожать и подкашиваться. Но Джаносу не было нужды забирать наши жизни. Мы помогли ему выведать местоположение врагов, так что даже суровость военного времени не оставила наши шеи без головы. Более того, Джанос велел накормить нас и вернуть монеты, что наконец дало нам надежду на завтрашний день. Но отпустить на все четыре стороны решил не сразу — нам предстоял еще один разговор.

Внутри шатра, помимо Джаноса, находился еще один мужчина — командир великолепных лучников-следопытов по имени Бартал. Как оказалось, именно он умудрился

сбросить с седла Алабель. Та поначалу смотрела на него с прищуром.

— Прежде чем вы отправитесь восвояси, — произнес Джанос, упираясь кулаками в столешницу, — я обязан узнать побольше о том человеке, который, по вашим словам, натравил на вас разбойников.

— Соломон Орснар. — Ответ держала Алабель. — Этот скользкий червяк — важная персона в поселении неподалеку. Отправьтесь сейчас — и к утру ваши воины будут там.

— Поселение окружено стеной? — спросил Бартал. Получив подтверждение, он задумался.

— Разве эти стены вам помеха? Мы готовы помочь вам. Готовы помочь прищучить Соломона, уничтожить Двухцветных, если вы позволите нам вернуть наше имущество. Поверьте, в бою мы кое-чего стоим.

Даже Энрико удивили слова девушки. Я-то уже привык, что она с такой решимостью готова отдать жизнь за чужие ковры. Однако скептическое лицо Джаноса служило сейчас лучшим ответом на тираду Алабели. Он, в отличие от Бартала, не был уроженцем этих мест, но многое понимал в военном деле. В себе свои мысли он держать не стал и решил охладить наш воинственный пыл.

— Вы прибыли издалека и мало что смыслите в происходящем здесь. Вы знаете, что фактически сейчас идет война за власть? Что умер наш король?

Вся наша троица, как по команде, кивнула.

— И за кого же, как вы думаете, бьются Двухцветные?

На этот раз ответить решил я. Мне некоторая картина окружающей обстановки начала видаться еще в прошлые сутки.

— За распитием медовухи Соломон успел поведать нам обо всех претендентах на трон Парлании, и в своих речах он совершенно явно поддерживал какого-то там советника покойного короля. Если Соломон имеет отношения с Двухцветными, то вывода тут два: либо они тоже выступают за этого советника, либо Соломон — хитрая двуличная крыса, жаждущая лишь золота и плотских утех.

— Хорошо, что я тебя не повесил, Фосто, — покачал головой Джанос. — На своей родине ты наверняка был богатым и знатным человеком. Как же тебя занесло в такую даль?

— Пути Первозданного не дано постичь человеку. Да и с путями своими возникают проблемы. Нам не слишком важны стороны, сеньор Джанос. Мы хотим вернуть свое.

— Это все понятно, но вам негоже забывать, что мы сейчас находимся на вражеской территории. Пока доберетесь до Берсены, Двухцветных и прочих банд вам может встретиться вдоволь.

— Мы повернем назад, но лишь с товаром это имеет смысл.

— Тогда послушай, Фосто, что я скажу. Послушайте все. Король якобы назначил своим преемником советника по монете, совершенно игнорируя родственные связи, права баронов и герцогов. Часть из них повелась на щедрые обещания и дары, но большинство поддержало более пристойных кандидатов. Вся соль в том, что король не мог совершить такой глупости. Он был мудрым и просветленным человеком. Бог забрал у него двух сыновей, а младший брат умер очень давно, но оставался еще племянник, сын того самого брата. И именно он имеет больше всех прав на трон, а не человек, пришедший к власти обманом и колдовством.

— И кто же такие Двухцветные?

— Авантюристы и бандиты, сражающиеся не за страну, а за золото. Как наемные армии в вольных городах. Среди них есть и рыцари. Эти отряды появились потому, что у узурпатора

не достает сил. Он набирает людей даже в Гелетии, и вы понимаете, как этот сброд ведет себя на нашей земле.

Мне хотелось поведать свое мнение об участии Гелетии в этой заварушке, но я предпочел отмолчаться. Хорошо, что наша беседа не шла в окружении бочонков хмеля: лишние слова порождают лишние вопросы. И, в случае чего, на них придется ответить.

— Две недели назад, — продолжил Джанос, — мы наткнулись на один неизвестный отряд. Человек пятьдесят, не больше, но и у меня тогда было сто тридцать воинов, а не сто два, как сейчас. Часть врагов дала бой, часть унеслась прочь. Если бы мы порешили тогда всех до единого, дела шли бы иначе. Выжившие предупредили прочих бандитов, что следует вести себя осторожнее, а сами уткнули за границу. Пополнить войско. С тех пор мы терпим лишения, теряем в засадах своих братьев, но все еще ждем, что помощь придет. Двухцветные попортили нам очень много крови. Если бы не мастерство Бартала и его людей, я бы уже гнил в каком-нибудь овраге, так что, повторю, вам крупно повезло, что я вас не убил сразу.

— Так мы готовы присоединиться к вам в нападении на банду. — Я выглядел так, что в искренности моих слов не сомневался бы сейчас даже самый недоверчивый человек на свете. — Не мне объяснять вам, сеньор Джанос, что правильная атака сведет потери к минимуму. Эти недоноски — не чета вашему отряду. Мы в окружении смогли сохранить свои и забрать пару вражеских жизней.

Предводитель ничего не ответил. Лишь вздохнул и указал рукой на хмурящегося Бартала, который пояснил, как сильно мы заблуждались относительно своих возможностей.

— Сколько, вы говорили, было людей у Энра Змеелова? Тридцать? Как бы не так. К Двухцветным присоединились недобитки от наших соседей. Мы легко прочитали следы на дороге и в лесу. Вышли на лагерь, потому что не особенно они и прятались. Мы даже думали, что пристрелим нескольких поганцев. Чтобы со сном у них проблемы были. Но не рассчитывали на зрелище, открывшееся нашим глазам. Они набрали достаточно сил. У меня со счетом туго, но мой зять выведал, что теперь их в два раза больше, чем нас. И это не все их силы. Даже если мы как-то хитро атакуем и победим — потерь будет столько, что не хватит солдат захватить и мельницу у Соломона Орснара. Он предатель и достоин виселицы вместе со своим лордом, но правде надо смотреть в глаза.

— Нам нечего здесь больше делать, — добавил Джанос. — Я честно служил своему господину, но в глупой смерти чести нет. Теперь я отправлюсь в Бобровый форт и буду там сдерживать всех глупцов, решивших помешать истинному королю овладеть столицей. Вам придется пойти со мной.

— С какой стати? — удивился я. — Уж лучше мы попортим кровь Двухцветным, бесцветным и прочим любителям чужого добра. Мы будем забирать их жизни до тех пор, пока со страху они испражняться не станут только в центре лагеря. Поверьте, я могу им такое устроить.

— Неужели? — взглянул в мои глаза Бартал.

— Вас схватят. — Джанос решил закончить сей спор. — Вы расскажете про нас все. Форсированным маршем они нагонят нас до того, как мы будем в безопасности. Придется принимать бой. Забудьте про свою повозку и все, что в ней, поскольку добычу они не будут держать при себе долго. Это во-первых. Во-вторых же, мой приказ даже не обсуждается. У Бобрового форта можете идти в любую сторону. Можете мешать испражняться кому угодно.

Глава 24. Оскорбление

Торговцем стать не получилось, хоть я и очень старался. В этом деле везет действительно не всем. И даже не половине из рискнувших покинуть родные края и отправиться в путешествие, сулящее богатство и влияние в будущем. Во всяком случае, в тех странах, где правителя нет, где правитель — окончательно свихнувшийся от старости маньяк и где правитель — бесхребетное или подсадное ничтожество, боящееся возразить даже собственной собаке. Элла-Амин, страдая от внутренних конфликтов, делает все, чтобы торговые пути процветали и приносили прибыль. Чтобы путников не уничтожали злобные кочевники и они беспрепятственно добирались туда, где своими деньгами пополнят имперскую казну. Конечно, исключений полно и там, но тут в дело вступает фактор случайности. В моей жизни за последние месяцы этот фактор окончательно ушел в спячку. Мир целенаправленно желает моей смерти, а я избегаю ее лишь благодаря природному чутью и некоторой степени изворотливости. Ну, и благодаря мечу. Он, правда, сейчас не оттягивал моего пояса — все-таки предводитель Джанос не спешил даровать нам свободу.

Было много моментов, когда покинуть отряд из сотни воинов было проще простого, но мы никуда не ушли. Из-за этого тоже случалось много споров между нашей троицей, однако теперь я всецело поддерживал позицию Джаноса. Стоило отдышаться, закрыть глаза — и я осознал, насколько он был прав. Первый порыв оказался неверен, поспешен и принес бы нам только смерть. К черту пресловутые ковры! Будем считать, что мы просто решили поглазеть на неизведанные земли. Неизведанные нами, естественно. Я заработал монеты на обратный путь, а уж в знакомых странах воин без работы не останется.

Все, что я мог посоветовать Энрико, которого я все же несколько жалел, это найти себе место писаря или учителя в каком-нибудь встречном городишке. С голоду не помрет, если научится трезво смотреть на мир. Алабель... Алабель не нуждается ни в чьей помощи, и я до сих пор не пойму, чего ей от нас надо. Она увязалась за нами еще в Сараксе и прикрывается тем, что хочет начать новую жизнь. Неизвестно где и неизвестно как, но, по ее словам, с нашей помощью. Какое-то скрытое лицемерие, ибо я считал, что вполне расплатился с ней за спасение наших жизней от толпы ведьм, учитывая то, что из-за нее в их лапах и оказался. Ну, и из-за несчастного Мартина, теперь развозящего мрамор на небесах.

Я был уверен, что Алабель последует за мной и на юг, но деньги на это плавание пусть ищет сама: ее серебра на такое предприятие не хватит. Придется хлопать ресницами перед Энрико — этот простак все и оплатит. На его месте я попросил бы что-то более стоящее, чем приторный взгляд. Правда, тут пригодится определенная смелость, которой парню недостает. Проклятие, да и для меня такие слова стали бы большим риском. Уж лучше в бордель.

К слову сказать, в первые дни пути Энрико замкнулся в себе, переживая окончательную потерю своего богатства, и, несмотря на наши с Алабелью увещевания, выходить из подавленного состояния не спешил. Помогло то, что на всякие там уговоры мы плюнули и почти не обращали на него внимания, рассуждая о чем-то незначительном. Уже скоро он начал встречать в наши беседы и даже рассказал несколько мальдионских сказок.

После пяти дней скитания по дорогам, пролескам и заросшим лугам Джанос вызвал нас к себе и сказал, что больше нас не держит. Мы вольны идти куда вздумается, но без оружия. Его он нам отдаст только у стен Бобрового форта. Мы поблагодарили его за столь щедрое

предложение, но решили идти с ним до конца. Нас держало три вещи: оружие, здравый смысл и питательный солдатский паек. Меж тем солдаты Джаноса часто косо глядели на нас, но мы всегда держались вместе, избегая конфликтов. Тот факт, что на нас за время путешествия никто не напал, являлся настоящим везением, ибо нельзя предугадать реакцию измученных лишениями людей на присутствие под боком подозрительных личностей, которые могли это нападение и организовать.

Залогом нашего успешного продвижения вперед было и то, что следопыты Бартала всегда были начеку. Большая часть его людей обеспечивала тыловое прикрытие, и в случае чего сразу могла послать гонца к Джаносу. Лишь несколько человек разведывали путь предстоящий, так как командир был уверен, что больших сил у врагов на этом направлении нет. Что ж, как говорится, и у орла из когтей добыча ускользает. Промашки часто случаются в самых непредвиденных местах.

Мы снялись с привала через два часа после рассвета. До полудня бродили вдоль извилистой речки с живописными крутыми берегами. Когда наш отряд вышел к дороге, по которой могли разъехаться две телеги, я понял, что цель не за горами. Укрепленные гвоздями сапоги вояк, идущих впереди нас, подняли с земли кучу пыли, будто не люди сейчас топтали ее, а с десятков конских копыт пробарабанил по дороге со скоростью стрижа.

Бобровый форт, защищая эту часть тракта, не располагался непосредственно возле него. Как сказал один солдат, нам всего-то и предстояло, что миновать небольшую рощу. Узкая тропа, над которой нависали ветви вековых деревьев, растянула наш отряд на совершенно неприличную длину, но не это явилось причиной негодования Джаноса. Стен форта мы достигли без происшествий.

Вид укрепления вполне отвечал моим ожиданиям: маленькая кирпичная крепость на берегу реки с тремя башнями и деревянными воротами, обращенными к лесу. Для сотни воинов там наверняка будет тесновато, но нельзя забывать, что в нашем отряде много охотников, предпочитающих проводить время за преследованием добычи и сном в наспех сбитых сторожках. Основной же массе людей Джаноса пребывание в безопасном месте определенно пойдет на пользу — приятно осознавать, что никто во сне не перережет тебе глотку и безнаказанно не запустит стрелу в твой лоб. В густом лесу о такой роскоши можно только мечтать.

Двери форта, как и полагается, были заперты. На зубчатой стене появилась сперва одна любопытная голова, затем другая и третья. Ко времени, когда Джанос оседлал коня и подъехал к форту ближе, стены патрулировали уже пять воинов.

— Вели позвать Ферента Остроглазого, солдат! — крикнул Джанос, натягивая поводья, чтобы успокоить недовольного жеребца, вертящего своей мордой из стороны в сторону. — Верный слуга короля Ксанталя Второго прибыл со своего задания!

— Сие мгновение, господарь! — Голос стражника у привратной башни был по-мальчишески высоким, хоть и принадлежал вполне взрослому человеку. Этот отвратительный визг резал мой слух, словно тупая пила слишком сухое, неподатливое бревно. Беседовать с обладателем этого голоса я бы не смог. Тем печальнее, что именно его мне пришлось слушать так долго.

Стражник у башни на несколько секунд скрылся из виду, но его последующее появление немало поразило весь наш отряд. Этот визгливый малый появился с натянутым луком в руках и, едва прицелившись, выпустил стрелу по Джаносу. Разумеется, не попал, но командира удивил до крайности. Да и возбужденный жеребец под ним возбуждился еще

сильнее, чуть не сбросив опешившего всадника со своей спины. Однако Джанос не был бы командиром, если бы правильно не умел воспринимать изменчивую боевую обстановку. Он яростно хлопнул коня по бокам и вывернул его шею в сторону: опасную для жизни позицию следовало незамедлительно покинуть. А воин у башни закричал вновь:

— Остроглазый велел передать, чтобы все вы шли в задницу! Ах, да, еще он сказал, что мертв и не может говорить с вами лично! Ну, что, олухи, чего глазеее? Разворачивайтесь и валите отсюда в преисподнюю!

«Начинается», — подумал я и недовольно помотал головой.

— Ступайте прочь, к своим уродливым женам и вырождакам, и не забудьте передать Ксанталу Ничтожному привет! — вошел визгливый в раж.

— Когда доберусь до тебя, бандитское отродье, я выпущу тебе кишки и прибью к столбу на перепутье! — Что-что, а рассердить Джаноса у воина на стене получилось.

— Найди шлем, не позорься, лысый! — донеслось сверху. Я напряг скулы, пытаюсь сдерживать смех.

Лицо Джаноса перекосила злобная гримаса. Он проскакал мимо своих людей, зазывая тех, кто владеет луком. К его неудовольствию, таковых оказалось лишь двое — команду Бартала следовало ждать либо вечером, либо ночью. Из двоих стрелков один был с арбалетом и орудовал им крайне неумело, единственный же оставшийся лучник пускал стрелы довольно точно, но каждый раз, как тетива распрямлялась, визгливый прятался за укрытием и продолжал поносить своих врагов почему зря.

— Криворукие тупицы, я бы вам даже свиной пасти не доверил!

Словесная перепалка двух враждующих сторон порядком утомила меня. Я подошел к беснующемуся Джаносу и, невзирая на его состояние, напомнил об уговоре. О том, что пора отдать наше оружие и отпустить нас восвояси.

— Ко всем чертям этот договор! Форт уже не наш, и пока он принадлежит врагам, вы отсюда не уйдете.

В глазах моих сверкнули недобрые искорки.

— Иногда очень важно держать слово, сеньор Джанос.

— А не то что? — Он посмотрел на меня, скривив рот.

Я пожал плечами:

— Люди станут меньше уважать вас, а для захвата этого замка вам потребуется вся харизма, которая имеется.

— Чушь. Эти стены мы возьмем к завтрашнему утру.

— Но ни я, ни мои друзья не будем их атаковать. К чему нас держать здесь? А если захватчики за стенами составляют хотя бы половину от вашего числа, то атака провалится.

— Не может их быть столько.

— Сколько же союзников было в форте?

— Около пятнадцати плюс шестеро охотников.

— Маловато, — почесал я подбородок.

— Скорее всего, и захватчиков немного — на стене я вижу пятерых.

— Выманивают нас в атаку?

— Не думаю. Лишь горстка бандитов, улучившая момент.

Я еще раз взглянул на крикуна — у бандита с дороги было неплохое обмундирование. Похоже, враги успели разворошить скромный арсенал форта. Ну, или эта выходка действительно являлась не чем иным, как бесхитростной ловушкой, призванной заставить

отряд Джаноса мастерить лестницы и броситься в бой. Стены невысокие, так что осада превратится в штурм очень скоро. А вот к тому, что из этого выйдет, я был совершенно равнодушен. Пришло время обрести самостоятельность.

— Голова, где ты? — донеслось со стены. — Твой дружок Ферент грозился, что за него точно отомстят. Пришлось утопить его в помойной яме. Видел бы ты, как он дергался, ха-ха!

Джанос только и мог, что сжимать кулаки и яростно кричать всякие угрозы в ответ. После череды неудач терпение совершенно покинуло его. Оскорбления стали последней каплей.

— Я бы растерзал мерзавца голыми руками, вырвал бы его поганый язык и заставил сожрать, — негодовал Джанос. Он слез с коня и теперь ходил кругами передо мной.

— Хочу с тобой сделку заключить, — подал я голос. — Как относишься к тому, чтобы крикун сейчас же заткнулся?

Джанос утвердительно склонил голову.

— Я его прикончу, а ты отпустишь нас и отдашь оружие.

— Ты еще и стрелок? Мой, как видишь, стреляет метко, но враг продолжает поливать нас дерьмом.

— Мне его помощь понадобится. В смысле, лучника. Я же возьму арбалет и после оставлю его себе. Нам надо как-то охотиться, чтобы не умереть с голоду.

— Поди, не зима на дворе, но так и быть.

— Так и быть? — Без уточняющих вопросов в таком деле и с такими людьми нельзя. Мое выжидательное выражение лица вызвало у Джаноса раздражение.

— Да, да! Все будет так. Я говорю это перед своими воинами. Прикончишь мерзавца — и можешь идти хоть на край света.

Больше беседовать было не о чем. Я подошел к горе-арбалетчику и взял тяжелое оружие в свои руки. Это не осталось незамеченным крикуном.

— О, еще один пожаловал! Надеешься на награду, шавка?

Я прицелился и выстрелил. Живые мишени на стене тут же пригнулись от греха подальше. Болт пролетел гораздо выше их позиции и с треском ударил по черепичной крыше отдаленной постройки. Крикун, увидев это, зашелся противным смехом и выпалил в мою сторону еще пару ласковых словечек. В основном говорил про мое зрение и необычный внешний вид, которым наградила меня матушка. Про то, что руки мои растут совсем не из плеч.

Я перезарядил арбалет. Лучник, что стоял подле меня, атаковал крикуна, но всего-то и добился, что потерял очередную стрелу. Я сказал ему выстрелить вновь и стал ждать. Крикун — рискованный малый, но на любого ловкача найдется ловкач искуснее. Визгливый захватчик спрятался за зубцом стены, когда очередная стрела разбилась в щепки о кирпичный блок. Он вынырнул оттуда с разинутым для новых оскорблений ртом — тут-то и подждал его неприятный сюрприз. Едва клочок его одежды показался из-за укрытия, как арбалетный болт уже покинул ложе и полетел навстречу неизбежной развязке. Наконечник снаряда пробил вражескую кольчугу почти под горлом. Крикун ошибся с расположением моих конечностей, за что и поплатился.словно в награду за мое терпение, тело бандита перевалилось через проем между зубцами и рухнуло на землю за пределами форта. Теперь Джанос и не заикнется, что враг мог выжить. Свою часть уговора я выполнил блестяще.

Вид командира, когда я подходил к нему, был несколько озадаченным, что опять же не вселяло в мое сердце уверенности, но опасения были напрасны — Джаносу поздно идти на

попятную.

— Я бы с радостью принял тебя в свой отряд, Фосто из империи. Ты не перестаешь меня удивлять.

— Иногда я и сам себе поражаюсь — ведь занесла же нелегкая в эту страну.

— Война не бывает вечной.

— Не бывает — для того малого она уже закончилась. Мне пора домой, Джанос. Слишком много неприятностей я пережил.

— Есть другой путь в Логрианд. Минуя Серые Топи.

Я чуть улыбнулся и покачал головой:

— Река.

Брови Джаноса на секунду залезли на лоб:

— Да, я вижу, от неприятностей ты не бежишь. В таком случае иди на север от форта. Какое-то время тебя будут беспокоить местные лорды, но знай, что они поддерживают истинного короля. Проблемы возникнут тогда, когда подберешься к горам. Избегай больших дорог, но и на маленьких держи ухо остро — есть там места с весьма дурной славой. За горным массивом лежит город Карос. Там и найдешь, что ищешь, но про Ксанталя лучше не заикайся. Удачи.

Не страна, а лоскутное одеяло. Не мог прежний король пожить хотя бы еще год. Делать нечего: раз в Гелетию путь заказан, приходится идти на риск другого рода. Только бы все хуже не стало.

И все же были в темных деньках свои положительные стороны. Когда в моих руках вновь оказался преданный меч, я почувствовал себя в разы увереннее и подумал, что не все в моей жизни потеряно. И солнечный Шэрдашех еще отворит предо мной свои ворота, приглашая прикоснуться к сладкой жизни овечьих бризом вельмож. Как бы то ни было, вторая попытка сулит больше шансов на успех. Я так думал.

Лицо Алабели выражало собой те же чаяния, что волновали мое сердце. Она вела под уздцы моего трофейного коня, которого Джанос в порыве щедрости решил вернуть нам, а на ее боку побрякивал легкий меч с изящной гардой. Залог того, что желающим покуситься на ее честь и достоинство придется несладко.

И лишь на Энрико вновь напала грусть. Он подолгу молчал, наверняка размышляя о своих упущенных возможностях, и даже удачное разрешение ситуации с отрядом Джаноса его, казалось, нисколько не радовало. Что ж, я уже советовал ему относиться ко всем проблемам философски, так что повторяться совершенно не желал. Этих проблем у нас впереди столько, что по завершении пути мы просто обязаны превратиться в мудрецов, переплюнув даже самых влиятельных мыслителей древности.

Когда Бобровый форт скрылся за деревьями, я отчетливо услышал, как множество топоров застучали по стволам молодых деревьев. Похоже, Джанос не собирался ждать до утра.

Глава 25. Знак судьбы

За те дни пути, что мы преодолели, покинув отряд Джаноса, нам встретила лишь одна разоренная деревня. Причем сожгли ее две, а то и три недели назад. Хороший признак, учитывая сложившуюся ситуацию. Печальней было обстоятельство другое: в селениях, землю которых бандитские ноги еще не топтали, на нас смотрели с подозрением и настороженностью. Никто из нас не понимал парланского языка, и факт этот тоже играл свою отрицательную роль в нашем путешествии. Нет, мы не общались с крестьянами исключительно жестами, пытаясь прикупить себе пищу в дорогу. Людей, знающих славный нардарский язык, хватало, но отношение к нам менялось вмиг. Мы чужестранцы. Вооруженные, опасные. Торговцы без товара — такое оправдание не могло выручать нас часто, и понимание этого отравляло нашу жизнь, заставляло искать ночлег подальше от жилых домов и широких троп.

Не стоило недооценивать силу крестьянского гнева, ибо люди видели, что творят на их земле гости из других стран. А если не видели, то слышали, поскольку по мере нашего продвижения на северо-восток стали все чаще встречаться беженцы из мест, охваченных войной. Обычно они шли небольшими группами, везя за собой обозы с нехитрым скарбом. Я не сказал бы, что они выглядели чересчур измученными или нищими, но на лицах некоторых определенно читался страх. Естественно, мы спрашивали встречных, что происходит недалеко от столицы, что творится в окрестностях Кароса, но ответы их весьма различались. Кто-то покидал деревни из-за недалёковидности своих лордов, решивших в окружении неприятелей открыто поддерживать те или иные стороны конфликта. Если же захватить замок лорда и отправить упертого глупца на плаху у врагов не получалось, то в полной мере они отыгрывались на принадлежащих тому деревеньках. В таком случае жителям, над чьими головами нависла угроза феодальной немилости, действительно следовало как можно быстрее дать деру.

Кто-то бежал из городов, чувствуя, что скоро они станут ареной безжалостной битвы. Что придется либо держать оборону, либо принять смерть. А поскольку простой люд не слишком радуется перспективе скрестить с профессиональными воинами клинки, то понять беглецов можно. Мужчины вели за собой своих жен и детей и опасливо глядели на всех, кто имел при себе оружие. Они плохо представляли себе, как спастись от возможной атаки мародеров, да и конечная цель их странствия была не вполне ясной, но другого пути перед их глазами не было. Они бежали оттуда, куда двигались мы. Это, конечно, настораживало.

Кое-кто рассказывал и вовсе странные вещи. Небольшая группа из двенадцати человек — по-видимому, семья — бежала от своего лорда. Как поведал нам длиннобородый мужчина с культей вместо левой кисти, лорд этот продал душу какому-то демону и теперь наводит ужас на все свои владения. А, как известно, слухи расползаются быстро, так что теперь ужас проник и на соседние земли. Я, конечно, не спрашивал, каким образом благородный человек совершил столь греховный поступок, но личностью этого проклятого заинтересовался. Особенно когда узнал, что владения у него довольно крупные: не только родовой замок, но и небольшой городок на берегу Ариса. Городок с речным портом. Человек без души оказался влиятельным графом, имеющим тесные связи с захватившим власть советником прежнего короля. Этому графу принадлежат четыре боевых корабля в порту Берсены, так что порт у его собственных владений может также не пустовать. Бредовые

рассказы про то, что он выпивает из людей жизнь, как сохшийся упырь, что в услужении у него демонические прислужники, не произносящие ни слова, я пропустил мимо ушей. Знал я вполне благодушного и гостеприимного феодала, который, когда обстановка вблизи его владений накалилась докрасна, повелел всех казненных вполне традиционным способом преступников, да и просто померших бродяг откопать, освежевать и развесить вдоль крупных дорог. Отсеченные головы тоже не пропадали: полуразложившиеся лица на пиках пугали путников до жути. Люди начали сторониться этих земель, а для пущей эффективности хитрый феодал распространил слух, что висящие тела — это пленные воины, посмевшие нарушить границу его владений. Таблички рядом с мертвыми говорили о том, что умерли несчастные через неделю пыток, а кожу с них сдирали тонкими лоскутами. «Так будет с каждым, кто посмеет угрожать этим землям», — заканчивалось предупреждение на деревянной доске. Каким бы сомнительным ни был подобный метод защиты, свою функцию он выполнил — желающих пограбить деревни кровожадного властителя не нашлось. Парланский граф мог поступить так же.

Однорукий крестьянин посетовал, что кисть ему отсек один из безмолвных прислужников графа. Даже не за провинность, а просто из желания совершить какое-нибудь злодейство. Понятно, что лишаться прочих конечностей крестьянин не желал и решил сбежать от греха подальше.

Энрико проникся рассказом несчастного и с ужасом слушал все небылицы, что тот сочинял. Я же думал совершенно о другом. О том, что в речной порт следует наведаться: кто знает, может, графские корабли собираются отправиться на юг, чтобы немного потрепать обнаглевших разбойников Скалистого Края? Лишний меч им не помешает.

Верить в правдивость рассказа длиннобородого калеки я не собирался. Судя по его хитрой роже и слаженной бесперебойной тираде из громких слов и пугающих деталей, он являлся тем еще прохвостом. Руку ему отрубили за дело, в этом я был уверен. А жуткие ночные крики из подвалов замка, молчаливые воины с безжизненным взглядом и прочая ересь — плод его воображения и причина, по которой семья калеки согласилась покинуть обжитое место. Все это произошло из-за обиженного воришки. Думаю, Алабель считала точно так же.

Перед тем как проститься с беглецами, я спросил у длиннобородого, куда же они, собственно говоря, направляются. Ответ получился невнятным и сбивчивым — дескать, есть много необжитой земли на юге, где можно начать новую жизнь. Земли там действительно много, да только необжитая она не просто так. Мятежники Северной Нардарии и Скалистого Края это подтвердят. Я посоветовал главе семейства добраться до Бобрового форта и переждать там какое-то время. «У тамошних обитателей нехватка рук, — добродушно сказал я. — А такому честному человеку они наверняка протянут руку помощи». На этом наша беседа и закончилась.

В тот день нам встретилась еще одна многочисленная группа беженцев. Ее сопровождал местный рыцарь со своей свитой. Аристократ был далеко не молод, но в седле держался уверенно и вид имел самый решительный. А поскольку занимался он действительно благородным делом, то и заговорить с ним можно было без опаски.

Для пущей надежности я посадил Алабель на коня, а сам вместе с Энрико шел рядом. Теперь мы ходили на сопровождающих знатную леди воинов, и угрозы в нас рыцарь на коне видеть не должен.

Первой заговорила Алабель.

— С кем имею честь повстречаться? — Тон девушки был не то чтобы холодным, но она могла бы быть чуточку пококетливее. Рыцарь, однако, весь подбоченился, пару раз кашлянул и громко заявил:

— Кристоф из рода Салавардов. Хозяин Синих Башен. Что такая милая дама делает на моей земле в этот недобрый час?

— По поводу времени все сказано верно. Я Алабель из Мальдиона, дочь диреймского вельможи. Мы везли товар в столицу, но подверглись нападению целого отряда разбойников. Уйти сумели только мы трое. Теперь вот ищем путь назад.

Кристоф завозился в седле и проскрипел какие-то ругательства на парланском языке, очевидно негодуя из-за расплодившихся банд.

— Не за горами тот день, когда все эти мерзавцы будут висеть на деревьях, как яблоки в урожайный год. Это я вам обещаю.

— Сейчас мы направляемся в Карос, чтобы сесть там на корабль. Нам не остается ничего другого. Если вы сможете продать нам немного припасов, мы будем очень благодарны.

Кристоф расстроено выдохнул:

— Хм, сейчас не могу этого сделать. Все, что мог, я отдал этим людям, — рыцарь указал на толпу беженцев. — Теперь должен сопроводить их до своих границ. Клянусь честью, я не потерплю, чтобы на моей земле грабили простой люд.

— Мы все понимаем.

— Вы можете идти со мной. Когда вернемся в замок — я смогу поделиться с вами едой и кровом.

В тот момент мне подумалось, что рыцарь Кристоф явился к нам прямым из слезливой баллады. Его благородство вызывало умиление. Но самое интересное, оно не казалось наигранным. Его речь была искренней, поэтому я жалел, что воспользоваться его гостеприимством у нас не получится.

— Благодарю за щедрое предложение, — Алабель едва заметно склонила голову, — но ожидание для нас бессмысленно. Мы должны как можно быстрее достичь порта Кароса.

Кристоф кольчужной рукавицей потер лоб:

— Насчет ожидания. Где-то дней через пять или неделю по реке в сторону Туарина поплывет корабль. Он причалит к моей дереvuшке, так что вам не нужно плестись так далеко. Как смотрите на это?

Мне даже не верилось, что все это происходит на самом деле. Такая-то удача. Но чтобы окончательно пробить потолок моего удивления, я осторожно спросил:

— Простите, что встречаю. А корабль боевой?

Кристоф направил свой взор на меня:

— Обычное торговое судно. Весельное.

Потолок моего удивления остался непоколебим. На простом суденышке не добраться до нужного нам места. Оставалось загадкой, на что рассчитывает команда этого корабля.

— Я понял, что вас беспокоит, — заметил мою досаду Кристоф, — но на корабле, помимо гребцов, будет и охрана.

— И когда же горстка солдат останавливала налетчиков Скалистого Края?

— Я не буду убеждать вас в своей правоте. Скажу лишь, что корабль этот уже не в первый раз прокладывает свой путь через несколько королевств. Решать вам.

Энрико прильнул ко мне и на ухо высказал мнение, что на предложение нужно

соглашаться. Что сама судьба указывает нам на правильный путь. Я был другого мнения.

— Так что вы решили? Мне пора нагонять своих подопечных.

— Мы отправимся в Карос.

— Леди Алабель? — рыцарь с надеждой взглянул на девушку.

— Карос, — виновато пожала плечами плутовка.

— В таком случае желаю вам удачи. — После этих слов Кристоф попрощался с нами и был таков.

Мы заковыляли по пыльной дороге дальше, но я не мог не заметить, как обиделся на меня Энрико. Он пытался собраться с мыслями и тяжело дышал.

— Надо было идти с Кристофом, — в конце концов выпалил он.

— Кто же тебя держит? Ступай.

Такой ответ расстроил Энрико еще сильнее, но пока он молчал, копя обиду.

— Мы забыли спросить у благородного рыцаря, сколько дней нам еще топать до города, — заметила Алабель, поглядывая на нас сверху вниз. Она все еще восседала на коне, но расслабляться ей оставалось недолго — после привала верхом поеду я.

— Ты удивишься, но в моих планах есть не только Карос.

— А что же еще? Владения проклятого графа?

— Именно.

— Любишь ты играть с огнем, Фосто. — Алабель улыбалась, так как тоже не считала рассказ крестьянина-калеки правдивым. Среди нас был лишь один человек, верящий в эти бредни, и он не преминул отозваться.

— Ты хоть думаешь о том, что говоришь? — недоумевал Энрико, глядя на меня круглыми глазами. — Собираешься наведаться в гости к человеку, который посвятил себя самой темной стороне магии? Неужели тебе мало того, что мы уже пережили?

Спорить с пареньком совершенно не хотелось. Решение я принял, а пустая болтовня лишь утомляет организм.

— Будешь отмалчиваться? — наседал Энрико. — Что ж, знай, что худшего попутчика нельзя себе и представить!

Эти слова задели мое самолюбие, но я давным-давно научился реагировать на подобные выпады спокойно. Гораздо больше меня оскорбляют попытки врагов снести мою голову, так что обвинения Энрико бессмысленны.

— Ты отказался от помощи того, кто помогает беднякам и странникам, а вместо этого хочешь получить помощь у злодея, калечащего своих крестьян. Это уму непостижимо!

Монолог парня затягивался, но, похоже, это было лишь начало.

— Тебе нечего возразить мне, Фосто, потому что ты понимаешь, как я прав. Ты сделал все для того, чтобы мы оказались в полном дерьме.

Я потихоньку начал закипать, так как обличающие слова Энрико становились похожими на нравоучения. А нравоучения из уст безбородого паренька для обремененного увесистым жизненным опытом человека выглядят, по меньшей мере, нелепо. По большей — вызывают вполне закономерное раздражение. Но в первые мгновения я и не понял, что Энрико следовало заткнуть сразу же. Мое молчание вызвало у него точно такую же реакцию, как у собаки, когда ей бросили свежееобглоданную кость. Парню следовало выбирать слова — я легко мог заставить его этой костью подавиться.

— Задницу седлом еще не натерла? — поинтересовался я у Алабели, имея в виду, что пора бы уступить привилегированное место старшему товарищу.

— Гораздо меньше, чем пальцы ног, — тут же отозвалась девушка.

Энрико мое безразличие к его упрекам разозлило:

— Тебе плевать на всех, кроме себя.

— Разве должно быть иначе? — наконец последовал мой ответ.

— Должно быть, потому что своими идиотскими решениями ты подставил всех нас.

Я остановился и взглянул на Энрико, сдвинув брови.

— Когда на границе нам сказали, что здесь война, я хотел вернуться в Логрианд. Из-за тебя, Фосто, мы поступили иначе. Когда тот же Соломон Орснар предложил нам остаться в поселке, из-за тебя, Фосто, мы поступили иначе. Ты принимал решение за всех и склонял Алабель на свою сторону.

— Ты еще и Соломона помянул? — удивился я.

— За несколько недель могло случиться все, что угодно. В том числе и с бандой Двухцветных. Думаешь, Соломон натравил бы их на нас прямо в поселке, близ своего дома? Не думаю, что он поступил бы так.

Не думает. Конечно, он не думает. Душевное здоровье Энрико сильно подпортилось за последние дни, так что в своих мыслях он, похоже, беспрестанно пытался найти виноватого. Выбор пал на меня, но парень ошибается, если думает, что я соглашусь с его доводами.

— Чего ты добиваешься, Энрико? Мои уши жаждут тишины, а ты никак не заткнешься.

— Я добиваюсь, чтобы ты хоть в этот раз послушался меня. Чтобы мы вернулись к рыцарю Кристофу и приняли его щедрое предложение. Сама судьба подает нам знак, а мы плюем в его сторону.

— Возвращайся к рыцарю, — раздраженно проговорил я и добавил, заметно повысив голос: — Беги за ним или оставайся здесь, но помалкивай к чертовой матери!

Энрико не испугало мое негодование.

— Нет, с тобой я не останусь. Ты считаешь себя самым умным, но все ровно наоборот.

— Значит, самый умный здесь ты? И среди братьев ты выделялся особенными талантами, и отец считал тебя достойным наследником? Проклятие, да и в этом странствии ты проявил себя исключительно с хорошей стороны, так? Я же, раз за разом спасая твою жалкую жизнь, вдруг оказался безмозглым проходимцем.

— Это твоя идея — тащиться на другой конец света, и ты сам предложил защищать меня в пути. Ты обязался сопроводить меня до Берсены, но не выполнил этих обязательств, поэтому я вправе требовать от тебя возврата денег за проданный ковер.

— Что?! — мой разум отказывался верить в то, что услышали мои уши.

— Ты прекрасно понял меня, Фосто.

В голове промелькнули десятки доводов, по которым требование Энрико можно было оспорить, но я был настолько зол, что не привел ни один из них. Вместо этого я подскочил к парню и схватил его за грудки. В тот момент вся моя сдержанность испарилась, словно легкая дымка после восхода жаркого солнца. Мне хотелось вытрясти из наглеца всю душу, и лишь память о том, через что мы с ним прошли, остановила меня. Память и своевременное вмешательство Алабели. Нет, она не встала между мной и Энрико, лишь грубо выкрикнула с седла:

— Успокойся, Фосто!

Как ни странно, именно эти слова меня отрезвили. Я осознал, что могу слишком далеко зайти в приступе гнева. Скрежетнув зубами, я отпустил Энрико и сделал пару шагов назад. Но без последнего напутствия оставить его не мог.

— Запомни, сопляк, — процедил я, — что одно неосторожное слово, вырвавшееся из твоих уст, в мгновение ока может превратиться в кинжал, торчащий из твоего бока. В наказание я мог бы отобрать у тебя все монеты и счел бы этот поступок справедливым, но я поступлю, как человек честный. Проваливай. Проваливай и забудь мое имя. Наши пути больше не пересекутся.

Энрико не ответил мне ничего. Стоял с побледневшим от волнения лицом и громко сопел. Наконец повернул голову к Алабели и сказал:

— Идем со мной, Алабель.

Девушка молча покачала головой — она была на моей стороне. Энрико смутился, но старался не подавать виду. Если судьба действительно хотела подать нам какой-то знак, то лишь с Энрико ее трюк удался. У меня было свое мнение относительно дальнейшего путешествия, и предоставлять свободу действий божеству удачи я не собирался. Слишком переменчивое у этого создания настроение. Мой путь и путь незадачливого мальдионца с этого момента походил на горную тропу. Кто-то будет подниматься вверх, а кто-то...

Энрико зашагал вслед за рыцарем Кристофом неторопливо, так как при любом раскладе легко догонит толпу обездоленных, которую тот охраняет. До тех пор, пока парень окончательно не скрылся из виду, я пару раз оборачивался в его сторону, хоть и не понимал, что хочу узреть.

Глава 26. Долина немых

Было что-то странное в тех местах, где мы с Алабелью оказались, сойдя с главного тракта. Но, по правде говоря, и до того момента обстановка в пути изменилась в неожиданную сторону.

Прошло уже два дня, как мы покинули владения сира Кристофа Салаварда, как расстались с Энрико, и за все это время нам почти не встречались путники. А среди тех, кто встречался, имперским языком владел лишь один — грязный беззубый скиталец с маленьким узлом, который он носил на палке. При этом длина палки, как я прикинул, превосходила рост чумазого путешественника.

Узнать у него что-то стоящее оказалось делом отнюдь не простым. Поначалу я подумал, что и этот встречный говорит исключительно на парланском. Тот факт, что я ошибся, совсем не воодушевлял. Скиталец неопределенного возраста жевал слова, говорил слишком быстро и сумбурно. Узнать у него дорогу к замку влиятельного графа оказалось трудно, но только я подумал о том, что впустую трачу время, как скиталец совершенно четко произнес: «Лес. Старая скала. Направо». Стоило мне с задумчивым видом поблагодарить его, как он тут же зашагал прочь, продолжая нести какую-то ахинею.

Услышанное вряд ли помогло бы нам. Лесов в округе было много, а ландшафт плавно переходил из равнинного в гористый. Встречались высокие холмы и каменистые выступы, так что понять, где же здесь искомая старая скала, не представлялось возможным.

Все разрешилось просто — мы наткнулись на крошечное поселение у тракта, главной достопримечательностью которого являлась ветхая деревянная таверна. Там мы не только узнали, что за скалу имел в виду блаженный путник, но, ко всему прочему, решили остаться здесь на ночлег. Не сказать чтобы сон получился спокойным, но я слишком соскучился по кровати и не мог упустить такой возможности.

Хозяин заведения был не очень-то приветлив, но с подобным отношением к чужеземцам мы давно смирились. Самое главное, что грубоватый трактирщик смог детально описать кратчайший путь к искомому замку. Вековая Вершина — именно так именовали родовое гнездо парланского графа. Кроме того, оказалось, что мы бродим по земле сего влиятельного лорда уже не один день.

— Некоторые слухи ходят об этом замке, — осторожно намекнул я трактирщику, желая выведать что-нибудь интересенькое.

— Плевать я хотел на эти слухи! — изменился в лице мой собеседник. — Лишь бы всем вокруг глотки резать надоело, а то никакой прибыли нет.

Его замечание было уместным, но бесполезным для нас. На собственной шкуре предстояло испытать справедливость всех слухов, относящихся к владельцу Вековой Вершины. Черная магия, поклонения демонам, истязания крестьян и прочие прелести аристократической жизни, приписываемые отчаянному графу, меня напугать не могли. Не давали покоя опасения, что к чужестранцам он относится так же холодно, как и обитающие у большой дороги трактирщики. Не хотелось зазря делать значительный крюк.

Но кто не рискует, тот не осушает после победы бочки прекрасного эля. Мы обнаружили широкую просеку у старой скалы и сразу поняли, почему повстречавшийся на тракте оборванец назвал ее так. Заросшая хвойными деревьями скала действительно выглядела, как старый рассыпавшийся кирпич серого цвета. Она разрушалась под действием

времени и ветра. Откалывающиеся слоями куски горной породы разбивались о подножие горы и образовывали перед просекой своеобразный холм из мелких камней и неподъемных валунов. Если бы мы с Алабелю ехали на повозке, то не один раз пришлось бы нам расчищать путь.

— Как-то тихо здесь, — заметила Алабель, но я промолчал — был слишком сосредоточен на том, чтобы наш конь не подвернул себе ногу о какой-нибудь булыжник.

Когда подобного рода опасность миновала, я и сам поймал себя на мысли, что почти не слышу птичьего щебета. Чем больше вслушивался я в лес, тем отвратительнее становилось на душе, а сплетни суеверных крестьян переставали казаться смешотворными.

Правда, стоило далекой кукушке затянуть свою монотонную песню, а дятлу — начать долбить ствол сухого дерева, как я испытал не то чтобы облегчение, а некоторое негодование по отношению к Алабелю. Ее неуместные замечания лишь будоражили ум, не принося никакой пользы. Она бы еще гелетианский шабаш вспомнила!

В тот день мы не встретили на своем пути ни души, а единственным рукотворным строением, попавшимся нам на глаза, были руины небольшого форта, разрушенного еще в стародавние времена. Перед остатками каменной арки, когда-то служившей воротами укрепления, стояли два столба со здоровенными железными клетками, что поскрипывали в такт ветру. Обитателями этих ржавых ловушек являлись два скелета, так что причин для беспокойства не наблюдалось. Напротив, это место отлично подходило для ночлега: стены форта укроют наш костер и от человеческих глаз, и от визитов хищников. Алабель поддержала мою идею.

Костер, скудный ужин и сон. Я лежал на земле, укутавшись в плащ, и ощущал себя в безопасности. Где-то завывали волки и ухали совы, но они не причиняли мне никакого беспокойства. В прошлую ночь, в таверне, мне было гораздо тревожнее: от людей можно ожидать вещей куда более опасных, нежели от стаи волков. Цель зверья хотя бы ясна.

К тому же я не был одинок. Алабель лежала подле меня и, казалось, спала крепким сном. Но стоило где-то хрустнуть ветке или скрипнуть старому дереву, как она вздрагивала и сразу же вслушивалась в ночные звуки. Даже если бы я спал, как убитый, она не допустила бы врага до моего тела. Ни человека, ни зверя.

А вот саму Алабель до своего тела я допустить был не прочь, но как-то не завязывалась у нас беседа на эту тему. Чем тяжелее испытания выпадали на нашу долю, тем сильнее мне хотелось женской ласки. И вроде бы не просто так Алабель выбрала меня напарником в странствии, однако на все мои похотливые шуточки и недвусмысленные замечания реагировала с язвительностью, уводя разговор в другое русло.

При Энрико такой оказии не было. Он действовал на меня, словно нравоучения святого Хантала на первосвященников. Теперь все изменилось. Я путешествую с Алабелю верхом на коне и не всегда сижу впереди, а проклятая девица частенько подгоняет скакуна. Это заставляет меня прижиматься к ней сильнее и, как следствие, возбуждает мое естество. Я не привык ощущать себя юнцом, впервые оказавшимся в доме терпимости, поэтому руки мои упорно скользили вверх и, вместо талии, сжимали ее груди. Обычно после этого Алабель напоминала, что еще в подростковом возрасте прославилась умением ломать зарвавшимся ровесникам пальцы. «Некоторые не понимали с первого раза, и кисти их рук выглядели, как корни деревьев после урагана», — говорила она. Тяжелое детство девушки меня не интересовало, но в ее боевых способностях сомневаться не приходилось. Пальцы еще пригодятся мне для ратных дел.

— Ты скажи, может, мне надо нести ту же чушь, что нес Райнер Хамвольд, когда ты его выхаживала? — спросил я тогда.

— А ты умеешь?

— Умею. Сейчас, правда, не та ситуация, — я похлопал коня по боку, — но стоит дать мне надежду, как я тут же превзойду лучших трубадуров в красноречии.

— Райнеру это не помогло. Да и выслушивала я его исключительно из меркантильных соображений.

— А соображения телесные тебя вообще не интересуют?

— Думаю, коню пора отдохнуть от нашего веса. Пройдемся пешком.

Мне оставалось лишь неодобрительно хмыкнуть. Возразить тут было нечего.

Алабель ведет себя как целомудренная хранительница Первой Чаши, а, значит, мне придется искать счастья в другом месте. Сомневаюсь, что в Вековой Вершине есть бордель, но уж в городке у Ариса он быть обязан. Все эти мысли носились в моей голове, пока я лежал у тлеющего костра. Не о том, о чем следовало, думал я в тот час.

Створки дверей приоткрываются, и Алабель, одетая в легкое шелковое платье, проходит вперед. Оглядывается и улыбается мне. Кивком приглашает следовать за нею. Из-за моей спины бьет свет, хотя помещение, в котором мы очутились, не имеет окон.

Источник света мне неинтересен — я гляжу лишь на девушку и пытаюсь от нее не отстать. Она торопится, но не забывает бросить в мою сторону приветливый взгляд. Ее распущенные рыжие волосы находятся в постоянном движении, и я наблюдаю за каждым локоном, не желая упустить ни одной детали.

Следующие двери открываются, пропуская нас, и только Первозданный знает, что ждет нас в конце. Я не останавливаюсь, но вдруг ловлю себя на мысли, что делаю что-то не так. Впереди вырисовываются новые двери. Алабель хватает меня за руку и тянет за собой, а я не хочу продолжать этот путь. Но делаю именно это. Мне вдруг приходит осознание того, что все вокруг иллюзорно, и неизвестность, таящаяся неподалеку, враждебна моему разуму.

Я собираюсь оглянуться, но Алабель не дает мне этого сделать. «Иди за мной», — шепчет она и минует очередную двустворчатую дверь. Она протягивает мне руку. Сомнение и недоверие. Я хочу взять Алабель за руку, но не для того, чтобы быть ведомым. Я собираюсь идти с ней к свету. Назад.

В ту же секунду происходит нечто невообразимое. Все вокруг теряет краски, а крошечная тьма расстилается прямо за плечами Алабели. Она перепугана и тянется ко мне, но я не успеваю ничего предпринять. Тьма уносит ее в бездну, а двери захлопываются с чудовищной силой. Я слышу крик, режущий уши, и падаю на колени. Перед моими глазами неясный предмет. Я дрожащими руками беру его и поднимаю с пола. Медальон Алабели. Медальон, с которого капает кровь.

Первое, что я увидел, когда открыл глаза, — ворон, сидящий на почерневшем камне. Он глядел на меня, повернув голову набок, и чего-то ждал. Может, надеялся, что я не проснусь.

Над развалинами форта нависало пасмурное небо. Утро было холоднее обычного, и пришедший в себя организм время от времени вздрагивал под натиском прохладного воздуха.

Алабель не спала. Она сидела на траве и не сводила глаз с черной птицы.

— У него вся морда в крови, — сказала она.

Я присмотрелся к ворону внимательнее, но ничего не увидел. Мешало расстояние в десять метров, да и заспанные глаза не добавляли мне зоркости. Однако если Алабель в чем-

то была уверена, то так оно и было.

— Пировал у оленьего трупа, — предположил я сиплым голосом.

У Алабели было иное мнение на этот счет:

— Человек. Убит ночью.

— Что ж ты не разбудила меня? Если была опасность...

— Это было далеко. Я слышала крик, но спросонья решила, что мне привиделось. Крик не повторился.

Такой новости только и не хватало мне в это холодное утро. День, не успев начаться, уже принес уныние. Придется искать покойника и посмотреть, что именно отправило его к праотцам — меч, недуг или звериные клыки. Вот будет сюрприз, если я увижу труп крестьянина, на которого славные господа устроили охоту. Но эту мысль я тут же отверг — Алабель услышала бы множество голосов.

Приступить к сему мероприятию мы смогли скоро. Наши ничемные запасы провизии закончились, когда и я, и моя спутница с унылыми физиономиями догрызли последние сухари. Если наши скитания закончатся не скоро, то я наверняка превращусь в опытного лесника. Вроде Бартала.

Как и ожидалось, тело убиенного обнаружила Алабель. Недалеко от дороги, где отчетливо просматривались многочисленные следы от копыт. Я был не последним следопытом в мире, но соревноваться с чародейкой в этом деле было бессмысленно. У людей их породы особенное чутье. Так я себя и успокаивал, когда Алабель спрыгнула с коня и уверенным шагом направилась через заросли. Там, среди мхов и папоротников, лежал наш ночной крикун. Если бы Райнера в свое время мы нашли именно в таком состоянии, наше торговое предприятие закончилось бы иначе. То есть не стало бы полным провалом.

Мертвец не был крестьянином: он был прилично одет и гладко выбрит. Тот, кто его порешил, не позарился на дорогой дублет. Сапоги, правда, с него стащили. Убили несчастного ударом чего-то острого по седой голове — ее левая часть была покрыта коркой из крови и мозгового вещества. Сама же рана зияла, как Клятвенное Ущелье у истока Касабра.

Все выглядело, как обычное убийство с целью наживы. Я придавал этому факту большое значение. Нападением бандитов никого не удивишь, и даже ужасные слухи о здешних местах не пугают злодеев. Да и честных людей вроде меня тоже.

— Что подсказывает тебе твое магическое сердце? — не без иронии спросил я у Алабели. А сердце ей подсказывало действительно немало.

— Он был на лошади, когда его нагнали. Уже мертвым он свалился с седла и сломал шею. Сколько убийц — не знаю, надо посмотреть следы, но точно не один.

— Еще что-то?

— Думаю, ты и сам удивляешься, что жертва неслась по такой опасной дороге ночью. Он спешил. Нам еще повезло, что враги не настигли его у нашего форта.

— Может быть, он такой же бандит. Ладно, будем держать ухо востро.

— Хоть тело малость потрепано, выглядит он как вельможа, а не как бандит.

— Открою тебе секрет: здесь это одно и то же.

Алабель повеселило мое замечание, а меж тем все было именно так. Я бы многое отдал, чтобы найти место в Парлании, где есть хотя бы видимость порядка. Такого, который в моем представлении обязан обеспечить владелец земель своим подданным. А не такого, который вскорости нам «посчастливилось» лицезреть.

Забывая, казалось, всякой божьей тварью тропа в этот же день вывела нас к небольшой крестьянской общине. Следы ночных убийц смыло коротким дождем, но сомнений, что они проезжали через это поселение, не было.

Сама община состояла из нескольких больших домов и кучи покосившихся сарайчиков. Лесная дорога спускалась к конопляным полям довольно крутым виражом, и, вероятно, поэтому короткий путь к Вековой Вершине не пользовался популярностью.

Каждый из немногочисленных жителей поселения, едва завидев нас, стремглав уносился прочь. Вот старушка, бросив все дела, чуть ли не вприпрыжку побежала к избе. Заскочила внутрь, и спустя мгновение мы услышали стук массивной доски-заслонки. Гостеприимством здесь путников не баловали.

— Странно это все, — буркнула Алабель.

Я мог бы с ней поспорить. Для простого люда дележ власти был делом опасным и порой трагичным. В этом поселении, по-видимому, уже столкнулись с последствиями такого дележа. Лежащее среди папоротников тело было тому отличным подтверждением.

Задерживаться тут мы не стали. Как и пытаться наладить с местными жителями контакт. От страха до праведного гнева у загнанных в угол простолюдинов путь недолгий. Это я знал не понаслышке. Вековая Вершина была неподалеку — скала в центре неровной долины, где находился замок графа, уже мозолила глаза. Само укрепление мы пока не видели — ракурс не тот.

Конь фыркал и неторопливо брел по виляющей каменистой дороге. Фермы, встречающиеся нам на пути, производили негативное впечатление. Неухоженные участки, скудная растительность, тощая скотина — все это не возвышало местных хозяйственников в наших глазах. Земля тут, конечно, плодородием не отличалась, но я знал, что усердие и правильный подход могут из самых скудных угодий сделать образец для подражания.

Из всех работников ферм лишь один нас не испугался. Смотрел, облокотившись о черенок лопаты, и молчал. Я пялился на него, а он на меня, но вступить в разговор никто из нас так и не решился. Сомневаюсь, что он сказал бы что-то дельное.

Солнце миновало свой апогей и принялось медленно спускаться к горизонту. Время от времени его заслоняли тучи, но лучи находили себе дорогу до земли даже через тяжелые синие облака.

Совсем скоро мы разглядели мощные бастионы Вековой Вершины, вырисовывающиеся на крутой скале. Башни с красными конусовидными крышами возвышались над окрестностями так значительно, что им позавидовали бы даже правители Скалистого Края. Большая часть долины была у обитателей замка как на ладони. Не удивительно, что граф предпочитал проводить время здесь, за неприступными стенами. Во времена, когда любой сосед-феодал может вонзить в спину нож, это было разумно.

Вокруг возвышенности и дороги, ведущей к замку, рассыпалось множество неказистых каменных домиков. Как бульжники у старой скалы, они возникали перед нами то тут, то там.

Так уж получилось, что прибыли мы в обширные графские предместья в неурочный час. И дело было не в том, что небо грозило вылить на нас все свои запасы воды; не в том, что каждый окрестный житель страшился незнакомцев, как чумных. Нет, этот страх имел под собой почву. Почву зыбкую, утягивающую всякого, кто бояться не желал. Или устал. Придать новых сил таким людям и было призвано разворачивающееся перед нами представление. Спектакль, в коем некоторые актеры участвовали первый и последний раз. Мы прибыли на

место массовой казни.

Назвать площадью территорию, на которой происходило нелицеприятное событие, язык не поворачивался. Всего лишь крохотный пустырь между несколькими домами.

Осужденных на смерть было трое: двое мужчин и женщина. У всех были связаны руки. Выглядели они довольно молодо, и даже грязь на их лицах не могла этого скрыть. Подле пленников стояли четверо воинов в потрепанных кольчугах. Еще один, пятый, проверял пальцем остроту двуручного тесака. Это был палач.

Несмотря на то что все воины были разных возрастов и телосложения, на лицах каждого из них читалось абсолютное безразличие и какая-то первобытная тупость. Они лишь изредка поглядывали на пленников, в нашу же сторону бросил бессмысленный взгляд только палач. И тут же отвернулся, возвратившись к своему сверхважному занятию.

Никто из жителей деревни на экзекуции не присутствовал. Все попрятались по своим норам. Лишь участники и невольные зрители — мы.

Палач, похоже, приноровился к своему оружию и постучал им по широкому пню, на котором вот-вот прольется кровь. Его товарищи сигнал распознали. Один из воинов схватил за шиворот пленного мужчину и потащил его к плахе. Не проронив при этом ни слова. Обреченный же молчать не собирался и кричал что-то на парланском.

Алабель была встревожена и нахмурила брови. Я заметил это, но прежде, чем вразумил ее, она спрыгнула с коня и крикнула воинам:

— Позвольте узнать, кого ваше оружие отправляет на божий суд? Кто эти люди?

Ни один из странных вояк даже не взглянул на Алабель. Над головой пленника палач занес тесак.

Чародейка была явно озадачена. Куснула палец, силясь вспомнить что-то важное. Вспомнила и тут же выкрикнула единственное слово — «здравствуйте» на парланском. Два воина, как по команде, повернули свои головы к чужестранке, но мгновение спустя потеряли интерес. Палач тоже взглянул на мою спутницу. А в следующую секунду вогнал тесак между головой и плечами несчастного пленника. Его голова отвалилась так легко, будто и не принадлежала телу.

Алабель посмотрела на меня недоуменным взглядом. Мое выражение лица было точно таким же.

— Едем, Алабель, нам не нужны неприятности, — вот и все, что я мог сказать после увиденного.

Но моя спутница не была бы собой, если бы смирилась с неудачей. С полным безразличием со стороны молчаливых бойцов. Она подошла ближе и повторила вопрос. Ничего не произошло. Кроме того, что теперь к плахе потащили взъерошенную женщину. Та попыталась вырваться, но сделала это, скорее всего, только из-за накопившейся злости, потому что сразу же обмякла, закрыла глаза и принялась что-то шептать. То ли молитву, то ли заклинание. Я склонялся к первому.

Никто с ней не церемонился и дожидаться окончания ритуала не собирался. Палач приготовился снести очередную голову.

— Черт подери, со мной может кто-нибудь поговорить? — рассердилась Алабель. — Скажите хоть слово. Не на имперском прошу — на парланском.

Для пущей убедительности Алабель произнесла все ругательства, услышанные в тавернах. Я удивился: она еле-еле вспомнила местное приветствие, но все грязные парланские словечки отлетали от ее языка, как горох от стены. Впрочем, удивление быстро

сменилось гневом, ибо Алабель, судя по поведению, просто жаждала неприятностей. И они не заставили себя ждать. Правда, разозлили воинов не слова.

Расстояние. Алабель слишком близко подошла к одному из этих головорезов. Он держал стоящего на коленях мужчину, но тут же отшвырнул его, извлек из-за пояса меч и снял со спины небольшой круглый щит. Его примеру последовали и остальные. Алабель получила внимание, которого заслуживала. Она попятилась назад:

— Я все поняла — вы не любители трепаться. Уже ухожу. Спокойнее, парни.

Но рука девушки инстинктивно сжала рукоять меча. Успокаивать воинов было поздно. Теперь все решит схватка.

В былые времена я нечасто бился конным. Копейный бой — целое искусство, и его успешное выполнение одинаково зависит как от всадника, так и от зверя. Иными словами, чем дороже и сильнее твой конь, тем больше у тебя шансов выжить после громopodobного столкновения с такими же всадниками. Другая часть успеха: доспехи, длина копья и хладнокровие. У меня не было ни рыцарского коня, ни дорогущего снаряжения, а нестись навстречу смерти — героически размахивать мечом, пока не вылетишь с седла со скоростью снаряда из баллисты — мне не хотелось. Лучше сражаться в плотном строю, под прикрытием товарищей и леса пик.

Сейчас конники среди моих новых врагов отсутствовали. Пора преподать неразговорчивым пехотинцам урок. Ну, и спасти неугомонную Алабель, которая всю эту кашу заварила.

Я вытащил меч и хлопнул коня по бокам. Он вздыбился и бросился вперед. Получилось весьма зрелищно, но именно в этот момент мне вспомнился небольшой эпизод из прошлого. В голове прокрутилась сцена: серьезное столкновение с наемниками из враждебного города, почти две тысячи воинов безжалостно рубят друг друга, зеленое поле превратилось в месиво из грязи, крови, обломков стрел и копий. Командир нашей легкой конницы повел своих бойцов в атаку, крикнул что-то воодушевляющее и вздыбил коня для пушного эффекта. К слову, командиром он стал буквально на днях — его предшественник умер от кишечного расстройства. Так вот, конь встал на дыбы, дико заржал... и лишился наездника. Горек-командир не удержался в седле, а одна его нога выскочила из стремени. Он вонзился головой в землю. Шлем не подвел — подвела шея, хрустнувшая, как вареное куриное крылышко. Негромко и легко. Наша конница тогда так и не поучаствовала в бою. Мы отступили на прежние позиции.

Со мной подобной глупости не случилось. Мой конь стремительно мчался вперед, и воины, окружившие Алабель, переключились на меня. Девица воспользовалась их замешательством и яростным выпадом ранила в сердце одного негодяя. Она была способна и на большее, но воин с огромным тесаком, палач, не предоставил ей свободы действий. Он атаковал ее с таким рычанием, что мне почудилось, будто бы эти вояки лишь разыгрывали свою бесчувственность и безразличие к совершаемым деяниям. По-моему, с выводами я поторопился.

Пока Алабель уклонялась от атак безумного палача, я сшибся с троицей щитоносцев. Один враг отлетел на несколько метров, другого я изящным взмахом снизу вверх рубанул по голове. Третий воин ушел от столкновения со мной и сразу же нанес сильный удар. Если бы щедрый гелетианский рыцарь не подарил мне кольчугу своего брата, я смог бы увидеть, как содержимое моего желудка покидает тело неестественным образом. Это обстоятельство меня озадачило, но разобраться с ловким негодяем сразу не получилось. Вместо этого я

направил коня на сбитого с ног воина. Он начал приходить в себя, и момент, чтоб отправить мерзавца в преисподнюю, был идеален. Мой зверь попросту затоптал его.

Я резко развернул коня. Враг, ударивший меня по туловищу, не успел помочь своему соратнику, но он сделал кое-что иное. Кое-что более интересное. Он швырнул в мою сторону свой щит. Этого я не ожидал — тяжелый удар пришелся по моей груди. Я охнул и свалился с коня. Перед глазами все плыло, и воздух... У меня никак не получалось вздохнуть.

Алабель, если и заметила то, что со мной стряслось, ничем не могла помочь — на нее напирал воин, бывший опаснее всех прочих. Он не позволял ей контратаковать, а единственный раз, когда Алабель рискнула парировать его размашистый удар, чуть не стал последним. Она не теряла надежды улучшить момент, но продолжала отступать.

Я об отступлении не думал: боль сковала тело, словно путы. Краем глаза я заметил, как несется ко мне враг, и приподнялся, дабы найти потерянный меч, но все оказалось напрасно. Воин пнул меня сапогом, а когда я вновь упал, раскинув руки, он занес над моей головой меч. Лицо его оставалось абсолютно бесстрастным.

Глава 27. Отцы и дети

Хладнокровию моего противника позавидовали бы даже рыбы. Ни один мускул не дрогнул на его отвратительной морде. Я даже позавидовал такому самообладанию. Мне приходилось корчиться от боли, а никто из поверженных врагов перед смертью даже лишнего звука не издал.

Одну секунду я думал о том, что кольчуга может вновь выдержать удар. Если только враг попадет по ней. Другую секунду я посвятил безудержной ненависти. Конечно же, к Алабели. Кто еще повинен во всем происшедшем? Этот безмозглый воин, больше походивший на ожившего мертвеца? Нет, он лишь следствие моей глупости. Моей наивности.

На третьей секунде думать о чем-либо было поздно. Враг придавил меня коленом и собрался нанести прицельный удар по моей голове. Но не нанес. Его шею сдавила толстая веревка: пленный мужчина, которого спасло наше появление, решил не оставаться в стороне. Его руки были связаны, и единственное, что он мог сделать, — придушить обидчика. Лишенный воздуха противник выпучил глаза, попытался пальцами поддеть веревку, но безрезультатно. Решил воспользоваться мечом, однако я тоже не дремал. Обхватил его руку и держал ее изо всех сил. Безобразная сцена удушения длилась, наверное, целую минуту и была прервана самым неожиданным образом. Алабель вонзила свой меч меж ключиц безмолвного воина. Приложила немалое усилие, чтобы клинок проник глубже. Наконец раздался отвратительный хруст, и враг дернулся в последний раз. Из его рта потекла густая темная кровь, а глаза — их выражение, казалось, совсем не изменилось.

Я посмотрел в ту сторону, где Алабель билась с палачом. Обезглавленный, он лежал на земле, но, что самое удивительное, еще пытался встать.

— Как ты... как ты это сделала? — указывая пальцем на здоровенную вражескую тушу, спросил я.

— Там еще где-то рука его валяется. Считаю особым шиком, когда противник умирает от собственного оружия.

— Ты его тесаком, что ли?

— А похоже, что этим? — девушка потрясла окровавленным мечом. — У него шея толще моего бедра.

Пока мы разговаривали, спасенные нами пленники уже бежали, сломя голову, мимо домов и пашен. Они исчезли из виду за считанные секунды. Что ж, лично мне благодарность от них уже поступила. И она ценнее золота и похвалы. Алабель глядела им вслед с разочарованием. Наверное, хотела о чем-нибудь расспросить.

— Если ты вступилась за них из любопытства, то ошиблась. — Я потирал больную грудь. Там наверняка красовался огромный синяк. — Если ты решила погеройствовать, то выбрала неудачное время. Ты понимаешь, что натворила, Алабель?

— Самую малость.

— Все впустую, весь наш путь. Проще соорудить плот и отправиться по Арису против течения, чем путешествовать с тобой. Тебе действительно было важно спасти доходяг? Может, мертвец в лесу — дело их рук?

— Может, но мы узнали кое-что важное. — Алабель смотрела на меня с самым серьезным видом. — Крестьянин говорил, что у графа полно безмолвных стражей. Он не врал.

Меня чуть не передернуло от такого вывода.

— Демонических стражей?! — воскликнул я. — Ты видишь среди этой кучи трупов кого-то рогатого или клыкастого? Приди в себя, Алабель. Я думал, среди нас Энрико был самым легковверным.

— И все же они вели себя странно, — буркнула девица и подошла к одному из убитых врагов. Пальцами раскрыла его челюсть.

— Язык на месте, — пояснила она и повторила ту же процедуру с другим телом. Результат не изменился.

— Среди некоторых орденов и братств распространена такая штука, как обет молчания. Это мое предположение, Алабель. Оставим это. Все. Нас могли видеть со стен, а любого крестьянина стоит прижать — и он расскажет все, что тут произошло. Опишет нашу внешность в мельчайших подробностях. Я бы с удовольствием послал тебя к черту, но пока нам угрожает опасность, мы должны действовать сообща.

— Я не против.

— Вот и славно. Идем к графскому городу у реки. Не будем забывать, что миром часто правит случайность. Вдруг там проскочит какой-нибудь корабль.

Деревню у замка мы покидали в спешке. Станным образом, погони за нами не последовало, поэтому мое сердце стало биться реже уже через несколько часов. Однако я понимал, что все это может быть лишь временным замешательством хозяев Вековой Вершины. Что толпа неразговорчивых головорезов уже идет за нами по пятам. Остаться на дороге было делом рискованным. Бурю пережидают в укромном месте.

Для нас таким местом оказалась маленькая рыбацкая деревушка у озера. Я заметил ее с противоположного берега и сразу прикинул, что поселение, расположенное вне основных дорог, является самым приемлемым вариантом. Мы нуждались в крове и пище. Последнее было особенно важно. В желудке урчало, и если сегодня в нем не окажется ничего съестного, я совершу набег на первые попавшиеся уголья.

Справа от седла болтался завернутый в тряпье арбалет, но с охотой в последнее время дела обстояли неважно. Выбор невелик: либо тратить время на охоту, часто неудачную, либо на движение вперед и короткие привалы для отдыха. Пока маленький мешок с припасами окончательно не опустел, я по чащам лазил редко. Сегодня же, когда были доедены последние крошки, нам предстояло вкушать яства в трапезной Вековой Вершины. Из-за сумасбродства Алабели этого не произошло. В случае чего я знал, кого заставить воровать у крестьян еду.

Поселение у озера было окружено смешанным лесом. Мы сбились с заросшей кустарниками тропы, но заблудиться, конечно, здесь умудрился бы лишь слепец. Все неудобство — вести коня по канавам и не терять водоема из поля зрения.

Старый худосочный рыбак затаскивал свою крохотную лодку-долбленку на берег, когда мы поравнялись с ним. Он опасливо поглядывал в нашу сторону. Мне казалось, что в любой момент рыбак готов был бросить лодку в воду и прыгнуть следом. Во всяком случае, до конца он ее так и не вытащил.

— Здравствуй, трудяга, — окликнул я мужичка. — Если у тебя есть рыба, мы щедро заплатим за нее.

В доказательство этого я показал ему монету. Медную. Мужичок развел руками — он не знал имперского языка. Да и лодка его была пустой.

Я не питал особых надежд на то, что здесь нас кто-нибудь приютит, что здесь есть

подобие харчевни, но уж обменять деньги на еду мы были обязаны. Язык торговли одинаков во всем мире, и пока с местными жителями я собирался разговаривать именно на нем.

К моему удивлению, харчевня в деревушке присутствовала. Ветхая, с частично обвалившейся крышей, она стояла в считанных шагах от озера. Ее грузный хозяин вышел наружу с широкой бадьей и вылил содержимое в воду. Завидев нас, он замер на месте, но лицо его казалось сосредоточенно-спокойным.

— Нам надо поесть, — сказал я, подойдя ближе. Указал на свой рот, похлопал по животу и вновь явил белому свету медяк. Хозяин закивал и махнул рукой, приглашая войти. Ну хоть кто-то здесь может накормить уставших путников! Уставших не только от путешествия, но и от недавней драки.

Внутри помещения было пусто, темно и сыро. Больше всего дневного света проникало сквозь дыру в потолке, правда, высокие деревья у харчевни мешали нормальному освещению. Я отметил про себя все это, но считал такие неудобства несущественными, ведь самое главное творилось сейчас на кухне. Момент, когда я услышал, как на плите зашипела жарящаяся рыба, был для меня более волнительным, нежели сегодняшняя конная атака.

Хозяин предусмотрительно наготовил еды на пятерых. Глупец! Этого могло бы хватить мне, но была еще оголодавшая чародейка. В последние дни мы, словно мыши, грызли лишь заплесневелые сухари, поэтому столь питательный обед являлся для нас спасением. Я пожирал пищу, как кракен — корабли. Масло текло по рукам и губам, и я не вытирал их. Какой смысл, если трактирщик уже спешно готовит добавку? Пиво, что он принес, я посчитал бы самым омерзительным в мире, но только не в этот день.

Закончилась наша трапеза самым неожиданным образом. Дверь харчевни отворилась, и на пороге появился сутуловатый парень в грязной залатанной куртке и выцветших рейтузах. Из-под старого плаща выглядывали рукояти мечей, свисающих по бокам. То ли этот гость умел обращаться с двумя клинками одновременно, то ли просто вводил в заблуждение потенциальных противников. В данном случае — нас.

За нашим столом воцарилась тишина. Желудок был полон, однако счастье от этого факта оказалось омрачено. Из-за спины первого гостя показались еще двое. Они обогнули своего приятеля и встали чуть поодаль. Потом в харчевню вошли еще трое оборванцев с оружием. В маленьком заведении стало чертовски тесно. Никто из гостей не произнес ни слова.

Я взглянул на Алабель, на хозяина харчевни, выходящего из кухни с кучей блюд. На душе стало паршиво. Я даже не знал, есть ли выход наружу через кухню. Иного способа покинуть помещение без вреда для здоровья я не видел.

Парень с двумя мечами вышел вперед и встал между нами и хозяином.

— Доставай свои закрома, старина Хан, — на вполне достойном имперском заявил молодой гость. — Сегодня у тебя будет хорошая прибыль.

— Сию минуту, — ответил хозяин заведения. На том же языке.

Я демонстративно поковырялся в ухе. Что, черт возьми, тут происходит? Мысль, что это какая-то ловушка, не покидала меня. Бегающие по сторонам глаза Алабели означали то же самое.

— Путешествуете? — обратился ко мне любезный посетитель.

Я придвинул снятый с пояса меч ближе и молча кивнул. Положил в рот кусок рыбы и принялся медленно его жевать. Медленно и задумчиво.

— С кем имею честь общаться? — в конце концов произнес я. Мне совершенно не

хотелось чесать языком, просто это могло помочь нам определиться с дальнейшими действиями.

— Мое имя Лексо, но друзья кличут меня Уховерткой. Я доверенное лицо виконта Ханфы.

— Гм... — только и изрек я. Имя виконта я уже где-то слышал. А вот то, что его доверенное лицо больше смахивает на паршивого разбойника, было очевидно. Да еще и «Уховертка» — занятное прозвище.

— Я начал беседу на имперском не просто так. О чужестранцах мне поведал один из рыбаков, — неожиданно пояснил Лексо.

— Что ж, я — Фосто. Это — моя подруга Алабель. — Скрывать имена было незачем. От этого не изменится ровным счетом ничего. Вооруженная толпа посетителей имела перед нами неоспоримое преимущество, так что призрачный шанс на благополучный исход этой встречи лежит в совершенно ином ключе.

— Вы прибыли сюда пешком? — поинтересовался я. — Мы не слышали лошадей.

— На лошадях пробираться сюда проблематично. Мы оставили их недалеко отсюда. Возможность подкрепиться упускать глупо. Жаль, правда, что другой половине моих людей придется довольствоваться личными запасами.

Чрезвычайно тонкий намек. Мы окружены неприятелями.

— А этот виконт Ханфа — где его владения? — Мое лицо оставалось невозмутимым.

— Здесь, — улыбнулся Лексо Уховертка. — Все эти земли — его.

— Так, значит, это еще один титул лорда Вековой Вершины?

— Нет, властитель Вековой Вершины — граф Балинт Ханфа — это совершенно другой человек. Это отец моего господина.

«Совершенно другой человек». От скуки в Парлании умереть трудно — для этого дела тут имеется тысяча других способов. Слова парня можно было трактовать по-разному, но, что более вероятно, разногласия не обошли стороной и династию Ханфа. Как еще объяснить, что у влиятельного графа во владениях лишь замок и прилегающая долина?

— А город у Ариса тоже принадлежит виконту? Дело в том, что как раз туда мы и направляемся.

— С какой же целью?

— Там есть порт, а нам надо на юг, в империю.

— Занятно. — Улыбка Лексо стала менее доброжелательной. — И порт, и город принадлежат моему господину. Более того, я бы даже проводил вас туда, но чрезвычайно занят. Ищу убийц, устроивших у Вековой Вершины страшную резню. Говорят, это были какие-то чужаки. Двое.

Алабель со свистом обнажила клинок. Скривилась, пытаясь напугать врагов одним своим видом. Мой меч еще покоился в ножнах, но не потому что я готов был сдаться. Просто так удобнее швырнуть во врагов стол.

Лексо за оружие не схватился, не приказал своим помощникам взять нас. Он вообще никак не отреагировал на нашу готовность к смертному бою.

— По-видимому, это означает, что убийц я нашел? — вздохнув, пробормотал парень. — Вы готовы драться, но я же не сказал, зачем их ищу.

— И зачем же? — проскрежетала Алабель.

— Чтобы помочь им отправиться на корабле в империю.

— Ха! — не удержался я. — В соревнованиях по остроумию ты, Лексо Уховертка,

будешь победителем!

— И в соревнованиях по искренности тоже, — откликнулся он. — У замка вы показали себя с наилучшей стороны. С той, которую и искал мой господин. Вы легко разделались с псами Балинта, так что стодитесь и для настоящей работенки.

После произнесенного Лексо резко вытащил свои мечи и бросил их мне под ноги. Подошел ближе.

— Стоит проткнуть его, — прищурилась Алабель. — Одним врагом будет меньше.

— Может, объяснишь все точнее, Лексо? — Я подумал, что сейчас проще поговорить, чем проливать кровь. — Ты хочешь, чтобы мы прикончили графа Балинта? Сделать грязную работу за его сына? Я понимаю, что у вас в стране большой разлад и куча королей, но ты ищешь помощь у первых встречных, так что слова твои походят на ложь.

— Мне ничто не мешало расправиться с вами сразу.

— Думаю, что вас впечатлила сцена у замка. А ты, Уховертка, любишь сложные маневры. Любишь залезать людям в головы. Может, поэтому твои возлюбленные друзья так тебя прозвали.

— Эй, полегче! — вдруг подал голос один из подопечных Лексо — бородач в одежде, которая выглядела в два раза хуже, чем обноски командира. Зато сапоги у него были великолепного качества и блестели под тонкими лучами солнца.

— Отличные сапожки, — произнес я. — Почему брал?

Лексо цыкнул на своего помощника и сказал:

— Насчет моего прозвища ты ошибся. А вот прочие вещи ты обрисовал правильно, Фосто, но дело тут вовсе не в поддержке разных королей. Правитель в Парлании уже появился, и столицу он не сдаст, так что всех мятежников ожидает незавидная судьба. И дело не в жажде власти...

— Ну конечно! — усмехнулся я.

— Дело в самом графе. В лорде Балинте. Он совершенно отрешен от этого мира, хотя считает, что, сидя в Вековой Вершине, решает его судьбу. Опаивает каким-то колдовским зельем своих людей и держит их подле себя. Мой господин не был у своего отца с прошлой зимы. Опасается за свою жизнь, так как опьяненные зельем воины способны на любую мерзость. Они подчиняются лишь Балинту. Убивают, запугивают крестьян. Меж тем все дела графства лежат на моем господине. Я не солгал тебе, Фосто, говоря, чья это земля.

— Да кто же в здравом уме отправится к такому безумцу? — спросил я, обменявшись многозначительным взглядом с Алабелью. — Его люди прикончат нас перед воротами замка. Или схватят и заставят выпить чудо-зелье. Нас заставят рассказать все, что мы знаем. Все о нанимателях.

— Если бы мой господин этого боялся, то я бы построил беседу иначе. Напомню, что подконтрольна графу Балинту лишь единственная долина. Когда его не станет, одурманенные люди придут в себя.

— Нам-то от этого что? — не выдержал я. — Я смерти не боюсь, и по мне лучше вступить в бой здесь, чем точно подохнуть в замке.

— И бой этот ты запомнишь. Если живой останешься, — поддержала мои слова Алабель.

— Я знаю, как сделать так, чтобы граф вас принял. Вам останется лишь улучшить момент и избавить мир от злодея. Мой господин одарит вас золотом и снарядит лучший корабль, на котором вы доберетесь до Эллас-Амина.

— Сорока обещала маленькой девочке приглядывать за ее цыплятами. Какие у нас гарантии, что ты не врешь?

— Гарантии, гарантии, — Лексо чесал подбородок и гадко улыбался. — Такие сойдут?

Один из его подручных вдруг бросил мне увесистый кошель. Я поймал, взвесил его в руке и открыл — моему взору предстали золотые изображения покойного парланского короля в профиль. Десять штук.

— Если выполните задание — получите в три раза больше. Поверьте, это вам по силам. А после того, как я покажу вам кое-что, вы перестанете сомневаться во мне. Если откажетесь, я не смогу поручиться за вашу безопасность. Устроивших побоище у замка будут искать большими силами. И корабля здесь вы не дождетесь.

Я перебросил кошель Алабели. Девушка скрупулезно оглядела каждую монетку, при этом не переставая отслеживать любое подозрительное движение со стороны воинов. Она была озадачена происходящим не меньше моего.

Я рисковал жизнью ради богатства два десятка лет. Был готов рискнуть и сейчас. Но только единодушное согласие — мое и Алабели — заставит ветерана фристийских войн Фосто Быстрого влезть в эту авантюру. Последнее слово вновь будет за чародейкой.

Глава 28. Посольство

Пегий жеребец в темно-серой попоне неторопливо стучал копытами по каменистой грунтовой дороге. Всадник, что сидел на нем, выглядел сурово: черный плащ с пурпурным окаймлением, тяжелый взгляд из-под капюшона, меч на боку.

Дорога резко пошла вверх и, словно змея, извивалась, чтобы у добравшихся до ее высшей точки людей был шанс сохранить хоть какие-то силы. Заканчивалась дорога узким каменным мостом, за которым располагались тяжелые ворота Вековой Вершины и стены, казавшиеся естественным продолжением неприступной скалы. Лишь красный цвет замковых башен напоминал, что все это творение рук человеческих.

Суровый взгляд всадника объяснялся не только трудностью предстоящего подъема. Он хмуро оглядывал окрестности, поскольку не был уверен в собственной безопасности. Смерть глядела на него со стен твердыни, поджидала за грудой камней и жаждала вонзить нож в спину из самых неприметных укрытий. А уж у ворот замка она будет смердеть ему в лицо своим невыносимым отравляющим дыханием и смотреть в глаза, как до безобразия ревнивая супруга. В мои глаза.

Позади ковыляла лошадь, на которой восседала Алабель. Грубый охотничий наряд девушки скрывался под богатой мантией, покрывающей также и голову, а на пальцах поблескивали серебряные кольца с драгоценными камнями. Но навряд ли ее мысли были светлее моих. Те же страхи, те же сомнения. Такая же неуверенность в себе. Никакая храбрость не могла гарантировать нам успеха в предстоящем деле. Если сразу же что-то пойдет не так, мы будем чрезвычайно уязвимы. Это не бой верхом на коне — это попытка отбиться от меча тростинкой. Уповать можно на проработанный план, на подвешенный язык и природное чутье, но стоит котлу закипеть — получить ожоги будет очень просто.

И все же условия Лексо Ухвертки меня устраивали. Графы, бароны, короли — какая разница, кого отправлять на встречу с Первозданным, если за это обещана приличная сумма, и, что самое главное, выполнить поставленную задачу нам вполне по силам? Балинт Ханфа, сам того не ведая, является пленником в собственных владениях. Змею уже придавили ногой, остается лишь отсечь ей голову. Главное, чтобы ядом нас с Алабелью не забрызгало. Безмолвные головорезы Балинта опасны, пока жив их хозяин, однако я не верю, что после его гибели они сразу же превратятся в милых пушистых кроликов. Их месть может сильно огорчить нас, поэтому поиск путей отхода я считаю самым сложным делом. Эта часть плана, как ни странно, вновь лежит на плечах Алабели.

Некоторые подробности об интимной жизни графа-колдуна нам поведал все тот же Лексо. Хозяин Вековой Вершины в своих оторванных от реальности грезах наверняка видел себя главным советником нового парланского короля, но политика была не единственным его увлечением. Он держал при себе с десяток наложниц, привезенных со всех концов света: с Пансеги, с Пепельных островов, с дальних провинций Эллас-Амина. Задача Алабели проста, как игра в кости — заинтересовать, соблазнить и прикончить графа прямо на любовном ложе. Это как одним выстрелом сразить из лука двух перепелов: и главная миссия будет выполнена, и необходимое время будет у нас в кармане. До утра Балинта никто не хватится.

Самое главное, чтобы вместо беспокойных мыслей в моей голове не оказалась куча стрел, выпущенных со стен замка. Крутая дорога, заставившая наших лошадей попотеть,

превратилась в мост, что был построен над отвесным разломом скалы. Вековая Вершина встречала нас своими холодными каменными объятиями.

Железная решетка на воротах была опущена, а в бойницах надвратных башен мы не заметили никакой активности. Чувство опасности, однако, крепко держалось за наше сознание. Глаза лгали нам, но обмануть слух было не так-то просто. Тем более если это слух Алабели. Она поравнялась с моим конем, поймала мой настороженный взгляд и кивнула. Пора было действовать.

— Есть кто на стенах?! — откинув капюшон, выкрикнул я. — Послы из Скалистого Края желают встретиться с повелителем окрестных земель, как то и было оговорено!

Никакой реакции на мой возглас не последовало. Следовало выкрикнуть те же слова на парланском языке, но переводчика мне Лексо не предоставил. Объяснил только, как оправдаться перед графом, если подобное недоразумение его беспокоит. Только вот была нехилая вероятность того, что до оправданий дело не дойдет. Если на нас набросятся из-за этого, мой призрак будет преследовать Уховертку даже в отхожем месте.

— Мы желаем говорить с графом Балинтом! — вновь крикнул я.

Давящая на мозг тишина была не лучшим ответом на мою речь. Я чувствовал злость, раздражение и тревогу. Эта смесь могла вспылать жарче, чем пламя от кузнечных мехов. С каждой новой секундой мне все сильнее хотелось развернуть коня и скакать отсюда прочь. Все-таки кое-какое добро мы уже получили: дорогую одежду, лошадь, золото. Правда, все монеты мы запрятали в тайник недалеко отсюда, чтоб в случае чего это богатство не досталось никому. Помимо всего прочего, лошадь Алабели прихрамывала, и вряд ли это было досадной случайностью.

Но стоило моему терпению подойти к концу, как над воротами что-то застучало и зубчатый механизм принялся тянуть цепи, держащие решетку, вверх. Нам позволили войти в замок. Однако позволят ли выйти?

Я первым проехал через узкий проем ворот. Вверх не глядел, хотя нутром чувствовал, что оттуда за мной наблюдают. Целятся из оружия, держат в руках тяжелый камень, который с легкостью разобьет мой череп. Весьма неприятное ощущение. Уязвимость.

Во внутреннем двореке меня уже поджидали тяжеловооруженные воины в количестве пяти человек. Выражение их лиц не оставляло сомнений — они находятся под действием колдовского зелья. Они смотрели на меня и молчали, как истуканы. Ни в глазах, ни в поведении воинов не было признаков агрессии или жажды крови. Но и здравомыслие в их взгляде отсутствовало. А без этого замечательного качества они способны на любое злодеяние. Возможно, даже вопреки воле графа.

С предельной осторожностью я залез рукой под плащ и вытащил из-за пазухи маленький свиток. Протянул его безмолвным стражам. Один из них бесцеремонно вырвал послание из моей руки, сорвал печать и пробежался глазами по тексту. Начертанное там, по-видимому, имело какой-то смысл даже для этих безумцев, потому что сразу после этого действия наших лошадей повели под уздцы к деревянным воротам, ведущим на следующий уровень крепости.

Я огляделся по сторонам и заметил, что у хозяйственных построек справа лежит груда окровавленных тел — результат нашей с Алабелю работы. Но было там и другое тело, умершее явно не по нашей вине. На вертикально установленной деревянной раме, привязанная ногами и руками к четырем ее углам, висела мертвая обнаженная девица. Ее бледно-серая кожа походила на ненастное зимнее небо, а черные волосы свисали до самого

живота, вспоротого чьей-то безжалостной рукой. Девушка висела тут далеко не первый день. Отвратительное зрелище.

Мимо Алабелы эта картина не прошла. Что ж, возможно, это прибавит ей мотивации к предстоящей миссии. Сам я в подобном не нуждался. Для меня не могло быть мотивации лучше, чем обещанная награда.

Прежде чем мы достигли новых ворот, они открылись, и навстречу нам вышел высокий худой человек в бархатном кафтане до колен. Его тонкие губы на хищном, испещренном длинными морщинами лице пытались изобразить подобие улыбки, но получилась какая-то зловещая гримаса. Я уж подумал, что сам граф вышел встречать гостей. Ошибся.

— Кто желает видеться с моим господином? — спросил доходяга в кафтане. Какое облегчение, что хоть кто-то здесь умеет шевелить языком!

Я слез с коня. Моему примеру последовала и Алабель. Однако стоило мне открыть рот, как безмолвный воин загородил меня своей широкой спиной и протянул управляющему свиток. Тот изучил его содержание столь же быстро и небрежно, что, впрочем, не помешало ему все понять.

— Мы ожидали вас. Коней и оружие оставьте стражникам. Слуги проведут вас в покои. Мы дадим знать, когда граф будет готов принять уважаемых послов.

Мне оставалось лишь слегка склонить голову. Выразить, так сказать, одобрение «гостеприимству», что оказали нам в Вековой Вершине. Если же отбросить иронию, то факт, что мы еще живы, весьма обнадеживал. План Лексо Ухвертки мог сработать.

Покои, которые нам предоставили, мягко говоря, не отвечали нашему дипломатическому статусу. Тесные, с единственным окном, ставни которого скрипели в такт ветру. Комната имела две грубые лежанки в разных углах и пустой деревянный сундук посередине. Над сундуком была приколочена полка с несколькими глиняными чашками, в которых можно было развести огонь для освещения. Все необходимое для этого здесь имелось. Жаль, конечно, что поджечь замок — весьма трудная задача. Однажды мне это удалось, но действовал-то я не в одиночку. У меня был целый отряд из самых отчаянных парней. Здесь подобного не повторить, да и заказчик может быть крайне недоволен результатом.

— Ты знаешь, что предчувствие меня подводит редко? — спросила Алабель, плюхнувшись на большой сундук.

— Да, — протянул я, прекрасно понимая, о чем идет речь.

— Так вот, тут все более чем нечисто. Это место насквозь пропитано какими-то отвратительными силами. Силами, которые даже меня пугают, а ты должен знать, что на моем пути попадались действительно могущественные колдуны.

— И где они сейчас, эти колдуны? Сомневаюсь, что кто-то из них пережил королевскую охоту на ведьм. Ни один колдун еще не выжил после пары ударов мечом. Беспокоиться надо о прислужниках графа. Они непредсказуемы и оттого очень опасны.

— Их я и имею в виду. Они ходят, исполняют приказы, но в их взгляде нет жизни. Они словно пустые, как...

— Как человек без души? Об этом ты говоришь? Граф дает им зелье, от которого они лишаются рассудка и становятся послушными. Как големы, только из плоти.

— Ты далек от магии. Ты не поймешь меня.

— Может, и даже скорее всего, ты имеешь право рассуждать так. Имеешь право бояться. Но от этого наша цель не изменится. Мы уже здесь, и граф здесь, — начал я говорить

тише. — Могучий, непобедимый колдун, который скоро захлебнется кровью в собственной постели. Он может, хрипя и содрогаясь, попытаться произнести свои самые зловещие заклинания, может скрюченной рукой нацарапать на стене пентаграмму, но это не спасет его.

Алабель задумалась над моими воодушевляющими словами. Возвела очи к потолку, подбирая ответ. Однако что бы она ни сказала, я останусь при своем. Мы решились на это сообща, мы обсудили все тонкости опасного дела и достигли Вековой Вершины. Сомневаться в правильности выбора поздно. Алабель не может не понимать этого.

— Как поступим, если граф не проявит ко мне никакого интереса? — поинтересовалась девушка после минутного раздумья.

— Лексо говорил иное.

— Забудь про то, что он говорил. Он сказал, что в любом случае нам нужно уничтожить графа. Что стоит ему испустить дух, как все стражники превратятся в обычных людей и не тронут нас.

— Это он, конечно, дал лишку, — согласился я.

— В этом вся соль. Если придется напасть на графа в открытую, взять его в заложники, то неизвестно, чем все закончится. Неизвестно, какой трюк он сумеет выкинуть. Мы не сможем убить его мгновенно — стража разорвет нас.

— Ты не поверишь, но решение у меня есть. Именно на этот случай, — улыбнулся я. — Поверь, я бы рассказал тебе о нем в самое ближайшее время.

— Что ты имеешь в виду?

— Самое важное для нас — это чтобы беседа с графом прошла успешно. Так вот...

Поделиться своей гениальностью с Алабелью я не успел. Она вдруг подняла палец, показывая мне, что пора заткнуться. Кто-то приближался к нашим покоям. Скорее всего, граф уже ожидал нас. Довольно быстро, учитывая, что не прошло и двух часов с момента нашего прибытия. Скорее всего, как Лексо и говорил, граф Балинт возлагает большие надежды на встречу с мятежниками Скалистого Края и не может терять драгоценное время.

Хлипкая дверь отворилась, и в комнату вошла сутулая служанка в запачканном фартуке. Она принесла нам на бронзовом подносе большую тарелку с вареным мясом, кружки и кувшин вина.

— Благодарю тебя, милая женщина, — учтиво произнес я. — А не могла бы ты показать мне, где у вас воды можно испить?

Я легонько коснулся ее руки, чем порядочно испугал ее. Она дрожащими губами пролепетала что-то на парланском и поспешно удалилась. Воды мне сегодня не попить.

— Я могла поблагодарить ее по-парлански, — заметила Алабель. — И слово «вода» на этом языке мне известно. Но ты слишком торопишься.

— Сомневаюсь, что она сделала бы что-то, чего ей не велено, — ответил я и с грустью взглянул на поднос, красующийся на сундуке. И мясо, и вино возбуждали аппетит, но здравый смысл подсказывал, что притрагиваться к пище нельзя.

Алабель, к моему удивлению, принялась уплетать ароматное мясо за обе щеки.

— Ты что делаешь? — возмутился я.

— Что? Лексо говорил про зелье. Вина я пить не буду, а мясо... Если мы не притронемся к нему, это вызовет подозрения.

Толика правды в словах девушки имелась. Зачем травить нас, если избавиться от неугодных гостей можно было еще у ворот? Я присоединился к трапезе.

Алабель проглотила очередной кусок мяса и взглянула на меня:

— Как же ты хочешь поступить, если подобраться к графу не получится? Говори, а то кто-нибудь заявится снова.

— Все проще простого. После завершения переговоров мы уйдем из замка к лесу. Плевать на Лексо. Если он нагонит нас, то ему придется либо биться с нами, либо принять очевидное. Мы проникли в замок и пытались выполнить задачу, но не получилось. Бросаться на толпу графских воинов я в одиночку не собираюсь.

— Это предложение мне по душе.

— Еще бы! Десять золотых за пару бессонных ночей — это совсем неплохо.

Алабель вытянула руку и покрасовалась своими серебряными кольцами.

— Могу отдать их Лексо, если он будет брюзжать. Захочет больше — получит не серебро, а сталь.

Иных слов от Алабели я не мог услышать. Что-что, а выбирать из двух зол меньшее она умела. И ее поддержка в трудную минуту значила для меня очень много.

После того как мясо превратилось в груды костей, мне захотелось отдохнуть. Близился вечер, и я был практически уверен, что аудиенция откладывается до завтрашнего утра. Значит, нет смысла волноваться и освежать в памяти все подробности моей выдуманной истории. Необходимо хоть на короткий срок отрешиться от насущных дел.

— Фосто! — услышал я сквозь пелену сна голос Алабели. — К нам идут.

Судя по тому, что веки разлеплялись с трудом, до утра было еще очень далеко. В наших покоях было темно и мрачно, но то была не ночь. Солнце едва успело коснуться горизонта.

К нам вошел худосочный управляющий в сопровождении молодого помощника с факелом. Лицо помощника было вполне обычным — живым, а не каменным, как у безмолвных стражей.

— Господин Балинт готов принять вас. Следуйте за мной.

Я, честно признаться, удивился, что граф решил принять чужеземных послов на закате, когда всякая земная тварь готовится набраться сил к завтрашнему дню. Чувствовал в этом нарушение негласных традиций. С другой стороны, граф мог сделать это не просто из прихоти. Такой поступок мог показать его хищную природу, готовность действовать в любое время суток. Ведь то, о чем мы будем с ним говорить, подразумевает именно эти качества. Мы будем говорить о войне. О самой подлой и безжалостной ее форме.

Глава 29. Цена предательства

Война никогда не бывает справедливой в полной мере. Ее ненасытная красная пасть поглощает невинных, как огонь — соломенные крыши. Все враждующие стороны об этом знают и принимают это как должное. Как неизбежную плату за возможный триумф. Так что справедлива война лишь для победителей.

Иногда война затягивается на чертовски долгий срок, и тогда цена победы становится неподъемной. Она уносит все больше жизней и золота, не обещая ничего взамен. Требуется все возможные ресурсы. Требуется так яростно, что даже самый сильный противник начинает сомневаться в себе, в своих планах и резервах. Но что-то менять уже слишком поздно. Колесо войны вращается все быстрее и быстрее, ломаются спицы, трескается обод, и сам Первозданный не знает, в чью сторону полетят обломки зловещего механизма. Может быть так, что они разлетятся во все стороны.

Тяжело воевать, когда невозможно положиться даже на самых надежных людей. Законы чести и справедливости многие трактуют по-своему, поэтому и кажущиеся правильными поступки часто не находят отклика в сердцах подчиненных. Так случилось в Парлании с законом престолонаследия. Мог ли старый король посчитать, что никто из родственников не достоин восседать на троне, в то время как многоопытный министр просто обязан привести страну к процветанию? Или коронованного маразматика вынудили принять такое решение властолюбивые и до отвращения услужливые богатеи? Я мог лишь предполагать, но факт остается фактом: поступок умирающего короля расколол страну и вынудил вассалов грызться как друг с другом, так и с сюзеренами.

Граф Вековой Вершины Балинт Ханфа попал именно в такую ситуацию. Собранные им и его сыном войско отправляли на помощь узурпатору с нескрываемым удивлением, ибо не собрали даже трети от имеющегося числа воинов. Графство рассыпалось, как мозаичное стекло, упавшее на мостовую. Большая часть рыцарей и баронов не поддержала начинаний своего господина, посчитав это презрением к традиционному государственному устройству, и объявила себя свободной от вассальной клятвы. Граф Балинт, естественно, посчитал это гнусным предательством и отправил в столицу еще меньше воинов — собственные владения нуждались в усиленной защите. Эту миссию возложил на себя сын графа, виконт Николай Ханфа. Он с переменным успехом сражался с мятежными феодалами, в короткий срок многих уничтожил или принудил к миру.

Видя, как растет сила его сына, граф Балинт начал сомневаться в нем. Испугался, что молодой и энергичный рыцарь придет и отнимет у него, своего отца, власть. Воинов-то в Вековой Вершине почти не осталось. Именно тогда придворный колдун и предоставил своему покровителю чудодейственное зелье, способное подчинить воле графа любого. Колдун и раньше оказывал большое влияние на хозяина замка, настраивая его против сына, но теперь он стал правой рукой Балинта. Его главным советником.

Опробовав зелье на первых подопытных, граф пришел в восторг и понял, как сможет защитить свою долину от любых посягательств. Он начал нанимать небольшие отряды свободных воинов и обманом принуждал их выпивать чудодейственное средство. А дальше пошло по накатанной: лишённые собственной воли солдаты захватывали пленников, тем самым пополняя ряды графской армии.

Виконт Николай был прекрасно осведомлен о придворном маге и ненавидел его всем

сердцем, а первое столкновение с рышущими по окрестностям безмолвными стражами привело рыцаря в ужас. Он тотчас же использовал все средства, чтобы прикончить злосчастного колдуна, и ему это удалось. Но убийц, что он нанял, Балинт сумел поймать. Отношения между отцом и сыном переросли во вражду.

Самым же печальным в этой истории было то, что смерть колдуна никак не повлияла на боеготовность хозяина Вековой Вершины. То ли он оказался очень смышленным учеником, то ли изначально имел предрасположенность ко всякого рода магическим знаниям, но источник зелья не иссяк. Балинт смог обойтись и без придворного мага.

Сын не рискнул вступить с графом в открытое противостояние, но и без того каждый из них понимал — кровопролитие неизбежно. Так, за короткий срок вся территория графства превратилась в арену борьбы всех против всех. И поначалу граф Балинт в этой борьбе проигрывал. Даже его безмолвные воины не могли переломить ситуацию. Их сил хватило бы для обороны замка, но вести бои за пределами долины — это было им не по зубам. Быстрые кровавые налеты, мелкие стычки — вот все, на что они годились. И тогда пришла в графскую голову неожиданная, поистине светлая мысль. Светлая мысль с самым темным содержанием.

Южная Парлания часто страдала от нападений разбойников Скалистого Края. Они контролировали все горные перевалы и знали множество тайных троп, что помогало им совершать удачные рейды на протяжении многих лет. А изрезанные ущельями и заводьями берега Ариса скрывали от любопытных глаз целый пиратский флот. На своих узких маневренных кораблях эти пираты доходили даже до Берсены и Ильденея, прославившись своей дерзостью и неустрашимостью. Из народной памяти эти набеги никуда не исчезли, да и торговцы, плывущие по Арису через контролируемые пиратами земли, нередко платили за свою неосмотрительность богатством и жизнями. Но о масштабах былых походов разбойники Скалистого Края теперь лишь мечтали. Вместо этого они нанимались на службу к мятежным правителям Северной Нардарии. Там они получали славу и золото, которые в Парлании получить было гораздо тяжелее. Что-что, а о безопасности своих земель почивший парланский король заботился с усердием.

Смерть короля и последовавший за ней дележ власти не прошли мимо ушей алчных налетчиков. Их нападение на погрязшую в междоусобицах страну неминуемо, так почему бы не использовать эту силу в своих интересах? Именно так решил хозяин Вековой Вершины.

Если не кривить душой, то задумка графа Балинта даже меня удивила. Он ведь не просто желал наказать отбившегося от рук сына: он хотел разорить все его владения, будто забывая, что выжженные земли придется восстанавливать, а убитых и уведенных в рабство крестьян уже ничто не вернет. Более того, пираты должны предать огню земли всех взбунтовавшихся вассалов. Тех, кто поддержал законного претендента на престол. Трудно сказать, на что будет похоже графство после всех этих диких плясок, но, думаю, слово «пустырь» при его описании будет использоваться еще очень долго.

Впрочем, сын графа не был глупым юнцом и узнал о планах отца от своих надежных соглядатаев. Решение об ответных шагах лежало на поверхности. Стоило опередить послы графа и первым договориться с пиратами Скалистого Края. Правда, виконт Николай пошел еще дальше. Он хотел, чтобы пираты служили ему, но делали вид, что выполняют условия графа Балинта. Моя задача состояла в том, чтобы помимо основных договоренностей убедить хозяина замка приютить в долине большой отряд налетчиков. Дескать, отсюда проще нападать на земли бунтовщиков. Если граф Балинт согласится с моим предложением,

то и убивать его ни мне, ни Алабели не придется. За нас это сделают вероломные налетчики Скалистого Края.

Алабель об этом заковыристом условии, которое нашептал мне Лексо Уховертка, пока не знала. А все потому что в этом случае мы не получим целых двадцати золотых. Договор был о том, что мы отправляем графа в преисподнюю, так что все честно. Десять золотых и корабль до империи за обычную болтовню — весьма неплохой результат, но я верил в смертоносный талант Алабели. Он принесет нам целое состояние. Сбивать девушку с толку сейчас глупо.

Я осторожно преодолевал ступень за ступенью. Дрожащие тени от факельного огня бегали по высоким стенам мрачного замка, создавая неясные причудливые образы. Я боялся споткнуться в полутьме, чему мерцание пламени могло только поспособствовать. Алабель шла по правую руку от меня. Ее движения были уверенными, а взгляд — напряженным.

Перед нами возникли очередные ворота, охраняемые двумя безмолвными стражами. Лишь раз они взглянули в нашу сторону, но этого хватило им, чтобы оценить обстановку и вновь направить взор в никуда. Я покачал головой и подумал о том, как же отказаться от всевозможных напитков, коими будет угощать нас хозяин Вековой Вершины. Надеялся, что его радушие ограничится той пищей, которую доставила нам служанка. Это устроило бы меня.

Охраняемые двери не стали последним препятствием на пути к главному залу. Мы оказались на открытой площадке, откуда можно было наблюдать пока еще тусклую луну, ожидающую момента, когда солнце наконец передаст ей свою власть.

Еще одни двери, еще один темный коридор. Графский зал Вековой Вершины был совсем рядом. Это легко понять по одной причине: количество охраны значительно увеличилось. Простые слуги замка были тут в явном меньшинстве. Может, граф таким образом показывал свою воинственность, но даже самому посредственному наблюдателю это показалось бы признаком страха. Граф опасался за свою жизнь. Что ж, небезосновательно.

Справедливости ради, я за свою жизнь переживал не меньше, чем он. С той лишь разницей, что в случае чего толпа бесстрашных воинов не встанет на мою защиту. Так что итог предстоящей встречи зависит не только от моего умения вжиться в новую роль, но даже, черт подери, от душевного настроения графа. Одно сомнение, одно незначительное сомнение в правдивости моих слов может означать смертный приговор для двух излишне уверенных в себе «послов». Поэтому настроен я был серьезно, свою выдуманную биографию знал до мелочей, а изображать удалого, но благородного разбойника мне было проще простого.

Все эти умения мне предстояло показать прямо сейчас, потому что проклятые двери должны когда-нибудь закончиться, а на тех, что возникли перед нами, красовался бронзовый герб дома Ханфа — треугольный щит с изображением изящной ладьи.

Верная догадка. Створки дверей распахнулись, и окружающая нас сумеречная темнота сменилась ярким светом от множества масляных ламп и факелов. То был главный зал замка. С низкими потолками, но просторный и богато обставленный: большой камин, два ряда длинных столов, фрески и гобелены на стенах и, конечно же, каменное сидалище с высокой спинкой у противоположной от входа стены. Внушительных размеров трон, на котором и королю не стыдно восседать.

Человек, сидящий на троне, был графом, а не королем, но мне одного взгляда хватило,

чтобы понять: амбиций у этого высокородного феодала — как у Ариса воды в дни разлива. В нескольких шагах от трона стояли два высоких стражника в доспехах и шлемах с лицевыми масками. В общей сложности в зале находилось двенадцать безмолвных бойцов. Безмолвных и неподвижных, как статуи. Многовато, учитывая численность прибывших переговорщиков. Как бы то ни было, я и Алабель, следуя за неторопливым управляющим, подошли ближе.

Граф Балинт имел довольно крупные телеса, но не выглядел обрюзгшим и неповоротливым. Облачись он в доспехи, вооружись он щитом и кистенем — и его смело можно посылать на прорыв вражеского строя. Сомневаюсь, что в недавнем времени он практиковал свои боевые навыки, и все же очень сильно я желал бы видеть правителя Вековой Вершины дряхлым и болезненным. И без того непростая задача усложняется.

Граф, упершись кулаком в подбородок, почесывал большим пальцем окладистую бородку и не сводил с гостей глаз. Взгляд из-под его густых черных бровей был живым и внимательным. Я бы даже сказал — чересчур внимательным. Он оценивал нас и наверняка раздумывал, похожи ли мы на хваленых налетчиков Скалистого Края. Я считал, что вполне.

— Мой господин, — обратился к графу невозмутимый управляющий, — прибыли, как то было велено, посланники Трех Долин: маркиз Кирран Гнилой и дева меча Адриин Зоркая.

Не знаю как Алабель, а мне мое новое имя понравилось. Прозвище, которое действительно носил один из обитателей Скалистого Края, дали ему из-за удивительного сочетания двух качеств: болезненности и долголетия. Вообще смерть мужчин от болезни или естественных причин на тех суровых землях не поощрялась, но случай с тем человеком был совершенно иным. Он участвовал в военных походах, но вместо славной гибели постоянно подхватывал всевозможные недуги. Наверное, ни одна эпидемия не обошла его стороной, однако каким-то образом он умудрялся выживать. Говорят, на старости лет он оскорбил и вызвал на бой известного мечника, дабы найти в том поединке свой долгожданный конец. Судьба и тут посмеялась над стариком — молодой мечник хотел красивым пируэтом снести страдальцу голову, но споткнулся и налетел грудью прямо на его меч. Больше желающих сразиться не нашлось — старика посчитали проклятым. Он не терял надежды и продолжал поносить всех воинов в округе самыми последними словами. В конце концов свихнулся, переселился в какую-то пещеру и помер, по слухам, в сто двадцать лет. Такая вот славная история.

В моем случае причину, по которой я якобы получил необычное прозвище, конечно, пришлось поменять. Я исхудал и оброс за время путешествия, но не походил на живую мумию. Уверен, граф Балинт любопытствует насчет этого.

После того как нас представили хозяину замка, я поклонился и явил взору окружающих еще один свиток.

— Благородный господин, этот документ составлен на собрании князей Трех Долин. Это ряд условий, при выполнении которых наши войска помогут благородному парламента правителю одержать победу над врагом, — пояснил я. — Плата в золоте изменению не подверглась.

— Тогда что же там изменилось? — с некоторой степенью недовольства спросил граф, выровнявшись на своем троне.

Вместо ответа я склонил голову и протянул руку со свитком. В ту же секунду из-за трона выскочило нечто, отдаленно похожее на человека. Маленького роста, в каком-то мешке вместо платья, с зияющей дырой на месте правого глаза. Волосы из его головы

торчали безобразными ключьями. Человека в этом создании я опознал не сразу. Из-за ужасно кривых ног он передвигался то боком, то припадал на колено и отталкивался от пола рукой. Надо отдать ему должное: несмотря на все увечья, он довольно быстро добежал до меня и выхватил опечатанный свиток. Тут же понесся вручать его своему хозяину.

«Граф держит при себе поистине удивительных шутов», — подумалось мне.

Получив свиток, граф поморщился и с презрением оттолкнул ногой убогого прислужника. Тот кувырнулся и пролетел несколько метров, словно перекасти-поле. Приложив некоторые усилия, он поднялся и вновь уполз за трон.

— Какому же правителю из доброго десятка князей Трех Долин вы служите? — Граф сорвал печать и развернул свиток. Хмуро поглядел в нашу сторону.

— Мой господин — Алкей Гневный.

— Мой — князь Илиас из Пропasti, — подала голос Алабель.

Я так и не понял, произвели ли наши слова хоть какое-то впечатление на графа. Он с интересом изучал послание, но вопросов пока не задавал.

Молчал и я: спешка могла навредить нашим переговорам. Мне показалось, что граф Балинт — довольно вспыльчивый человек. Да и кто бы не вспылит на его месте? Он лишился всего, что имел, кроме маленького клочка земли и гордости. Борьба за корону идет ни шатко ни валко, а его судьба, судьба Балинта, решается прямо здесь и сейчас. Важно, чтобы не только я пришел к этому выводу.

— Что это значит: «...должен на две недели обеспечить провиантом лагерь у Вековой Вершины»?

Наметанный глаз у графа. На самый важный для нас пункт он обратил внимание в первую очередь. Я постарался изобразить на лице максимальную доброжелательность:

— О, эта часть договора выполняется только в том случае, если у благородного господина достаточно провианта для содержания пары тысяч бойцов. В этом случае наши отряды получают прямой доступ к тракту и смогут совершать разорительные налеты на мятежных вассалов. Я уверен, что они смогут захватить для вашего благородия несколько замков. Их удары будут жестокими и неожиданными.

Я не заметил каких-либо изменений в выражении лица Балинта. В свою очередь, обернувшись на Алабель, увидел, как брови ее поползли вниз. А до этого они наверняка двигались в противоположном направлении. От растерянности к негодованию. Да, она ничего не знала про этот пункт, но и выполнение его под большим вопросом. Ей просто необходимо настроиться на более тяжелую работенку. Уверен, она меня поймет.

— Я не жду вашего ответа прямо сейчас, — пояснил я. — Пусть благородный господин оценит риски и возможности этого предприятия. Нам важно узнать согласие с прочими вещами.

— Не сомневайтесь в моих возможностях. — Граф сверлил меня глазами. — А риск, даже чрезвычайно большой, меня не пугает.

— Не выражаю в этом никаких сомнений. Ответ может...

— Что думает Адриин Зоркая по поводу размещения войск здесь? — Балинт перевел взгляд на Алабель.

Девушка немигающим взором смотрела на лицо Балинта, будто играла с ним в гляделки. Граф терпеливо ждал ответа, который последовал секунд десять спустя.

— Я люблю быстрые атаки и ветер, гуляющий по косому парусу галеры, — горделиво отвечала Алабель. — Не по мне томиться в грязных палатках, но победа часто требует от нас

неудобных решений. Наши воины проявят себя храбро и на воде, и на суше. Чем ближе мы к врагам, тем больше они будут нас бояться. Если вы примете эти условия, все те, кто предал вас, поплатятся еще большей кровью.

— Им придется поплатиться, — согласился с девушкой граф. — Предательство — гнуснейший грех. Все предатели будут вечно томиться в ледяных чертогах подземного царства. Но их еще следует туда отправить. Я готов сделать для этого все, что в моих силах. Так вот, это новое предложение интересно мне. Я над ним поразмыслю.

Я испытывал двоякие чувства. С одной стороны, все складывалось как нельзя лучше. С другой же — двадцать золотых таяли прямо на глазах.

— Я так понимаю, окончательный ответ ваше благородие даст завтра?

— Да-да, это так. Я знаю — вы устали с дороги, хотите отдохнуть. Кстати, как прошло ваше путешествие?

— Могло быть и хуже, — пожал я плечами.

— Что так? — прищурился граф.

— Наш корабль под видом торгового суденышка стоит в трех днях пути от ваших владений. Никто на нас не напал по дороге, но все же потери мы понесли: изначально посольство состояло из трех человек.

— Куда же подевался третий?

— Мне и самому интересно. Это был раб. Он знал парланский язык и должен был служить нам толмачом. Улизнул ночью, поганец. Это создало нам определенные сложности. Благо нардарский язык среди местных аристократов еще очень распространен.

— Встречали аристократов? И кого же?

Я почесал бороду.

— Некий Кристоф из Синих Башен. Напыщенный такой!

Граф Балинт, не поднимая задницы, подался немного вперед. Имя, что я произнес, было знакомо ему.

— Напыщенный? Да, это слово подходит к нему. А еще он скользкий, лживый, омерзительный змей. Предатель! Его владения вы должны сжечь одними из первых.

— Это хорошая новость. Видите ли, у меня есть основания полагать, что наш раб нашел себе пристанище именно у Кристофа.

— Похоже на правду. Этот безмозглый рыцарь возомнил себя живым воплощением справедливости. На деле же его благие намерения погубили больше людей, чем чума в Каросе пять лет назад.

Легким кивком я дал понять, что полностью поддерживаю мнение Балинта. Хорошо, что нам удалось найти общую тему для поддержания беседы. Это должно повысить доверие графа к нашим персонам.

— Наказать предателей — это в ваших и наших интересах, — помпезно произнес я. — Ни Кристоф из Синих Башен, ни кто-либо прочий не устоит под натиском воинов Скалистого Края. Мы поможем вернуть все, что было утеряно. С собственной выгодой, разумеется, но кратковременный союз может стать чем-то большим, если проявить терпение.

Доверие, как мне казалось, было уже завоевано. Его, конечно, еще необходимо удержать и проявлять излишнюю самоуверенность не стоило, но сам граф, до этого не баловавший нас гостеприимством, вдруг смягчился и с хитрой улыбкой произнес:

— Что ж, все детали и подробный план действий мы обсудим завтра. Я должен

выслушать советников и интендантов, чтобы видеть картину более четко. Вы нравитесь мне, посланники Трех Долин, поэтому я хочу сделать ваше пребывание в моем замке приятным.

Граф два раза хлопнул в ладоши, и тотчас же из соседнего помещения вышли три обворожительные девушки в легких полупрозрачных одеждах. Все они были стройными, высокими и чрезвычайно привлекательными. Все они были чужестранками. Наложницы, о которых говорил Лексо Уховертка, — это именно они. Вид этих прелестных девиц говорил о том, что у графа Балинта вкус шэрдашихских, а не хольнских вельмож. Последние предпочитали женщин пообъемнее.

— Славный воин Кирран, — произнес хозяин Вековой Вершины, — выбери себе спутницу на эту долгую ночь. Поверь, каждая из них достойна твоего внимания.

Мое сердце забилось чаще, а мысли вдруг стали далеки от той миссии, ради которой я сюда прибыл, рисковал здоровьем и жизнью. Последним, что имел. Думаю, что это награда и за риски, и за долгое воздержание, которому я себя подверг. Граф ждал ответа, но определенно был доволен моей реакцией на неожиданный подарок.

Никогда бы не подумал, что выбор будет таким непростым. Одна из наложниц, кожа которой походила на искрящийся под лучами южного солнца песок, бросала в мою сторону робкий взгляд. Другая, с вьющимися волосами и гордым профилем жительницы Нардариин, смотрела на меня без боязни. Оценивающе. Третья девушка была родом с Пансеги: особый разрез глаз, вздернутый нос и острые скулы не оставляли в этом сомнений. Но она вряд ли принадлежала к салгурскому племени — их женщины довольно приземисты и невзрачны. Еще бы: быт салгуров суров и пропитан воинственным духом, а девушка, что стояла сейчас передо мной, была похожа на принцессу, а не на воительницу. Треклятый граф Балинт знал толк в красоте.

— Эти девушки прекрасны, — произнес я с неподдельным восхищением. — Я готов выбрать одну, но если они не понимают моего языка, скажите двум прочим, что мне было чертовски трудно. Что красота каждой из них неоспорима.

— Как раз твой язык они знают лучше парланского, — усмехнулся граф. — Думаю, не стоит сейчас мучать тебя, — вдруг добавил он. — Сегодня я особенно щедр. Бери всех трех.

Я учтиво поклонился. Мое лицо могло бы светиться от счастья, не сдерживай я себя. И было это весьма непросто. Алабель не то чтобы удивилась происходящему — ее выражение лица можно было назвать недоумевающим. Что ж, будь она более податливой, мы могли бы представиться как муж и жена. В этом случае мне пришлось бы, наверное, отказаться от восхитительного подарка графа Балинта. Хотя кого я обманываю?

— Храбрая дева Адриин, — вновь подал голос хозяин Вековой Вершины, — не думай, что я оставлю тебя без подарка, или предложу женщину, как Киррану, хм... Гнилому. Хотя если твои вкусы таковы...

Алабель улыбнулась уголком рта и отрицательно покачала головой.

— В таком случае, выбирай и ты. Любое количество.

В графский зал вошли трое мужчин, хотя один из них был молод настолько, что подобного звания еще не заслуживал. Их торс был оголен, и я мог видеть, что атлетической фигурой обладал лишь один парень — самый старший. Остальные были худы, как цапли. Что удивительно, все трое боялись даже глаза поднять в сторону Алабели. Если это такие же рабы, что и прелестницы, с которыми я планировал совокупиться этой ночью, то, вероятно, граф Балинт оказывал внимание и им. Действительно разносторонний человек этот граф.

— Не буду разливаться в комплиментах, как мой брат, — с изрядной долей

язвительности ответила графу Алабель. — Когда зашла сюда, я не могла не обратить внимания на этого великолепного воина.

Последние два слова девушка произнесла с придыханием. Она указала рукой на здорового стражника с копьем и щитом. Стражника, чье лицо, так понравившееся Алабели, казалось бесконечно тупым и бесчувственным. Он, черт его дери, никак не отреагировал на слова девушки, ибо был опоен колдовским зельем. Граф же, напротив, удивился неожиданной просьбе. Помолчал какое-то время и дал ответ:

— Не ожидал, не ожидал такого выбора, но будь по-твоему, дева меча. Страж Каркс, оставь оружие и следуй за девой Адриинн. Исполни ей прихоти этой ночью. Исполни хорошо.

Безмозглый страж Каркс не произнес ни слова. Отдал тяжелое копье и щит ближайшему соратнику, отстегнул пояс с коротким мечом. Приблизился к Алабели и встал за ее спиной. Теперь настала моя очередь пребывать в недоумении. Поступок ведьмы не поддавался здравому пониманию.

— Мои воины неразговорчивы, — пояснил граф Балинт, — но свое дело знают. Они поклялись молчать, пока в стране не кончится гражданская война. Прошу понять их и не пытаться разговорить. Мои слуги проведут вас в отдельные покои.

Граф махнул рукой, и слуги тотчас же принялись выполнять приказ. Я направился в одну сторону, Алабель — в другую. Ночь обещала быть жаркой, но среди мыслей о предстоящих удовольствиях проскакивали чрезвычайно важные вопросы. Зачем, во имя преисподней, девица решила провести ночь с опаснейшим защитником замка? Почему, молот Эрхивиана ей на голову, она не показала свою симпатию к графу, ведь момент был замечательным? Ответов я пока получить не мог.

Глава 30. Ужас Пансеги

Это походило на сон: десятки свечных огоньков, подрагивающих в такт моему беспокойному сердцу; огромное ложе, по сравнению с которым соломенная кровать в гостевой комнатухе — колыбель для новорожденного; большой сосуд с вином для утоления жажды после плотских утех. Прекрасные нимфы, сопровождающие меня.

Суетливые слуги впустили нас и закрыли дубовую дверь. Тревога наконец отпускала мой разум. Весь день она не давала мне покоя, шептала об опасности, таящейся повсюду, но теперь все иначе. Я и подумать не мог, чем закончится встреча с графом.

И без того скудные одежды наложниц соскользнули с их плеч, миновали манящие бедра и упали на пол. Любоваться на открывшийся моим глазам вид можно бесконечно, но не только зрение я хотел сегодня порадовать. Я торопливо распутывал завязки на рубахе. В голове проскочила мысль, что веду я себя как юнец: меня не слушаются пальцы, движения становятся неловкими. Пришлось тут же взять себя в руки. Мне не хотелось изображать из себя похотливое животное — девушки должны видеть во мне опытного и чуткого любовника. В конце концов, впереди у нас целая ночь.

Я полностью разделся и лег в центр ложа, увлекая за собой прелестниц. Поглаживая изящные изгибы их тел, бросая взгляд то на одну, то на другую, спросил:

— Значит, все вы понимаете, о чем я говорю?

Нардарийка с роскошными волосами засмеялась и кивнула.

— Даже ты? — обратился я к раскосой красавице.

— Гораздо лучше, чем два года назад, — с заметным акцентом произнесла она.

— Как же тебя зовут, чужестранка?

— Боарика.

— У тебя нежный голос. Надеюсь, губы твои столь же нежны, — я одарил девушку страстным поцелуем.

Нардарийка тем временем перешла к активным действиям. Она явно была смелее прочих. Ее руки исследовали мой возбужденный детородный орган, а губы скользили по моей груди и шее. Ходить вокруг да около можно хоть час, хоть два, но зачем откладывать вещи, которых мы жаждем оба? Я притянул нардарийку ближе, обхватил ее бедра и отстранил от своей груди. Она все поняла и оседлала меня, словно жеребца. То, что надо: свои силы я пока должен беречь.

Несмотря на это, свободной правой рукой я ласкал девушку с Пансеги. Третья, смуглая, вела себя робко и явно была чем-то расстроена. Что ж, угодить всем невозможно, и я не собирался каким-либо образом менять ее мнение обо мне. Работы у меня и так навалом.

Нардарийка с прерывистым стоном рухнула подле меня. Я сделал глубокий выдох, взглянул на нее и поднялся с ложа. Нужно перевести дух, к тому же мне захотелось вина и прохладного воздуха. Я налил себе полный кубок и лукаво произнес:

— Пейте, мои красавицы. Свое вино я осушу быстро.

Я подошел к высоким ставням и открыл их. Ночной воздух тут же коснулся моей разгоряченной кожи. Подействовал на нее, как поток воды на красные угли.

Вид из этих покоев открывался замечательный — светлая ночь позволила рассмотреть внешние стены замка, с большой высоты кажущиеся игрушечными. словно бы построены они из песка. Скала, приютившая это творение человеческих рук, пропадала в чернеющей

бездне, а далеко внизу мерцали огоньки у десятка домов. Неудивительно, что граф Балинт считал себя вершителем судеб. Находясь под небом, трудно всерьез воспринимать проблемы маленьких людей. Их отсюда попросту не видно. Вполне вероятно, что в туманное утро лишь донжон Вековой Вершины возвышается над долиной, и граф Балинт, взирая с него на свои владения, видит завораживающее озеро водяного пара, окруженное изломанными гранями лесистых гор.

Мои мысли о прекрасном пейзаже были бесцеремонно прерваны. Но не теми, кто находился в покоях или поблизости от них. Тишину чудесной ночи разрезал чей-то кошмарный крик. По своей силе, протяжности и звучанию он никак не мог принадлежать человеку, но отчего-то сердце мое похолодело. Среди зверей я тоже не знал никого, способного на такое. Самый же неприятный факт заключался в том, что грозный крик раздавался из замка. Спустя полминуты клич повторился. Меньшей надрывности, но все равно я пребывал в уверенности, что его слышит вся долина. Граф держит в подземельях замка какое-то существо, что ревет громче медведя. Ревет голосом, отдаленно напоминающим человеческий.

В растерянности я оглянулся на девушек. Нардарийка спокойно пила вино, а Боарика смотрела на меня. Прямо в глаза. Молчала. Смуглая девица, в свою очередь, зажала уши ладонями.

— Что это? — осторожно спросил я. Ответом мне послужило молчание. — Мигом забыли нардарский?

— Зверь, — ответила черноволосая наложница после глотка вина. — Господин любит всякие диковинки.

— И что же это за зверь такой?

Нардарийка лишь пожала плечами, а Боарика продолжала сверлить меня взглядом.

— Ты что-то знаешь? — я обратился именно к ней, и она наконец соизволила ответить:

— Иди к нам, воин из Скалистого Края.

Я захлопнул ставни и лег меж девиц. Они начали ласкать меня, однако любопытство мое никуда не делось.

— Неужели никто из вас не видел этой «диковинки»? Молчунья, может, видела ты?

Смуглая наложница поспешно замотала головой. Проку от нее сегодня мне не будет.

— Это медведь, — вдруг произнесла Боарика. Ее немигающий взгляд вновь пересекся с моим. Она меня будто околдовать пыталась.

— Медведь?

— Да. Но не такой, которого ты себе представляешь. Огромный.

— Когда я услышал этот рев, я как раз и представил себе огромного медведя.

Губы Боарики дрогнули. Она тихо произнесла:

— Оборотень.

Да уж, эта новость не из рядовых. Если сказанные девушкой слова — правда, то Балинт Ханфа является самым интересным человеком, повстречавшимся на моем пути. Пытаться убить того, в чьем услужении околдованное войско из безжалостных убийц и оборотней, — очень плохая затея. От этого замка стоило держаться подальше, а мы с Алабелью намеренно пришли сюда. Да еще и стремимся одурачить хозяина.

Впрочем, если чего-то не видишь собственными глазами, то не стоит верить лишь ушам. Меня беспокоил тот факт, что Лексо Уховертка ничего не говорил ни про ночные крики, ни про оборотней, но всему могло иметься объяснение. Подливать масла в огонь не хотелось.

— Не говори господину, что я тебе рассказала. — Выражение лица красавицы с Пансеги стало взволнованным. — Он накажет нас. Мы можем разделить судьбу Аники.

— Что же с ней стряслось?

— Она заговорила с одним из стражей Балинта. Подумала, что в нем осталось что-то человеческое. Попросила помочь ей сбежать. Страж вместо ответа вонзил ей кинжал в живот и вывесил ее, еще живую, перед воротами замка.

Я посмотрел на других девиц. Нардарийка нехотя отвела взгляд, не выпуская из руки кубок с вином, а вот другая наложница искренне сопереживала тому, что сказала Боарика.

— По-моему, твоя спутница — Адриинн — выбрала именно его. Именно этого убийцу. Спаси ее. Спаси ее и вытащи нас отсюда, умоляю!

Я глядел в широко раскрытые глаза Боарики и пытался уловить в них проблеск истины. Что она знает обо мне? Странник, пришедший в Вековую Вершину по важному делу. Суровый житель не менее сурового края, считающий рабство неотъемлемой частью государства. Такие, как я, грабят деревни и храмы, не испытывают жалости к побежденным и воспевают насилие. А наивная Боарика доверилась мне через час после знакомства. Ее слова об убитой подруге и беспечном выборе Алабели на мгновение взбудоражили меня, но я сдержался. Не поддался эмоциям. Я и без того понимал, что для Алабели все может закончиться плачевно, но она каждый чертов раз знает, на что идет. Чем рискует. Я волновался о ней, однако не забыл собственного вывода — не стоит верить лишь ушам.

— Повернись, я войду в тебя сзади, — сказал я Боарике. Взгляд ее серых умоляющих глаз стал холоден, как зима в Альгелагских горах.

Час рассвета еще не пробил, а в мои покои уже стучались. Я разлепил веки — темнота не была абсолютной. Я лежал, раскинув руки и ноги в разные стороны, на огромном помятом ложе. Лежал один. Девицы ускользнули, пока я пребывал в бессознательном состоянии.

Ночка выдалась бурной, так что нежданному гостю пришлось стучать еще. Хотелось выкрикнуть какое-нибудь ругательство, однако я сдержался, чтобы не прослыть неблагодарным гостем. В конце концов, слуги лишь исполняют приказ. Я надел чистое исподнее белье, натянул кожаные штаны и открыл дверь. За ней никого не было.

Я вышел из покоев и подошел к широкой винтовой лестнице. Никаких посторонних звуков — шагов, вздохов — я не расслышал. Стук не был плодом моего воображения. Видимо, слуга не дождался ответа. Лишь бы его из-за моей медлительности оборотням не скормили.

— Кто тут? — крикнул я в темноту и, плюнув, зашел обратно в покои.

Стоило мне повернуться к двери спиной, как на меня напали. Оттолкнули к стене и попытались к ней придавить. Я сжал кулаки и собрался дорого продать свою жизнь, пока не разглядел лица нападавшего.

— Какого черта ты делаешь? — процедил я сквозь зубы. Передо мной стояла Алабель. Она промолчала и внезапно вытащила из-за спины короткий кинжал.

— Алабель?

— Лексо обманул нас, — пробубнила она.

— Убери нож от моего лица, — возмутился я. — Я чуть не решил, что ты выпила зелье Балинта.

— Нет никакого зелья. И никогда не было.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что я несколько часов провела в компании его стражника.

— Ну и как, он хорош в деле?

— Я бы так не сказала.

— А я сразу так и подумал. Колдовство способно на многое, но у этих истуканов полностью отсутствуют элементарные человеческие потребности. Где сейчас твой горелюбовник?

— Мертв.

Я было усмехнулся, но тут же понял, что Алабель не шутит. Пришлось задержать дыхание и потихоньку выпустить воздух через ноздри, чтобы не взорваться от ярости.

— Зачем ты его убила? — тщательно проговаривая каждое слово, поинтересовался я.

— Это вышло случайно. Я сама удивилась.

— Он спятил и пытался тебя прикончить?

— Нет.

— Ну, так скажи, зачем?

— Кто я, Фосто? Я ведьма, что умеет воздействовать на сознание людей. Я вцеплюсь в него, как невод в рыбу стаю. Кто-то ускользает из сети, а кто-то становится моей добычей. Но никто не вел себя так, как этот воин.

Я молчал, и молчание мое было гнетущим.

— Сила моих чар должна была пересилить эффект от коварного зелья. Я хотела привести воина в чувство, возможно, подчинить его себе. И чем легче я смогла бы это сделать, тем проще нам было бы расправиться с Балинтом. Но все пошло наперекосяк. Этот несчастный начал рычать, дергаться в судорогах и через несколько мгновений околел. Застыл с распахнутыми глазами и пеной у рта.

— И как это говорит о том, что никакое зелье здесь ни при чем? Все это твои догадки, самоуверенная взбалмошная девчонка.

— У них нет никакого сознания. Оно не затуманено и не прячется где-то внутри их головы. Оно выжжено чрезвычайно сильной магией Балинта. Выжжено не за день и не за два. Это результат долгой и упорной работы. Работы для самых могущественных колдунов. Это мертвецы, Фосто. Их кровь бежит по жилам, заживают раны и растут ногти, но они мертвы.

Я честно пытался представить все это в своей голове, но, видимо, моего воображения было недостаточно, чтобы постичь все тонкости услышанного. Я никогда не встречался ни с чем подобным. А неизведанное страшнее всего.

— Что будет с ними, если убить Балинта?

— Вряд ли то же, что с тем приятелем, который сейчас спрятан под кроватью. Их задача — оберегать графа и выполнять все его приказы. Убийцам Балинта не поздоровится. Что будет потом, я не знаю. Может, они будут нападать друг на друга или на все, что движется. Не знаю.

Оснований не доверять Алабели у меня не было. Она действительно сведуща в тонких материях нашего мира, так что дискуссии отложим на потом. Надо думать о дальнейших действиях. Мы не сможем выбраться отсюда, просто подойдя к воротам и вежливо попросив открыть их. Балинт — камень преткновения.

— О чем задумался, Фосто? — Вопрос Алабели вывел меня из тяжелых мыслей.

— У Балинта есть основания подозревать в нас убийц, что прислал его сын, но если мы ничем себя не выдадим, то сможем выбраться отсюда невредимыми.

— И ты меня называешь самоуверенной? — усмехнулась девица.

— Что поделаться, мы разделили слишком много опасностей и стали похожи друг на друга.

— Но кое-что друг от друга продолжаем скрывать.

Я на миг растерялся — не сразу понял, что она имеет в виду скрытую от нее часть договора с Лексо Уховерткой.

— Я хотел тебе сказать об этом.

— Что же помешало?

— Послушай, ты тоже не ангел. Ты вляпываешься во все дерьмо, что раскидано у тебя под ногами и... — вздохнул я. — К черту спор, от него нет проку. Сегодня ночью над всей долиной раздавался нечеловеческий крик. Это не твой почивший «друг»?

— Если бы он орал так, то я бы оглохла. Нет, это что-то иное.

— Знаешь, что сказали мои наложницы? Что это оборотень.

— Час от часу не легче.

Сам я оборотней никогда не встречал. Точнее, не видел их в обличье зверя. Вот если бы какой-нибудь волк встал передо мной на задние лапы и произнес что-нибудь на человеческом языке, то сомнений у меня не осталось бы. А так — пустая болтовня крестьян, страдающих от лесных хищников. Мои слова не значат, что я хочу столкнуться лицом к лицу с источником ночного крика. Это лишь обыкновенное человеческое любопытство. И иногда судьба его удовлетворяет.

Гулкие шаги к моим покоям услышали и я, и Алабель. Почти одновременно.

— Ты хорошо обращался со своими любовницами?

— Уж лучше, чем ты со своим.

Алабель протянула мне кинжал:

— Они не будут ожидать от тебя сопротивления. Воспользуйся им, если потребуется.

Я спешно принялся одеваться, в то время как Алабель искала глазами укрытие в моих покоях. Все мы справились со своими задачами до стука в дверь. Хороший признак, в том смысле, что ее не выломали.

Перед дверью стоял молодой помощник управляющего.

— Пройдемте со мной, сир Кирран, — еле слышно пролепетал паренек. — Господин хочет видеть вас.

«Да вы тут все ночь с днем спутали», — хотелось сказать мне, но я промолчал. Последовал за пареньком.

Мы спускались вниз, и я не мог не обратить внимания на то, что спускались мы долго. Мы точно миновали графский зал. Если меня ведут прямо в капкан, то очень извилистый граф Балинт выбрал путь. Видимо, от обилия свободного времени он стал излишне затейливым человеком. Это настораживало.

Поверни я назад после двадцати минут блужданий — и я долго искал бы комнату, в которой провел замечательную ночь, если вообще смог бы ее найти. Лабиринты Вековой Вершины петляли, превращались в лестницы, уводящие все дальше вглубь. Угнетали своими узкими коридорами и темнотой, разбавляемой лишь факельным светом. Как бы то ни было, все это не шло ни в какое сравнение с вязким чувством опасности, что облепило меня в тот момент, когда у очередной лестницы я увидел графа Балинта собственной персоной. Два вооруженных стражника в лицевых масках неотступно следовали за ним.

— Хорошо ли прошла твоя ночь, славный воин Кирран? — спросил он с ухмылкой.

Я подошел ближе и почувствовал, как безмолвные воины наблюдают за каждым моим движением.

— По возвращении я поведаю лорду Алкею, что вы приняли меня чрезвычайно радушно. Не каждый правитель делает посланникам столь щедрые подарки.

Я надеялся, что мой ответ удовлетворит самолюбие графа. Он действительно учтиво кивнул мне и сказал:

— Одна из наложниц поведала, как удивил тебя странный звук из подземелья моего замка. Она что-нибудь рассказала тебе о нем?

— Что это медведь, — пожал я плечами.

— И ты считаешь, что это действительно медведь?

— Трудно сказать. Я очень давно не слышал их рева.

— Пещерные медведи перевелись в Скалистом Крае?

— Они предпочитают не заглядывать в земли людей. Это люди всегда приходят к ним.

— Твоя правда — человек опаснее любого зверя. И то, что я хочу тебе показать, это в некоторой степени подтвердит. Видишь ли, я хочу, чтобы твой лорд знал, что помогает человеку, который сможет за добро отплатить добром стократным. И за зло — в том же объеме. Идем.

Неоднозначные фразы, тайны, которые граф готов мне открыть, — все это было чертовски некстати. Я готов обсудить с правителем Вековой Вершины предстоящий союз, знал, что ответить на каверзные вопросы, но к такому готов не был. К таким вещам невозможно подготовиться. Можно лишь уповать на опыт и хладнокровие.

Мы спускались вниз бок о бок с Балинтом. Ширины лестницы едва хватало нам, чтобы не мешать друг другу. Я мог вытащить кинжал, но успею ли нанести удар? Сомнения были не в мою пользу.

— Что ты знаешь о сальгурах? — совершенно неожиданно спросил меня граф, и я чуть было не ляпнул о том, что знаю их весьма неплохо.

— Чужеземцы, разоряющие вольные города далеко на западе. Чужеземцы с Пансеги.

— А знаешь ли ты, почему они покинули земли своих отцов?

— Думаю, это те же причины, по которым мои предки разоряли окрестности Берсены. Жажда золота, славы, наживы.

— Нет, славный воин Кирран, первопричина тут другая. Сальгуры отправились в поход, потому что все их земли поглотили себризы — свирепый народ, покоривший многих. Но и себризы не просто так оставили свои города, пастбища и святыни. Им не оставалось ничего другого — против них выступило сразу несколько царств, с некоторыми из них они были в союзе. Чувствуешь, какая буря прошла по Пансеге?

К чему граф Балинт все это говорит? При чем тут проклятые сальгуры? Он намеренно сбивает меня с толку. Ждет моей ошибки, лишнего слова, которое может стоить мне жизни. Ждать ему придется долго. Возможно, сейчас меня спасает лишь способность противостоять колдовству, и Балинт недоумевает, почему я еще что-то соображаю.

— Историями битв и предательств пестрят летописи каждого государства, — ответил я.

— Но на Пансеге все было иначе. Все самые северные ее царства пали в борьбе с неизвестным врагом. Все те, кто выжил, бросились бежать на юг. Их гнали, презирали и не верили их безумным рассказам. Пока не столкнулись со страшной угрозой лицом к лицу. И были сметены ею. Прочие государства поняли, что невиданный враг придет и к ним. Тем войскам, что они собрали, позавидовала бы даже Нардарская империя в период расцвета.

Сколько было грандиозных битв, сколько крови! И никаких побед. Лава людских племен бросилась прочь, сокрушая тех, кто оставался на месте. Десятки царств канули в небытие. Сальгуры атакуют запад, потому что хотят спастись. Потому что знают, что оставаться на месте нельзя.

Я понял, что имеет в виду хозяин Вековой Вершины. Сказки сальгуров о полчищах демонов, забирающих души поверженных ими людей. Они вылезли из нор, что расположены в самых далеких и холодных горах, и с тех пор никакая сила не может загнать их обратно. Я помню душераздирающую историю одного беззубого сальгурского деда, чьи слова нам переводил толмач. Душераздирающую для деда, ибо он рассказывал ее крайне эмоционально.

«Сначала их было десять. Они убили сотню воинов, исчезли, а через год их было уже на сотню больше. Они смогли убить тысячу, и вскоре явилась тысяча демонов. Люди выступили против них с войском из лучших солдат и были разбиты. Спустя год демонов уже невозможно было сосчитать. Люди бежали от них, страшась за свои души. Так пало великое царство Хар-Тагир. Так началось падение всего Севера».

— Почему вы все это мне говорите? — не выдержал я.

— Потому что хочу показать тебе того, от кого бегут сальгуры. Перед чьим именем трепещет вся Пансега. Это не медведь, — Балинт засмеялся. — Это не оборотень. Это нечто большее.

Мы очутились перед двустворчатой дверью, укрепленной железными полосами. С нашей стороны она была заперта здоровенной балкой, которую тут же принялся сдвигать один из стражей Балинта. Тяжелый скрип сопровождал открытие двери. Я не мог и представить, что увижу за нею.

Глава 31. опережая солнце

Около десяти телег с провиантом прибыло спустя всего четыре часа после того, как была зачищена очередная деревня, используемая салгурами в качестве временного укрепления. Временное пристанище для отрядов конных лучников, наносящих значительный урон и пехоте, и всадникам Хольна. Эти мерзавцы постоянно беспокоили воинов на привале и почти всегда избегали потерь. Правда, если командир держал в карауле опытных стрелков, то и враги, бывало, платили жизнями за свою самоуверенность. Жаль только, что раненые салгурские всадники предпочитали своей же рукой добить себя и редко попадали в плен.

Пехота салгуров была менее брезглива при окружении. Хоть это и не означало, что хольнские воины были к ним милосердны, но иной раз из какого-нибудь юнца в оленьих шкурах удавалось вытрясти сведения разной степени важности. К сегодняшнему дню подобные случаи не относились — всех, кто был ранен или сдался, добились сразу же.

Добыча была чрезвычайно скудной: несколько сотен стрел, два мешка вяленого мяса и паршивое снаряжение никчемных защитников деревеньки на голом холме. Все знатные вражеские воины ушли от столкновения с отрядом наемников, просто покинув эти места. Мы воевали с бездеспешными ополченцами, которые не смогли организовать никакого мало-мальски значительного сопротивления. Их единственной задачей была попытка задержать нас перед дальнейшим продвижением по Балдагору, и они выполнили ее из ряда вон плохо. Что ж, расплата получилась соответствующей.

Я выходил из покосившейся хижины, когда услышал отборную ругань капитана Райля, которого мы за лихой нрав и способность осушить бочонок эля, не поморщившись, называли Мельницей. За спиной, конечно. Отважившийся его так назвать в открытую пехотинец Хольна потерял пять зубов и способность видеть правым глазом на несколько дней. Сейчас капитан Райль Мельница ругался с хольнским офицером, который контролировал наши действия на салгурских землях. Я попятился обратно в хижину.

— Я, может, и безграмотный дурак, но до трех считать умею, — проскрежетал Райль и выпятил перед офицером четыре пальца. — Три поганых дня мои люди не знали отдыха. Ради чего? Много мы потерь нанесли их коннице? Тому, кто бьет по земле сапогами, не догнать того, кто бьет по ней копытами.

— Вот это и проверим через пару дней, Райль. Нам предстоит взять еще одно укрепление, и чем быстрее мы это сделаем, тем больше у нас будет времени на отдых.

— В болото твое укрепление, сукин сын! Возьми своих разгильдяев и сам его атакуй. Ах, да — они у тебя слишком нежные, чтобы кровь проливать.

Офицер обреченно вздохнул:

— Если бы мне платили за каждое оскорбление в мою сторону, то я бы уже был богаче консула. Как ни распаяйся, Райль, укрепление должно быть взято и разрушено. Тебе платят именно за это.

— Не раньше, чем мои люди придут в себя. Проведут на одном месте побольше, чем пару часов.

— Три часа?

— Ночь, чертов умник!

— Салгуры успеют окопаться там, и мы сможем одолеть их лишь с большими потерями, если одолеем вообще.

Райль похлопал собеседника по груди:

— Так а я про что? В козью задницу эти укрепления! Нам надо следовать на запад, присоединиться к главной армии и не спеша давить салгуров. Давить их, как навозных жуков.

— Посмотри, что это, Райль? — не выдержал офицер, тыча себя по голове.

— Твои уши.

— Правильно! И именно ими я слышал, каков был приказ. Разграбить земли до самых гор; обезопасить перевалы; сделать так, чтобы враги решили, что мы хотим дойти до моря. Они оттянут туда часть сил, поджидая нас, а мы уже вольемся в консульскую армию. В генеральном сражении у них будет меньше сил, а у нас...

— Да-да, я понимаю задумку. Да только грабить тут нечего — чертовы степи и пустыри. Такое чувство, что это салгуры нас дурят.

— Последнее укрепление. Последнее укрепление, Райль, и мы двинемся на запад.

Капитан наемников не прекратил ругаться, правда, делал это уже не так уверенно. Подобный маневр означал только одно: Райль недоволен, но поступит так, как того хочет хольнский советник. Мы подкрепимся, подремлем часа два и вновь зашагаем вперед. Новость неприятная, но я не винил Райля. Наш трехтысячный наемный отряд разделился на отдельные группы, и в каждой из них был свой командир. Где-то более опытный, где-то менее. Райль был опытным воином, однако бремя командования принял с неохотой. Я был одним из тех, кто уговорил его на этот шаг. Уговорил потому, что сам являлся одним из первых претендентов на должность командующего, но выслушивать и исполнять все прихоти хольнских ставленников не желал. Лучше, чем Райль, их приструнить никто бы не смог.

Все дело было в тяжелом финансовом положении нашего отряда. Обманутые собственным казначеем, мы лишились средств к существованию, а новообразовавшийся союз вольных городов лишил нас привычной работы. Теперь все жаждали скинуть салгуров в море, о чем мечтать гораздо легче, нежели исполнить. Наш отряд слился с бандой из Дорлага и предоставил свои услуги консулу Хольна. До крайности хитрому, двуличному и прозорливому старикану. Я абсолютно уверен, что и после смерти он не попадет в пекло — сумеет как-нибудь выкрутиться. Золота он дал нам в три раза меньше, нежели ожидалось, напевая сладкие речи о том, что из столицы салгуров каждый унесет столько драгоценного металла, сколько сможет. И, словно этого унижения нам было недостаточно, консул приставил к нам нескольких своих приближенных, приказы которых мы должны выполнять.

Пока все шло относительно гладко, но было так только потому, что салгуры избегали крупных сражений. Долго это продолжаться не могло — скоро все наши силы сойдутся с силами вражескими, и итог страшной схватки покажет, что будет вывозиться с этих земель — телеги с золотом или телеги с мертвецами. Нам же предстояло провести еще одну бесславную битву среди унылых и малозаселенных равнин Балдагора. Захватить очередное салгурское городище.

Легкая призрачная дымка стелилась над остывшей землей. Ночь, напряженная тишина которой прерывалась лишь редкими криками хищных птиц, приближалась к своему концу. Несколько холодных часов до рассвета пройдут, сгинут в небытие, как и те, кто будет сейчас не слишком удачлив. Кому предстоит согреть эту землю своей кровью, опережая очнувшееся ото сна солнце.

Я, как и мои соратники, видел лишь неясные очертания каменистого холма, увенчанного стенами с невысокими квадратными башнями. Часть укрепления была

деревянной, и в едва уловимом лунном свете заостренные верхушки частокола походили на зубы исполинского чудовища. Дорога, ведущая к воротам, пролегла меж двух скал, одна из которых примыкала к городищу и соединялась висячим мостом с другой. Там, на этой одинокой труднодоступной скале стояла башня, приютившая наиболее знатных сальгуров. Благо не моему отряду придется ее штурмовать.

После того как вернулись разведчики, было принято решение выдвигаться сразу же по наступлении темноты. Количество защитников укрепления осталось неизвестным, но то, что на этот раз попотеть придется больше, являлось бесспорным фактом. Мы, впрочем, приготовились к любому повороту событий — за прошедшие дни наш отряд увеличился вдвое. Главный командир, чье благородство было столь же всеобъемлющим, как и жажда наживы, продолжал грабить поселения близ Дикого Берега, а потому Райль Мельница не сложил с себя полномочий капитана, чему я был несказанно рад.

Собственно, сейчас я и шел с Райлем бок о бок. Вернее, крался, потому что трудно назвать передвижение в темноте и тишине шествием. Мы хотели застать сальгуров врасплох и соблюдали все возможные меры предосторожности. Тем не менее, в голове витала мысль о том, что даже ночью трудно не заметить со стен тысячу человек, из которых немногие без конца спотыкаются, сморкаются и бренчат оружием.

Во всем укреплении я смог различить лишь пару-тройку огоньков.

— Похоже, наши «друзья» подготовились, — недовольно буркнул Райль, обращаясь ко мне. — Мы уже близко. Вели своим стрелкам взводить арбалеты.

Я поднял руку и остановился. Шестидесят стрелков, шедших за моей спиной, остановились в ту же секунду. Прочие воины шли мимо нас, походя на горный ручей, обтекающий камни. Когда арбалеты были готовы к бою, я жестом велел своим людям проследовать вперед, на убойную дистанцию.

Яростный крик — приказ на чужом языке — раздался со стен укрепления. Спустя несколько мгновений небо осветилось сотнями горящих стрел, призванных сеять гибель и смятение в рядах атакующих. Сальгурские луки чертовски опасны. Втройне они опасны в сальгурских руках. Если бы Райль Мельница не выкрикнул своевременный приказ поднять щиты, то урожай жизней, отнятых врагом в первые же секунды боя, был бы гораздо богаче.

Но теперь на стенах наконец-то появились цели. Пришла пора отблагодарить сальгуров за «теплый» прием.

— Первые! Залп! — заорал я во всю глотку. Треть арбалетчиков, присев, выпустила снаряды по врагу и тут же отступила назад. Готов поклясться — пара тел со стены слетела.

— Вторые! Залп!

Наши воины побежали вверх по холму. Я потерял капитана из поля зрения, но не сомневался, что он несется в первых рядах и по лестницам ползет первым. За безрассудную храбрость судьба благоволила ему, и я надеялся, что эта ночь не будет исключением.

Пока одна половина наемников лезла на стены по веревочным и деревянным лестницам, другая тащила к воротам городища простейший таран — бревно на цепях. Носильщиков прикрывали щитоносцы, но это не спасало ни тех, ни других от смертоносных вражеских стрел. Когда увидел, что с моста, перекинутого между скалами, на моих соратников обрушивается дождь из снарядов и камней, я сразу же перебросил туда часть своих стрелков.

На стенах завязалась ожесточенная драка. Теперь по врагу можно было стрелять, только тщательно прицелившись — отправлять к праотцам своих же воинов не хотелось. Я

приказал подойти к стенам ближе и рассредоточиться. Это не осталось незамеченным со стороны врага — теперь стрелы летели и в нас. Одна из них вонзилась в землю перед моими ногами, другая просвистела над головой. Я скрежетнул зубами, указывая подчиненным на самых назойливых вражеских лучников.

В пяти метрах от меня внезапно раздался истошный вопль — сальгурская стрела вонзилась воину-арбалетчику прямо в лицо. Пробила череп под самым глазом. Он рухнул на землю и попытался ее вырвать, при этом вереща самым кошмарным образом. Несколько стрелков попятились назад.

— Стоять, где стоите! — разозлился я, после чего обратился к одному из доверенных в мои руки воинов: — Фелис, посмотри, что с ним.

Фелис — молодой, но смышленный паренек из деревеньки под Дорлагом — положил арбалет на землю и склонился над раненым. Взглянул в мою сторону, отрицательно покачал головой. Я все понял и провел пальцем по горлу. Фелис поймет, что делать.

Раненый, конечно, мог и выжить в умелых руках, но уж больно громко он визжал. Да и умелых рук у нас не доставало — два месяца назад полевой врач до смерти залечил пиявками одного приболевшего всадника. А ведь тот всего лишь жаловался на боли в спине.

Как бы то ни было, потери будем считать потом. Стрелы продолжали лететь, а рубка на стенах становилась все яростней и яростней. Скоро все будет кончено — наши воины уже подожгли ворота и принялись бить по ним окованным бревном. Я слышал его размеренные удары и с нетерпением ожидал громкого треска.

Темная фигура, всплеснув руками, свалилась с моста. Не успел я порадоваться этому факту, как стрела с пылающей паклей вонзилась в грудь еще одному арбалетчику, стоящему подле меня. Точно в сердце — бригантина не спасла его. Когда следующую стрелу поймал щитом, я рассердился не на шутку. Еще бы — я ее и увидел только из-за того, что она горела.

— Приглядывайтесь лучше — ищите проклятых лучников! — крикнул я и схватил арбалет убитого соратника.

За стенами уже вовсю пылали дома, на крыши которых упали факелы. Теперь не суть важно, что кругом царит ночь, — в лицо смерти смог бы заглянуть даже полуслепой старик. Я смог попасть в одного из защитников поселения, но не был уверен в его гибели. Впрочем, это уже не имело значения — ворота вскоре уничтожили, и толпа жаждущих крови воинов прорвалась внутрь городища. Для моих стрелков не было смысла торчать здесь, как флюгер на ветру, поэтому я повел их вперед.

Тем, кто заходит в захваченный город последними, обиднее всего. Тяжело найти что-то действительно ценное, а довольные морды самых пронырливых воинов так и просят кулака. Хоть лучшая добыча все равно останется в руках благородных, кое-какой куш может отхватить и воин менее знатный. В случае с Райлем все было еще проще: хватай все, что способен унести в руках, никто этого не отнимет. Все прочее надлежит отнести к общим трофеям.

Укрепление, конечно, еще держалось. Продолжали падать со стен наемники и сальгуры, отбивались от атак защитники одинокой башни, но итог схватки уже предрешен. Я мог приказать своим воинам отступить к обозу, но они не преминули бы затаить на меня обиду. Пусть повоюют еще немного. Вдруг в кармане какого-нибудь мертвеца найдут золото, и все равно, за какую из враждующих сторон воевал этот самый мертвец.

Моя команда миновала дымящиеся обломки ворот и остовы горящих смотровых башенок. Огонь завоевывал все больше и больше строений, однако наши воины действовали

еще быстрее. Они теснили врага в центр поселения, где смогли бы окружить его со всех сторон. Я хотел как можно быстрее присоединиться к избиению сальгуров, но пока на пути мне попадались лишь трупы.

Первозданный вознаградил мое терпение в тот момент, когда я обогнул отвратительного вида сарай, которые сальгуры использовали в качестве жилищ, и вышел к каменным строениям — остаткам старинного форта. Здесь меня и поджидал сюрприз в лице четверых сальгуров, прорвавшихся из окружения. Бедолаги посчитали меня легкой целью и с устрашающими криками бросились в атаку. Естественно, растерялись, когда из-за угла появился с десятком-другой арбалетчиков. Мои ребята были всецело готовы к бою — я даже приказа никакого не отдал. Махнул мечом в сторону врагов, и все. Три сальгура были тут же сметены смертоносным залпом.

Четвертый сальгур — «везунчик», вооруженный длинным копьём — застыл, как вкопанный. Он был облачен в чешуйчатый панцирь, но щита не имел. Впору броситься наутек, но я знал, что он этого не сделает. Слева — горящие дома, справа — стена в человеческий рост. Фелис и еще несколько парней с заряженными арбалетами только и ждали, когда враг покажет спину. Но враг продолжал стоять, собираясь с духом.

— Не стреляйте, — сказал я, извлекая меч. Что-что, а считать этот штурм самым унылым в своей жизни я не хотел. Беспечной походкой направился к сальгуру с копьём.

Этот жест доброй воли противник принял с великим воодушевлением. Страх бесславной смерти сменился на боевую ярость, а смятение — на решимость. Он что-то выкрикнул на своем варварском языке и кинулся в атаку.

Я знал, что его первый удар будет выпадом в область моей груди, а потому отклонился вправо. За выпадом тут же последовал рассекающий воздух замах, но его сила из-за стойки воина не была достаточной, поэтому я с легкостью отразил этот удар. Я ожидал еще одного выпада, но, к моему удивлению, враг решил повторить рассекающую атаку. Только теперь к силе рук он приложил силу всего своего тела, подпрыгнув и развернувшись в воздухе.

Полученный удар поколебал меня. Но не мою самоуверенность. Первое впечатление бывает обманчивым — я пошатнулся под напором противника, но в ту же секунду контратаковал. Чудеса прыткости, демонстрируемые копеейщиком-сальгуром, проявились вновь. Он отскочил от меня столь же ловко, как и напал.

У врага была прекрасная реакция, однако во взгляде этого северного воина я уловил новое чувство — удивление. Сальгур осознал, что я быстрее него. Это было мне на руку, но простое удивление не поможет моему мечу проложить путь к победе.

Нужно действовать решительнее. Именно поэтому я отбросил в сторону щит. Как и ожидалось, подобное действие озадачило врага. Он занервничал и не решился атаковать меня даже тогда, когда я начал обходить его сбоку. Чтобы отяготить и без того тяжелые мысли сальгура, я изобразил маску невозмутимости. Я следил за движениями противника, смотрел в его глаза, но ни один мускул не дрогнул на моем лице. И тем более неожиданным стал мой бросок.

От невозмутимости не осталось и следа. Мое лицо перекошилось от напряжения. Я наносил разящие удары слева, справа, бросался на врага с занесенным над головой мечом, а враг лишь оборонялся. Он пятился назад, вводил мой клинок в сторону, но не успевал сделать ни одного выпада. Я просто не оставлял ему ни мгновения на какой-либо маневр.

Удерживать равновесие при столь яростной атаке всегда непросто, но я не собирался затягивать бой. Вместо удара, который бы враг вновь отразил, я крутанул перед его глазами

свой клинок и, припав на колено, рубанул сальгура по голени. Удар достиг своей цели — я почувствовал, как меч рассекает мягкую плоть и оставляет глубокий рубец на кости. Враг закричал сквозь зубы и упал на колени. Он был повержен. Мне оставалось лишь вырвать копье из его ослабших рук и довершить начатое. Меч, уже обагренный кровью, теперь насытился ею вдоволь.

— Кто видел, что его стрела точно попала по врагам? — обратился я к своим подчиненным.

Откликнулось как минимум шестеро. Мое расположение духа значительно улучшилось, а потому я позволил этим ребятам обобрать трупы. Остальных повел вперед.

— Здорово ты его, Фосто, — восхищенно пробормотал Фелис, семеня рядом.

Я улыбнулся уголком рта.

— Научишь меня драться так же? — не унимался паренек.

— И потратить на это десять лет своей жизни? Да я загнусь быстрее.

— Кому-то надо передать свое мастерство...

— Обратись к Мельнице, он тебя научит большому.

— А разве он владеет такими приемами?

— О, нет, — ухмыльнулся я, — такими не владеет. Но пойдя он против десяти сальгуров — его бой закончился бы победой раньше моего.

Фелис задумался. И совершенно зря, поскольку не до размышлений сейчас было. Метрах в ста от нас кипела битва, и по округе разносились громкие крики. Правда, судя по тому, что ни одного слова в этих криках я не разобрал, — битва превратилась в избиение. Просто жители и защитники этого отдаленного сальгурского форпоста очень не хотели расставаться с жизнью.

Я приближался к последнему очагу сопротивления, когда вместо лязга оружия услышал восторженные крики наших воинов, заглушающие предсмертные вопли раненых врагов. Укрепление взято, как того и хотели надзиратели Хольна. Мы наконец-то хорошенько выспимся. А до того хорошенько промочим глотки.

Эти благостные мысли вмиг исчезли, когда я вышел на маленькую площадь, где всего полчаса назад неистово рубили друг друга враждующие стороны. То тут, то там валялись окровавленные тела, поэтому я не сразу узрел нависшую надо мной опасность.

— Мы победили, Фосто, — закидывая арбалет за спину, довольно пробормотал Фелис.

Даже не знаю, что я хотел ему ответить. Я повернул голову налево и увидел раненого, но еще живого сальгура. Он сидел на земле, прислонившись спиной к деревянной стене. Вокруг него было месиво из грязи и крови, а лицо его было блее погребального савана. Однако в руках он держал натянутый из последних сил лук. Я смотрел прямо на наконечник стрелы и понимал, что сальгур не промахнется.

Все это длилось лишь долю секунды. В следующее мгновение стрела с бешеной скоростью вырвалась на волю и рассекла воздух. Тяжко захрипел Фелис. Не я стал целью умирающего лучника.

Я склонился над пареньком. Стрела вонзилась ему в шею. Фелис греб землю пальцами — его тело напряглось до крайности. Он смотрел прямо в мои глаза, будто ища поддержки, которой я не смог бы ему оказать, даже если бы желал этого. Я просто молчал.

Небо светлело — парень умирал в тот момент, когда солнце озарило землю первыми отблесками своего света.

Агония длилась недолго. Когда глаза Фелиса затянула пелена, а душа его отправилась в

мир предков, я почувствовал досаду. Такую, от которой не избавиться простыми размышлениями. Эта досада требовала немедленных действий, иначе проклятый сальгур испустит дух без моей помощи.

В руках у врага уже не было лука. Слабеющими, дрожащими пальцами он сжимал тонкий кинжал, пытаясь поднести его к собственному горлу. Но силы уже на исходе — он истратил их все на последний выстрел. Тем хуже для него.

Под ключицей у врага торчал обломок арбалетного болта. Я хмыкнул: вполне возможно, что это тот самый защитник укрепления, которого подстрелил я. Судьба позволила мне завершить начатое. Жаль только, что ценой жизни Фелиса.

Нависая над врагом, я размышлял о том, какую часть ноги ему отсечь для начала. Прикладывал клинок то к голени, то к колену. За этим занятием меня и застал один из наемников.

— М-м... Фосто, там тебя Райль зовет, — поглядывая на сальгура, произнес озадаченный воин.

— Чего он хочет? — спросил я, даже не глядя в его сторону.

— То мне неизвестно.

— Уже иду, — процедил я сквозь зубы. Резким движением вскинул меч и воткнул его в шею сальгура. Черт с ней, с досадой — Райль не любит ждать.

На самом деле причина оказалась не то чтобы стоящей — просто Райль мог передать мне ее содержание через своих помощников, чем не отвлек бы меня от насущных дел.

Капитан отряда стоял перед каменным зданием главного склада и тряпкой вытирал с лица кровь.

— Райль, ты опять умудрился выжить! — мотнув головой, задорно крикнул я.

— Чтобы какая-нибудь из этих крыс смогла меня убить — она должна продать душу Эрхивиану. И значительно дороже, чем я! — Иного ответа я и не ждал.

— Ты звал меня? — я приблизился к капитану вплотную и похлопал его по плечу.

— Да, — Райль поковырялся тряпкой в ухе. — Скажи своим ребятам, чтобы всех пленных не сразу убивали. Если кто-то знает наш язык — доставить ко мне или к принцессе. Остальных в расход.

«Принцессой» он, конечно, называл хольнского ставленника. Тот в штурме не участвовал.

— Будет сделано.

За спиной Райля раздалась грязная фристийская ругань. Седой наемник тащил за тощую руку десятилетнего сальгурского мальчугана. Если я и ошибся в оценке возраста, то не больше чем на год.

— Поганец мелкий! — негодовал наемник. — Представляешь, Райль, куском кремня мне руку порезал!

— Что ты его сюда тащишь? Он по-имперски понимает?

— Да ничего он не понимает. Посмотри на его сорочку — на ней необычные узоры. Это сын кого-то знатного, я точно говорю.

— И что? — нахмурился Райль.

— Ну, это... выкуп.

— Какой к черту выкуп?! От кого ты собрался его получить? Мы пойдем на запад по разоренным землям — там не у кого требовать награды. Убей щенка, Фредо, иначе вырастет волком.

— Ну уж нет. Я его поймал, а марасть руки не собираюсь, — Фредо отшвырнул мальчишку от себя и отправился прочь.

— Видишь, Фосто, с кем приходится работать? — ухмыльнулся Райль. — Скоро еще и баб откажут портить. Хотя этот и так уже ничего не может. Тебе придется прикончить мелкого.

— Я только что заколол весьма искусного сальгурского лучника. Хочешь, чтобы во время сегодняшней попойки я хвалился, что последний убитый мною враг — десятилетний ребенок?

Райль хохотнул и с хитрецей в глазах произнес:

— Дам казнить тебе еще какого-нибудь лучника.

— Избавь меня от этого, Райль.

— Да что за ерунда? Может, мне кошель золотых пообещать за простейшее убийство? — Райль обращался ко всем стоящим вокруг него воинам. Один из них тут же откликнулся.

— Давайте его сюда, — прохрипел наемник с лицом, покрытым оспинами. — Не то этот спор затянется до полудня. За складом как раз стоит удобная колода.

Воин потащил сопляка с собой, а к Райлю в это время подошел чумазый посыльный.

— Капитан, нашли того, кто понимает по-нашему. Он у высокой башни, — доложил воин.

— Отлично. Фосто, когда передашь приказ стрелкам, подходи туда же.

Я кивнул, но стоило капитану удалиться, как я проник на склад. Выходя оттуда со шлемом, полным крепкого сальгурского пойла, я отчего-то решил заглянуть на задний двор, где пять минут назад состоялась казнь мальчишки. К своему удивлению, обнаружил там лишь тело наемника, уткнувшееся лицом в землю. Сделав несколько могучих глотков, я отбросил шлем и подошел к телу ближе. Перевернул его.

Лицо в оспинах. Незадачливый палач не справился со своей миссией. Кто-то нанес ему множество ран и спас мальчишку. Я вытащил меч и огляделся по сторонам — из-под обломков ближайшей постройки на меня смотрело два немигающих черных глаза. Сальгурский мальчишка был один. Он сжимал в руках окровавленный нож и не сводил с меня своего взгляда.

Если паренек в столь юном возрасте смог одолеть взрослого воина, то, достигнув зрелости, он станет очень опасным противником. Может забрать кучу фристийских жизней. Впрочем, мне до этого нет никакого дела. Фристийцы режут друг друга куда эффективнее.

Я указал пальцем в сторону. Там, за несколькими домами обвалилась деревянная стена. Не выдержала огня. Через нее мальчишка сможет покинуть укрепление и скрыться среди холмов. Не сразу этот звереныш поверил в мое великодушие. Я вложил меч в ножны и вновь обратился к языку жестов.

— Там стена. Рухнула. Выход.

Мальчуган стрелой сорвался с места и скрылся за углом. Я хмыкнул и задумался на мгновение. Покачал головой и направился к одинокой башне.

Пленный сальгур, понимающий имперский язык, был в неважном состоянии. Дорлагские наемники подошли к захвату укрепления творчески — они подожгли башню со всех сторон, так что сейчас она походила на печную трубу. Дым валил из всех ее проемов, и тот, кто не покинул ее, — задохнулся.

Пленник сломал обе ноги, но держался мужественно. Настолько, насколько позволяло

его положение. Вероятно, он планировал побег, однако место для прыжка с башни выбрал неудачное — в дополнение ко всем несчастьям еще и с каменистого склона скатился. Я присвистнул, представляя это акробатическое зрелище.

— Ну как, он сказал что-нибудь важное? — спросил я у Райля, скрестившего руки на груди.

— Для нас — пока нет, но сейчас скажет. Либо умрет.

— Дорога уже подвела меня к краю, — вдруг подал голос покалеченный сальгур. — Вы все равно не оставите меня в живых.

— Может, и оставим. Где ты нашему языку обучился?

— Раб из вашего города. — Сальгур скривился от боли.

— И где он сейчас?

— В башне.

Райль посмотрел на меня и усмехнулся.

— В конюшнях мы обнаружили лишь несколько боевых лошадей, — продолжил он. — Это значит, что все ваши конники просто ушли отсюда, а вас оставили в качестве прикрытия. Оставили вас умирать.

— Оставили умирать? — злобно прошипел сальгур. — Да вы ничего не знаете о нас, жалкие торгаши.

Насмешливое выражение лица Райля не изменилось ни капли, когда он, размахнувшись, пнул пленника по поломанной ноге. Там вновь что-то хрустнуло. Сальгур зарычал, как медведь в капкане.

— Куда отправилась твоя конница? — как ни в чем не бывало, спросил Райль.

— В Хазран, — сквозь зубы промычал пленник.

— Брешь, собака! — Лицо Райля посерело, и он вновь замахнулся ногой.

— Нет! Нет, я не вру. Им нет нужды уходить к основным силам. Там и без нас будет кому сразиться с вами.

— Что за дела, а, Фосто? Видишь, какие упрямыцы попадают? Совсем не цепляется за жизнь. — Райль вновь ударил сальгура по ноге. В то же место, что и в первый раз. Теперь в крике раненого послышались звонкие птичьи мотивы.

Я почесал бороду и поинтересовался у пленника:

— Ты хочешь сказать, что ваши правители столь самоуверенны, что не желают выставить против нас все свое войско?

— Вы-то еще не знаете, — сальгур выдавил из себя зловещую улыбку, — что не сможете победить. Мы не сможем выставить против вас все войско, потому что не хватит земли, чтобы уместить всех.

— Ты сейчас про могилы? Не волнуйся, ваши трупы пойдут на корм рыбам, — подал голос Райль Мельница.

— Я говорю про народы, что совсем недавно ступили на эту землю. И про народы, что придут после. И капля может расколоть камень, если будет падать на него непрерывно.

— Что за чушь он несет, Фосто?

— Он хочет сказать, что у них грандиозное пополнение.

— Ха, и Хольн прохлопал это? Не верю. Ублюдок хочет напугать нас. — Райль начал разминать кулаки.

— Ваши правители уже знают это, и вы скоро узнаете. Все то, что вы тут завоевали, — дымка над водой. Все возвратится назад. У нас нет другого пути.

— Все бегаєте от своих невидимых врагов? — Я пристально глядел в глаза сальгура. — А у нас есть простое объяснение на этот счет: вы бежите от собственной слабости, от собственной трусости. Глупыми сказками пытаетесь оправдать никчемность своего рода. Вы раздаете земли другим народам, надеетесь на их защиту, но им не нужны ваши подачки. Вас изгнали с Пансеги — изгонят и отсюда.

Сальгур тяжело вздохнул:

— Ты не видел их, наемник, и не поверишь мне, как бы красноречив я ни был. А я их видел, и нет зрелища страшнее. Они не ищут ни золота, ни рабов, а смерть для них — лишь развоплощение. Когда-нибудь они придут и сюда, только вам бежать уже будет некуда. Горы, моря, стены — не преграда для них.

— Так, — наморщил лоб Райль, — нужно найти другого толмача — этот совсем спятил. Давайте, на телегу его — и к принцессе. Живее!

— Чего же хотят те ужасные создания? — задал я последний вопрос сальгуру. — У всего есть какая-то причина.

— Если бы мы знали, то не искали бы сейчас спасения здесь. Может быть, боги прогневались на нас. Может, они решили уничтожить все человечество. В этом случае все, что здесь происходит, — пустая трата времени.

Я хотел издевательски улыбнуться, но отчего-то уголки губ остались неподвижны. Мне пришлось отвести взгляд.

Глава 32. Шкура неубитого медведя

Возможно, именно это чувствует человек, когда его душа оказывается на божественном судилище. Когда его дальнейшая судьба решается под строгими взглядами бессмертных и беспристрастных духов. Когда место обвинителя занимает сама Смерть, и тьма, исходящая из ее бездонных глазниц, страшит куда больше справедливого приговора.

Все собственное прошлое вмиг стирается из памяти, и человек не понимает, что делает здесь, почему это происходит именно с ним. Не понимает, чем он заслужил подобное. Поэтому ему остается лишь ползать по земле и трепетать, ибо в момент, когда Смерть заговорит, лучше зажать уши ладонями. Все равно ничего хорошего услышать не доведется.

С подобными мыслями смотрел я на то, что предстало передо мной в черном подземелье графа Вековой Вершины. Дороги, которые я когда-либо топтал, являли мне множество чудес. Я видел результат темных заклинаний; видел, напротив, свидетельства удивительных исцелений; лицезрел монстров, обитающих в песках, но подобных созданий я не встречал до этого дня.

Наверное, каждому рассказывали в детстве сказки о гномах и гоблинах, чудовищах и великанах. Ушлые путешественники, желая получить свою долю внимания и миску горячей похлебки, и вовсе пытались заверить своих слушателей в непререкаемой истинности собственных слов. В том, что далекие страны полны немыслимых чудес и опасностей, что где-то живут люди с львиными головами и хвостами вместо рук. Сейчас все эти истории я не мог вспоминать без смеха, и тем удивительнее факт, что не всякая сказка оказывается выдумкой. Великаны существуют.

Он стоял за железной решеткой с толстыми прутьями. Его могучие руки сковали цепи, торчащие из двух боковых стен, но мне все равно казалось, что этого недостаточно. Явственная угроза висела надо мной. Сжатые кулаки существа, каждый из которых был размером с мою голову, могли разбивать камни. Отчего-то я даже не сомневался в этом.

Это был человек. Точнее, он походил на человека формой, но не размерами. Он состоял из одних мускулов, а его рост действительно превышал рост медведя, вставшего на задние лапы, так что слова наложницы Боарики об оборотне витали в голове независимо от моего желания. Будто этого мало, кожа великана под факельным огнем выглядела омерзительно. Ее неестественный свинцовый цвет заставлял усомниться в том, что передо мной живое существо. Что внутри него есть хоть капля крови. Да и воняло от монстра знатно.

За ту минуту, пока я его рассматривал, великан не совершил ни одного заметного движения: его глаза были закрыты, выражение лица оставалось бесстрастным. Я не смог уловить даже его дыхания. Может, граф Балинт пошутил надо мной, и это всего лишь мастерски изготовленная статуя? Ответ на этот немой вопрос не заставил себя ждать: в тот момент, когда я вглядывался в лицо великана, пытаюсь определить, какому народу близка подобная внешность, резко громыхнула цепь. Великан шевельнул рукой. Я не был трусом, поэтому не вскрикнул, а просто дернулся назад.

Человекоподобное создание под три метра ростом нагоняло на меня жуть, и Балинт явно был доволен произведенным на меня впечатлением.

— Грозное создание, не правда ли?

— Что это? Что это такое? — Я пребывал в недоумении, если так можно назвать смесь страха и отвращения. Пытался сохранить ясность мысли, ибо в первые мгновения решил, что

все это иллюзия, колдовские чары, которыми окутал меня граф.

— Демон, упырь, слуга подземного бога — каждый народ придумывает ему свое название, — надменно произнес хозяин Вековой Вершины. — Ардаг — так его зовут северные племена. Воин-медведь.

Это было правдой. Все сказки салгуров были явью, суровой и страшной действительностью. Армия из подобных существ, напавшая на Пансегу, легко могла всколыхнуть все ее население и смять любые войска на своем пути. Из небольшого окошка в темнице вопль закованного в цепи монстра раздается на всю округу. Лишь крик, один их крик заставит человека потерять самообладание. Что уж говорить о силе.

Вряд ли граф Балинт объяснит мне происхождение демонов, раз это не могут сделать те, кто воюет с ними много лет. Однако причина, по которой этот монстр находится в подземелье парланского замка, интересовала меня гораздо сильнее. И этим граф поделится с удовольствием. Потому я и нахожусь здесь.

— Но что он делает тут? Разве не далеко за морем обитают эти твари?

— Не бойся, храбрый воин Кирран, пока они обитают исключительно там. Но мир не стоит на месте. Ты же не думаешь, что отпрыск логриандской шлюхи, коим является мой мятежный сын, приобрел такое влияние здесь просто так? Все это произошло за время моего отсутствия, и где бывал я — ты уже догадываешься.

Я с нескрываемым удивлением взглянул на графа.

— Я лично организовал экспедицию на Пансегу. Использовал все свои корабли, забил их товаром и вышел в море. Старый король не разделял моих стремлений наладить торговые связи с Севером. Боялся, что на нас обратят то же внимание, что салгуры — на вольные города. Но я, в общем-то, плевал на его мнение, так как не только торговля была в моих мыслях. Да, я жаждал узреть тех созданий, которых салгуры не могут упомянуть, не обмочившись. И не просто любопытство вело меня.

Мой отец сказал мне когда-то, что видит чужие мысли. Не всегда, но в момент, когда это происходит, человек перед ним предстает во всех мельчайших подробностях. Мой отец чувствует все то, что чувствует приближенный. Он сказал мне тогда, что чувствует во мне страх. Я был очень молод и действительно боялся. Но не отца, а самого себя, ибо я не только видел чужие мысли — я мог воздействовать на них.

Слова Балинта заставили меня занервничать. Я не мог знать, много ли в произнесенной речи правды, но о своей миссии в замке старался не думать. На самом деле сейчас это было довольно просто — впечатлений здесь и без того хватало. Сам того не желая, я то и дело бросал опасливый взгляд в сторону клетки.

— Колдовство? — поднял я брови, пытаюсь оживить беседу. — У моего господина тоже есть придворный маг. Предсказывает будущее по погоде и звериным потрохам.

Моих слов Балинт словно бы не слышал. Он продолжил свой рассказ:

— Всю свою силу я осознал тогда, когда не шелохнувшись и не произнеся ни слова заставил старую служанку шагнуть с галереи в пропасть. С отцом, правда, такая шутка не удалась. Я понял, что дар необходимо развивать, и перекопал все книги в библиотеке, но нашел мало чего ценного. Мне пришлось отправиться в Эллас-Амин, и там, после долгих поисков, я нашел драгоценные сведения. Там я понял, что мой дар — явление не просто незаурядное, а наиредчайшее. Я вдруг осознал, что именно таким даром обладал ваш святой император Хантал.

«Наиредчайшее, как же!» — подумалось мне.

— Знания, полученные в древнейших городах этого мира, я обратил в свое оружие. Как часто короли и императоры, князья и архиепископы чувствуют, что власть в их руках способна влиять не только на подчиненных, но и на всю историю, на все события вокруг? Я начал ощущать именно это, я чувствовал жажду великих дел. Но любые ступени к величию всегда даются с трудом, и чтобы высоко подняться, обязательно нужно сделать первый, самый непростой шаг. Мне не было и тридцати, когда все графство стало моим. Ни отец, ни младшие братья уже не мешали моей власти. Я мог спокойно изучать старинные рукописи, развивать свое мастерство, но в конце концов понял, что сидеть на месте нельзя. Я вновь отправился в путь, и дела графства должны были лечь на чьи-то плечи. Пришлось дать права одному из своих бастардов. Я точно знал, что он мой сын, но не думал, что он окажется таким же властолюбивым, как и я.

Вновь зазвенели цепи — великан как будто начал приходить в движение. Пока это были лишь движения рук, но Балинт не выказывал никакого беспокойства. В отличие от меня.

— Он не сможет вырваться отсюда? — осторожно поинтересовался я.

— Лишь по моему приказу. — Такой ответ мне не слишком-то понравился.

— Ваше благородие может управлять подобными ему?

— В этом и есть цель нашей беседы, славный воин Кирран. Я всем своим нутром чувствовал, что должен узреть лицом к лицу ту угрозу, что сметает целые царства на Пансеге. Я готовился к этому очень долго и наконец был готов. Прикрываясь торговлей, я смог добраться до двора одного из северных правителей и уже там поведал о своих планах. Я сказал, что хочу помочь им справиться с неведомым врагом. Меня подняли на смех, но демонстрация моих способностей изменила их мнение. Никто из них уже не смеялся, а тамошний правитель приложил все силы, чтоб помочь мне. Было непросто найти проводников на опустошенные земли, однако там я нашел то, что искал.

— Этих великанов?

— После больших нашествий демонические создания всегда оставляют мелкие отряды. Они исследуют каждый уголок, каждую пещеру, где могут скрываться выжившие. Среди них есть великаны, но большей частью это создания самого обыкновенного роста и даже меньше. Великаны — это ходячие крепости, которых непросто остановить даже кавалерийской атакой. Тем удивительнее, что именно волю великана я сломил быстрее всего. Его силу я использовал для победы над прочими. Ты можешь представить себе ликование пансегского князя, когда в ворота его города я ввел покорного и сломленного воина-медведя. Меня считали спасителем, последней надеждой их земли. И знаешь что? Они правы.

Мне стало не по себе. Мог ли я догадаться, во что вляпываюсь, идя на сделку с Лексо Уховерткой? Обстоятельства непрестанно меняются, вынуждая меня принимать решения, к которым я не готов. Граф Балинт не был простым безумцем — он был безумцем могущественным, способным подчинить своей воле любое мыслящее и немыслящее существо. Алабель оказалась права. Если я невредимым выберусь из подземелья, то любыми способами должен покинуть Вековую Вершину. Клетка с цепями — самое малое, что ожидает меня в противном случае.

— Теперь воин-медведь здесь, — продолжил свою историю граф Балинт. — Война в Парлании мешает моим планам. Я думал, что все разрешится гораздо быстрее, и, тем не менее, конец уже близок. Взгляни еще раз, благородный воин Кирран, на клетку и скажи своему господину о том, кто предлагает ему дружбу. Тот, в чьих руках скоро окажутся силы,

несоизмеримые с силой любого государства на этой земле.

Последние слова я слушал с разинутым ртом. С таким выражением и повернул голову к клетке. Глаза великана были открыты. Из-под их мутной пелены взирало на меня два бледно-серых круга без зрачков. Его кошмарный взгляд был бесстрастен, но я ощущал себя мухой, которую вот-вот размажут по стене. Ощущал, что именно этого желает демон. Только этого.

Великан со страшной силой рванул цепь. С потолка посыпалась каменная крошка, и задрожали прутья клетки. Я сделал три шага назад. Балинт даже не шелохнулся.

Монстр жаждал вырваться на волю: он дергался всем телом, каждая жила на его теле была напряжена. Цепь трещала, но пока не поддавалась. Я успел заметить еще одну необычную вещь: стражи Балинта, что скрывали свои лица за железными масками, напряглись и тоже попятились назад. У одного из них подрагивала рука.

— Думаю, этого представления было достаточно, — громко произнес хозяин Вековой Вершины и вплотную приблизился к решетке.

Великан явно считал иначе. Он продолжил неистовствовать, а из гортани его донеслись утробные звуки.

— Хм... — только и услышал я от Балинта. Он сосредоточенно осматривал своего гигантского слугу.

Я сделал еще один шаг назад и почувствовал, как наступаю на что-то мягкое. Обернувшись, увидел парнишку — помощника управляющего. Я наступил ему на ногу, но это самое малое, что его беспокоило. Факел в ослабших руках трепетал, словно флажок на замковой башне.

Балинт наконец отвлекся от созерцания плодов собственного могущества. Вид пробужденного монстра озадачил его, хоть он и пытался скрыть это за горделивым выражением лица.

— Ты не носишь амулетов, воин Кирран? — повернув лишь голову, вдруг поинтересовался граф Балинт.

— Нет, — тут же последовал мой ответ. Хоть амулетов я, в отличие от Алабели, не носил, но некоторые догадки по поводу беспокойного поведения великана у меня имелись. Озвучивать я их, конечно же, не решился.

В вопросе графа на секунду мне почудилось удивление. Балинт наверняка желал продемонстрировать полную покорность своего опасного питомца, но досадные недоразумения случаются даже с самыми подготовленными людьми. Особенно если эти люди сталкиваются на жизненном пути со мной.

Как бы то ни было, казалось, что граф Балинт удовлетворился полученным ответом и, не беспокоясь ни о чем, отошел от клетки.

— Пойдем, — махнул он рукой, — я покажу тебе оружие, что используют демоны.

На такое не грех и взглянуть, да и от демона я буду подальше. Правда, недостаточно далеко. Своеобразное хранилище артефактов с Пансеги располагалось здесь же, в подземелье. На широких столах лежали причудливого вида дубины, топоры и огромные палицы. Мой любопытный взгляд тут же выхватил из отступающей темноты висящую на стене медвежью шкуру. Клыкастая голова мертвого зверя явно служила шлемом для великана.

— Их неспроста зовут воинами-медведями, — пояснил граф Балинт. — Они полностью облачаются в медвежью шкуру — отсюда и легенды об оборотнях. Природную крепость этой

брони они усиливают толстыми пластинами. Чаще всего изнутри. Выпусти в них сотню стрел — они не нанесут демонам никакого вреда.

— А прочие воины — они тоже носят шкуры? Эдак медведей не напасешься.

— Их броня разнообразна. Объединяет ее только уродливость, так что ардаг является исключением и в этом плане. Посмотри на эту шипастую булаву, воин Кирран. Она столь тяжела и огромна, что легко раздавит лошадь вместе с рыцарем. Эта булава до некоторой степени полая, и ардаг надевает ее на руку, как перчатку. Это страшная сила, воин Кирран, и я видел ее вот этими самыми глазами. В действии.

Такому факту я не завидовал. Я не желал бы видеть ни демонов, ни их обмундирования, ни разрушений, что остаются за таинственным воинством. Граф Балинт либо лукавит, либо действительно сошел с ума, раз решил, что сможет управлять потусторонними созданиями. Лишь своим присутствием я вернул демону первобытную ярость. Как поведет себя демон, если перед ним не будет решетки? Ответ прост: он уничтожит всех, до кого дотянется. Может, Балинт и сильный колдун, но стоит ему подумать о прелестях Боарики, на миг потерять контроль, и щелчком пальцев великан прихлопнет его.

Мне хотелось как можно скорее покинуть это мрачное помещение. Хотелось покинуть и замок, но такое желание было выполнимо лишь при соблюдении некоторых условий. Главное из них — для Балинта мы должны оставаться послами Скалистого Края. Алабель сделала многое для срыва этой задачи. Я должен был все исправить. Ну, или хотя бы не сделать хуже.

— Благородный господин Балинт, — учтиво произнес я. — Если ваша задумка по поводу демонических созданий действительно так грандиозна, то не будем откладывать насущные дела. Сегодня я видел много. И понял много. Наши земли должны быть в союзе, и чем быстрее я озвучу ваше решение перед советом Трех Долин, тем быстрее все мятежные земли вновь перейдут под полный контроль благородного парланского лорда.

— Все решится скоро, воин Кирран. Мой ответ почти готов. Уже сегодня ты и Адриин Зоркая отправитесь назад. Разумеется, под моей охраной, ибо бандитов стало слишком много.

— Я их не боюсь.

— Многие мои слуги говорили так же. Неосмотрительность их и погубила.

— При всем уважении, господин, вряд ли ваши слуги владели теми же навыками, что и я.

— До тракта, славный воин Кирран. Мои люди проводят вас до тракта.

Я слегка склонил голову, выражая согласие с мнением графа. Действительно, не стоило сейчас спорить из-за подобной ерунды. Когда вокруг меня будут не стены, а деревья, ситуация резко поменяется в лучшую сторону. А слова, что я сейчас услышал, говорили о доверии графа к моей персоне.

Наверное, я слишком самоуверен. И это мое качество лишь усилилось после путешествия по Гелетии. Ведь о чем бы я ни думал, надежда на благополучный исход этой истории все еще теплилась в моем сердце.

Глава 33. Глаза и уши

Поддаться искушению и плыть по течению жизни — очень просто. Именно поэтому в моей голове сошлись в жестокой схватке сомнение и фатальность. Можно действовать, а можно довериться хозяину Вековой Вершины. Да только доверия ему не было никакого.

Я совершенно не понимал, как выйти из сложившейся ситуации. Проблемы накладывались друг на друга, как куриный помет в тесном сарайчике, так что разгрести все эти неприятности надо было как можно скорее. Любой мало-мальски возможный план побега наткнулся на препятствие и в виде прихвостней Балинта, и в виде приспешников его сына, шастающих по долине. Не будь последних так близко — я смог бы попросить графа показать мне окрестности. Причин для этого можно было придумать множество. Разумеется, личное присутствие графа на этом мероприятии исключалось — мое везение не бесконечно. Там были бы его помощники и охрана, но и мы с Алабелю на лошадях. Шанс улизнуть из замка иным способом более опасен, и полагаться при этом мы будем только на свои ноги.

Может, это всего лишь пустые тревоги? Но Алабель так не считала. Я очень надеялся, что меня отведут в первые покои, где должна находиться и моя спутница. Так и получилось — помощник управляющего довел меня до двери и тут же удалился.

Я почесал лоб, вздохнул и отворил дверь. Алабель сидела, свесив ноги, на деревянном сундуке и внимательно смотрела на долгожданного гостя.

— Сколько у нас времени? — был ее первый вопрос.

— Несколько часов, я думаю.

— Тогда надо решить, как выбираться отсюда.

— Как? Ну, это просто. Нам всего-то и нужны три вещи: веревка подлиннее, меч поострее, и чтобы все охранники разом ослепли. Жаль, что ни одно из этих условий не будет выполнено.

— Я понимаю это так: ты хочешь остаться в замке.

— За нами следят. Нам все еще не доверяют. Но, может быть, они только и ждут того, что мы пустимся во все тяжкие?

— Что же сказал тебе граф? Что все прекрасно, и скоро мы окажемся дома? Боюсь нарушать идиллию, но он врал. Врал он, врал Лексо, а сейчас мы обманываем сами себя.

Я водрузился на сундук рядом с Алабелю.

— Граф много чего говорил, — ответил я. — Но это не имеет никакого значения. Если он считает нас убийцами, то объясни мне, ради чего он явил моему взору своего удивительного пленника?

Я рассказал все, что видел в подземелье. Каждое слово графа Балинта осталось в моей памяти, словно божественное пророчество, высеченное на гранитной плите. Великан, его сумасшедший взгляд и великие планы Балинта — все удостоилось моих самых красочных и, главное, правдивых описаний. Если кто-то и сможет что-нибудь понять во всей этой истории, то только Алабель. Правда, ее лицо после моего рассказа выражало в равной степени и растерянность, и недоверие.

— Может, это был обычный человек? Здоровяков у Балинта полно.

Сомнения чародейки возмутили меня. Я вскочил и, активно жестикулируя, заявил:

— Конечно, полно. Если слепить пять-шесть самых сильных его воинов, то можно получить существо, сравнимое по размеру с этим чудовищем. Думаешь, Балинт меня чарами

окутал? Я все видел. Да на моих плечах пыль от кирпичей, которые дрожали под напором монстра!

— Не горячись, я только уточнила.

— Ты не доверяешь мне из-за Лексо, но мне уже начхать и на него, и на его награду. Я тоже жажду покинуть проклятый замок. Просто надо понять, для чего Балинт устроил мне это представление.

— Скука, — скривив губы, ответила Алабель. — Здесь ему чертовски скучно.

О таком я, признаться, не думал. Хозяин Вековой Вершины с самого начала казался мне весьма честолюбивым человеком, который не станет размениваться на мелкие пакости ради собственного развлечения. Теперь же я совершенно запутался. Все, что я увидел и услышал в подземелье, заставило меня усомниться в мудрости графа. Я же вследствие своего бездействия могу заплатить слишком высокую цену.

— Никто не спрашивал тебя про пропавшего стражника? — поинтересовался я спустя некоторое время.

— Они тут все не очень любопытные. Слуги боятся лишнее слово сказать.

— Тогда нам пора прогуляться.

Под словом «прогуляться» я имел в виду побег из этого проклятого места. Нельзя просто так покинуть крепость, окруженную высокими стенами, пропастью с трех сторон, но можно разведать обстановку и, при необходимости, положиться на магические способности Алабели. Легким движением руки она уже отправила в загробное царство одного стражника. Такой фокус мог получиться вновь.

Коридор был пуст. Впрочем, это я знал и так. Слабое потрескивание нескольких факелов, зажженных прислугой после рассвета, было единственным звуком, который я слышал. Алабель замерла на несколько секунд и кивком предложила двигаться дальше. Первая дверь, выведшая нас наружу, скрипела так, что мной овладела злость, хоть я и понимал, насколько это нелепо — злиться на дверь. К тому же нас все равно увидят — плащей-невидимок у нас нет. Важно в этом случае то, кто же нас увидит: безмолвные стражи, способные проявить как безразличие, так и агрессию, или же самые обычные слуги, что сразу доложат графу о наших подозрительных деяниях.

Над замком висели плотные облака, так что свет утреннего солнца то появлялся среди разрывов туч, то вновь исчезал, лишая это утро всякой красоты. Хотя даже самые теплые лучи небесного светила не смогли бы улучшить моего дрянного настроения.

Я старался выглядеть достойно — не было смысла красться вдоль стен, вжав голову в плечи. Алабель воровато оглядывалась, но и она старалась не представлять собой беглянку. Мы прошли по галерее, спускались по ступеням, но как бы мы ни хотели что-то поменять, наш путь неизбежно приводил нас к воротам. Причем к воротам внутренней стены. Вековая Вершина, как мне казалось, была излишне укреплена. Так что врагу, который удивительным образом смог бы осилить первую часть штурма, неизбежно пришлось бы повторять чудеса упорства и ловкости.

Ворота охраняли два стражника. Один из них повернул ко мне свое лицо, но я готов был поклясться, что он смотрел сквозь меня. Тупая безвольная скотина. Как человек может превратиться в подобное? Может, этот стражник был в прошлом поэтом, трубадуром или странствующим рыцарем, но встреча с тщеславным графом лишила его личности. Уж лучше смерть, если Алабель права по поводу необратимости этого заклятия.

Я опять увлекся не теми мыслями. Встряхнув головой, начал наблюдать за действиями

привратников. Они не хватались за мечи, не сверлили нас своим отталкивающим взглядом, однако мы прекрасно понимали, что все может измениться за долю секунды.

Укрепленная двустворчатая дверь не была заперта, но не была и распахнута. Сим делом предстояло заняться мне — не хотелось беспокоить стражников по такому пустяку.

— Не делай резких движений, — предупредил я Алабель. На всякий случай.

Медленно я начал тянуть одну часть двери на себя, не забывая поглядывать направо и налево. Стражники напоминали мне диких зверей, что, будучи сытыми, проявляют слабый интерес к человеку. Главное — быть предельно аккуратным и не пугать их каким бы то ни было образом.

Образовавшийся проем был достаточным для наших исхудавших тел. Эту часть замка мы преодолели с легкостью, но впереди нас ждали главные ворота с железной решеткой. Я, конечно, не был провидцем, но что-то мне сильно подсказывало, что скоро придется поработать кинжалом.

Не пришлось. За воротами нас встретил управляющий в сопровождении пяти воинов. Он нисколько не удивился нашему появлению во дворе Вековой Вершины. Передал какое-то поручение слуге и обратил свой взор в нашу сторону.

— Какое удивительное совпадение, — произнес он и обнажил в омерзительной улыбке свои зубы. — Я вот-вот должен был пригласить вас на встречу с господином. Он уже принял все необходимые решения.

— Славная новость, — сухо ответил я. Мое лицо было мрачнее всех туч, которые можно увидеть над замком. — Мы вот прогуляться решили.

— Этим совпадением надо воспользоваться. Ступайте за мной. — После этих слов управляющий миновал нас и подошел к деревянным воротам. Те тотчас же распахнулись. Привратники, что игнорировали нас, с полуслова понимали желания своих хозяев.

Мы с Алабелью переглянулись. Попытка побега провалилась, да еще так неожиданно, что я почувствовал себя крайне неудобно. Мне даже почудилось, что из каждого глаза безмолвных воинов за мной наблюдает граф Балинт. Наблюдает и заливается неудержимым смехом, потешаясь над таким кретином, как я. Алабель, скорее всего, испытывала похожие чувства. Она оглянулась на стражей, ожидающих нас, тяжело выдохнула и поковыляла вслед за управляющим.

Мы не соперники целому отряду воинов, поэтому вновь нам придется положиться на милость графа. Пока еще наши действия не выдавали в нас наемных убийц. Вроде бы.

Ощущать себя овцой, ведомой на заклание, очень неприятно, но мало-помалу в мою голову начали проникать и добрые мысли. Управляющий привел нас в зал, отличный от прошлого. Если первый прием проходил в отдаленном помещении, больше похожем на совещательную комнату, то этот зал был явно пиршественным. Высокие своды, узкие проемы окон высотой в два человеческих роста делали это помещение очень просторным и светлым, даже несмотря на хмурое утро. Другой важный момент заключался в том, что околдованные воины не преобладали здесь числом над слугами и советниками Балинта. Все походило на то, что граф действительно желает озвучить нам и всем своим подчиненным важные новости. Решение, которое изменит политическую ситуацию во всем графстве, а не только в одной из его частей.

Самого правителя замка пока еще не было. Худосочный управляющий тоже куда-то удалился, оставив нас под присмотром безмолвных стражей.

— Приятно ощущать себя важной персоной? — тихо спросила меня Алабель. — С нас

не сводят глаз, в нас тычут пальцами, а нам уже и невдомек, послы мы или пленники.

— Пусть смотрят хоть до окосения. У нас ведь тоже не осталось выбора. Нам тоже придется сейчас лишь ресницами хлопать.

— Это не слишком обнадеживает.

— Не слишком, но было бы хуже, если бы нас просто придушили в покоях. Я люблю, когда есть место для маневра.

Алабель хмыкнула, а я добавил:

— И, кстати, мне нередко приходилось чувствовать себя важной персоной. Я никогда не говорил тебе, но мною интересовались даже правители государств. Граф — это так, мелкая пташка.

Я не успел понять, поверила мне Алабель или нет, так как взор мой обратился к той самой «мелкой пташке», которая взмахом руки могла решить мою судьбу. В пиршественный зал, сопровождаемый двумя телохранителями в лицевых масках, вошел граф Балинт. За телохранителями уверенным шагом следовала Боарика. На ней уже не было тех соблазняющих одежд, что она носила прошлой ночью. Теперь ее наряд больше смахивал на охотничье одеяние Алабели. На поясе у пансегской наложницы висела сабля. Только наложницей ли была Боарика? Сейчас она походила на воительницу больше, чем Алабель, а в ее глазах не было ни смирения, ни робости.

Граф Балинт прошел мимо своего резного кресла. Он искоса посмотрел на нас, щелкнул пальцами, и практически в ту же секунду из-за большой коричневой портьеры позади него выскочил уродливый шут-калека, который удивил меня еще при первой встрече с графом.

Сердце мое почуяло что-то неладное, но разум пока еще сопротивлялся беспокойным мыслям. Рано делать какие-то выводы.

— Я хочу обратиться и к своим гостям, и к своим подданным. Хочу представить своего верного слугу, — громко заявил граф и указал на уродца. — Многие из вас думают, что это создание вам незнакомо. Многие находят сходство между ним и моим пропавшим советником Игносом. Последние правы.

Зловещая улыбка проскользнула по лицу графа. Теперь какие-то выводы делать поздно.

— Игнос был неплохим советником. Именно он предложил обратиться за помощью к разбойникам Скалистого Края. Жаль только, что эту идею подкинул ему мой сын. Поэтому советник сильно пострадал. У него нет глаза, нет уха и языка. Его кости поломаны. Я велел оскопить его. Подумывал о казни, а потом вдруг решил, что он еще послужит мне. Как видите, теперь он служит мне верой и правдой.

По моей спине пробежал холодок. Если я промолчу сейчас, то, возможно, шанса оправдаться мне уже не предоставят.

— Ваше благородие. — Мой голос был тверд, как никогда. — Я считаю, что не давал никаких поводов, чтобы вы сомневались в нас. Мы обсудили все на рассвете...

Взгляд Балинта мне не понравился. Все походило на то, что он готов был рассвирепеть.

— Когда я посчитаю нужным, я отвечу тебе, славный воин Кирран. А пока я обращаюсь к своим подданным: никто из вас не хочет поведать мне какую-нибудь тайну?

По залу прокатилась волна осторожного шепота. Слуги переглядывались и пожимали плечами. Балинт вдруг приблизился к одному из присутствующих и, чуть склонив голову набок, произнес:

— Подойди ближе, истопник Абель.

Абель, невысокий кряжистый мужчина в длинной тунике, задрожал всем телом.

Попытался что-то сказать, но губы совершенно его не слушались, он смог выдавить из себя лишь еле слышный стон. Вид его был чрезвычайно жалок. Истопник смог сделать несколько шагов, но не выдержал волнения и упал на колени.

— Я все знаю, Абель, — с наигранным сочувствием сказал Балинт и повернулся к Боарике. Та, словно кошка, приблизилась к обреченному слуге. Бесшумно извлекла кинжал и отточенными движениями нанесла несколько ударов в спину несчастного. Вероятно, смогла попасть в сердце, так как Абель за несколько секунд испустил дух и распластался по полу.

Подданные Балинта отреагировали на столь быструю казнь по-разному, но явно не были этому рады. Я с кислой миной ожидал, что граф продолжит чистку своих рядов, но вместо этого он объяснил суть происходящего:

— Шпионы моих врагов действовали здесь и раньше. Все вы это знаете. Но в последнее время их натиск на мои владения усилился. И догадаться, почему это случилось, очень легко: потому что скоро произойдет нападение бандитов из Скалистого Края. Мой сын наводнил окрестности своими соглядатаями. Они убили моего гонца, сорвали казнь у замка и, похоже, опьянели от безнаказанности. Сегодня ночью я поймал еще двух злодеев, и на этот раз от справедливого воздействия они не ушли. Более того — они мне рассказали все, что знали.

После этих слов граф Балинт удостоил внимания нас:

— Теперь, Адринн и Кирран, я хочу обратиться к вам. Оглянитесь, посмотрите на воина, что стоит у двери. Это Арад — первый, кого нанял мой сын, чтобы убить меня. Второму повезло меньше. Хотя, может, все ровно наоборот. Это не столь важно. Важно то, что мой сын — неудачник, который заигрался в интригана, а его люди — жалкие ничтожества. Вы же видели сейчас, к кому они обращаются за помощью.

— Господин Балинт, поймите...

Граф осек меня, подняв руку:

— Я знал сразу, что вы в сговоре с моим сыном, но я считал, что вы действительно прибыли из Скалистого Края. Николай очень хотел, чтобы его план удался. Как же: я доверяю защиту своих владений пиратам, а они вонзают кинжал в мою спину так же, как Боарика — Абелю. Не учел сын того, что я знаю, как добиваться правды. Советник Игнос вызвал у меня подозрения, и они подтвердились. С другой стороны, договор моего сына со Скалистым Краем — отличный повод помириться мне и моим взбунтовавшимся вассалам. Их земли под большой угрозой, так что они задумаются над таким предложением. Жаль только, что мои гонцы никак не доберутся до тракта, — их постоянно убивают.

Я сглотнул слюну. Безнадежней задания на мои плечи еще не ложилось. Нас подставили с самого начала.

— Я не знаю, на что рассчитывал мой сын, отправляя вас ко мне, но, скорее всего, он понимал, что я приму вас. Из любопытства, из желания узнать побольше о ваших силах. Чем черт не шутит, вдруг вам действительно удалось бы прикончить меня! Если бы не правда о вас, которую я узнал буквально час назад, вы бы покинули мой замок невредимыми. Я не просто так показал тебе чудовище с Пансеги, Кирран, или как там тебя. Я хотел, чтобы в Скалистом Крае знали, с кем решили бороться, и пересмотрели бы свои планы. Я ошибался.

— Значит, теперь невредимыми нам уйти не удастся? — спросил я, скрестив руки.

— Все так. Все так, славный воин Кирран.

Глава 34. Реликварий

— Кто же вы такие? — Граф наконец решил сесть в кресло. По правую руку от него встала Боарика. — Знаю, что чужестранцы. Но сколь чужды вы нам?

— Весьма. Славного воина зовут Фосто, — на моем лице отразилась натянутая улыбка.

— Алабель, — склонив голову, представилась чародейка. Она поняла мои намерения и решила подыграть.

— Я из вольных городов, а Алабель — мальдионка. Мы не от хорошей жизни ввязались в эту авантюру. В этой стране нас ограбили, нас пытались убить и морили голодом, так что предложение прийти в этот замок и уговорить ваше благородие принять войска разбойников показалось нам весьма выгодным. Я принимал участие во фристийских войнах, но я не наемный убийца.

— Мои сведения чуть-чуть иные... — Балинт уперся подбородком в кулак.

— Каждый любит приукрасить действительность для своей выгоды. В отношении нас люди вашего отпрыска делали это часто. Я, повторюсь, не наемный убийца, но настолько зол на своих нанимателей, что готов их убить. Безвозмездно.

Граф Балинт всплеснул руками:

— Великолепно! Вы так изворотливы, что гонитесь за кучей зайцев одновременно. Да только никого вы не поймаете, и пощады вы не дождетесь.

— Разве мы навредили вашему графству, вашей милости? — попытался я оправдаться. — Я передал проклятый свиток — это худшее, что я сотворил.

— Худшее? Худшее с вами сотворю я.

— Просто подумайте. Мы сможем друг другу помочь...

— Шкуры! — воскликнул граф, изменившись в лице. — Я живьем сдеру с вас шкуры! Трупы изувеченных врагов — это первое, что увидят пираты на моей земле.

— Что ж, — скривился я, — тогда мне придется умереть за что-то более существенное.

Я произнес это, и моя рука тут же нырнула за пазуху. Кинжал, что отдала мне Алабель, должен сослужить последнюю службу. Для этого следовало вернуть его первой владелице. Я подбросил кинжал Алабели, и она, ловко перехватив его в воздухе, провела свою блестящую атаку. Она метнула кинжал в ненавистного хозяина Вековой Вершины.

Я знал, сколь опасен этот ее прием, я видел его в действии. Ожидал, что он не только покончит с графом, но и вызовет замешательство в рядах его безмолвных слуг. Но я не принял во внимание одного элемента этого единственно возможного плана — Боарики. Она молниеносно отреагировала на наши действия. И действительно, словно молния, сверкнул ее клинок, словно отголосок грома — соприкосновение кинжала и сабли. Боарика отразила удар. Ох, как рассвирепеет сейчас граф Балинт!

Казалось, первые мгновения хозяин Вековой Вершины и не понял, что произошло. Потом я увидел, как напряглись его скулы и прищурились глаза. Он приподнялся над своим седалищем, и одновременно с этим нас обступили его воины, ощерившись копьями и мечами.

— Ваша храбрость заслуживает похвалы, — произнес граф Балинт. — Но моя похвала вам по душе не придется. Так и быть, ваши тела не пострадают, но ваш разум — его я заберу себе. Судя по поступкам, он нечасто вами использовался.

— Твои фокусы не пройдут со мной! — выкрикнул я.

Мой голос звучал уверенно, но давалось мне это непросто. Я подначивал графа, поскольку помнил о своих необычных способностях, о противодействии, которое я могу оказывать колдовству. Однако я не знал истинных сил Балинта. Я мог сам себя загнать в ловушку.

— Держите его! — приказал граф. Его воины схватили меня за руки так, что вырваться я не смог бы при всем желании. Их хватка была просто железной. Алабель тоже не осталась без внимания безмолвных стражей.

— Действительно, не следует разбрасываться столь ценным материалом, — произнес граф, приближаясь ко мне. — Боевые навыки останутся при тебе, Фосто-Кирран. Ты воспользуешься ими, когда будешь сражаться с моими врагами.

— Я тот, кто я есть! — крикнул я, тяжело дыша. — Таким и останусь до смерти.

— Можешь считать себя правым. Можешь назвать то, что сейчас произойдет, смертью.

Пальцы графа коснулись моего лба. Несколько секунд ничего не происходило. Внезапно я почувствовал звук, который распространялся по моей голове. Почувствовал не ушами. Неясный шум волнами накатывался на мое сознание, вытесняя все прочие звуки, усиливаясь с каждым мигмом. Мне стало дурно.

Туман в глазах. Я пытался сосредоточиться на своих мыслях, на воспоминаниях, коих полно в моей несчастной голове, но какая-то сила будто бы стирала их. День за днем, год за годом — все события моей жизни растворялись в ядовитом тумане, которым окутал мой разум граф. Его колдовство всесильно, и когда рассеялся туман, я увидел его. Увидел своего господина. Своего повелителя, приказы которого буду безукоризненно выполнять. Я хотел сказать ему о своей преданности, о своей готовности умереть по его приказу, но не мог. Я забыл, как разговаривать. Однако в этом не было ничего страшного — мой повелитель знал это и без слов. Он стоял передо мной и внимательно смотрел в мои глаза. В глаза своего верного раба.

Да, раба. Именно в него я превратился бы, если бы поддался магии графа Балинта. Но мой разум устоял. Всевозможные картины того, как Балинт подчиняет себе людей, пронеслись в моей голове чрезвычайно ярко и детально. Я уверен, что это происходит именно так. Это пугало меня больше, чем занесенный над головой топор палача.

Я смог остаться собой, но для спасения этого было мало. Теперь важно сделать так, чтобы Балинт поверил, будто я превратился в его послушного слугу. Оказалось, что сделать это крайне сложно.

Из моих уст не донеслось ни звука. Я пытался смотреть мимо стоящего подле меня графа. Смотреть в никуда равнодушным взглядом. Хозяин замка, в свою очередь, неотрывно на меня глазел. Теперь трудно предсказать, чем все могло закончиться, если бы граф увидел пустоту в моих глазах. Вместо этого я узнал, что произойдет в ином случае.

Сильнейший удар под дых — именно такой «подарок» я получил от хозяина Вековой Вершины. Тут уж было не до притворств.

— Ах ты, сволочь, — процедил я, сгорбившись. Попытка вздохнуть не увенчалась успехом — сила аристократического кулака превосходила мои опасения.

— Обыскать их! — Граф был раздражен. — Любая мелочь и безделушка — принесите мне все.

Исполнено сие приказание было быстро и качественно — мой полупустой кошель тут же нашли и срезали с пояса. Даже в момент, когда загробное царство вот-вот отворит передо мной свои двери, меня некоторым образом утешала мысль, что никакого золота Балинт у

меня не найдет. Так — серебро и небольшие безделушки. Алабель, наверное, жалела, что перед походом в Вековую Вершину не спрятала свой медальон. Расставание с ним всегда проходило у нее тяжело.

— Не трогайте меня, грязные твари! — кричала она.

Все наши невеликие ценности предъявили графу. Тот, вновь водрузившись на свое кресло, первым делом высыпал себе на руку содержимое моего кошелька. На пол посыпались монеты — их граф просто отшвырнул от себя. Деньги его не интересовали, но перед своим взором граф держал двумя пальцами мое кольцо. Его заинтересовал трофей, который я добыл у неудачливого бандита Фольмгама. Граф вертел кольцо перед собой, вглядываясь в синеву изящного камешка, заключенного в серебряную оболочку. То, что Балинт искал там, было ведомо лишь ему. Но его поиски, похоже, увенчались успехом.

— Вот оно! — воскликнул он. — Простое на вид кольцо таит в себе удивительную силу. Ты неплохо подготовился ко встрече со мной, Фосто-Кирран. Держа в руке эту безделушку, я чувствую, как... чувствую себя совершенно другим. Где ты его взял?

Я даже не знал, что ответить. Пораскинул мозгами и произнес:

— Люди виконта Николая дали его мне. У них еще предостаточно таких колец, но я могу показать их местоположение.

Мои слова вызвали у графа лишь усмешку. Он постучал кулаком по подлокотнику своего кресла, и перед своим хозяином тотчас же возник ужасный калека, бывший некогда советником. В руках несчастный держал маленькую шкатулку из черного камня. Граф вырвал шкатулку, оскалился в сторону своего слуги и, как ни в чем не бывало, сказал:

— У моего сына может быть хоть целая магическая мастерская, ему не потягаться со мной. Это моя стезя, и все прочие тут — первогодки в монастырской школе. Спрятанное в ониксе, кольцо уже не навредит мне.

Шкатулка с кольцом захлопнулась, и граф Балинт почувствовал себя увереннее. Наверняка он подумал о том, что можно вновь попытаться сломить мой разум. Но кое-что смогло ему помешать.

— Сможешь ли ты, Алабель, удивить меня так же, как твой друг? — сказал граф, получив в свои руки медальон чародейки.

Это был вообще-то шутливый вопрос, так что я никак не ожидал от хозяина замка той реакции, что последовала после быстрого осмотра медальона. Балинт выпучил глаза, скорчив гримасу то ли неопишуемого ужаса, то ли безграничного счастья. Точно одно — хозяин замка был просто поражен увиденным.

— Неужели я вижу его? Разве может все быть так? Нет, я изучил достаточно древних текстов, чтобы понять — это он. Глаза меня не обманывают.

Граф долго не мог оторвать глаз от своей добычи. Наконец взглянул на Алабель.

— Откуда у тебя это сокровище?

— Мама подарила.

— Мама? Тебе не следовало бы дерзить мне. Подумай над словами, если требуется, но не лги мне.

— Я бы и рада была подумать, — сделала Алабель виноватое лицо, — но медальон действительно достался мне от покойной матери. Она завещала мне хранить его, как зеницу ока.

Балинт потер руки, сжимая между ладонями столь важную вещичку. Ответом Алабели он не удовлетворился.

— Ты знаешь, что носишь на шее. Вернее, носила. Лишь радость от обладания этим сокровищем не дает прорваться моему гневу. Впрочем, это вас все равно не спасет.

— А мне может кто-нибудь объяснить, в чем прелесть этой безделушки? — не выдержал я. — Хоть перед смертью узнать, из-за чего на наши головы свалилось столько несчастий.

— Она не рассказала тебе? — недоверчиво взглянул на меня Балинт. — Или ты просто тянешь время, надеясь на чудо?

— Первое. Определенно, первое.

— Сколько обещал тебе мой сын за работу?

— Десять золотых, — не моргнув глазом, ответил я.

— То, что сейчас в моих руках, бесценно. Но для людей, подобных тебе, я бы смог придумать награду. За этот медальон, за камень, что в нем, я бы заплатил тебе три тысячи золотых. И это только потому, что сейчас у меня туго с деньгами. Твоя подруга носила на шее целое состояние, и она прекрасно это понимала.

Действительно занятная история. Мог ли ошибаться Балинт в оценке осведомленности Алабели? Вспоминая все происшедшее, уверен, что нет.

— За какой-то камешек столько монет?

— За камень Хантала, Фосто-Кирран. Слышал о таком?

Что-то начало всплывать из глубин памяти. Камень Хантала Святого. Камень Откровения. Мурашки пробежали по моей коже. Но такая реакция быстро сменилась сомнением, поскольку трудно поверить, что парланский аристократ может так легко узнать в красивой безделушке важнейшую реликвию нашего мира, потерянную к тому же сотни лет назад.

А если он прав? Тогда вся моя стройная система мира, в которой главенствующую роль занимает стремление людей к богатству, славе и разного рода удовольствиям, исходит трещинами и осыпается под удивительными поступками самых обычных божьих созданий. Нет, Алабель, конечно, не была созданием обычным. В ней полно недостатков, пороков и прочих замечательных качеств, но все это меркнет перед ее способностью влиять на тонкий мир. Когда-то я уже говорил ей, что с ее талантами она могла бы озолотиться давным-давно. Вместо этого Алабель промышляла мелким грабежом. Теперь же я узнаю, что на шее она носила камень Хантала, за который даже от небогатого графа из Парлании можно было получить значительную сумму. Да что там — я уверен, что император элласцев за такой подарок осыпал бы Алабель золотом и драгоценностями до конца жизни, ведь он вполне справедливо считает, что продолжает дело великих правителей Нардарии. Но Алабель отправилась черт знает куда с бедолагами из Дирейма.

Удивительна судьба древней реликвии — на этих землях она может проторчать еще тысячу лет. Я уже понимал, почему ей так радуется граф Балинт, и он не замедлил подтвердить мои догадки.

— Это должно было случиться, — воодушевленно проговорил граф. — К этому все и шло. Я верю в судьбу, и то, что она мне преподносит, подтверждает ее благосклонность. Разве нет? Разве велика вероятность, что подосланные ко мне убийцы будут иметь при себе важнейший атрибут власти первых императоров? Это удивительный, немыслимый, наилучший из подарков, который я мог получить. И я получил его.

— Так, может, отпустите нас в честь этого?

— Заткнись! — прокричал Балинт, пытаясь испепелить меня одним своим взглядом.

Что ж, я должен был попытаться.

— Ты очень безрассуден, — продолжил граф. — Впрочем, это подтверждает, что ты из вольных городов. Но это никак не поможет тебе уйти от возмездия.

— А что поможет?

Балинт вздохнул и потер лоб.

— Такие, как ты, — зола под ногами великих. Вас много, но вся ваша жизнь проносится едва различимой пылью перед людьми, подобными мне. Все ваши желания и чувства смехотворны, от них скоро не останется даже следа. Я же свой след оставлю, да такой, что ни один из последующих правителей не заметет его. Я уже говорил тебе, что ключом к моему возвышению станут демоны с Пансеги. Теперь, помимо силы, у моей грядущей власти появились и законные основания. Их дал мне камень, что хранила твоя подруга. Нашей земле давно пора стать единым целым. Это дело начал Хантал. Это дело продолжили его потомки. А завершу все это я. Я освобожу Пансегу от демонов и приведу их полчища сюда. Ни одна сила не остановит меня тогда.

Слушая подобные откровения, я хотел поинтересоваться у графа о его душевном здоровье. Опасаться неминуемого гнева было поздно, так что я все-таки задал ему вопрос. Замаскированный под простое любопытство, он все же имел при себе вполне отчетливый глубинный смысл.

— В пределах этой маленькой долины друзей у тебя меньше, чем врагов, великий граф. О какой новой империи, о каких демонах ты рассуждаешь сейчас? Вражеское войско почти у стен твоей крепости. Как колдовство спасет тебя в этом случае?

Балинт не разгневался, лишь улыбнулся недобро.

— Так же, как я привел к власти в Парлании свою марионетку. Это под моими чарами король завещал страну советнику, да и время исполнения завещания приблизил я. Мои планы не безумны. Отнюдь.

— А война, что вспыхнула здесь, — это тоже твои планы?

— Война вспыхнула бы в любом случае. Наш «мудрейший и справедливейший» не оставил потомства, а желающих поживиться на этом несчастье хоть отбавляй. Соседние страны и пираты спят и видят, как бы разорвать нас на куски. Гелетия тут один из самых амбициозных участников. Что же может быть проще, чем обмануть ее и воспользоваться ее силами для решения собственных проблем, — ведь она считает новую власть чуть ли не своим вассалом. Пусть считает. Скоро воздастся всем.

По моему мнению, сказанное графом никак не смутило собравшихся гостей. Конечно, многие из них могут не знать имперского языка, но очевидно, что страх перед графом был сильнее любви к покойному королю. Так мне казалось.

Балинт очень хотел, чтобы мы боялись, чтобы молили о пощаде, но в глубине души я уже понимал — это ничего не изменит. Росток надежды, появившийся после поразительной находки графа, был растоптан его непреклонностью. Такой человек милосердием разбрасываться не будет. Так что судьба, что свела его с камнем Хантала, ко мне и Алабели была равнодушна.

Глава 35. Звенья одной цепи

Не так часто я видел на лице Алабели то, что называется страхом. Во время боя даже с превосходящими силами врага она всегда удивляла меня своим хладнокровием, своей храбростью. Любой из присутствующих в зале мужчин был сильнее нее физически, но любому она могла дать достойный отпор, так что предрассудки насчет дев-воительниц давным-давно покинули меня, о чем я, естественно, не жалею. Цены бы не было Алабели, будь она не такой безрассудной, но все это следствие ее боевых и колдовских навыков. Я и сам таким был — излишне самоуверенным, однако непредсказуемость и хаос войны меня отрезвили. Правда, далеко не в первых битвах.

Сейчас Алабель выглядела крайне подавленной. Что это было — страх смерти, потеря медальона, — я не знал, но такой я еще не видел ее. Даже там, в Гелетии, в то время как я вез ее на деревенский суд, она выглядела иначе. Она была напугана и обездвижена, но это не сделало ее взгляд менее гордым и лукавым. Здесь что-то другое: может, усталость. Усталость от того, что мы постоянно ходим по лезвию ножа, и, похоже, сейчас пришло время сильно порезаться.

Граф Балинт, окрыленный успешным раскрытием очередного заговора, поведал нам свою душещипательную историю, так что теперь осталось ему совершить лишь одно мероприятие — расправиться с нами. Хотя я не исключал, что он может вновь попытаться сотворить из нас своих слуг. Надеялся, что в этом случае первой своей жертвой он сделает Алабель. Кому, как не чародейке, тягаться с заклятиями Балинта. Меня в противостоянии с ними уже вряд ли ждет что-то хорошее.

Мои догадки не подтвердились. Что-что, а удивлять граф умел.

— Ты помнишь, где находилось подземелье с демоном, Фосто из вольных городов? Тебе наверняка казалось, что где-то в глубине скалы, однако это не так. Крепость имеет уступчатую форму, а этот зал довольно близок к внешней стене.

Я ничего не помнил. Спускаясь в подземелье, я пытался не свернуть себе шею на скользких ступенях, а поднимаясь обратно, не мог выкинуть из головы образ скованного цепями демона. Мне не было дела до того, сколь глубоко подземелье.

— Демон здесь, — вдруг произнес граф. — Он совсем рядом. Поднять перекрытие!

Несколько стражников метнулись в левый угол помещения, располагавшийся за графским сидением. Только сейчас я увидел, что из-за тяжелой занавеси торчат какие-то цепи и крюки. Плотная ткань скрывала за собой настоящий подъемный механизм.

Люди Балинта действовали быстро и удивительно слаженно. Они сдвинули с деревянного настила тяжелый комод, ввинтили в пол два хитроумных болта с толстыми коваными петлями и прикрепили к петлям крюки. Деревянная конструкция была не просто полом — это люк, своеобразная дверь, открывающая проход в подземелье. Или доступ к тому, кто в этом подземелье томился.

Зазвенели натянутые цепи, когда несколько стражников начали крутить железный ворот, закрепленный в стене. Массивная крышка люка длиной в четыре метра закрхтела и приподнялась, обнажая темный проем. Если глаза меня не обманывали, не было там ни ступеней, ни вертикальных лестниц. Яма. Черная яма, ведущая в пасть к монстру.

— Он там, внизу, — словно прочитав мои мысли, сказал граф. — Все чувствует и слышит, хоть чувства эти и непонятны нам. Все человеческое в нем — это то, что ощущаю я.

А я сейчас жажду мести. Когда-то давно правители Парлании частенько забавлялись, устраивая бои на маленьких аренах. Бои между человеком и диким зверьем: медведем, вепрем, сворой волков. Один нож или копье против кучи клыков и когтей. Победа человека считалась оправданием всех его преступлений. Правда, чем тяжелее преступление, тем жестче условия боя. Иногда человек бился голыми руками, то есть, попросту говоря, становился кормом для своего противника. Как вы понимаете, не просто так я велел перестроить этот зал. Во-первых, это лучше, чем разрушать своды подземелья, а во-вторых, этим можно повергать неугодных в ужас.

Я понимал, о чем речь, для этого не надо быть ясновидцем. Я попытался сохранить присутствие духа и громко произнес:

— Это не арена — в клетке почти нет места.

— Твое преступление подобает такому раскладу. Я поспешил убить Абеля, о чем даже жалею сейчас, но он все равно послужит мне еще. Я знаю, как сорвать с твоей морды горделивый вид.

Мое сердце забилося сильнее — «горделивый вид», как окрестил его граф, сползал с лица уже от этих слов. Мой враг указал пальцем на труп истопника.

— Скиньте тело! — Балинт не сводил с меня взгляда.

Его стражники подтащили мертвеца к яме и бросили его вниз.

— Ослабьте цепи! — Их размеренный грохот тут же разнесся по залу.

— Он смотрит на то, что лишь с натяжкой можно назвать добычей, но ничего не делает, — мерзко улыбнулся граф. — Он ничего бы не сделал, даже если бы я не контролировал его: трупы ему неинтересны даже в качестве пищи. Он не нуждается в пище.

В помещении повисла тягостная тишина. Я глядел на яму, в которой притаилось чудовище, и каждый удар сердца эхом отдавался в моей голове. Абелю повезло, что он мертв.

Балинт с благоговением посмотрел на медальон Алабели и положил его в карман. Поднял ладони к груди.

— Один хлопок, мои любезные гости, и демон покажет, сколь покорен мне. До того момента он не совершит даже малейшего движения, будет истуканом, камнем, но не слушается меня, ибо я — его разум. Я — его предводитель. Незримая нить связывает меня с ним даже тогда, когда я сплю, — взгляд графа вдруг потупился, — и сны иногда являют мне удивительные картины.

Задумчивость на лице хозяина замка вновь сменилась холодной усмешкой, в которой отражалось все его высокомерие и упрямство. Он хлопнул в ладоши и окинул взором зал.

Раздался жуткий рев — демон пробудился. Подданные Балинта заверещали и подались в сторону, будто первый раз узрели это представление. Хотя что и говорить — привыкнуть к такому непросто. В любом случае безмолвные стражи не выпустят отсюда никого без приказа своего хозяина.

Демон исполнил то, чего желал Балинт. Ужасный влажный треск оскверняемой плоти и явственный хруст костей, следующий за этим. Там, в глубине клетки, потустороннее создание разорвало на части тело мертвого истопника. Этих частей мы не увидели, но кровь, лишившаяся естественного пристанища, выплеснулась наверх. Она забрызгала стены зала, пол и даже башмаки некоторых воинов. Криков демона, подобных ночным, я не услышал.

Балинт произвел на меня впечатление. В который раз. Но еще большее впечатление произвели на меня его следующие слова.

— Зрелище довольно скучное без криков жертвы. Я прав? — Слуги Балинта застыли в немом оцепенении, а ведь обращался он именно к ним.

— Я прав?! — брызгая слюной, вновь спросил Балинт. Теперь ему робко кивали в ответ и почти шепотом говорили «да».

— Что ты задумал, граф? — Мой глаз задергался.

— Ничего такого, к чему бы ты не был готов.

Что ему сказать? Как еще заинтересовать этого поганого самовлюбленного выродка? Алабель молчит, будто потерялась в собственных тяжелых мыслях. Разве я смогу разгрести все это дерьмо в одиночку?

— Я не связан с твоим сыном ничем, кроме нескольких золотых. Я могу отправить твоё послание лордам графства, могу предоставить ложные сведения виконту. Проклятие! Моя смерть — лишь услада для твоих глаз. Настоящий правитель должен думать о выгоде в любой ситуации, даже если говорит с врагом.

— Хе-хе, да — услада. Видишь ли, я уже получил от вас больше, чем рассчитывал. Неизмеримо больше. Глупо надеяться на что-то еще.

Да уж, надеяться глупо. И мне, и Балинту. Окрыленные верой в собственную удачу, люди часто совершают ошибки, надеясь, что и в этот раз все обойдется. Может, именно это произошло в тот момент, когда я не внял доводам Энрико и отказался принять помощь от рыцаря Кристофа. Тогда я посчитал, что мое решение — самое правильное, а в случае новых проблем я легко смогу разобраться с ними собственными силами. Этих сил оказалось недостаточно.

Я прошел долгий путь, выкручивался из разных передряг. Надо мной висела тень плахи и виселицы, в моих глазах отражался свет ведьмовского костра, на котором меня хотели поджарить, а уж сколько вражеских клинков проносилось над моей головой — не счесть. Но всему приходит конец. Да какой! Никогда бы не подумал, что меня может убить создание из удивительных сальгурских сказок.

— Я приговариваю тебя к смерти, Фосто из вольных городов. Мне не жаль потерять такого слугу — гораздо важнее услышать твой визг, когда демон будет отрывать тебе руки и ноги. Если это утешит тебя — твою подружку такая участь не ждет. Она куда ценнее тебя.

Я бы не сказал, что меня это утешило. Я осознал собственную беспомощность, когда безмолвные стражи потащили меня вперед, к зияющему отверстию в полу. Я стиснул зубы от усилий, но упираться было бессмысленно — если бы потребовалось, воины Балинта просто швырнули меня в яму из центра зала.

— Не так все должно быть, — вдруг произнесла Алабель упавшим голосом.

Балинт, насупившись, резко повернул голову к девице.

— А как? — сердито спросил он.

— Мой медальон... — Алабель взглянула на графа, но больше ничего толкового не произнесла.

Медальон. Она переживает за злосчастный камень, когда меня ждет потеря куда серьезнее. Алабель напомнила мне Энрико, потерявшего свои ковры, и это просто взорвало во мне бурю негодования. Сейчас мне не было дела ни до древних реликвий, ни до золотых гор. Я думал о своих шансах в рукопашной схватке с монстром. Правда, то, что я о них задумывался в решающую минуту, не значило, что они у меня есть.

— Ложь, что демон тебе подчиняется! — Мой злобный взгляд был направлен на Балинта. — Он — дикое животное, сидящее на цепи!

— Может, и моя стража лишь делает вид? — презрительно усмехнулся хозяин замка. — Демон полностью в моей власти.

— Ты лжешь! Обычная похвальба, и ничего больше! — закричал я. — Мои глаза видели, как демон вел себя в подземелье!

— То было твоё колечко...

— Вновь ложь! Это жалкие фокусы, которыми ты кормишь своих слуг. Не будь у демона цепей — он бы разорвал и тебя. О, я бы посмотрел, как с его помощью ты стал бы биться с пиратами. Ты управлял бы им, да — сидя на донжоне. Ты боишься его так же, как боятся все вокруг!

Первым взмахом руки Балинт остановил воинов, что тащили меня. Вторым — приказал вернуть пленника на прежнее место.

— Ты бы хотел в это верить. — Графа ничуть не смутили мои упреки. — Твоя последняя надежда состоит в этом — природная хитрость дает о себе знать. Ты хочешь, чтобы я освободил демона и он устроил здесь настоящий переполох. Но все не так будет, в глубине своей трусливой душонки ты понимаешь это. Ты понимаешь, что я не смог бы доставить сюда это создание без его полного подчинения мне.

Я не знал, куда направить растерянный взгляд, и не знал, что ответить графу на эти слова. Впрочем, ничего отвечать не пришлось. Все, что нужно, уже было сказано, а все, что ждет меня впереди, — уже неизбежно.

— Если таково твоё предсмертное желание, то пусть будет так. Демон сам явится за тобой. Балинт вскинул руки и, закрыв глаза, прокричал:

— Ардагар хаэсей! Освободите опустошителя Пансеги! Освободите и дайте ему оружие.

Из подземелья доносились скрежет и постукивание — слуги графа исполняли приказ, снимая огромные кандалы с рук и ног демонического создания. Создания, которое не совершило ни малейшего движения без команды своего повелителя.

Час истины пробил в ту минуту, когда все звуки внизу стихли. Приказ выполнен. Бешеная тревога сдавливала виски, и взгляд — я не мог заставить себя смотреть куда-то помимо отверстия в полу. Глупо говорить, что жизнь меня к такому не готовила, жизнь изначально готовит нас к смерти, и у всех она своя. Все, чего мне жаль, — что я не могу скрестить с противником клинки, не могу достойно встретить последний удар. Меня швырнут под ноги бездушному великану, и он раздавит меня под зловещий хохот хозяина замка.

Я с малых лет учился контролировать свой страх. Я научился сдерживать дрожь, не боялся крови и мог изображать на лице безразличие даже в самые отчаянные минуты, но полностью избавиться от страха могут лишь единицы. Или, как в случае с немymi стражниками, заменить его на безмерный идиотизм. Страх — супруг боли, преданный и неотступный, поэтому рано или поздно, но он все равно начнет отравлять разум. Сейчас этому процессу ничто не мешало, поскольку я не видел путей спасения.

— Предстань передо мной.

Пальцы могучей руки зацепились за край ямы. Следующей на белый свет явилась огромная булава, выглядящая как кусок камня, обтесанный кое-как. Оружие было продолжением руки монстра, как и утверждал Балинт. Оно годилось и для защиты, и для нападения. Монстр подтянулся вверх с такой легкостью, словно его тело было соткано из воздуха. То, что он не был облачен в медвежью шкуру, не делало его менее страшным. Даже наоборот.

Присутствующие в зале слуги завопили от страха. Люди, что стояли слишком близко к яме, резко подались назад и опрокидывали других. Их возня лишь развеселила Балинта.

Алабель — она с трепетом взирала на открывшееся ее глазам зрелище. Не верила своим глазам. Даже я испытывал подобное чувство. Я жаждал представить все это как ночной кошмар, как удивительное видение, посетившее меня в объятиях наложниц, но самообман не спасет от смерти.

Шаг, другой. Потустороннее создание поравнялось с графом, но в каждом своем движении, каждом напряжении мускулов оно не сводило с меня своего взгляда. Безжизненного взгляда, от которого леденеет сердце. Сила, которой ничего не противопоставит обычный человек. При всех своих габаритах великан был на удивление ловок и быстр. Будь у меня рогатина, я не продержался бы против этой твари и десяти секунд, но ни оружия, ни времени я не имел.

Балинт был доволен моим отчаянием. Он словно питался чужими эмоциями, и чем сильнее они были, тем слаще была его незримая пища. Но он не мог тянуть это представление долго — чего доброго, приговоренный к смерти потеряет сознание от страха, да и половина подданных может заработать сердечный приступ. В ожидании и пустой болтовне больше нет смысла.

Балинт коснулся кончика своей бороды.

— Шаг, — негромко произнес он.

Демон сделал один шаг в мою сторону. Он уже мог дотянуться до меня своим огромным оружием.

— Шаг.

Мертвенно-серая громадина нависла надо мной. В зале воцарилась зловещая тишина.

Воины Балинта, державшие меня, уловили мысленный приказ и отпустили пленника. Отпустили, швырнув на пол. Отступили прочь.

Ладонями я ощущал холод камня и думал о том, что моя кровь сейчас будет столь же холодной.

Я закрыл глаза. Даже дыхание давалось мне с трудом, но так или иначе я сумел перебороть себя. Сжал губы и напряг скулы, чтобы не выдать охватившего меня ужаса стуком зубов. Нет, не так должен встретить смерть Фосто, сын Конрада. Я поднял голову и взглянул на своего палача. Он напомнил мне статую, которую обычно ставят в центре города, но даже у статуи куда больше человеческого, чем у этого создания. Я почти не сомневался, что оно явилось из преисподней.

Я поднялся на ноги. Оглянулся назад — стена из копий, алебард и мечей. Поглядел на демона, усмехнулся. Ровный спокойный вздох. Всему когда-нибудь приходит конец.

Демон издал низкий гортанный звук и взмахнул своей чудовищной булавой. По лицу пробежал холодок от потревоженного воздуха — последнее ощущение перед смертельным ударом.

Замах был широким и очень быстрым. Но так же резко, как дернулась рука демона, развернулось его туловище. Шипастая булава с оглушительным треском впечатала графа Балинта в пол. По залу разлетелись куски его кресла, заляпанные кровью.

Демон завыл, но вой тут же превратился в рык. Воины Балинта бросились на монстра, как по команде, хотя уже некому было командовать ими.

Едва осознав все, что случилось, я отскочил в сторону. Демон, защитившись булавой от нескольких метательных копий, обрушил удары на своих противников. В том месте, где

только что стоял я, теперь лежало раздавленное тело безымянного воина. Я подбежал к Алабели. Она стояла, уже не удерживаемая никем. Ее глаза были закрыты, а губы шевелились, рождая на свет одной ей ведомые заклятия. Теперь стало понятно, почему Балинта постигла неудача. Он был так сосредоточен на мне, что не обратил ни капли внимания на девицу. Именно она решила его судьбу. Именно она разорвала невидимую сеть, которую Балинт набросил на своего самого могучего слугу.

Зал, называемый пиршественным, превратился в кровавую арену. Перепуганная прислуга — старики, женщины, мальчишки — бросилась к выходу, но убежать удалось не всем. Демон сражался с воинами, лишенными страха, однако каждый его яростный удар обрывал чью-то жизнь. И это не обязательно была жизнь безмолвного стража. У тех, кто замешкался, споткнулся или застыл от ужаса, не оставалось ни единого шанса на спасение.

Алабель будто бы не слышала рева, грохота и криков, царящих вокруг. Она продолжала что-то шептать и скребла пальцами по груди, на которой полчаса назад висел бесценный амулет. Я подскочил к чародейке и встряхнул ее за плечи. Она охнула и открыла свои очи.

— Уносим ноги, Алабель!

— Вы! — Я отчетливо услышал голос за спиной, обращенный к нам.

Боарика. Она сидела на коленях и дрожащей рукой касалась останков графа Балинта. Ее лицо, ошеломленное внезапной потерей, перекошилось от гнева. В глазах, наполненных слезами, блеснула жажда мести.

— Убейте их! — вскричала она не своим голосом.

Приказ был адресован двум стражникам в масках. Они не бросились на великана, как прочие, потому что не были безмозглыми порождениями темного колдовства. Они подчинялись пансегской наложнице, хотя я уже понимал ее истинный статус. Боарика не просто услаждала графа по ночам — она была его правой рукой. Рукой, ласкающей покровителя и карающей его врагов. Смерть Балинта лишила ее всего.

Я испытывал противоположные чувства. Неожиданное спасение наполнило меня новыми силами — теперь я готов биться за каждую каплю своей крови. Враги дорого заплатят за минуты отчаяния.

Я поднял меч одного из убитых стражей, что распластался подле моих ног. В это самое время демон обрушил на своих противников столь страшный удар, что все помещение дрогнуло. Я подумал, что сейчас появится еще один вход в подземелье.

Демон действительно обладал немислимой силой. Его булава застряла в камне, чем немедленно воспользовался один из воинов. В брюхо демона вонзилось короткое копьё. Слишком короткое, чтобы навредить этой твари. Взмахом свободной руки демон отправил стража в последний полет — зазвенели слюдяные стекла одного из оконных проемов. Копье монстр тут же вырвал и отбросил прочь. Битва продолжалась.

То самое копьё полетело в мою сторону. Я ловким движением руки поймал его и перекинул Алабели. Весьма вовремя, поскольку воины в лицевых масках напали именно на нее.

Меня вниманием одарила Боарика. Правда, совсем не тем, что в прошедшую ночь. Теперь она хотела меня прикончить.

Ее широкие взмахи саблей были предсказуемы лишь поначалу. Их я отразил с легкостью, но ничуть не расслабился — чужестранка всего лишь давала выход своей злости. Я хотел воспользоваться этими мгновениями слепых атак, чтобы нанести противнице неожиданный укол, но потерпел неудачу. Она изящным движением уклонилась от

смертельного удара и одновременно с этим чуть изменила направление своего клинка. Сталь взлетела вверх в тот момент, когда я ожидал ее на уровне туловища.

Голову пронзила жгучая боль. На секунду, лишь на секунду мне показалось, что Боарика снесла кусок моего черепа, но этого хватило для того, чтобы я замешкался и предоставил раскосой девице возможности для новых маневров.

Глубокое рассечение до самой кости красовалось теперь на верхней части моего лба. Чертова воительница чуть не сняла с меня скальп.

Алабель едва ли чувствовала себя лучше, чем я. Один из ее противников был вооружен мечом, а другой — облегченной алебардой. Копье в руке чародейки исключало возможность полноценной защиты, а искать что-то стоящее было смерти подобно. Оставалось проявлять чудеса ловкости, изворотливости и сосредоточенности. Если бы хоть одно незначительное движение ее противников было упущено из виду, то любой шанс на победу растворился бы в крови Алабели.

Воин с алебардой прыгнул, выставив вперед острие своего оружия. Одновременно с этим второй нанес рубящий удар сверху вниз. В подобной отчаянной ситуации даже тяжеловооруженный боец был бы уязвим. Алабель, однако, совершила невозможное: она сделала шаг назад, точечным выпадом скрестила свое копье с мечом врага и направила его оружие в другую сторону. Описав в воздухе полукруг, меч ударился о древко алебарды и прижал ее к полу. Чародейка тут же нанесла очередной удар — ее копье, словно снаряд из метательного скорпиона, вылетело вперед и звякнуло по железной маске воина. Та слетела с его головы. На Алабель взирало очень недовольное лицо с миндалевидным разрезом глаз и тонкими губами. Еще один вояка с Пансеги. Он что-то прошипел и вновь атаковал.

Я никак не мог помочь Алабели. Пять, десять, двадцать ударов — я потерял счет соприкосновениям моего меча с саблей Боарики. Кровь заливала мой левый глаз, но я все равно не упускал ни одной возможности контратаковать. Судьба, в лице одной способной чародейки, дала мне шанс выжить, так что воспользуюсь им как следует.

— Его больше нет! — отразив очередной удар, насмешливо прокричал я. — Спаситель твоего народа превратился в кучу дерьма!

Может, зря я ее разозлил: мне показалось, что атаки воительницы стали быстрее, но не утратили ни точности, ни силы. Не знаю, чем все это могло кончиться, но в этот самый момент битва великана и безмолвных стражей пересеклась с площадкой, где бился я. На великана сзади запрыгнул какой-то особо ловкий воин и принялся колоть его небольшим кинжалом. Монстр ревел и крутился вокруг своей оси.

Боарика почувствовала опасность. Она оглянулась и отскочила от меня. Тут же пригнулась, и шипастая булава рассекла воздух над ее головой. Я сам еле успел отпрыгнуть. Воительница с Пансеги, однако, времени даром не теряла — она сделала кувырок и резанула монстра по голой руке. Тот зарычал и ударил ее ногой. На этот раз увернуться она не смогла — отлетела в сторону и свалила с ног Алабель.

Демон наконец сумел подцепить рукой неприятеля на своей спине. Могучими пальцами он обхватил голову воина и принялся орудовать его телом, как кнудом. Не будь на воине кольчужного капюшона, голова его давно бы оторвалась. Демон нанес удар в мою сторону, но я был в недосягаемости. Тогда он переключил свое внимание на воинов с Пансеги. Тот, что лишился маски, в полной мере оценил происходящее над головой и сумел увернуться. Вторым был менее удачлив. Все, что он успел сделать, — это выставить алебарду и закричать от ужаса, но оружие не могло тут помочь, а крик... он тут же оборвался.

Сбитая с ног Алабель встряхнула головой и увидела перед собой Боарику, что пыталась встать, стоная и кривясь от боли. Но ее сабля — она лежала прямо перед чародейкой. Алабель швырнула за спину копьё и взяла оружие более удобное. К тому же теперь у воительницы с Пансеги не было возможности защититься.

— Как тебе такой расклад? — Алабель обнажила зубы в ехидной улыбке.

Вместо ответа Боарика извлекла из ремня на спине два кривых кинжала с широким лезвием. Улыбнулась столь же дико.

Алабель не ожидала, что ее противница окажет яростное сопротивление, но первая же атака выявила серьезную проблему — кинжалы были чертовски быстры. Боарика то блокировала, то парировала удары, и миг, когда одна сталь с искрами и звоном билась о другую, она использовала для молниеносной контратаки. Боарика не могла нанести сильного удара, но ее кинжалу это и не требовалось. Кровоточащие порезы — вот что получала Алабель после каждого своего замаха.

В свободном бою, где действия не ограничивают ни время, ни изменчивые обстоятельства, можно было дать противнику ослабнуть от кровопотери и после добить его, но здесь все было иначе. Боарика хотела закончить бой как можно быстрее. Двумя кинжалами она зажала лезвие сабли, а когда Алабель попыталась вырвать оружие, один кинжал скользнул вниз по лезвию и резанул чародейку по пальцам. Сабля выпала из ее рук.

— Сдохни, дрянь. — Голос Боарики был полон презрения.

Крик демона раздался слишком близко. Вот он бился с безмолвными стражами в десяти метрах от Боарики, а спустя мгновение уже стоит за ее спиной. Она не успела обернуться — Алабель лишь узрела расширившиеся от ужаса глаза своего искусного противника. Демон ударил Боарику внешней стороной ладони, но этого хватило, чтобы воительница отлетела к стене и перестала подавать признаки жизни. На бледно-желтом узорчатом гобелене осталось кровавое пятно.

Я в это время скрестил клинки с выжившим пансегским воином. Он был хорошим мечником, но его сгубила неудачная позиция. Я видел демона и знал, когда он приближается на опасно близкое расстояние. Мой враг этого не видел, и каждый удар, каждый рев демона заставлял его оборачиваться. В миг, когда погибла Боарика, погиб и ее соплеменник, пронзенный моим мечом.

В метре от меня пронеслось по воздуху очередное копьё. Демон отразил его, защитившись булавой, и побежал вперед, к сгруппировавшимся остаткам гарнизона Вековой Вершины. К бесстрашным заколдованным воинам, которые не отступили под натиском монстра, но и победить его не сумели. Несколько ударов хватило великану, чтобы расправиться с ними.

Дверь, ведущая из зала, была широкой, однако с помощью булавы демон сделал ее в два раза шире. Он нырнул в образовавшийся проем и скрылся из виду, однако его рев и звук разрушаемой кирпичной кладки долетали до наших ушей еще секунд сорок. Наверняка он бился не только со стенами крепости.

Вскоре все стихло.

Весь зал был наполнен трупами, обломками столов, лавок, древкового и прочего оружия. Куда ни ступи — везде кровь. Незабываемое утро.

Израненная Алабель перевязывала тканью ладонь. Она затянула зубами узел и взглянула на меня. Половина моего лица покрылась темной коркой из засохшей крови. Моей крови.

— Отлично выглядишь, — произнесла она.

Я тяжело дышал, но все же нашел в себе силы улыбнуться. Да, я выглядел отлично. Черт подери, уж точно лучше своих врагов! И кстати, пришла пора вернуть присвоенные ими вещички.

В кровавом месиве, которое только что было графом Балинтом, я принялся искать свое чудесное кольцо. Тем не менее, первым мне в руки попался медальон Алабели.

— Твой камешек — он уцелел. — Мой голос был очень уставшим.

— Дай, дай его мне, Фосто.

Сейчас я глядел на странный камень совсем другими глазами. Его темно-синяя, почти черная глубина казалась бездонной, будто все звезды мира сошли с небосвода и поселились внутри него, так что теперь лишь луна будет освещать ночное небо. А если и ей захочется покинуть привычное место — каждая ночь будет темна, как бездна преисподней.

— Три тысячи золотых от графа, — цокнул я языком. — Тридцать тысяч — от императора.

— Хватит мечтать, балабол, — хмыкнула Алабель. — Помоги перевязать плечо.

Глава 36. Пропащие

«Я не вершу судьбу этого мира. Я лишь капля в реке, далекая от великих истоков, но в момент, когда я достигну устья, вся моя жизнь станет единым целым с тем, что прожито до меня. С морем, в которое превратимся мы все».

Это не мои слова — так говорил Хантал Светлый. И произнес он их после того, как большая часть мира признала его своим повелителем.

Я не знаю, смог ли бы граф Балинт подчинить себе демоническую армию. Я не знаю, что ждет этот мир дальше, но ощущение собственной значимости появляется именно после таких событий. Честолюбие парланского графа открыло мне глаза на многое. Теперь я верил во все его планы и начал по-другому смотреть на события, происходящие вдали от привычных мне земель. Я понимал, что восхождение Балинта могло перевернуть вверх ногами все вокруг. Конечно, многое могло помешать этому самому восхождению, но душу грел факт, что уничтожил графа именно я. Еще до того, как он опустил свою ногу на первую ступень.

Нет, я не умаляю роль Алабели во всей этой истории — в конце концов, земли и титулы мне за удачную миссию не светили. Ее заслуга неоспорима, но путь, который привел нас к успеху, выбрал именно я. Судьба часто надо мной подшучивает, однако в самый последний момент любит лукаво подмигнуть — мол, хватит сидеть на эшафоте, пришло время взять в руки палаческий топор.

Благодаря парочке толковых наемников виконт Николай Ханфа превратился в графа, получившего в свое распоряжение важный опорный пункт, безумный папаша-чародей в виде котлеты отправился к чертогам Эрхивиана, а мятежные вассалы трижды подумают, стоит ли продолжать мочиться против ветра. Таким результатом можно гордиться независимо от обстоятельств, которые к этому привели.

Мясорубка в Вековой Вершине, завершившаяся полным уничтожением околдованных вояк, поставила меня и Алабель перед выбором: схватить все ценное, что можем унести из замка, и сбежать под шумок на самых породистых лошадях, которых сумеем найти в конюшне, либо представить нанимателям все происшедшее как удачно спланированный акт и забрать честную награду. Первый вариант был удобен тем, что положиться мы могли только на себя, — знакомство с людьми виконта началось со лжи, и никто не гарантирует, что в дальнейшем что-то изменится. Второй вариант манил надеждой, обещанной наградой и удобной дорогой до империи.

Выбор, выбор, выбор... Все опять решилось само собой, и поначалу я был этим очень раздосадован. Как оказалось, Лексо Уховертка со своими людьми непрестанно наблюдал за окрестностями Вековой Вершины, и вид ужасного демона, покидающего замок сквозь любые препятствия, немало удивил его. Стало ясно, что внутри произошло что-то непредвиденное. Лексо проник в замок и обнаружил там кучу трупов. А потом он встретил нас.

Он успел задать вопрос о судьбе графа. Я угрюмо кивнул, подтвердив его смерть, но стоило Лексо приблизиться, как мой кулак тут же обрушился на его челюсть. Ошарашенный шпион рухнул на землю, а его люди схватились за мечи, но их я почти не удостоил внимания.

— Если хочешь, решим разногласия на мечях — ты и я. Я бы от этого не отказался. —

Мой взгляд впился в ненавистного Лексо.

Уховертка успокаивающим жестом ладони осадил своих бойцов и пару раз похрустел нижней челюстью, проверяя ее целостность.

— Ты выполнил задание. К чему эти разборки?

— Не люблю быть посмешищем.

— О чем ты? Балинт не стал бы трогать послов.

— Даже зная, что они дурят его и работают на его сына? Лучше молчи. Лучше молчи, ублюдок, потому что в противном случае схватка станет неизбежной.

Потом я, конечно, остыл. Этому способствовало несколько обстоятельств: увесистый кошель золотых, доброжелательное и даже уважительное отношение к нам окружающих, а также честное выполнение одного из важнейших условий сделки — снаряжение корабля до земель Туарина.

Лексо вызвался лично доставить нас к городу у Ариса, которым владел Николай Ханфа. Больше того, он сразу поведал, что сопроводит нас и до туаринской столицы — Ильденея.

— Я вообще-то люблю путешествовать, а раз представилась такая возможность, то глупо ее упускать. В Ильденее будет время не только для торговых дел.

Против этого я не возражал. Особенно из-за того, что сопровождать нас Лексо решил в одиночку, чем избавил от всяческих сомнений и опасений. Компания пронырливого парланца тяготила меня лишь первое время, и то по причине тлеющей обиды, угольки которой один за другим гасли.

Почти три дня мы добирались до большой реки. Дорога выдалась непростой, и иной раз она пролегла меж двух близко расположенных скал, с которых осыпались камни. Обходной путь, как я узнал, был еще тяжелее, да и ночлег в затерянных деревеньках мог принести нам проблемы — в беспокойные времена много людей становится на скользкую дорожку.

На третий день странствия, перед спуском к каменному мосту, перекинутому через один из притоков Ариса, я наконец увидел город.

Укрепленный по последнему слову фортификационного искусства городок стоял у слияния двух рек, одной из которых был великий Арис. Поселение имело треугольную форму, и, что меня удивило, на его границе с рекой возвышались столь же большие стены, как и на границе сухопутной. А ведь последняя была в разы меньше.

С возвышенности можно было наблюдать часть порта, который несколькими своими элементами — тремя башнями на пристани, толстенными цепями и каменной насыпью — казался крепостью на воде. Что ж, чувство защищенности — важное условие для плодотворной работы горожан. Спорить бессмысленно, тем более в этой стране.

— Мы прибыли в Ксиштбар, — радостно поведал нам Лексо. — Скоро, совсем скоро лучший корабль графства отправит нас в сторону империи.

«Лучший корабль графства» оказался маленьким одномачтовым галиотом. Сопровождение тоже было подстать флоту — пять легковооруженных воинов, знававших лучшие годы. Лексо пытался оправдаться, сетуя на тяжелую военную обстановку. Говорил, что два судна лишь неделю назад отплыли в сторону Берсены, чтоб помочь новой власти восстановить контроль над северным морским побережьем. Все эти бредни мне и слушать не хотелось, тем более что я видел на причале корабли гораздо лучше нашего. И защищеннее. Перепалка между мной и Лексо получилась короткой, но продуктивной. Не для меня — просто Лексо смог привести несколько доводов, охладивших мой пыл. Главным из них было напоминание о договоре между новоявленным графом Николаем и князьями Трех Долин.

— Думаешь, будь эта поездка опасной, я поплыл бы с вами? Нет, я бы отправил своих помощников, — не без иронии заявил мне Лексо.

Жаль, мне не довелось пообщаться с Николаем Ханфой — я бы поведал ему о своих недавних подвигах и обещаниях, которые дали мне его люди. Но, видимо, моя способность устранять знатных людей не добавляет мне привлекательности, и лорд Николай нашел кучу срочных дел. Или просто приказал Уховертке ответить мне именно так. Черт с ним, с кораблем — покинуть это гиблое место было самым заветным желанием.

Ветер, дующий против течения, наполнил грязно-белый парус, дав короткую передышку вольнонаемным гребцам. В тот момент, когда корабль начало сносить к берегу, длинные весла вновь принялись взбивать воду отточенными и размеренными движениями.

Я много времени провел у моря, и меня трудно удивить большой водой, но реку, подобную Арису, встречать мне не доводилось. Говорят, что нет ее длиннее и полноводнее на всем белом свете. Иной раз противоположный берег даже из виду терялся, сливаясь с легким туманом, словно потревоженное привидение.

Сейчас небо было полно кучевых облаков, но в противостояние с солнцем они почти не вступали. Темно-зеленые контуры далеких холмов казались недостижимым сказочным краем, потому что хотелось верить, будто земля по другую сторону Ариса гораздо приветливее. Рассудок не преминул сразу же напомнить, что там та же Парлания, те же города, страдающие от междоусобицы и беззакония.

Ну, а помимо этих назойливых мыслей денек выдался просто отличный.

Я сморщился, коснувшись зашитого кривой иглой лба. Моя правая рука крепко сжимала пеньковый трос, протянутый от носа до мачты, а волосы развевались на сильном ветру. Под ногами скрипели доски легкой навесной палубы, которая служила немногочисленным гребцам укрытием от дождя и солнца. Состояние палубы меня беспокоило, поскольку это говорило о том, что пресловутый галиот долгое время провел без должного ухода. Об этом кричало все: дрянные паруса, скрипучие доски, подтекающий трюм и даже здоровенный черный котел с отколотым верхом и трещиной, которая при каждом приготовлении пищи грозила ошпарить повара кипятком. Удивляло, что на этом судне везли тридцать бочек лучшей каросской медовухи.

Из кормовой пристройки вылез Лексо. На нем была коричневая куртка, выступающая из-за широкого пояса до самых колен, и кожаные сапоги со шнуровкой. В общем, наряд разительно отличался от того, что он носил при первой нашей встрече. С тех пор как завершилась история с Вековой Вершиной, он всегда старался выглядеть хорошо: гладко брился и коротко стригся, хоть прической и напоминал мне воинственных горцев Альгелага. Те тоже часто выбривали себе виски до самой кожи.

Лексо подошел ко мне и, повернув голову, поглядел вдаль. Его выступающий кадык блуждал по тощей шее.

— Капитан опять нажрался, — пробурчал он сиплым голосом. Кашлянул пару раз, шмыгнул носом и сплюнул скопившуюся слизь в воду.

— Сколько осталось бочек? Десять?

— Не смешно. Если хоть одна окажется пустой, я лично запихаю в нее этого алкаша, забью крышку и пушу в плавание.

— Не стоит раскидываться экипажем, его и так у нас немного.

— Ты про гребцов?

— Четыре лавки внизу пустуют. Я боюсь предложить эскорту занять места — у них

сердце может нагрузки не выдержать.

— Да ладно тебе, они отличные ребята. Проверенные, кхм, временем.

— Может, и так, но я освободил для в... для графа Николая целый замок. Он мог бы оказать мне больше чести.

— И поэтому его доверенное лицо сопровождает героя Вековой Вершины.

Я поморщился одной стороной лица. Корабль покачнулся, будто тоже почувствовал в словах Лексо легкую насмешку. Думаю, стоит поменять тему беседы. Глупо рыбе возмущаться размерами пруда, раз единственная альтернатива — рыболовный крючок.

— Кстати, про Вековую Вершину. — Я легонько коснулся шва на лбу. — Огромного питомца Балинта поймали? Не было вестей перед отплытием?

— Отчасти именно поэтому я всех своих людей оставил там — вдруг тварь вернется. А ты говоришь про лишние руки! Нет, Фосто, он еще бродит где-то, но это ненадолго: если заявится в долину, то сразу сдохнет. В любом случае долго ему не протянуть.

— Скажи это воинам Балинта.

— Как говорит мой господин, если у человека нет мозгов, то ни один волшебник их не наколдует. Я к тому, что у Балинта были свирепые воины, но в критический момент они не придумали ничего лучше лобовой атаки. — Лексо постучал по виску пальцем. — При встрече мои люди забросают тварь стрелами и горшками с зажигательной смесью. Будет отличный передвижной факел.

Я пожал плечами. Идея, в принципе, ничего. Только быть слишком самоуверенным не стоило — бывший хозяин замка за это жизнью поплатился.

Далеко впереди показался высокий каменистый остров. Он был покрыт соснами, а чересчур крутые берега исключали возможность постройки на нем укрепления. Правда, я не видел его полностью — мне даже показалось сначала, что впереди излучина.

— Отличный островок для обзора поймы и проходящих кораблей, — заметил я.

Лексо усмехнулся:

— Если у тебя есть крылья. Но тогда и островки не нужны.

— Если постараться... — сказал было я, но осекся: из-за скал показался неизвестный корабль. Он держал курс в нашу сторону.

Я переглянулся с Лексо. Тот крикнул кому-то у кормы:

— Эрnod! Давай наверх и напруги свои бельма!

Один из моряков запрыгнул на снасти и полез по выбленкам вверх.

— Большой корабль, много весел, синий флаг, — поделился своими наблюдениями Эрnod.

— Синий? Точно?

— Да. Ха, я узнал корабль! Это галера барона Вальдра, упокой господь его душу.

— Ты знаешь, кто такой этот Вальдр? — спросил я у Лексо.

— Парланский дворянин.

— А что его убило?

— Пираты, — вздохнув, ответил мне парень. — Вальдр решил отбить свое торговое суденышко. Потерял лучшую галеру и собственно свою жизнь.

— Судно из Бухты Чаек! Это Скалистый Край! — донеслось с мачты.

Слова крутились на языке, пока я соображал, что происходит. Скалистый Край. Пираты. Нападение. Мой сопровождающий не отдавал приказов к боевой готовности, не имел при себе оружия и выглядел так, будто к нам приближалась рыбацкая лодка с дряхлым

удильщиком.

— Какого черта, Лексо? Какого черта ты такой спокойный? — наконец выпалил я.

— Все в порядке, Фосто. Это свои.

— Послы Скалистого Края?! — Я чуть голос не сорвал. Только-только я решил, что все наладилось.

— Ты забыл, Фосто, на чьем корабле плывешь?

— Нет, но мир с пиратами весьма хрупок, я знаю. Их корабль в два раза больше нашего. Они прикончат нас, а потом поймут, что чуть-чуть ошиблись.

— Если ты заметил — у нас под верхней реей черные пятна на парусе. Это не чья-то небрежность. Это знак. Та галера не грабить нас плывет.

— Неужели?

— Это Лазарь Пропаций, его корабль. Я должен передать ему послание от графа Николая.

— Ты ведь знаешь, с кем имеешь дело?

— Если бы не знал, приказал бы выдвигаться к середине реки, а не прижимался к берегу.

Меч был при мне, но если что пойдет не так, проку от него будет немного. Послание так послание, однако ухо надо держать востро.

— Алабель! — Она дремала под навесом маленького камбуза, прислонившись к чугунному котлу. Вздрогнула всем телом, услышав мой возглас.

Чтобы добавить немного солидности, Лексо позвал на палубу седовласых вояк и приказал сушить весла.

Через пятнадцать минут трофейная галера, чей борт был на полтора метра выше нашего, поравнялась с галиотом. Народу на вражеской палубе набилось опасно много. Выражениями лиц некоторые из пиратов почти не отличались от безмолвных стражей Балинта. Разношерстный и диковатый люд.

Ухвертка поднял руку для приветствия. Один из пиратов, щерясь во весь рот, сделал то же.

— Дом Ханфа приветствует свободных воинов Скалистого Края!

— Скалистые воины... тьфу ты... Свободные воины Скалистого Края приветствуют дом Ханфа!

— Я не вижу среди вас капитана Лазаря Пропашего.

Пират с длинной узкой бородой опустил руку и хмыкнул.

— Так и есть.

— И где Пропаций?

Бородатый пират развел руками:

— Пропал, хе-хе! А ежели серьезно — я за него. Помер Пропаций. Напился ночью и з борт вывалился. Мы его пытались батогами поймать, но, видно, речной бог думал иначе. Знатно мы его смерть отпраздновали. У нас знаете как: если капитан не в бою тонет, то это славный знак. Значит, в грядущей битве потерь будет мало.

— Надеюсь, договор в силе. — Лексо подошел к краю борта и протянул вверх письмо с печатью.

— А как же, господин. Мы, вольный народ, аванс любим. Я, если что, Квоком кличусь.

Квок подозвал к себе молодого помощника и передал ему послание. Тот сорвал печать, пробежался глазами по тексту и прильнул к уху своего капитана.

— Значит, отличнейшее пойло? — заметно повеселев, пробасил Квок. — Хорошо, бес мне в бороду. Прошлый корабль, который мы взяли, вез лишь овес и тюки с посконью.

— Пойло, да, но не только оно. — Лексо вдруг повернулся в нашу сторону.

Это было весьма неожиданно. Для меня и Алабели. Я стоял слишком близко к Лексо и упустил возможность отреагировать. Неразговорчивые старички с нашего корабля разом вспомнили, для чего их взяли в плавание, — у наших с Алабелью плоток появились лезвия стилетов. Я почувствовал, как острейшая сталь продавливает мою кожу над кадыком, так что в первые секунды у меня получилось лишь неразборчиво выдавить:

— Что за... Уховертка сопливая.

— Такова жизнь, Фосто, — дернул плечами лживый мерзавец. — Выживает тот, кто хитрее. Капитан, эта парочка теперь в ваших руках, и все их золотишко тоже. Стодятся для любой каторжной работы, только помните, что они довольно кусачие. Ах, да — в трюме валяется еще один подарочек. Сейчас он дрыхнет, но как протрезвеет, можете смело сажать его за весло.

Квок махнул своим ребятам, и те всей гурьбой перебрались на наш корабль. Сам капитан, спустившись, подошел к Лексо.

— Дай обниму тебя, добрый друг. Дом Ханфа знает, какие подарки мы любим: золото, вино, рабы... корабли.

— Корабли? — переспросил Лексо, подняв брови.

Вместо подтверждения капитан Квок оттолкнул от себя мимолетного союзника, которого тут же схватили под руки несколько пиратов в цветастых одеждах. Вояки же, удерживающие нас с Алабелью, теперь сами превратились в заложников. Трех из них Квок велел прирезать и сбросить за борт.

— Проку нет — лишние рты, — заключил он.

— Я доверенное лицо графа Ханфы! — дергался во вражеских объятиях Лексо. — С вами заключен договор!

— С Лазарем. С Лазарем заключен договор. Он был парланцем и любил работать на парланцев. Настоящий пират работает лишь на себя.

Квок оглядел корабль, поморщился и пару раз топнул ногой по палубе.

— Эй, гребцы! Сидите тихо. В этом случае вам ничто не угрожает.

— Может, мы откупимся золотом, и нас отпустят? — рискнул поинтересоваться я, когда мое связанное по рукам и ногам тело начали поднимать на пиратскую галеру.

— Если только так, — ответил Квок и кивнул в сторону реки.

Три тела, легонько покачиваясь на волнах, оставляли за собой длинный алый след.

Глава 37. Против течения

Однажды я поинтересовался у одного странствующего артиста о том, как он планирует встретить закат своей жизни. Ведь когда-нибудь пальцы устанут щипать струны лютни, а тело, отягощенное бесконечными попойками и плясками, будет жаждать покоя. Баллады других сочинителей, молодых и искусных, будут ходить в народе, и творения старого шептуна сгинут в небытие. Странствующего артиста мой вопрос не смутил. Он сказал, что будет сочинять песни до тех пор, пока его не хватит удар. Что лишь творчество для него означает жизнь. Правда, потом этот сукин сын охмурил одну знатную вдовушку и каким-то образом присосался к ее кошельку. С творчеством, насколько я знаю, он завязал.

Эта история, внезапно посетившая мою голову, была очередным доказательством того, что верить словам нельзя. Человек, обманувший кого-то лишь единожды за всю жизнь, уже лжец, а других людей попросту не бывает. Лжец любой, кто неприкрыто врет, кто заблуждается и даже тот, кто глухонемой от рождения. И какой-нибудь святоша, сбжавший в пустыню от мирских забот, обманывает всех, кто придет к нему за мудростью, поскольку считает свой выбор истинным, единственно верным путем к райским кущам и божественной благодати.

Золото и показная доброжелательность загуманили разум глупому Фосто, чем и не преминул воспользоваться мой ушлый наниматель. И как я не догадался, чем может закончиться плавание на этом участке реки?

Пираты хорошо подготовились к путешествию в парланские земли. Они разделили трюм на несколько отсеков: в одних хранились припасы и добытые ценности, а другие превратились в загоны для рабов. Галера была не только прекрасным боевым кораблем — она являлась настоящей плавучей тюрьмой с решетками и надсмотрщиками.

Нам в некоторой степени повезло: как оказалось, команда этого корабля совсем недавно отправила партию рабов перекупщикам, поэтому сейчас клетки были практически пусты, полы отдраены, а воздух хоть и был затхлым, но не вызывал тошноты и не заставлял морщиться. Свет проникал сюда лишь со стороны кормы и люка на нижнюю палубу, так что если пираты не зажигали ламп, все пространство погружалось в полумрак. Везение, конечно, так себе, однако в столь трудном положении опасно думать лишь о плохом. В этом случае отчаяние вновь отмахнет от себя разум, как служанка — шторы опочивальни. К тому же нам с Алабелью представился отличный шанс разобраться со старыми проблемами.

Меня, чародейку и пару матросов вместе со спящим капитаном галиота посадили в невысокую продолговатую клетку. Она представляла собой железные прутья, вбитые в толстые доски на такую глубину, что расшатать их без привлечения внимания было почти невозможно. Другая сторона клетки являлась бортом корабля.

Уховертку, выживших вояк и прочих матросов налетчик Квок решил разместить в другой клетке. Вероятно, не хотел, чтобы количество пленных внезапно уменьшилось.

Тем не менее, в клетках и до нашего прибытия томилось несколько человек — будто бы пираты успели по пути к владениям дома Ханфа захватить какую-то лодку. Один из пленников находился в нашей клетке. Это был жутко обросший мужчина в лохмотьях. Он спал, прислонившись к прутьям, и никак не отреагировал на неожиданное пополнение товарищей по несчастью. Я не посчитал необходимостью беспокоить его. Он забеспокоился сам по себе, когда Алабель начала в негодовании трясти клетку и кричать вслед

поднимающимся наверх пиратам:

— Какого черта вы посадили меня в клетку с мужиками?!

— Хочешь на палубу к гребцам? — обернулся один из пиратов. — Думаю, можно устроить им небольшой отдых.

— Что? Нет-нет, хорошо, побуду здесь, — Алабель тут же отступила в тень.

Пленник в лохмотьях закричал и поднял голову. Убрал с лица длинные скомканные волосы и начал тереть левый глаз, причем тер его сильно, со скрипом.

Я глядел на этого оборванца, и мое сердце с каждой секундой билось сильнее. И сильнее становились мои подозрения. Я посчитал их достаточными, чтобы тряхнуть Алабель и кивком указать ей на нашего сокамерника.

Поначалу девушка смотрела на него хмуро, поскольку не поняла моего странного действия. Однако очень быстро глаза ее округлились, а рот приоткрылся от удивления. И в этот самый миг пленник протер свои очи и взглянул на нас. Понял, что зря проснулся. Его крик разнесся по трюму с такой силой, что в дальнем углу за перегородкой рухнул с табурета надсмотрщик.

— ПО-МО-ГИ-ТЕ!

Мы с Алабелью застыли, как вкопанные. Пленник заорал так, будто ему отрезали ноги. Не прошло и пяти секунд, как в трюм запрыгнул сам капитан Квок, держа наготове тесак и кинжал.

— Кто рвет глотку?! Что тут происходит, подвальные крысы?

— Они! — оборванец трясущимся пальцем указывал на нас. — Они хотят меня убить!

Напряженное до крайности лицо Квока потихоньку приобретало человеческие очертания. Ярость сменилась раздражением:

— Хотят убить?

— Они уже тянули ко мне свои руки! Пересадите... Пересадите меня в другую клетку, иначе мне не жить.

Квок взглянул на нас исподлобья и развернулся, собираясь покинуть трюм.

— Я не привык терять свое, — произнес он. — Тот, кто кого-то здесь прикончит, будет привязан к бушприту до собственной смерти. Ему повезет, если кто-то из команды сжалится и выпустит ему кишки.

Сказав это, капитан покинул тюремный отсек. А мы с Алабелью сжали зубы, осознав невозможность мести в ближайшее время. Мне было чертовски грустно оттого, что мой враг так близко и одновременно с этим недосыгаем. Вот моя пятерня, готовая сжать ему глотку, а вот — он, ненавистный, мерзкий, трусливый, самовлюбленный и одержимый Хавьер из Патса. Этот выродок выжил вновь.

Раз, два, три! Мой кулак сделал несколько движений и превратился в открытую ладонь с растопыренными пальцами — изобразить холст у меня получилось лишь отчасти. Несмотря на это досадное недоразумение, Алабель раунд проиграла — ее кулак так и остался сжатым.

— Что вы делаете? — осторожно поинтересовался Хавьер, поскольку сие действие происходило в метре от него.

— Своеобразный жребий, — ответил я, вновь потрясая кулаком. — Кто-то из нас должен взять на себя вину. Кто-то один.

— Какую вину?

— За твое убийство.

— Вы не посмеете.

Я лишь хмыкнул и продолжил игру. Мы старались лишить Хавьера покоя и сна, поочередно плясая на него. Иногда достаточно громко обсуждали возможные способы его умерщвления, чем забавляли прочих сокамерников. Предупреждения капитана о порядке в трюме мы не забыли, но подобные действия могли спровоцировать у Хавьера очередную истерику. Разбойники — народ вспыльчивый, и крики неугомонного пленника будут им весьма неприятны. Кто знает, может быть, они решат утопить кретина.

— Хм, даже Первозданный в сомнениях, что будет дальше, Хавьер, прислужник Хамвольдов, — язвительно пробормотал я. — Может, в этом и есть наше предназначение — уж неспроста мы столкнулись лицом к лицу здесь.

— Вы сами выбрали путь по реке, — оскалился Хавьер, — а я не выбирал. Меня, полуживого, подобрало туаринское судно. К сожалению, то были не законопослушные торговцы, а поганые контрабандисты. Они не очень-то со мной церемонились и избавились от меня сразу, как миновали Ильдены. А как избавиться от лишнего человека и получить при этом прибыль? Правильно — продать его работаровцам.

— Не выбирал свой путь, говоришь? Ха, вот уж действительно ирония! А правда в том, что это я выбирал твой путь. Ты спустил на нас всех собак в Гелетии, а я по доброте душевной щадил тебя. По несусветной глупости, если быть точным. Камень разбивает ножницы, Алабель! Похоже, все идет к тому, что убийцей будешь ты.

— Какая честь, — с сарказмом ответила Алабель и повернулась к Хавьеру.

— Что, собираешься прикончить меня, ведьма? — Хавьер не стал прятать своего взгляда. — Лишь на это ты способна. Можешь только воровать и убивать.

— Ну почему же, могу еще мучить, пытаться, насыпать страшные язвы, превращать жертв в болотных гадов, проклинать до седьмого колена и обращать в камень идиотов, подобных тебе. Продолжить список?

— Тебе всего лишь и надо было, что продать свой чертов амулет, — проскрежетал Хавьер. — Если он не являлся тем, что искала определенная группа лиц, то ты смогла бы получить его назад. Но ты уперлась и получила заслуженное наказание.

— Заткнись, иначе я не ручаюсь за себя!

— Что? Разве я досаждал тебе в Сараксе? Разве я был виновен в гибели имперских агентов и в том, что последовало после? Самый большой твой враг — это ты сама, Алабель. Кальдеро приютил тебя, а ты отплатила ему злом за добро.

Я посмотрел на чародейку и увидел, как сжались ее кулаки. Игры кончились. Я приобнял Алабель одной рукой и прошептал ей на ухо успокаивающие речи. Хавьер заслуживал смерти, но не сейчас и не здесь. Бывший торговец доспехами, однако, вошел в раж.

— Где сейчас твоя побрякушка? У пиратов?

— Тебе-то что?

Хавьер вдруг обратился ко мне:

— Фосто, лишь с тобой я могу нормально общаться.

— Вы всерьез считаете так, господин Хавьер из Патса?

— Послушай, нет времени на глупые споры. Мы все в одной тарелке, в одном блюде под названием «каша из рабов на галерах и каменоломнях». Эта каша быстро съедается — немногие могут выдержать бесконечный труд в ужасных условиях.

— Твою мать, говори прямо, что предлагаешь! — взорвался я.

Хавьер вздрогнул и пояснил:

— Ее амулет — он может оказаться одной замечательной реликвией, а может быть ничемной подделкой, но пиратов это определенно заинтересует. Они не смогут прийти с этой штукой к императорскому дворцу, и у них останется лишь один щедрый покупатель.

— Кто же?

— Некий Эстерид, который сам себя называет Эстеридом Пятым. Смекаешь?

— Очередной претендент на родство с древней династией?

— Именно. Он считает себя потомком самого Хантала Святого и, в отличие от прочих, пытается доказать это делом. Его сторонники полгода удерживали Варамиад и с упоением грабили все побережье Огненного моря, так что сокровищ у него предостаточно.

— Ну и? Мы расскажем про амулет, они заберут его — и что? Нас-то это как коснется? Они на радостях всех отпустят?

— Нет, но мы, — зашептал Хавьер, склонив голову, — мы можем назваться хранителями амулета. История его исчезновения и появления будет очень важна для Эстерида. Нас решат доставить к нему. Это долгий и непростой путь. Много может случиться, понимаете?

Мое насупленное лицо скрывало за собой напряженную умственную работу. Сам того не желая, я проникся рассказом своего врага. Хавьер хоть и был негодяем, однако же кое в чем его обвинить было сложно. Он точно не был из тех, кто готов дешево продать свою жизнь. И он был хитер. Алабель поняла причину моего молчания, и ей эта причина не понравилась.

— Нет и еще раз нет, Фосто.

— Сумасшедшая, — вновь встрял Хавьер. — Он сейчас не у тебя, но ты все равно считаешь себя его хозяйкой. Очень скоро пиратская добыча окажется в другом месте, и амулет этот никогда в твои руки не вернется. Это единственный шанс пробыть с ним еще какое-то время и получить шанс на спасение из плена.

— Заткнись, — прошипела чародейка.

— Постой, Алабель. — В моем голосе чувствовались нотки вины. Все-таки трудно вступить в спор с единственной союзницей на этом судне. Да и не только на судне.

— Готов довериться тому, кто так долго жаждал твоей смерти?

— Дело не в нем, а в амулете. Насчет него он прав.

Я вновь стал шептать на ухо Алабели некоторые доводы. Шептал так, чтобы их не слышал никто. Особенно Хавьер. По окончании я уже гораздо громче произнес:

— Нам удастся сбежать через перевалы.

Я неотрывно смотрел на Алабель и ощущал ее беспокойное сердцебиение. Какое-то время она избегала моего взгляда, но наконец глаза ее сверкнули в окружающей нас тени.

— Пусть будет так, — тихо произнесла она.

Хавьер решил не тянуть кота за хвост и не стал обсуждать с нами хоть какие-нибудь подробности плана, довольствуясь лишь тем, что его действия одобрила чародейка. Он по старой привычке разгладил свои усы, теперь слившиеся с черной бородой, и позвал надсмотрщика — лысого бугая, короткая шея которого исчезла под слоем жира. Хавьер потом поведал нам, что каждый час промедления уменьшал шансы на согласие капитана, ведь территория Скалистого Края отдалялась от нас, и дороги, ведущие в Северную Нардарию, отдалялись вместе с ней.

Надсмотрщик был не очень доволен тем, что его побеспокоили. Его левый глаз затянуло бельмо, а правый бегал от одного пленника к другому, пока не остановился на Хавьере.

— Это опять ты?

— Позови капитана, морской волк!

Глаз разбойника угрожающе блеснул:

— Если это какая-нибудь ерунда, я заставлю тебя жрать собственное дерьмо.

— Идет, — махнул рукой Хавьер.

Капитан Квок не заставил себя ждать. Его настроение было не лучше, чем у надсмотрщика.

— Какое-то дело или очередная чушь, Хавьер?

— Дело. Очень важное дело.

— Что, может, у тебя в Парлании нашлись знакомые? Кабы не наши связи в Логрианде, мы бы давно отправили тебя на корм рыбам.

— Логрианд — это, конечно, выход. — Хавьер забарабанил пальцами одной руки по пальцам другой. — Однако появились новые обстоятельства, и они могут озолотить всех нас.

— Нас? — Квок не поверил своим ушам.

— Да — нас, капитан.

— Так... Кто там хотел убить этого придурка?

— Капитан, — подал я голос, — мы кое-что обсудили и решили, что вы в состоянии помочь нашему делу.

Нижняя челюсть Квока начала двигаться из стороны в сторону, а зубы скрежетали, словно по металлу. Нужно срочно раскрывать все карты.

— В твоих руках, капитан, сейчас находится камень Хантала Святого. Он там, в сундуке у кормы, где лежат наши вещи и драгоценности.

— Неужели? И почему вы мне это говорите?

— Потому что сейчас лишь с твоей помощью мы можем доставить это сокровище Эстериду Пятому. Он заплатит за него баснословную сумму.

— И как же выглядит этот камень?

— Как медальон с бронзовой цепочкой, — произнесла Алабель с хрипотцой в голосе. Ей непросто далось это откровение.

Квок дал знак надсмотрщику, и тот побрел к сундуку. По трюму прокатились звуки перебираемого барахла и проклятия пирата, когда он порезался о чей-то нож. К счастью, медальон был найден — он не осел в кармане какого-нибудь ушлого пирата.

Квок вертел медальон и так, и эдак. Наконец заключил:

— Я не разбираюсь в камнях. Есть белые, есть цветные камешки. Чем этот отличается от прочих?

— Взгляни на него внимательнее, посмотри на свету. Позови своего писаря, может, он осведомлен лучше и читал об этом в рукописях.

— Вы просто дурите меня, вся ваша беспокойная троица.

— Спроси у Лексо, — я указал в сторону соседней клетки. — Спроси у него, Квок, как мы с помощью амулета повергли графа Балинта Ханфу.

Капитан тяжело вздохнул, скрестил руки на груди и вопрошающе посмотрел на Лексо, сидящего на деревянном настиле. Вид у Уховертки был до театральности трагичным. Он поднял голову и произнес:

— Они ничего не говорили мне про амулет. Да, они помогли устранить Балинта, но... К дьяволу все! Квок, ты должен доставить меня в Ксиштбар. Это какая-то ошибка. Граф Николай заплатит хороший выкуп, если потребуется.

Квок, казалось, услышал все, что хотел. Правда, не поленился вытащить из широких штанов клочок мятой бумаги и швырнуть его в Лексо. Когда парень прочитал все, что там написано, он съежился еще сильнее и больше ничего не просил.

— В ваших интересах, чтобы кто-нибудь на корабле хоть краем уха слышал про внешний вид древнего камня. — Слова Квока звучали не слишком обнадеживающе. — Если вы меня дурите, то дорого заплатите за это. Если нет, то вам придется объяснить: с какой стати, кость мне в десну, я должен доставить вас к главному разбойнику Востока?

Глава 38. Скалам нужны слуги

Понять, почему Скалистый Край называется таковым, проще всего именно в том месте, куда мы добрались на седьмой день самого паршивого плавания в моей жизни. Даже человек, много лет проживший в горах, не найдет лучшего названия для земель, что появляются перед ним с этой стороны реки. Вот спокойные холмистые берега, покрытые лесом, вот глинистые и каменистые обрывы, редко превышающие высоту трех мачт, и, кажется, так будет до самых истоков. Но совершенно неожиданно, словно величественные призраки ушедших эпох, возникают из тумана вздымающиеся к небесам серые скалы. Какое-то время мерещится, что корабль идет к ногам застывших титанов, которые потерпели поражение в битве с новыми богами и теперь, обратившись в камень, ждут своего часа, чтобы однажды возродиться и вернуть себе былую власть.

Даже могучая река не решается сразу пробиться сквозь эту неожиданную стену. Она расширяется, образуя подобие озера, а когда наконец набирается сил, отвоевывает у Скалистого Края лишь жалкий клочок с возвышенностями, что вполтину ниже главного массива. Однако реке этого достаточно. Это тоже можно назвать победой. Она не отступила, не сдалась. От Ильденея и до самого Кракозорского Угла река не делает крутых поворотов. В том же месте, где это происходит, складывается просто безвыходная ситуация — Скалистый Край не желает ни вбирать в себя воды Ариса, ни отдавать свои. Несколько потоков нарушают это правило, но все, что они могут, — это сорваться из расщелин в виде водопадов. Арис принимает этот дар — русло вновь становится широким, словно озеро, но реке не остается ничего другого, как только нести свои воды на север. Туда, откуда прибыл наш корабль.

До Кракозорского Угла мы все же не доплыли. Галера, миновав несколько опасных участков с отдельными скалами, оказалась в тихой укромной заводи. В этом труднодоступном месте пираты построили что-то вроде перевалочной базы. Маленькая пристань, бывшая снизу каменной, своей верхней частью походила на пару осадных башен с баллистами, выглядывающими из-за деревянных зубцов. Больше двух кораблей здесь не смогло бы находиться. Были тут и пещеры, уходящие под воду, и домики из камня и дерева, уютящиеся на выбоинах и уступах. Наверняка пряталась где-то тут тропа, ведущая в леса, что окаймляли эту гористую местность, но для нас была уготована тропа другая, более трудная и опасная. Особенно в том случае, если мы зря затеяли эту игру.

«А в сердце его горят огни небесные, маня красотой неземной».

Эту фразу вспомнил ошеломленный помощник капитана Квока, когда тот показал ему камень. Парнишка даже помолился на всякий случай. Так уж получилось, что описание, которое оставил древний летописец, помогло нам осуществить первую часть сомнительного плана. Но наша дальнейшая судьба была туманна.

Квок хоть и являлся довольно суеверным человеком, но доверчивым его назвать язык не поворачивался. К тому же драгоценная реликвия не была для него священной. Да, Квок боялся ее магической силы, но я уверен — он больше боялся солнечного затмения. Первозданный был для него духом, главенствующим над прочими, сам же он почитал духов мелких, более отзывчивых к чаяниям простых людей.

Ну а больше, чем духов, Квок почитал золото и знал, что оно не дается просто так. Как он сам заявил нам: «Негоже считать любую красивую вещь драгоценной, пока за нее не

дадут сундучок монет. Может, вы мне врете; может, камень действительно очень ценный — я не могу этого узнать. Но, на наше общее счастье, есть человек в этих краях, который держит в голове целую библиотеку. Слышал, что и колдовством балуется. Я отправлю своих людей к нему. Вы отправитесь тоже — все те, кто затеял это дело. Тот мудрец служит одному выскочке и живет в его доме. У выскочки есть медный рудник, старый и глубокий, однако же рабы продолжают трудиться в нем. Я задешево продам вас всех ему, чтоб он сгноил вас в шахте. Это случится, если мудрец не узнает камня. Поверьте, лучше давить на весла».

Теперь и я так думал. Среди бесконечного гомона и ругательств, раздающихся у маленького причала, мой слух сумел выцепить несколько важных слов капитана Квока. Десять дней. Он будет ждать нашего возвращения из этого путешествия через десять дней. Значит, крепость пиратского князька недалеко. Очень жаль. С некоторых пор крепости на меня плохо влияют — пропадает аппетит, появляется бессонница, а в голове витают навязчивые образы. К сожалению, вылечить от этой болезни в ближайшее время не удастся.

Вереница из пяти пленников, на запястьях которых захлопнулись кандалы, выдвинулась из пиратского убежища за несколько часов до заката. Такое решение Квок принял неспроста — он не хотел, чтобы мы увидели тайную тропу в горы при дневном свете. Проводники, что вели нас, знали тут каждый камень и уверенно поднимались вверх, освещая путь тусклым факельным огнем. Острые вершины, нависающие над ущельем, были для этих людей надежнее любых крепостных стен.

Первым из пленников шел я. Тяжелая цепь, протянутая от моих оков до следующего невольника, натирала бедро, а стоило приподнять руки — натирала бок. Долгое безделье на корабле осложнило этот поход, так что ноги начали гудеть спустя несколько часов после восхождения на скалы. И все же я был рад этой физической нагрузке — пребывание в трюме было ужасным, а тут я мог дышать свежим воздухом и разогнать застоявшуюся кровь.

Вторым брел Хавьер. Мне было неприятно слышать его поступь сзади, однако мучения, которые он испытывал, сглаживали этот недостаток. Хавьер провел в плену немало времени, и подъем давался ему тяжело. Очень скоро каждый его выдох сопровождался свистом из легких. Хавьер пытался держать определенный ритм, пытался выровнять дыхание, но уже к утру он кряхтел и сопел, как старый дед. Звуки эти падали бальзамом на мою душу, так что иногда я даже ускорял шаг.

За Хавьером следовала Алабель. Я мог только посочувствовать ей, потому что ежеминутно лицезреть затылок злейшего врага без возможности вбить туда какой-нибудь острый предмет — то еще удовольствие. Все, что она могла себе позволить, — это наступать Хавьеру на пятки, но его негодование привлекло внимание проводников, так что эта мелкая пакость была быстро пресечена.

Четвертым в списке приглашенных к пиратскому князю гостей являлся Лексо Уховертка. Он очень не хотел покидать тихую заводь, но Квок был непреклонен. Отчего-то он решил избавиться от двуличного и расчетливого парланского разведчика. Отчего-то. Настроение Лексо поначалу ничем не отличалось от молчаливого отчаяния в трюме галеры, но с первыми лучами восходящего солнца он преобразился, будто эти лучи осветили его голову неожиданным откровением. Сперва он что-то тихо насвистывал, потом начал отпускать похотливые шуточки в адрес Алабели и наконец попытался наладить беседу с охраняющими нас пиратами. Это им быстро надоело. Удар кожаной плетки по лицу вернул

Лексо в суровую реальность.

Замыкал цепочку бывший капитан галиота из Ксиштбара. Я не понимал, почему Квок отправил его с нами. Вероятно, решил усложнить наш путь: жирдяй еле полз, спотыкался и хватал ртом воздух так, будто хотел оттяпать от него кусок. К утру он представлял собой красную взмокшую полуживую массу. Лепетал что-то невнятное и, по-видимому, был готов покинуть этот скорбный мир. Когда мы шли по узкой тропе, ограниченной с одной стороны головокружительной пропастью, я всерьез переживал, что несчастный сорвется вниз и заберет с собой всех несостоявшихся рудокопов. Обошлось.

На первый ночлег мы остановились ближе к вечеру. Вымотались так, что ни о каком побеге даже и не помышляли. Да и трудно о чем-то договориться, когда с тебя почти не сводят глаз. Пиратов было в два раза больше, чем пленников, и они разбились на три группы, поочередно сменяя друг друга в ночном дежурстве. Главный среди них — молодой помощник капитана Квока — храпел подле костра почти до рассвета.

У него было то ли туаринское, то ли кайнерское имя — сам черт не разберет этих южан, но судя по образованию и почтенному отношению к древней реликвии, он все-таки являлся туаринцем. Тенар — так его звали. Сейчас, когда солнце слегка обогрело холодные камни, он шел впереди меня, и отблески света на его кольчуге заставляли меня иной раз жмуриться. Говоря «его», я имею в виду свою кольчугу, которую у меня отобрали алчные пираты. Квок пожаловал ценный трофей своему помощнику. И словно этого мало, на поясе у Тенара висел меч Алабели.

— Как кольчуга, не жмет? — спросил я, не удержавшись. Довольно глупо начинать разговор с колких слов, но реакция Тенара на мой вопрос расскажет о нем больше, чем его беседы с прочими головорезами.

— Что ты, животу есть куда расти. — В ответе пирата не было злобы. Хороший знак.

— И то правда — парланскую медовуху надо куда-то девать.

Тенар улыбнулся и сбавил шаг, почти поравнявшись со мной.

— Я предпочитаю сохранять рассудок трезвым.

— Как-то это не по-пиратски, что ли, — изобразил я удивление.

Шедший поодаль пират предложил Тенару заткнуть меня, но парнишка отмахнулся.

— И это говорит мне пришелец с равнин.

— Что? Я хорошо знаком с разбойниками всех мастей, и все они любят попойки до потери сознания, как только выдастся случай.

— Тогда я скажу, что полезно узнавать о людях что-то новое. И собирать всех под одну гребенку — верх наивности. То же самое, как если бы я считал всех рыжих девушек ведьмами, — Тенар многозначительно взглянул на Алабель.

— Алабель — лишь хранительница камня.

— Хорошо бы ей таковой и оставаться. — Тенар повысил голос, в котором уже не чувствовалось дружелюбия. — В противном случае может случиться так, что у камня не станет хранительницы.

Я промолчал. Что ж, Хавьер не зря чесал языком — теперь устроить побег с помощью чар будет непросто. Алабель не решится использовать свои способности при таких обстоятельствах. Вероятность неудачи слишком велика. Ночью за нами наблюдают три пары глаз: если затуманить одну, две другие нахмурятся. Необходимо придумать что-то другое.

Спустя час нам вновь пришлось карабкаться по опасным и осыпающимся уступам. Я не слишком-то боялся высоты, но когда твоя жизнь зависит от удачливости еще четверых

человек, страх появляется сам по себе. Я не убирал рук от каменной стены и хватался за каждый выступ, пока дорога не выровнялась, вновь исчезая в узкой расщелине.

Перед самой тропинкой, зажатой отвесными скалами, лежали чьи-то кости. Человеческие — череп отвалился и покоился под грудной клеткой.

— Мы оставляем скалам тех, кого убил сорвавшийся со склона камень, будь то раб или воин, — неожиданно пояснил Тенар.

— Потому что никому не сдалось стаскивать мертвецов вниз? — предположил я.

— Потому что скалам тоже нужны слуги. Они будут охранять прочих путников от нападений. И кстати, такие места идеальны для привала — здесь на нас ничто не должно упасть.

Я задрал голову и сразу услышал, как где-то недалеко осыпались мелкие камни. Иногда языческие приметы казались мне весьма здравыми и мудрыми. Это был не тот случай.

— А давно ты стал пиратом, Тенар?

— Что, смущает мой возраст?

— Смущают твои познания. Про камень Хантала часто писали во всяких храмовых книгах, а читать их людям из твоего окружения не пристало — есть куда более полезные дела. Ты понимаешь, о чем я: принести в жертву водяному какую-нибудь безделушку, вроде утратившего доверие капитана; или сходить по нужде около груды костей, ибо здесь этому процессу не должны мешать срывающиеся с вершин булыжники.

— Похоже, мудрый хранитель камня совсем не ценит свой язык, поскольку делает все, чтобы его потерять.

— Это лишь праздное любопытство. Меня всегда удивляло, как в Скалистом Крае уживаются вместе представители разных народностей и верований.

— Да, я верю в Первозданного, так уж меня растили, но это не значит, что другие не имеют права верить во что-то другое. — В голосе Тенара мне почудились нотки волнения. — Может, я никогда бы не покинул родных краев и не стал бы грабителем, если бы империя чуть терпимее относилась ко всем святилищам на своей земле.

Секта или какой-то запрещенный орден — Тенар сейчас имел в виду именно это. С тех пор как подобных общин наплодилось больше, чем божеств во всех языческих пантеонах, Эллас-Амин ведет с ними борьбу. И она не везде проходит бескровно.

— А здесь ты в кругу своих? Твои подчиненные считают так же?

Тенар глянул в сторону нескольких пиратов и повернулся ко мне:

— Закончим эту беседу, Фосто. Я знаю, к чему ты клонишь, но у тебя ничего не выйдет. Я молод, но не глуп. Эти люди — подчиненные капитана Квока, а я назначен довести вас до нужного места. И я с этим справлюсь. Даже тот толстяк дойдет. А если нет, — пробасил вдруг Тенар, — то его донесут туда в облегченном виде!

Побега мы так и не устроили. Отчасти это объяснялось сложным рельефом, по которому пролегал наш путь, — даже если избавиться от оков, ускользнуть без боя не удастся. Да и стражи, раздери их ардаг, бдительности не теряли, предпочитая воду из фляги горячительным напиткам. Они не сводили с пленников глаз, да еще, как назло, полночи каждый из них что-то жевал или грыз, нас же кормили раз в день и не досыта. Бывший капитан галиота от такой диеты почернел лицом.

Путешествие по ущельям завершилось на шестой день. Безжизненные пространства, на которых решались пустить корни лишь чахлые деревца и сухие кусты, сменились покрытой зеленью долиной, стоило нам спуститься вниз. Мы миновали небольшой распадок, по дну

которого бежал стремительный ручей, и очутились во владениях самопровозглашенного князя Трех Долин. Одного из многих. Видимо, тот, у кого хватало средств возвести в горной стране замок, тут же превращался в аристократа с богатой родословной. Наверняка каждый второй «князь» считал себя дальним родственником нардарских императоров. И это вызывало беспокойство. Камень Хантала, без сомнения, пробудит в этих алчных душах новые чувства и поведает о новых возможностях, что могут возвысить их над прочими. С другой стороны, мне ли сейчас волноваться о такой ерунде? С большой долей вероятности, скоро я буду сжимать в руках тяжелую кирку и изнурительным трудом повышать благополучие местного правителя, поскольку мудрость — это одно, а способность узнать в необычном украшении древний атрибут власти — совсем другое. Насколько я знаю, в нардарских свитках есть несколько изображений этого камня, и они похожи друг на друга столь же сильно, как курица похожа на орла. Других способов опознать камень я не знал. По легенде, эта реликвия была вручена Ханталу Первым Прорицателем. Она одарила царственного владельца даром предвидения, поэтому и называлась также Камнем Откровения. Однако Алабель, владея драгоценностью много лет, что-то прорицала до крайности паршиво. Стоило смахнуть пот со лба и поглядеть на ржавые оковы, чтобы понять это.

Какими бы печальными ни были мои мысли, повлиять на ход событий они не могли. Наша группа продвигалась по долине, и чем ровнее становился рельеф, тем больше хижин и полей встречалось на нашем пути. Однако заниматься земледелием здесь было сущей мукой, поэтому большинство подворий держало коров и овец. Немногочисленные крестьяне кланялись Тенару и его людям, но на все расспросы только плечами пожимали. «Незнамо, милорд», — эта фразу скотоводы повторяли, будто сговорившись.

Ближе к вечеру на одном из утесов я увидел сооружение, которое при небольших оговорках можно было назвать замком. Окруженное частоколом приземистое каменное строение с одной-единственной квадратной башней было возведено перед обрывом каким-то незатейливым архитектором. Никаких излишеств, зубцов, балконов и черепичных крыш, лишь огромная двустворчатая дверь в форме полуовала и окна, расположенные в четырех метрах от фундамента. Пологая двускатная крыша была покрыта толстым слоем дерна, так что если бы не башня, здание можно всерьез посчитать просторной конюшней, а то и хлевом. Однако это была княжеская резиденция.

Тенар выполнил свой долг. Он довел истощенных и пошатывающихся пленников до нужного места. Даже я сейчас подумывал о том, что броситься вниз головой в шахту — не самая плохая идея, что уж говорить о последнем приятеле из нашей цепочки. Он падал уже столько раз, что раздосадованный Лексо в сердцах воскликнул: «Да прибейте вы уже его! Это будет самым милосердным поступком за всю вашу жизнь!» Бывший капитан галиота пытался протестовать, однако помутненный разум не давал языку воли, и изо рта доносились лишь малопонятные звуки. Спасло капитана появление в пределах видимости княжеских хором.

Конный разъезд местного правителя повстречал нас довольно поздно. Несколько всадников узнали у чужаков цель визита и отправили гонца в укрепление. Всего час спустя мы стояли у княжеского порога, в то время как Тенар беседовал с хозяином внутри.

Сперва я подумал, что в главный зал людей нашего положения просто-напросто запрещено впускать, что Тенар узнает все, что нужно, и отправится восвояси, но мои опасения не оправдались. Князь, как оказалось, любил общаться с пленниками, да только

пленники не всегда были этому рады.

Нас впустили в зал в то время, когда горы уже почти поглотили солнце. Повсюду полыхали факелы, звучала суровая музыка, а воины и землевладельцы сидели за длинными столами. Бились друг о друга наполненные до краев кружки и покатые лбы местной знати. Мало кто из них мог похвастаться дорогими плащами или меховыми шапками, но они не были от этого менее счастливы. Лилось вино, пожиралось мясо — обычный вечер, обычный ужин. Я же, глядя на сваренную целиком баранью голову, чуть не лишился чувств.

— Что встали?! — возмутился нашим замешательством Тенар. — Вперед идите!

Где-то в углу бил барабан, и неустанно играли флейты. Перед тронем лорда шумная толпа сгушалась, но стража оттесняла ее, чтобы дать гостям возможность предстать перед хозяином. Перед тем как расступилась последняя линия, вокруг меня прогремел всеобщий радостный вопль. Причину ликования я узнал в следующую секунду. Развлекались здесь не только выпивкой и музыкой: у стены слева висело обмякшее человеческое тело. Столь необычным положением мертвец был обязан метательному копью, насквозь пробившему его грудь и застрявшему в бревнах. Напротив новоявленной вешалки стояли два подвыпивших воина. Один из них смеялся и хлопал другого по плечу:

— Разрази меня гром, я ведь сразу сказал, что ты проиграешь. Ты уже первым ударом чуть ему голову не разнес!

Что ж, обычаи Трех Долин раскрылись передо мной во всей красе. Я увидел на троне молодого князя, хлопающего в ладоши. Его смоляные волосы перехватывал золотой обруч с разноцветными камнями, а на плечах красовался пурпурный плащ с капюшоном. По его левую руку сидела столь же богато одетая веснушчатая девушка со вздернутым носом и пухлыми губками. Уголки этих губ были приподняты — ей определенно нравилось все то, что тут происходило.

Ни князь, ни его избранница не произвели на меня особого впечатления. Отчасти это объяснялось тем, что я изначально представлял, люди какого склада обитают здесь, но главная причина крылась в другом. Лорд, его слуги и воины стали мне вмиг неинтересны, стоило моему взгляду изменить направление. Я подумал, что обманулся, что зрение сыграло со мной злую шутку. В поисках подтверждения этого я переглянулся с Алабелью. Ее ошарашенный вид не оставлял сомнений — все происходящее реально. Человек, сидящий по правую руку от князя, был нам хорошо знаком, только его текущего положения объяснить я не мог. Мне было невдомек, как Энрико, сын Освальда Хауза, из горемычного паренька превратился в главного советника лорда Трех Долин.

Глава 39. Закон гостеприимства

Взгляд Энрико был беспристрастен. Он заметил нас — я точно это знал, — но остался равнодушен. Ничего хорошего это не предвещало. Старые обиды иной раз копят, копят, чтобы при случае рвануть, как столб огня из вулкана, а тут такой случай явно представился. И вроде не было наше прощание с Энрико слишком жестким, но кто знает, что в его голове сейчас. Суровая разбойничья жизнь могла оставить в его душе свой черный след, а потому нам с Алабелью стоило пока помалкивать.

Хавьер был удивлен не меньше нашего. Теперь компания его старых знакомых была в сборе, и эту ситуацию он не смог бы трактовать иначе, как насмешку судьбы. Чтобы исключить всякого рода неожиданности, я толкнул плечом этого смердящего недоноска и сквозь зубы посоветовал ему не вступать в беседу.

— Так это и есть твой товар? — Князь взглянул на нас и обратился к Тенару. Говорил он быстро, при этом лукаво улыбаясь. — Я уже отсылал гонца в Бухту Чаек, но просил, чтобы мне прислали хотя бы тридцать-сорок человек. Таких оборванцев я могу и в Салуме купить.

— Они не на продажу, князь, — замотал головой Тенар. — Ты получишь их даром, если поможешь нам в небольшом деле.

— Что за дело?

— Много слухов ходит о чародее, который живет в твоих владениях. Мне нужно испросить у него совета.

— Герзах! — понял князь. — Да, советчик он хороший, но, быть может, ты спросишь совета у моего нового помощника. Он менее привередлив, чем старый хрыч.

Князь несомненно имел в виду Энрико. Тенар недоверчиво поглядел на парня, который практически был его ровесником.

— Боюсь, здесь нужно больше мудрости.

Князь рассмеялся:

— Сомненьями плодятся неудачи. Возможно, мудрости немного, но знаний у него достаточно. Он, кстати, тоже был рабом, и его тоже пригнали к нам с Ариса. Так что теперь у меня ученых мужей больше, чем во всем Салуме. Впору университет открывать!

— Прости, князь, мне велено обратиться именно к Герзаху.

— За ним сейчас пошлют. — Князь щелкнул пальцами, и где-то рядом затопало по полу несколько пар ног. — Пока же присоединяйтесь к трапезе.

— Благодарю, князь. Рабов желательно бы тоже покормить, а то они, чего доброго, подохнут. Мы спешили и не могли взять много припасов.

— Ха-ха, особенно того, с обвисшим животом! — засмеялась избранница князя и указала пальцем на бывшего капитана галиота. — Он, наверное, готов весь этот зал сожрать.

Князь оценил девичью шутку и добавил:

— Если его поставить к стене, как того вора, то даже слепой вряд ли пошлет копьё мимо.

Зал загудел от смеха. Тенар глупо улыбался — не знал, как реагировать на это внезапное соревнование по остроумию. Наконец ответил:

— Лучше отправьте его в шахты. Тяжелый труд сделает из него атлета. Скажу больше: я его дарю вам прямо сейчас.

— Это хорошо. Правда, среди моих рабов что-то маловато атлетов.

Измученного капитана освободили и под улюлюканье гостей вывели из зала. Уверен, что без оков он пробудет очень недолго. А судя по тому, как князь назначает себе советников, нас тоже ждет каторга. Знаменитый чародей Герзах не оправдывает ожиданий, а обиженный на весь мир Энрико не скажет и слова в нашу защиту. Теперь мы просто товар, и если бы у меня были силы, я бы смеялся, пока не охрип. Как же: вез ковры через полмира, и в результате сам стал ковром, вещью, которую могут купить, продать или обменять. История, достойная нардарских комедий.

— А остальные что, останутся здесь? — недовольно пробубнила княгиня.

— Они имеют отношение к тому делу, что привело нас сюда, — пояснил Тенар.

— Но они воняют!

Тенар украдкой поглядел на гостей — некоторые из них, вероятно, не стриглись и не мылись значительную часть своей жизни, — почесал под носом и сказал:

— Много пота сошло с нас за время пути, но здесь мало рек, в которых можно освежить тело.

Очевидный ответ, казалось, успокоил придирчивую девушку, да и терпеть ей наше присутствие осталось недолго — мудреца привели достаточно быстро. Это был сухой старичок с крючковатым носом и жидкой бородой. Он сильно горбился, но даже поднимая голову, не смог стать выше сидящего князя. И стало сразу понятно, что мудреца разгневали непрошенные гости.

— Чтобы тебя волки сожрали, Дамиан! Тебя и всех твоих гостей! Я говорил не беспокоить меня после захода солнца?

— Древний дуралей! — хмыкнул князь. — Радуйся, что тебя ходить заставляют, а не то скоро в землю вырастешь.

— Тоже мне умник нашелся. Отчиму надо было чаще тебя палкой по голове бить — глядишь, зауважал бы старших. Давай быстрее к делу.

— У нас гости с севера — люди Лазаря Пропавшего. Хотят что-то узнать.

Недобрый взгляд мудреца впился в Тенара:

— И что же?

Молодой пират извлек из походной сумки медальон Алабели, поглазел на него секунд пять и протянул удивительную вещь мудрецу.

— Мы прибыли для того, — сообщил Тенар, — чтобы узнать, нет ли в этом украшении какой-нибудь силы или особенной ценности.

Герзах скривился, прищурился одним глазом:

— В мире миллион всяческих украшений и амулетов. Вы всерьез считаете, что я знаю про них все?

— Эти пленники, которых мы привели... они сказали...

— Что они сказали? — начал терять терпение Герзах.

— Они имеют смелость утверждать, что это камень Хантала Святого.

Замолчала музыка, притихли гости. Самый пьяный из них попытался что-то прокричать, но был тут же успокоен ударом в глаз. Простое любопытство, подпитываемое горячительными напитками, сменилось у окружающих нас людей удивлением. Я мог их понять: публичными казнями здешняя публика давно пресытилась.

Герзах держал амулет на раскрытой ладони и какое-то время молча взирал на него.

— Пленница называет себя хранительницей камня, — как-то неуверенно добавил

Тенар.

— О, я обожаю подобного рода авантюры. — Глаза князя загорелись. Он бросил в сторону возлюбленной похотливый взгляд.

Герзах молчал. Нахмурившись, он и так и эдак вертел перед собой амулет, смотрел сквозь него на огонь и усиленно морщил лоб. Вероятно, выуживал из головы потаенные знания. Все ждали его заключения, и первым, кто не выдержал груза любопытства, был, разумеется, князь Дамиан.

— Ну что, старик, что ты видишь?

— Вижу перед собой человека, который мешает мне думать, — огрызнулся мудрец.

Изучение амулета продлилось еще какое-то время, и Герзах наконец объявил:

— Нет, это безделушка. Всего лишь редкий опал. Если удачно сторговаться, за него можно выручить горсть серебра. Рабы просто дурят вам голову.

— Я ожидал такого итога, — пожал плечами Тенар, — но чтобы впредь избавить себя от подобных хитростей, хотел бы знать, мудрец, как вообще должен выглядеть камень Хантала?

— Все эти «хитрости» ты должен пресекать сразу же, если имеешь в голове хоть немного ума. Впрочем, ты еще молод. — Герзах улыбнулся, но за снисходительной улыбкой скрывалась насмешка. — Никто точно не знает, как выглядит камень, — слишком давно он был утрачен, слишком много тайн его окутывает. В этой безделушке я ничего не чувствую, так что просто избавься от нее. Я уверен, князь Дамиан захочет подарить такое украшение своей ненаглядной Изольде.

— Священный камень должен излучать некую силу? — поднял одну бровь Тенар.

Этот вопрос чуть не вывел чародея из себя. Старик замотал головой, после чего, кряхтя и цокая, подошел к ближайшему дубовому столу и положил на него медальон Алабели.

— Мальчишка, — недовольно пробурчал старик. — Вечно таким надо все разжевывать. Это просто красивый камешек. Проверить легко: по легенде, истинный камень начинает полыхать холодным пламенем, когда на него попадает кровь. Приведите ко мне самозваную хранительницу!

Алабель, пребывавшая до того в некой прострации, встрепенулась и попыталась оказать сопротивление схватившим ее воинам.

— Что вы задумали, разбойничье отродье?! Отпустите! Я признаюсь — все это ложь, я лишь хотела сбежать с корабля!

— Ишь, разоралась тут, — возмутился Герзах. — Мне всего-то и нужна одна струйка крови.

— Струйка? Я ведь во всем призналась. Берите свою струйку у прочих пленников — это они уговорили меня солгать. Я сразу понимала всю глупость ситуации.

Герзах не удостоил Алабель ответом. Вместо этого он одной костлявой рукой схватил ее за запястье, а другой поднял со стола почерневший от ржавчины нож.

— Всем видно? — с издевкой спросил Герзах и сразу же полоснул Алабель по ладони. Старая кухонная утварь хоть и была туповатой, но тонкую человеческую кожу разрешила без проблем. Горячая кровь тут же закапала на медальон. Она сливалась с темным камнем до тех пор, пока не достигла бронзового окаймления. В том месте кровь на мгновение остановилась и, достигнув края, полилась на стол.

— Что и требовалось... — начал Герзах и осекся.

Слова вдруг сделались лишними, ибо такого не смог бы предвидеть ни один мудрец

мира. Медальон вспыхнул, словно миска с китовым жиром. Он загорелся ярким белым пламенем, высота которого тут же уменьшилась до пары дюймов. Огонь выровнялся, и даже отпрянувшие в страхе воины не смогли поколебать его. Алабель не испугалась пламени — ее ладонь нависала над медальоном так низко, что жар должен был опалить ее кожу, но ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Вторым человеком, который не отскочил от стола, был старик Герзах. Но равнодушным его вид не назвал бы даже трехлетний ребенок. Я скажу больше — Герзах был потрясен. Уж точно он не ожидал такого развития событий.

— Это он! Это он! — заверещали все вокруг. — Это священный камень!

Сомнений не осталось — столь долгое время у Алабели действительно находилась бесценная вещь. Она всячески отрицала это, но к чему в результате привела ее судьба? Великое чудо произошло перед горсткой разбойников и отъявленных мерзавцев. Кое-кто из них вспомнит, что давно не просил у Первозданного достойной добычи на большой дороге; кто-то взмолится об излечении от срамной болезни, а еще один усомнится в своих языческих идолах, но для нас мало что изменится. Путь торговцев коврами должен был идти в противоположную сторону с того самого момента, как чародейка присоединилась к нашей команде. Мы должны были следовать в Эллас-Амин.

Я не умею читать мысли, и то, что происходило сейчас в голове Алабели, мне неизвестно. В ее взгляде я заметил и гордыню, и трепет, и сожаление. Она заворуженно глядела на белый магический огонь, язычки которого плясали вокруг ее пальцев, и молчала.

Мудрец Герзах наконец поборол оцепенение, овладевшее им. Опять прищурился одним глазом и начал что-то обдумывать. Несколько секунд его левый зрачок бесцельно путешествовал вокруг век. Свое ошибочное суждение насчет камня, если оно таковым являлось, он вмиг позабыл. С юношеской резвостью бросился к князю Дамиану и принялся нашептывать ему свои мысли.

В это же время Тенар резко встал с колен, будто устыдившись своего религиозного страха. Огляделся вокруг и сделал шаг в сторону Алабели.

— Стой, где стоишь! — вдруг выкрикнул князь и замахал ладонями, приказывая своим людям достать оружие. В мгновение ока речные пираты из гостей превратились в заложников.

— Что ты делаешь, князь? — задыхаясь от возмущения, рявкнул Тенар.

— То, что велит мне сердце. — Лорд Дамиан обнажил зубы в зловещей ухмылке, переглянувшись со своей избранницей и сжал ее руку.

— Мы прибыли с дарами, доверились хозяевам этой земли, а эти хозяева хотят подло предать нас?

— Спроси у мудреца: он скажет, что подлость — понятие относительное. Негоже пресноводным лягушкам владеть столь значительной драгоценностью. Я сам преподнесу ее потомку Хантала и получу вознаграждение. Говорят, для хранения награбленных сокровищ он выделил целый остров.

— Ты не смеешь!

— О, все как раз наоборот. Если еще не дошло — вы кучка неудачников. Мне придется умертвить вас, но не в шахтах, как этих рабов. Ваша смерть будет вполне традиционной.

В конце этой фразы холодное пламя под рукой Алабели погасло. Она осторожно взяла медальон в руки, что не скрылось от взора князя Дамиана.

— Благородная хранительница, — с сияющим лицом произнес он, — подойди ближе,

тебе ничто не угрожает: ни рабство, ни насилие.

Алабель сделала неуверенный шаг, приоткрыла рот, желая что-то сказать, но ее опередили. К моему удивлению, заговорил Энрико.

— Князь Дамиан, я должен сказать нечто важное.

Первые мгновения молодой правитель казался мне раздраженным из-за вмешательства Энрико, но это оказалось ложным впечатлением — стоило князю повернуться, как лицо его разгладилось и приобрело вполне добродушный вид. Неужели паренек из Дирейма за столь короткий срок сумел завоевать безграничное доверие разбойничьих главарей? Все получалось именно так.

— Валяй.

— Хранительница — это Алабель, а пленник позади нее — Фосто.

Брови Дамиана поползли вверх.

— Вот так дела, вот так везение, — перекинулся он взглядом с возлюбленной. — Удивительно, как случай распоряжается нашей жизнью. Теперь это не просто расправа — я смогу воздать должное всем, кто обижал близких мне людей.

Слова, звучащие из уст князя, мне не понравились. Какая-то расправа, какие-то застарелые обиды — моей реакцией могло быть лишь недоумение. Страх в последнее время стал притупляться. В определенной мере я догадывался, о чем может идти речь, но за последние недели орган для догадок меня много раз подводил, и я надеялся, что и сейчас случилось то же самое.

Князь вдруг задумался и склонил голову к правому плечу.

— Ты ведь признал их сразу. Что же ты не сказал об этом, Энрико, дитя Запада? — беззлобно спросил он.

— Так и обстановка отличалась от настоящей. Гости, не получив желаемого, могли заломить большую сумму за пленников, а тут все разрешилось само собой.

— Про что я и говорил: парень не по годам мудр. — Дамиан чуть не рассмеялся, взглянув на сморщившегося мудреца Герзаха. — Парланские пираты зря его недооценивали.

И я недооценил Энрико. Любопытно, что он наплел про нас князю, но, судя по всему, в его повествовании хорошим моментам отводилась незначительная роль. Алабель сейчас подумала о том же.

— Князь Дамиан, — сказала она, — на мою долю выпало немало приключений, и человек, сидящий по правую руку от тебя, разделил их со мной. Сколь бы частыми ни были наши разногласия...

Князь не захотел слушать наших оправданий и довольно бесцеремонно оборвал речь чародейки:

— Тсс, прелестная хранительница, пусть скажет свое слово главное солнце этого зала. — Теперь речь Дамиана была неторопливой, как весенний дождь, и сладкой, как покрывшаяся бурыми пятнами груша.

Возлюбленная князя сцепила пальцы рук. «Главным солнцем» являлась именно она.

— Ну, милая, отдавай приказ!

— Повелеваю сбросить со скалы всех прибывших ко двору! — Звонкий, но уверенный возглас вызвал среди пиратов переполох. Даже Герзах открыл рот от удивления.

Княгиня обвела всех присутствующих неторопливым пронзительным взглядом, в котором воедино слились жестокосердие и какое-то садистское вожеление. Своенравная девица выдержала паузу и добавила:

— Ладно-ладно, шучу. Рабов убивать не надо. Даже больше — их надо освободить и привести в порядок. Теперь они под нашей опекой.

Этот приказ был выполнен тут же. Я считал, что радоваться рано: последние слова девушки опять могли оказаться шуткой. Чувство юмора у здешних обитателей своеобразное. Энрико почувствовал мою неуверенность и решил наконец объяснить происходящее.

— Фосто, Алабель, мои друзья. Вы, конечно же, удивлены моим положением. Я сам не перестаю этому удивляться, но если вы думаете, что все это из-за моей образованности, то ошибаетесь. При всем желании, с мудрецом мне не потягаться. Своим положением я обязан счастливой случайности. Очаровательную девушку, укравшую сердце князя Дамиана, зовут Изольда. И это та самая Изольда, отца которой мы спасли в Логрианде от несправедливых обвинений. Помните землевладельца Вига? Это его дочь.

— Да, — вмешался в разговор князь Дамиан. — Я в то время путешествовал, искал приключений и славы. Забрел в Логрианд и встретил там свою избранницу. Сразу понял, что это судьба, что пора возвращаться. Вернулся вовремя — поток рабов с севера очень вырос. Когда в мои руки попал Энрико, я хотел обойтись с ним довольно жестко: отдать Герзаху для алхимических опытов, — но они со сварливым стариком нашли общий язык. Это не только спасло паренька, но и позволило ему лучше узнать о моем окружении. Теперь и он, и вы — мои гости и друзья. Что за удача!

С этим не поспоришь. Иметь друзей среди бесчестной и жестокой бандитской знати дорогого стоит. Такие слова вполне сошли бы за иронию, если бы наше положение позволяло иронизировать. Лучше быть по эту сторону баррикад, потому что на другой стороне — могила.

Изольда. Дочь землевладельца Вига. Более подходящее слово — «крестьянина» Вига, но такие подробности сейчас только навредят нам — Изольда может болезненно отреагировать на упоминание о своем происхождении. Болезненно для нас.

— Думаю, пора переходить к делу, — потер руки князь и добавил: — Пора избавляться от гостей нежеланных. Согласна, милая моя?

— Более чем, — сверкнула глазами Изольда. — Только что выбрать — падение с высоты ночью совсем не зрелищно. Может, расстреляем их из луков?

— Есть идея, — оттопырил указательный палец Дамиан. — Мы обвяжем их ноги паклей, подожжем и сбросим. Мне кажется, это будет занимательно.

— Все-таки мне хочется потренироваться в стрельбе из лука. Парочку пиратов для этой цели я просто обязана оставить.

Я переглянулся с Алабелью, после чего бросил косой взгляд в сторону Энрико. Паренек ерзал в своем кресле, будто сидел на горячих углях.

— Ну, а остальных все-таки сбросьте, — сжала кулачки девица. — Они держали в заточении тех, кто спас дорогого мне человека, так что следует казнить их так же, как мы казним провинившихся рабов.

Тенар, несмотря на то что в его сторону были направлены острия мечей, сделал несколько шагов вперед. Ему порядком надоели беседы кровожадных господ.

— Наша смерть сильно осложнит ваше существование, если не сказать больше. Капитан знал, сколь ты лжив и мелочен, лорд Дамиан, поэтому отправил людей к Алкею Гневному и его побратиму. Если через неделю мы не будем там, они поймут, что произошло, и соберут против тебя войско. Ты знаешь, сколько сил может собрать Алкей. Эти «обширные» владения перестанут быть твоими.

Князь задумался. Его избранница скорчила недовольную мину и потребовала вырезать язык у заносчивого пирата, но тут в дело вступили иные обстоятельства. Если сказанное Тенаром правда, то проблемы у мелкого правителя Трех Долин действительно могли возникнуть серьезные. Правда, кое-что про князя Алкея я знал — все благодаря стараниям Уховертки, который готовил меня к миссии в Вековой Вершине. Так вот, не мог капитан Квок связаться со своим союзником иначе, как голубиной почтой. Любой другой путь, минуя эту долину, был труден и долог. Тенар сказал глупость.

Дамиан, собравшись с мыслями, обратился к нам:

— Кто-нибудь из вас слышал о таком? Эти лисы действительно отправили гонцов в обход моих дозорных вышек?

Неожиданный вопрос. Решать судьбу пиратов, попортивших мне немало крови, не входило в мои планы, однако новая возможность принесла мне некоторое удовлетворение. Я взглянул в темные немигающие глаза Тенара и почувствовал его страх. Одно мое слово может стать для него роковым. Он это прекрасно понимал, и, я уверен, в своих мыслях молил меня о снисхождении. Этого мне более чем достаточно. Пираты перестали быть для меня угрозой, а значит, и смерть их была ни к чему.

— Да, — кивнул я. — Я слышал беседу парнишки с капитаном. Перед тем как отправить нас, они прислали сюда лазутчиков.

В сердцах Дамиан саданул кулаком по подлокотнику. Грязно выругался, проклиная пиратскую предусмотрительность. Досталось, разумеется, и князю Алкею — от таких заковыристых выражений у влиятельного господина еще долго будет сильная икота. Дамиан не знал, как поступить, и колебался, так что лишь совет мудреца успокоил его. Герзах сказал, что пиратов следует отпустить.

Оружия им, правда, никто не вернул. Более того, под шумок я смог убедить князя Дамиана в том, что предводитель пиратов незаслуженно носит свой кольчужный доспех. Замечательный подарок гелетианского лорда Альберта вернулся ко мне. Впору было праздновать еще одну победу над злодейкой-судьбой, но ложку дегтя в мои медовые мысли неожиданно влил Энрико.

Прислуга убирала обглоданные кости и прочие остатки яств, чтоб освободить место для новых блюд. Энрико воспользовался этим моментом для крепких объятий, которыми он одарил своих вновь обретенных товарищей по несчастью. Самые крепкие объятия достались, разумеется, Алабели.

— Всемогущие силы! Как я рад, что вы здесь! — воскликнул парень, когда мы отделились от шумной толпы.

— Уж поверь нам — мы рады не меньше, — улыбнулась Алабель.

— Я тысячу раз пожалел, что сел на тот корабль, о котором говорил рыцарь Кристоф. И двух дней не прошло, как его захватили: весь проклятый Арис кишит разбойниками. И вас та же участь постигла... Это все Хавьер, его уловки? Как вы вообще попались ему на глаза?

Я почесал бороду:

— Не совсем так, Энрико. Это он попался на наши глаза.

— Ты можешь уговорить князя казнить его? — вдруг спросила Алабель, и взгляд ее стал воистину диким. В такие моменты я даже чуть-чуть сочувствовал ее врагам.

Энрико сглотнул слюну и почесал лоб. Он явно нервничал.

— Это лишнее, — осенило меня. — Перед смертью Хавьер успеет много чего наговорить на нас. Это касается как Тенара, так и других обстоятельств. Оставим все, как

есть.

— Думаю, это правильно, — согласился со мной Энрико. — Просьбы, о которых ты говоришь, Алабель, могут аукнуться и нам. Хозяева скоры как на милость, так и на расправу. Особенно на расправу.

Парень собрался с духом, огляделся по сторонам и схватил меня за плечи:

— Фосто, мы должны убираться отсюда.

— Ты узнал что-то важное?

Энрико вздохнул и покачал головой:

— Все, что важно, я узнал сразу, как попал сюда.

— Продолжай.

— Я... Вы знаете — я не люблю лгать, поэтому просто поверьте мне. У хозяев очень изменчивое настроение. Если бы вы видели, что они творят только по одной прихоти, безо всякой причины, то уже никогда не смогли бы им довериться.

— Могу предположить, что не все рабы умирают в шахтах, — хмыкнул я.

— Это слабо сказано. Но самое страшное, что все это происходит спонтанно: вот Дамиан спокойно беседует с каким-нибудь слугой или даже путешественником, а в следующую минуту с улыбкой на лице приказывает разорвать его двумя деревьями. Видите ли, путник посмел расхваливать свои родные места. Это ужасно!

— Ну, просвещенный Мальдион — это, конечно, не Скалистый Край, — с иронией произнес я. — Ты только Дамиану не говори этого.

Энрико совсем не понравилось мое зубоскальство.

— Помилуй меня Первозданный! Я видел, как живого человека на кол сажают, Фосто!

— Ну-ну, Энрико, успокойся. Я уверен, нас такая участь не ждет.

— Почему?

— Хозяин же сказал, что провинившихся рабов в пропасть скидывают.

— Опять твои колкости!

— Ладно, Энрико. — Я посерьезнел и пробежался глазами по залу. — Ты прав. А теперь быстрее говори все, что может нам пригодиться. Колдун Герзах уже поглядывает на нас столь же пристально, как на самого колдуна поглядывает старуха с косой.

Глава 40. Три помехи

Удивительно, что ночь после нашего превращения из рабов в почетных гостей обошлась без жертв. Отчасти это можно объяснить религиозным благоговением, принесенным в длинный дом вместе с древним сокровищем, но не в последнюю очередь это случилось из-за моей доброты. Может быть, она была неуместна, да и попросту опасна, так как князь вполне мог пристально следить за окрестностями. К тому же мудреца обвести вокруг пальца сложно. Может быть, из-за подобного малодушия и приключались со мной всевозможные несчастья. Глядя на Хавьера из Патса, который полночи сидел неподалеку, ел и пил, наслаждаясь гостеприимством вероломного лорда, я убеждался в этом все больше и больше.

Кости, однако, брошены, и конечный результат этой игры нам неведом. Все, что я знаю, — здесь нельзя оставаться. Капризы, метания между крайностями и постоянная жажда чего-то нового свойственны не только избраннице князя, но и ему самому.

Дамиан очень воодушевился предстоящим путешествием к Пепельным островам, где обосновался предполагаемый потомок первой династии нардарских императоров. Он немедленно начал собирать людей, готовить припасы и раздавать всем вокруг щедрые обещания. Обещал возвысить всех, кто сохранит ему верность, и кричал, что видит окружающие земли процветающими и защищенными. Но за пеленой замутненных сокровищем глаз я видел его истинный облик. Ему было совершенно наплевать на то, что существует большая вероятность потери этих земель после вражеского рейда. Он отпустил пиратов, убежденный в том, что никто им не поверит, но отмахиваться от нависающей над долиной тучи придется не ему. Разойдется слух, подтвердятся догадки, и новые хозяева придут на эту землю.

Призрачная слава стоила того. Скучные пастбища и истощенные шахты разумно променять на службу у известного и храброго завоевателя. У очень богатого завоевателя. Правда, в алчный череп Дамиана не проникала мысль, что он может закончить так же, как пираты с Ариса. Тот, кто принимает поспешные и самонадеянные решения, должен быть готов ко всяким жестоким неожиданностям. Думаю, мудрец Герзах все это прекрасно понимал, но донести истину до загоревшегося внезапной идеей воспитанника не мог. Не старик был главным советником Дамиана. И не Энрико.

Это проблема. Большая проблема. Настолько большая, что каждый день пребывания здесь сродни ожиданию аудиенции у ныне покойного графа Балинта. Мы рисковали все, но больше всех рисковала Алабель. Я не зря имел привычку следить за выражением лиц тех, кто мог осложнить мою жизнь. Лестью или, наоборот, своевременным молчанием можно повернуть ситуацию в выгодное для себя русло и, помимо того, увидеть, что раздражает собеседника, а что вызывает его благосклонность. Алабель Изольду раздражала.

Эка невидаль. Я бы удивился, если бы не заметил хищного блеска в глазах княгини. Дамиан не жалел комплиментов ни чародейке, ни своей возлюбленной, причем последней часто доставались эпитеты изощренные и даже, я бы сказал, излишне мудреные, но обстановка все равно накалялась с каждой минутой.

Мы сидели слишком близко от лордов. Стоило Энрико оказаться подле нас, как я сквозь зубы посоветовал ему проявлять чувства к Алабели более активно, а самой девушке — отвечать показной взаимностью. Это должно было снять напряжение между дамами. Я на это надеялся.

Но не только глупая ревность заставляла меня все чаще смотреть в сторону выхода. Какой бы статус мы ни получили, сколько бы золотых монет ни грезилось нам во сне, Алабель не допустит, чтобы ее медальон обрел нового хозяина. Сам Хантал, появившись он сейчас перед ее ликом, не сможет уговорить ее на подобный шаг. Эта драгоценность ей дороже и наших жизней, и жизни собственной, но раз свое существование она тесно связала с камнем, то и за смертью гоняться не будет. А значит, не останется здесь ни на один лишний день. После мольбы Энрико мы говорили не больше минуты — нескольких фраз нам хватило, чтобы понять, как действовать.

В кои-то веки вся наша троица солидарна друг с другом. Момент, единственно верный, нагрянет на вторую ночь нашего пребывания в чертогах князя Дамиана. Большая попойка — именно это скоро произойдет. Не будет князь жалеть запасов, как не будет жалеть и своего здоровья. Когда главные действующие лица предстоящего празднества напьются до колик в печени и тумана в глазах, трех отчаянных странников ждет опасная дорога по Скалистому Краю.

Лучше бы я вновь попал на охваченные войной земли Парлании. Там хотя бы было где развернуться. Скалистый Край — это территория буковых долин, перевалов, изрезанных плато и укромных ущелий, которые для живущих здесь людей так же привычны, как песчаные моря для племен Куру-Дарз. Я полагал, что мы можем при случае спрятаться здесь, но одна навязчивая мысль никак не давала покоя: неприятели, возможно, знают все места, где самонадеянные беглецы рассчитывают найти убежище.

И все же некий шанс вырваться невредимыми из владений Дамиана был. Мы не собирались возвращаться той же дорогой, что и пришли сюда. Даже если она не находится под наблюдением, загонять себя в такую ловушку — чистой воды самоубийство. Нет, мы двинемся на запад, а уж стоит нам достигнуть рабовладельческой столицы мира — Салума — и ни одна разбойничья зараза нас не поймают. Затеряться там проще простого. Тем не менее, вспомнить недавний переход по тайной тропе просто необходимо: предстоящий путь обещал быть в десять раз мучительнее. Но свобода того стоила.

Милые улыбки служанок, подливающих пиво; щербатый оскал захмелевших воинов; внезапные вопли прямо в ухо от какого-нибудь пропойцы, считающего, что у него есть певческий талант, — именно так начался пир в честь великой миссии, которую возложил на свои плечи князь Дамиан. Возложил точно так же, как и громкий титул князя.

Народу, как я и ожидал, заметно прибавилось. Столы и лавки поставили плотнее, появились новые лица, поделившие с нами почетные места, да и музыканты стали играть громче, пожертвовав качеством исполнения. Люди ели, пили, смеялись и матерились, а первая поножовщина произошла спустя полчаса после того, как в зал внесли трех запеченных кабанчиков. Энрико, услышав столь привычный в этом месте визг, залпом осушил здоровенную кружку с пивом.

Князь, поднимающий над головой серебряную чашу, вещал что-то о грядущих победах, о своем важном предназначении и невероятных возможностях для всех, кто будет биться с ним бок о бок. Ни одного врага поименно он, разумеется, не назвал. Но это и не суть важно: самое главное, что алкоголь он глушил беспощадно и в этом деле мог дать фору любому завсегдатаю таверн. Удивительно, что его пассия прикладывалась к кубку не реже, но никаких признаков охмеления я у нее заметить не смог. Разве что губы девицы то растягивались в хитрой улыбке, то сжимались, как от серьезной обиды. В последнем случае она начинала рыскать глазами по залу, будто выискивая интриганов и заговорщиков. В тот

момент я сразу делал вид, что безмятежно наслаждаюсь обилием яств и общением со старыми друзьями.

Пляски, песнопения и нескончаемый гомон не утихали до позднего вечера. К этому времени уже обессилели музыканты, а многие гости нашли отличное место для сна под столами. Некоторые из них просыпались, потревоженные случайными ударами сапог, и начинали сражение с псами за объедки. Рычали не хуже зверей.

Хозяин пиршества еще не раз выступал перед окосевшими подданными, причем настроение его улучшалось с каждой минутой: он часто смеялся, вспоминая свои удивительные подвиги, и расхваливал каждого воина, с которым когда-либо разделял добычу. В конце концов Дамиан с нескрываемой страстью оглядел свою возлюбленную Изольду, жадно впился в ее губы поцелуем и, подняв на руки, понес в опочивальню. Воины, пока еще удерживающие свои головы в вертикальном положении, одобрительно зашумели, а наиболее ловкие из них похватили служанок и тоже разошлись по укромным местам. Час исполнения нашей задумки стремительно приближался.

Моя голова покоилась на скрещенных руках. Я делал вид, что уснул за столом, и сколько-то минут действительно дремал, но не забывал время от времени оглядываться вокруг, протирать глаза и вновь принимать позу бывшего выпивохи. Энрико, будь он неладен, действительно уснул. Я толкнул его локтем.

— Что, уже? — щурясь, спросил он.

Хотелось ответить ему, что опустели бочки и потускнел свет, что Алабель отправилась на разведку и вот-вот появится здесь, но это лишнее. Я едва заметно кивнул.

Энрико похрустел шеей, встал и направился ко входным дверям. Он выйдет на свежий воздух, помочится в кусты и одновременно с этим узнает, есть ли охрана перед зданием. Если точнее — узнает, есть ли кто-то, кто еще в состоянии помешать нашим планам.

Алабель в это время искала комнату, где хранилось трофейное оружие. Ее меч, отнятый у Тенара, отнесли во внутренние помещения княжьего логова, и она просто обязана была найти его. Без трудностей, однако, не обошлось. Первое препятствие: тучный шатающийся воин, внезапно перегородивший Алабели дорогу. Он почесывал свою промежность и поглядывал на девушку, облизывая в предвкушении губы.

— Иди-ка сюда, золотце! — Наверняка он считал, что после этой фразы в прелюдии уже не было смысла.

Алабель заулыбалась и приблизилась к столь красноречивому и настойчивому ухажеру. Тот не стал ходить вокруг да около — сжал ее ягодицы и притянул к себе. Однако надежды на быстрое соитие оказались напрасны. Не ту любовницу выбрала себе бандитская туша. Улыбка Алабели стала каменной и не сошла с лица даже в тот момент, когда маленький нож выскользнул из рукава и несколько раз вонзился в шею неудачника. Воин даже крика не издал. Лишь мерзкий хрип и бульканье крови.

Девушка огляделась, выискивая место, где можно спрятать свидетельство нашей неблагодарности. На ближайшей к ней двери висел тяжелый замок. Алабель поморгала, поскрипела зубами и бросила взгляд на свою жертву. Та еще подергивалась, побрякивала и этими неосознанными движениями рождала на свет еще один звук — бряцанье каких-то железок. На поясе у воина висела связка ключей.

С трудом Алабель затащила труп в отпертую комнатку. Присвистнула, увидев там то, что искала: свой меч и еще кучу разнообразного оружия. Осталось только привести сюда меня.

Второе препятствие, уже менее серьезное, появилось перед Алабелю недалеко от большого зала. Какого-то Эрхивиана мудрец Герзах решил прогуляться по княжеской резиденции. Он отсутствовал на пиру, но, похоже, весь вечер не покидал этих чертогов. Встреча с Алабелю неприятно его удивила. Да и кто бы радовался, увидев своего бывшего раба с руками, запачканными кровью?

— Струйка, господин Герзах? — прошипела чародейка и подскочила к растерянному старику.

— Стой, нет! Я не знал! — успел выкрикнуть Герзах, прежде чем его голова соприкоснулась с кулаком чародейки, а после — с каменным полом.

Когда Алабель появилась в проеме двери, я не ждал ни секунды. Сразу отправился вслед за ней. Мне не пришлось долго выбирать себе меч — взгляд сразу пал на великолепный клинок, явно созданный мастером-оружейником. Это было понятно и по украшенным ножнам, и по причудливой рукояти с четырехгранным навершием. Я взял меч в руки, но лезвие извлек не сразу — боялся увидеть, что это не более чем парадное оружие, покрытое гравировкой, эмалью и надписями. Опасения не оправдались. Меч был выкован не только для того, чтобы показывать статус владельца. Прямой и острый кусок закаленной стали должен нести смерть врагам его обладателя.

Алабель, заметив мой восторженный взгляд, улыбнулась.

— Отличный выбор, — сказала она, закрепляя на поясе кинжалы.

Бесспорно. Я перекинул через плечо португею и закрепил оружие на ремне. Осмотрелся в поисках подходящего меча для Энрико. Алабель сразу все поняла и хлопнула меня по плечу, указывая верное направление. На полупустой оружейной стойке покоилась небольшая железная булава с шарообразным наконечником.

— Ты уверена?

— Я уверена в том, что Энрико не любит вида крови.

Замечание-то, в принципе, уместное, но моя фантазия тут же нарисовала образ нашего друга, который удачным замахом разносит вдребезги голову противника. Крови, конечно, будет меньше, чем мозгов.

Нужно торопиться. У одного храпящего бандита я заметил неплохую дорожную сумку, так что какое-то время придется потратить на сбор еды, а каждая секунда бездействия или замешательства подобна смертному приговору. И, как это обычно случается, проблемы возникают в самый ответственный момент. Я перешагнул мертвое тело и вышел из оружейной комнаты. На моем пути к свободе стоял Лексо Уховертка. В руках он сжимал разделочный нож.

Глава 41. Водопад

Я не успел понять, несет ли мне угрозу сгорбленное туловище Лексо, стойка вполоборота и хмурый взгляд исподлобья. Его рука с оружием свисала, как плеть, но это мало о чем говорило. Парланец пробормотал:

— Я все слышал — вы задумали бегство.

Я шумно выдохнул и перебрросил булаву в правую руку — коридорчик узковат для длинного меча. Ничего не ответил.

— Это очень рискованный шаг. — После этих слов Лексо из-за моей спины выглянула чародейка.

Я ощущал раздражение, но все же дал Уховертке возможность договорить.

— Будет погоня, и вам понадобится помощь.

Так бы сразу и говорил. Нечего тянуть кота за хвост. Мы с Алабелю одновременно кивнули друг другу и жестом указали Лексо на арсенал.

Сонное царство, в которое превратился пиршественный зал, продолжало оставаться таковым. Мне же на короткое время пришлось переквалифицироваться в похитителя окороков. Что же делала Алабель, пока я добывал еду? Она, вытянув шею, выискивала среди спящих одного старого знакомого. Того самого, кого уже заждался в своих огненных владениях Эрхивиан.

— Он же был здесь, — шепотом негодовала Алабель. — Могу поклясться, что Хавьер опять задумал нас извести.

— У него это получится, если ты бессмысленными поисками кого-нибудь разбудишь. — Моя речь походила на шипение потревоженной змеи.

Когда недалеко от постаментов с креслами хозяев появился Лексо, мне вновь захотелось съязвить, но я лишь качнул головой. На поясе у парланца висели два коротких меча. Они отличались друг от друга шириной лезвия, но длина у них была почти идентична. Целесообразность такого вооружения казалась мне сомнительной, но это все мелочи. Главное, что команда беглецов вооружилась, и общая цель, объединившая таких разных людей, требовала немедленных действий. Мы выдвинулись в путь.

Энрико приготовил целый доклад, когда встретил нас перед частоколом. Он не переставал меня удивлять. Были хорошие новости: все привратники вдрызг пьяны, а на одного из них Энрико по случайности помочился, не заметив тела в кустах терновника. Появились новости и неважного характера: в хибарах рядом с конюшнями попойка продолжается, и судя по крикам, группа бандитов нашла себе пристанище около большого костра. Дрыхнуть они не собирались. Вероятно, среди них находился и треклятый Хавьер, но кусание губ вызвал не только этот факт. От нас отрезаны лошади.

Расстраиваться некогда, и вообще-то я готовился именно к такому повороту. Не видел в предстоящем пешем броске ничего страшного. Горы уже закалили нас — пришла пора это доказать.

Побежим трусцой, пока от усталости не помутится сознание. Пешие имеют то преимущество перед всадниками, что могут использовать для передвижения и укрытия практически любой элемент местного ландшафта. Остается только вовремя на этот ландшафт забраться — до того, как копейщик на коне превратит тебя в подобие шпажки с сыром.

Пока еще время работало на нас. Не во всех своих аспектах, но я рассчитывал, что с нашей прытью мы до рассвета будем в безопасности. Вероятность столкнуться с конным разъездом существовала до тех пор, пока не исчезнет из виду княжеская резиденция, а пологие пастбища не сменятся диким кустарником и редколесьем. Время подводило нас в одном — во тьме, опустившейся на эти земли.

Спуск с утеса получился не менее захватывающим, чем восхождение в горы под присмотром пиратов. Ночь уже вступила в свои права, лунный серп скрылся за тучами, и каждый раз, когда я спотыкался, появлялась опасность закончить намечающееся падение лишь на дне долины. Алабель освещала путь факелом, но этого для такой коварной тропинки было недостаточно. Энрико чертыхался и дивился правителям, нагромоздившим свои хоромы в богом забытых местах. Он, как и я, уже не раз был готов кубарем скатиться вниз, и только благодаря своевременному вмешательству Лексо этого удавалось избежать. Его забота о беглом советнике вызывала умиление.

Еще на пиру я поведал Энрико обо всех особенностях наших взаимоотношений с нечестивым парламентацем. Парень тогда выслушал меня и пожал плечами. Он сразу понял, что Лексо — лишь исполнитель господской воли, а потому посоветовал не точить на него зуб. «Не стоит лепить из него второго Хавьера», — сказал он. Утверждение спорное, но только не в нашей ситуации. У нас и без Лексо врагов хватало. Кроме того, сейчас мы имели общие интересы — личные счета следовало положить на полку и до поры до времени про них забыть.

Эх, как мягок стал с возрастом мой характер! Как отпавший от дерева плод. В былые времена деяния Лексо не остались бы без ответа. Жажда мести преследовала бы меня и на войне, и в кабаке, и даже в доме терпимости. Рассудок и здравый смысл не перевесили бы моей злопамятности и обиды. Но теперь все не так, и я даже не знал, хорошо это или плохо. Не мог решить, что хуже: прелый фрукт или черствый хлеб.

В чем я сомнений не испытывал, так это в том, что любого прихвостня Дамиана ждет серьезный отпор, если он задумает скрестить со мною меч. Я не буду легкой целью и не позволю набросить на себя цепи. Они достаточно жгли мою кожу. Я верил льстивым речам и оставлял неприкрытой спину, чем и пользовались мои враги. Больше таких ошибок я не допущу.

Сейчас я брел последним. Алабель заметно ускорила, когда дорога сделалась менее крутой и извилистой. Мне, однако, от этого не стало легче. Все камни и кочки под ногами скрылись от моего взора. Единственное, что я различал перед собой, — силуэт Лексо, заслоняющий от меня источник света в руках чародейки.

Это безобразие продолжалось ровно до тех пор, пока из-за туч не показалось ночное светило. Хоть луна и не имела достаточной силы, ее появление сразу наделило природу новыми красками, новыми оттенками черноты. Тропа перестала быть подобием полосы препятствий для скаковой лошади, а глаза получили возможность увидеть все неровности и запомнить их, если крошечная тьма вновь накроет эти земли. Жаль только, что луна появилась поздновато: наша команда уже спустилась в долину.

— Ускоряемся, ребята! — скомандовала Алабель.

Мы побежали по петляющей между избушками и сараями дороге, сопровождаемые редким лаем сторожевых собак. Это напрягало. Я ждал момента, когда какой-нибудь любопытный житель откроет ставни и поднимет тревогу. Свою погибель он, конечно, найдет, но кто знает, сколь высокую цену мы заплатим за подобную опрометчивость?

— Может, потушим факел? — предложил я.

Алабель придерживалась иного мнения:

— Посмотри вверх — тучи вот-вот опять украдут луну. Где мы тогда огонь найдем?

Пусть горит.

— Я готов пожертвовать несколько капель крови для амулета, — хмыкнул я. — Если понадобится больше, жертвуем Уховерткой.

— Очень смешно, — откликнулся недовольный парланец.

— А ты думал, для чего мы тебя взяли?

Лексо с прищуром посмотрел на меня, но свой бег замедлил, чтобы не оставлять за спиной всяческих шутников.

— Оставим святотатство на потом, — буркнула Алабель. — Достаточно того, что устроил бесноватый князек. Только одна рана зажила, как нанесли вторую.

— Не князек, а мудрец, — сбивчиво произнес Энрико. — Его лица тогда я не забуду. Такую гримасу скорчил!

— И заплатился за это. Дедок твой, Энрико, на свою беду встретил после пирушки Алабель.

— Он жив, — откликнулась на мои слова чародейка и тут же оговорила: — Скорее всего. Давайте закончим это и будем просто двигаться дальше.

Так мы и сделали. Время для пустых бесед еще не наступило.

Первый короткий привал мы устроили в час, когда небо изменило свой цвет с абсолютно черного на темно-фиолетовый. Рассвет не за горами, если выражаться образно, хоть именно за горами он и прятался. Их отвесные склоны окружали нас, сдавливали, и кабы не тропа, нам могло бы показаться, что мы заперты в тупике. Хотя, надо признаться, тропа иной раз сужалась до безобразия, а то и вовсе исчезала из поля зрения.

Мы попадали на землю, отдышались. Алабель приложила ухо к булыжнику, который был остатком давно разрушившейся мощеной дороги, и отрицательно покачала головой. Пока что мы в безопасности.

Лексо размял ноги и похлопал по спине Энрико, который никак не мог выровнять дыхания. Бедный парень давно не испытывал таких нагрузок.

— Следи за биением сердца, — сказал парланец. — Старайся его контролировать.

В ответ Энрико шумно засопел, но долго дышать носом не смог и вновь принялся хватать воздух ртом. Выражением лица он походил на терзаемого пытками узника.

Лексо был ценен не только как сомнительный советчик, как топливо для освещения — он неплохо знал Скалистый Край, хорошо ориентировался на этой местности и пояснил, к чьим землям ведут главные дороги. Он указал рукой на гладко обтесанные и связанные цементом камни:

— Большинство дорог построено при нардарских правителях. Их строили для горняков — эта земля снабжала империю ценными ресурсами, рудой. Правда, из-за труднодоступности этот промысел зачах вместе с развалом Нардарии. Теперь сюда бегут за вольницей. Не все ее находят, но для бандитов тут раздолье. Они возвели укрепления, обзавелись хозяйством, почувствовали себя важными, но главный город — Салум — уже давно управляется представителями самых сильных князей. В том числе и людьми из Трех Долин. В Салуме нам ничто не угрожает. Разве что убийство в подворотне или разборки в таверне. На это плевать — мы за себя постоять можем. Только бы туда добраться. Путь неблизкий: сначала дорога выведет нас к Трилистнику — самой мощной крепости в здешних

местах. Потом она разделится, однако нетрудно понять, по какой идти к Салуму.

Лексо говорил так, будто мысленно уже пировал в столице разбойников, а меж тем даже до Трилистника дойти — задача крайне сложная. Двигаться по дороге опасно, по скалам — утомительно, а лес здесь рос недостаточно густой и обширный. Дамиан делает все, чтобы мы не добрались до чужих земель, и первый знак грядущей схватки не заставил себя ждать.

Утром прошел небольшой дождь. Карабкаться по скользким камням было проблематично, да и запас времени, как я считал, у нас пока имелся. Я бежал по дороге, то и дело поднимая к серому небу лицо. Прохладные капли ласкали мою кожу, я ловил их ртом и краем глаза заметил, что так делаю не один я. Щедрость природы, однако, была недолгой.

Не знаю, наступил ли полдень, когда Алабель велела нам остановиться и вновь припала к земле, но на этот раз она кое-что услышала.

— За нами хвост. Коротенький, правда.

— «Коротенький» — что это значит? — смутился я.

— Это значит, что я не услышала полномасштабной погони. Одна или две лошади.

Две лошади нам бы не помешали. Решено было устроить засаду.

Всадник в броне и огромный пес, бегущий рядом. Они появились из арки, созданной переплетенными кронами деревьев, и сразу остановились. Тропа спускалась вниз, огибала невысокий каменистый уступ и через триста метров вновь исчезала в буковой роще. Открытое пространство позволило разведчику увидеть, как к камню на обочине привалился утомленный беглец. Он заметил всадника, с трудом встал и побежал к зарослям.

Полминуты всадник ничего не предпринимал. Его голова, защищенная закрытым шлемом с узкой прорезью для глаз, медленно поворачивалась из стороны в сторону. Разведчик осматривал территорию. Не лучший головной убор он выбрал для этого дела, но, похоже, смог увидеть все, что необходимо.

Всадник хлопнул коня по бокам и подал команду собаке. Та тут же бросилась вперед, за добычей, которая казалась такой легкой. Мощные лапы зверя едва касались земли, и ничто не могло помочь беглецу, как вдруг собака, взбивая грязь и щебень, резко затормозила. Она понеслась в сторону от дороги, к каменному выступу. Прямо туда, где в предвкушении короткой схватки засели два излишне самоуверенных человека — я и Алабель.

Когда увидел, кто летит в нашу сторону, преодолевая камни, как ступени лечебницы для немощных, я понял, что в засаде больше нет смысла. Я встал в полный рост и крепко сжал в руке клинок. Алабель приняла боевую стойку за моей спиной, чтобы помочь нейтрализовать стокилограммовую клыкастую угрозу.

Взмах мечом! Я опоздал — удар следовало нанести секундой раньше. При всех своих габаритах псина обладала удивительной скоростью. Она, гаркнув, вцепилась в мою руку и выбила оружие. Кольчуга выручила меня, но боль, ощущение огромного давления на предплечье вырвали из моего горла сдавленный крик. Я дернулся так, что сбил с ног чародейку. Развернувшись, я столкнул пса с уступа и посчитал удачей, что моя рука осталась частью туловища. Зверь упал на дорогу и бросился в атаку вновь.

Конника мало занимали события на маленькой скале. Его целью был убегающий человек. Лексо мог уже не изображать страдальца с заплетающимися ногами. Жаль только, что практически таким он и являлся. Он остановился, вытащил мечи и решил встретить врага грудью. Хвала Первозданному, смог быстро понять разницу между конской грудью и своей. Ни один азартный игрок, случись все это на турнире, не поставил бы на него даже

самой мелкой монеты.

Лексо выкрикнул что-то по-парлански и прыгнул с дороги вниз. Покатился по мелким камням. В это-то время и появился из-за укрытия Энрико. Хоть арбалета у него не было, кое-какое метательное оружие он заимел. Бульжники. Самые обычные бульжники, которые можно обхватить пятерней. Один из них полетел в воина. Раздался глухой звон о массивный наплечник. Нашего врага это не впечатлило совсем. Он не спешил, не умчался прочь. Вместо этого он взмахнул кавалерийским мечом и направил коня прямо на Энрико. Будь последний более опытен в воинском деле, попытался бы напасть на всадника именно в этот момент. Копыта коня скользили по склону, а торчащие из земли обломки горной породы грозились стать причиной серьезной травмы. Все это чертовски замедлило врага.

Энрико на такой тактический ход не уповал. Он обежал камень, уходя от столкновения, и пытался подтрунивать над разбойником. Все бы ничего, но измученный вид парня не добавлял бахвальству необходимой убедительности.

Лексо медлил с помощью, а всадник тем временем вернулся на дорогу. Играть в догонялки с метателем бульжников ему надоело. Видимо, он решил посмотреть, умертвил ли пес свою добычу. То, что он увидел, наверняка его поразило.

Здоровенный охотничий зверь стоял, как вкопанный, перед худой рыжеволосой девушкой. Он должен был разорвать ее, а вместо этого таращился на что-то и шевелил свисающими ушами. В последний момент Алабель сумела окутать чарами собачью голову. Я уже не мог помешать подобному действию, отчего испытывал двойкие чувства. Мое удивительное кольцо исчезло в недрах пиратских карманов, но сейчас это обстоятельство нам помогло.

Как бы то ни было, внутреннее чутье подсказало, что у Алабели сложности с подчинением зверя, а потому я занес меч для укола и начал медленно приближаться к цели. Пришла пора покончить с клыкастой бестией.

Тут же над долиной раздался свист. Вероятно, без шлема он был бы гораздо сильнее, но и этого хватило, чтобы пес пришел в чувство и, ловко отпрыгнув, вернулся к своему хозяину.

Странный всадник исчез в той же роще, откуда и появился. Первое нападение мы отбить сумели. Жаль только, что это лишь начало. Вдвойне жаль, что все началось так рано.

Нам только и осталось, что продолжить бегство. Желание спастись подстегивало нас, но этот инстинкт постепенно сдавал позиции, уступая арену разума утомлению и изматывающей тревоге. В течение дня мы сделали только два кратковременных привала, чтобы отдышаться и подкрепиться. Этого мало — осознание пришло с наступлением вечера. Мыслями на этот счет первым поделился Лексо, остановив всех нас.

— Я тут подумал: мы пробежали достаточно, чтобы оторваться от пеших врагов, но конные... они все равно настигнут нас, и лучше бы мы могли к тому времени держать оружие. Мы же выдохлись в край! Летим, как ужаленные осами. Я не прав?

— Прав! — тут же выкрикнул Энрико и согнулся пополам.

— Резон в твоих словах есть, — заявил я, откашлявшись. — Осталось найти место, где нас не сразу найдут. А если и найдут, то не получают преимущества.

Так и было решено. Небольшой консилиум, проведенный у остатков какого-то здания, заросших мхом, отбросил предложение забраться повыше, найти пещеру или заночевать на деревьях (наивный Энрико!). Окружающие нас сланцевые горы не располагали к скалолазанию: склоны круты, ненадежны и открыты всем ветрам. Или стрелам. Искать же сейчас пещеру — занятие в высшей мере бестолковое. Даже случайно на нее наткнувшись,

можно сильно об этом пожалеть. Утренняя атака пса покажется игрой котенка с клубком ниток. И пресловутые деревья Энрико нам не помогут.

Когда мы решили просто пойти от дороги на восток, Алабель вдруг заявила:

— Там, — она указала рукой на далекие заросли колючего кустарника. — Там шум большой воды.

— Озеро, что ли?

— Не скажу точно. Думаю, водопад.

Лексо поковырялся в ухе и прислушался к звукам природы. Смутившись, обратился ко мне:

— Она всегда так?

— Да-а, — протянул я. — Ты же видел сам, что у Алабели точно где-то припрятаны дополнительные уши. Ведьмы — что с них взять?

— Эй, я еще здесь! — щелкнула пальцами девушка. — Идем к водопаду или как? Я вижу, что мы можем пройти через кусты с минимальными царапинами. Враги могут этого не увидеть.

Могут не увидеть, могут найти другой путь, но пока что слова Алабели получили одобрение всех членов группы. Ноги мои, во всяком случае, очень обрадовались такому решению.

Жар впитывался в кожу, как лечебный эликсир. Ладони почти касались беспокойного огня, но я не убирал рук. Промозглость ушедшего дня и неприятный ветер из расщелины над порогом горной реки заставляли меня вздрагивать и морщиться. Меня раздражал даже плеск воды, что срывалась со скалы узкой, но стремительной лентой. Поток, рожденный далеко отсюда, наверняка падал с высоты не раз и не два, преодолевая ущелья и размывая породу. Порог в четверть километра от нашего лагеря не был высок, в отличие от пропасти, у которой мы, собственно, и расположились. Ее высоту я мог оценить лишь приблизительно. Десятки метров отделяли нас от дна ущелья.

Бушующую пену внизу можно было различить до самого заката — белые всполохи воды бились об острые скалы, пробивая себе путь неумолимой силой, и равномерно растекались по водоему. Речка недолго пребывала в спокойном состоянии: она начинала бурлить, преодолевая мелкие ступени, и скрывалась за очередным выступом.

С некоторой оговоркой место, где мы притаились, можно именовать тупиком. Оставалась надежда, что враги допустят промах. Или будут малочисленны.

— Знаю, о чем ты думаешь! — неожиданно обратилась ко мне Алабель.

— Научилась читать мысли?

— Было бы здорово, но нет. Просто ты считаешь это место ловушкой, тревожишься постоянно. Без конца вглядываешься в темноту.

— Тревога — это то, что сопровождает меня с самого начала путешествия с Энрико. — Я потер руки и взглянул на сопящего паренька, съезжившегося у костра. — К сожалению, этот вечер — не исключение.

— А ведь сам говорил, что у нас есть человек-следопыт. К чему лишние волнения? — встрял в разговор Лексо.

— И следопыт может ошибаться. Может задремать.

— Я умею себя контролировать, — возразила Алабель.

— Я тоже. Но разбуди сейчас Энрико, закричи: «Нападение!» — и он побежит в пропасть. Да и я, очнувшись, какое-то время буду вялым.

— Что ж, не спать теперь?

— Лично я сперва дам исчезнуть красноте вон за тем отрогом, — я указал рукой на остатки солнечного света.

— А я, пожалуй, вздремну, — зевнул Лексо. — Разбудите, когда придет мое время дежурить.

— Да спите уже все! — всплеснула руками чародейка. — И не бойтесь, что усну я. Мой сон чрезвычайно чуток.

— Вспомни Хавьера, настигшего нас на берегу, — лукаво прищурился я.

— Я гляжу, у вас с ним давние счеты, — хмыкнул Лексо.

— Давние. В отличие от проблем с тобой.

Парланец подбросил в огонь толстую ветку.

— Я не могу изменить того, что уже сделал. Я говорил графу, что это не лучшая идея. Кто знает, может, из-за возражений от меня и избавились.

— Да что ты говоришь! — Жалкая попытка оправдания меня не впечатлила. Она была пропитана ложью.

— Говорю что есть. Я часто действовал самостоятельно и принимал решения без оглядки на господ, поскольку не всегда приказы приходили вовремя. Как и в случае с вами. Владелец гостиницы у тракта послал нам весточку. Писал, что вы подходите на роль наемников. На роль чужеземцев или пиратов. То, что вы сотворили у крепости — убили безмолвных, освободили нескольких моих людей, — говорило о том, что с вашей помощью можно не только ввести Балинта в заблуждение. Можно убить его.

— И мы это сделали, а в награду получили нож в спину.

— Граф Николай посчитал, что тридцать золотых лучше использовать для другой цели. Повисить лояльность пиратов. Он приказал — я выполнил. Теперь рукоять ножа торчит и из моей спины.

— Что было в бумажке? Тогда, в плену у пиратов, капитан отдал тебе пергамент с приказом.

— Ничего, что могло бы объяснить поступок Николая. Он попросту отдавал пиратам корабль и все, что на нем. Я удостоился лишь короткой характеристики «утратил доверие, не должен возвратиться назад».

— Где же ты его утратил?

— Знаешь, сколько я думал об этом? Ежечасно, ежеминутно, пока томился в трюме. Служил верой и правдой. Искренне полагал, что Балинт — причина всех бедствий графства. Я собрал надежных и преданных людей, жертвовал ими, если это требовалось для дела. Рисковал собой, сражаясь с околдованными воинами, вербуя доносителей и шпионов. Наверное, Николай посчитал, что я приобрел опасное влияние среди его людей. Посчитал это угрозой своей власти. Власти бастарда и отцеубийцы.

— Ладно, — махнул я рукой. — Нами услышано достаточно. Сумеет выбраться отсюда — разойдемся миром. Пока же надо сделать все, чтобы вновь не оказаться в кандалах.

— Думается мне, кандалы не самое плохое, что ожидает нас.

— Вот тут ты не прав. Не хочется вновь быть разменной монетой у всякого отребья. Я во время службы бывал в плену, но тогда это закончилось тем, что тюремщики переманили меня свободой и высоким жалованием.

— Монетой мы уже не станем. — Лексо провел пальцем по горлу и издал короткий хрип.

Не станем. Этого не случится, поскольку мой меч вырвут только из мертвых рук. Я потянулся, зевнул и посмотрел на маленький костер в последний раз. Сомкнул отяжелевшие веки. Действия противоположного уже совершить не смог.

Рассвет опять обещал быть хмурым. Подсвеченное где-то далеко небо посерело над нашими головами, став знаком того, что пришла пора продолжить путь. Я на четвереньках подполз к воде и плеснул себе в лицо холодную жидкость. Вздрогнул, но приободрился. Зачерпнув воду двумя ладонями, приблизился к неподвижному Энрико — он поспал более чем достаточно.

— Идут, — только и сказала Алабель.

Я даже не успел спросить, спала ли она хоть немного. Поглядел на воду в руках и выпил ее. Энрико следовало разбудить аккуратно.

— Сколько?

— Много. Продираются сквозь заросли.

Я встретился взглядом с Лексо.

— Мы уязвимы здесь, — произнес он.

— Есть идея?

Алабель кашлянула в кулак и пояснила:

— Пока ты спал, Фосто, мы с Лексо придумали, как действовать, если враги заявятся сюда. Иного выхода нет. Видишь тот порог, левее которого появляется солнце? Земля там уходит вверх под удачным уклоном, много выступов, валунов, за которыми можно укрыться от стрел. Много деревьев. Ты и Лексо должны будете выманить врагов туда. Они увидят вас и бросятся в погоню, а мы с Энрико нападём на них с тыла.

— На словах все просто восхитительно! — негодовал я.

— Иного выхода нет, — повторила чародейка. — Без сюрпризов победы нам не одержать.

Тяжелый вздох сменился вздохом спокойным. Предстоящая схватка требовала всей решимости, существующей в моем сердце. Разногласия, неуверенность, страх и усталость должны покинуть нас, как поток горной реки, срывающийся вниз. Все эти отрицательные качества сменятся яростью, храбростью и мастерством. Мастерством нести смерть — трофейный меч необходимо проверить в деле. Преследователи умоются кровью.

Я вместе с Лексо побежал вдоль высоких зарослей колючего кустарника. Побежал навстречу рассвету. Шумно перекрикивался со своим напарником. Врагов я пока не слышал, но это недоразумение возникло лишь из-за того, что я развил приличную скорость. Затормозил — и тут же услышал ржание коней и неразборчивые грубые приказы. Враги не старались действовать бесшумно, полагаясь на численное и моральное превосходство. Перед собой они видели легкую добычу.

Кусты, взбираясь выше по склону, теряли густоту, и скоро лишь редкие деревца мешали нашему продвижению. Одновременно с этим я увидел нечто, посеявшее сомнения в шансах на успех сопротивления.

Огни. Много огней. Складывалось ощущение, что Дамиан пригнал сюда всех всадников, которых имел. Я напряг зрение и увидел, что почти на каждой лошади восседают по два человека. Спешенные, вероятно, расчищали путь.

— Сколько врагов ты насчитал? — поинтересовался я у Лексо.

— Тридцать или около того. — После этих слов парланец топнул ногой по валуну, и тот с грохотом покатился вниз. Внимание, которого мы добивались, привлечено.

«Они! Они!» — эти яростные крики я услышал отчетливо. Кое-кто запустил в нашу сторону стрелу. Она не пролетела и половины необходимого пути. Враги бросились за нами.

Лишь пять или шесть огней продолжили путь к водопаду. Алабель встретит их достойно, но как одолеть целый отряд нам? История про нападение с двух сторон воняла протухшей рыбой с самого начала. Враги, может быть, необразованные и агрессивные бандиты, но даже самый бестолковый из них не оставит спину неприкрытой.

От камня под моими ногами отлетела короткая стрела. Я попятился и напряг глаза: стрельбу по мне вел арбалетчик, причем его оружие было очень массивным, громоздким. Воин перезаряжал его воротом с блочными колесами. Я знал — такой арбалет бьет весьма точно. И весьма далеко.

— Бежим к деревьям! — крикнул я Лексо.

Там и настигли нас первые враги.

Я не мог и предположить, что дорога, огибая заросли, разветвляется. Одна ее часть, главная, проходит в основном по дну долины, а другая, узкая и заросшая, резко уходит вверх по косогору и пересекает маленький лес. Достаточно плоский, будто бы рос он на плато. Мы с Лексо выбрались на эту лесную тропу и тут же услышали частый топот копыт.

Воины на легких лошадях увидели нас и дико закричали, пытаясь устрашить беглецов. Я страху не поддался. Извлек меч, сжал рукоять до хруста пальцев и приготовился к удару. Первый конник несся очень быстро и поднял меч, намереваясь снести голову самоуверенному храбрецу.

Моя позиция не являлась выгодной, но я просто обязан показать врагам, с кем они имеют несчастье связаться. В противном случае достойно приму смерть, которая давно за мной охотится.

Все мое внимание приковалось к вражескому клинку. Вокруг еще полумрак, но сталь уже начала собирать малейший свет, что проникал сквозь заросли. Ее холодный блеск потускнел, когда воин опустил руку для смертельного замаха, и это послужило мне сигналом к действию. Я отклонил туловище и выбросил руки вверх. Перед самым носом пронеслось оружие врага. Мой же меч, почти не встречая сопротивления, разрезал стеганный доспех всадника под правой рукой, рассек его грудь и вырвался из тела. Темная кровь выплеснулась на землю, как морская волна, ударившаяся о риф.

Всадник обмяк, но лишь через десятки метров свалился замертво с седла. Атака удалась, но повторять опасный удар я не решился. Решил поступить так же, как и Лексо: встретить врага в окружении деревьев.

Я убрался с тропы и закричал очередному подоспевшему негодяю:

— Ну что, всадник? Скачи сюда, я покажу тебе, как надо биться!

Сработало. Воин решил, что я заманиваю его вглубь леса на лошади, где он потеряет все преимущество, и спешил. Его примеру последовал еще один. Именно этого я и добивался.

Надо признаться, ярости в них присутствовало больше, чем мастерства. Потрясая мечами, они приблизились ко мне с двух сторон. Подмоги ждать не стали — заорали не своим голосом и бросились в атаку. Пали почти одновременно.

Наконец я увидел то, чего давно желал. Увидел Лексо в деле. На него набросилось сразу три пеших противника. Я побежал ему на выручку, но моя помощь не потребовалась. Синхронно, плавно и точно работали его клинки. Лицо напряжено до крайности. Он отбил один выпад, подставил клинок под подлый рубящий удар со спины и в следующее мгновение контратаковал. Молниеносно развернул тело и в прыжке поразил первого воина. Лишь удар

сверху тот смог отбить. Друзья бедняги не дрогнули и совершили последнюю в своих жизнях ошибку — атаковали парланца одновременно и одинаково. Уколом. Лексо непостижимо ловким движением отвел их клинки в сторону и, перехватив рукояти мечей обратным хватом, скрестил свои руки и перерезал бандитам глотки. Их тела рухнули на землю, как пустые мешки.

— Так вот оно что! — осенило меня.

Лексо, нахмурившись, посмотрел в мою сторону. Он моих слов не понял.

— Уховертка! — воскликнул я. — Вот почему ты Уховертка! Два шипа на заднице.

Однако радоваться первым маленьким победам и неожиданным открытиям было рано. Вторая группа прислужников Дамиана приближалась. И было их гораздо больше.

Они узрели мертвецов и осознали свои ошибки. За каждым беглецом устремилось по десять человек. Меня отрезали от Лексо, и он скрылся из виду.

Над головой пронеслась стрела. Я инстинктивно пригнулся и огляделся: силуэт лошади исчез между соснами и кустарниками. Стоило мне продолжить бегство, как оперенное древко стрелы засвистело вновь и вонзилось в ствол дерева. Теперь я видел всадника с луком. Если точнее — всадницу.

Изольда, ловко управляясь с конем и оружием, кружила возле меня. Каждый свой выстрел сопровождала восторженным выражением лица и приятным напутствием.

— Сдохни! — Крик тонкого девичьего голоса резал уши.

Следующая стрела чуть не попала мне в лоб. Видимо, бойцовские уроки Дамиана и частые убийства не прошли даром. Изольда недурно владела луком, причем делала это верхом и на пересеченной местности. Я побежал ей наперерез.

Она радостно взвизгнула и дернула на себя поводья. Натянула тетиву и улыбнулась, услышав приближающихся воинов. Разжала пальцы правой руки.

Снаряд вылетел из составного лука. Но мне не впервой нестись навстречу собственной смерти. Не сбавляя скорости, я взмахнул клинком и отбил стрелу. Увидел, как удивилась Изольда. Она не сразу потянулась к колчану на спине, а когда потянулась — стало поздно. Метров за семь до нее я схватил меч за лезвие близ перекрестья и запустил его в лучницу. Клинок прошил ее грудь насквозь. Она свалилась на землю, а испуганная лошадь умчалась прочь.

— Проклятье! — рассердился я, извлек свой меч и продолжил бег в неизвестность.

Не прошло и тридцати секунд, как я услышал душераздирающий крик.

— Не-э-эт! Милая, нет!

Сам Дамиан собственной хваленой персоной. Он узрел свою мертвую возлюбленную и пал духом. Что ж, нужно думать мозгами, прежде чем посылать хрупкую девицу на битву.

— Господин, нужна подмога у реки! Ведьма невероятно сильна! — неожиданный срывающийся возглас.

— Невероятно сильна?! — услышал я в следующий миг жуткие крики нерадивого гонца.

— Возвращаемся! Дуболом, отомсти за Изольду! Убей эту мразь!

Приказ звучал угрожающе, но в душе я радовался — против меня выставили всего одного бойца. Правда, радость омрачилась злобным, стремительно приближающимся лаем. Хуже стало в следующий миг — лай затих.

Я слышал биение своего сердца, отдаленные крики княжеского отряда, но поблизости от меня царила тишина. Всей своей кожей я ощущал опасность и злился сам на себя, поскольку понял, что упустил нечто важное. Проглядел четвероногого врага.

Метрах в пятидесяти выростала из земли небольшая скала. Я отступил к ней — мне порядком надоело безостановочно крутить головой и вертеться вокруг своей оси, как подбитая ладонью муха. Хотя бы спина должна быть прикрыта.

Большая черная тень начала свое движение. Всадник — это был он. Закрытый шлем, тяжелые червлёные доспехи выдавали в нем того, с кем мне уже доводилось встречаться. Но где его пес? Дуболом не пошел бы в битву без него.

Ответ на немой вопрос не заставил себя ждать. Маленький камешек ударил меня по плечу. Я задрал голову — хищный зверь смотрел на меня хладнокровно и внимательно. Чуть повернул морду, когда наши глаза встретились. И тут же бросился вниз.

Не знаю, как я умудрился отбиться. Бросок был неожиданным, стремительным. Я толком не успел оценить все происходящее. Спас меня опыт. В мгновение ока я развернулся, припал на колени и располосовал брюхо зверя прямо во время прыжка. Клацнули его челюсти, жаждущие впиться в мое горло мертвой хваткой. Не удалось — пес проехался по земле и замер навсегда.

Всадник видел все это, но не сбавил хода. Я отпрыгнул в сторону. Кончик вражеского меча пронесся в нескольких дюймах от меня. Дуболома подобная неудача не смутила. Он слез с коня и какое-то время молча глазел на убитого питомца.

— Что, тоже потерял любимую? — съязвил я.

На мою реплику воин отреагировал своеобразно: издал короткий свист, после которого конь помчался в сторону тропы. Меня это действие впечатлило, но я продолжил подстрекать врага.

— Горшкоголовый, лучше бы ты отправился вслед за ним.

Тяжелая уверенная поступь. Воин не торопился вступить со мной в схватку. Шел медленно и меч держал острием вниз. Он ответил безразличием на мои колкости.

Я не мог больше ждать и напал на бандита первым. Обманный маневр он быстро раскусил и легко отбил коварный удар по диагонали. Все свое внимание я сосредоточил на скрещенных клинках, за что и поплатился. Кулак Дуболома впечатался в мою голову.

Будь я менее удачлив, превращенное в кровавое месиво лицо уже не смогло бы различить чего-то, кроме плавающих неясных образов. Но мне вновь повезло, и я отделался заметной шишкой на лбу и соприкосновением зада с землей. Хорошо, что Дуболом не носил латных рукавиц. И без того я успел заметить искры в своих глазах.

Широкий рубящий замах. Я отразил этот страшный удар, схватив лезвие левой рукой и приподняв его. В следующий миг взбрыкнул ногой и ударил негодя прямо по колену. Там что-то щелкнуло, и горшкоголовый наконец-то смог вспомнить помимо свиста и другие звуки. Он зарычал и пошатнулся. Эта заминка позволила мне подняться на ноги.

Я прыгал вокруг лишнего подвижности противника, как рассерженная пчела, и беспрестанно атаковал его. Понадобилось немало ударов, чтобы полностью подавить сопротивление, и самым главным среди них был размашистый пинок по второму вражескому колену. В следующую секунду я отсекал Дуболому кисть руки. Зря он решил спешиться.

Надо отдать ему должное — даже несмотря на жестокие раны, воин левой рукой вытащил кинжал и рассек перед собой воздух. Но земля уже тянула его в свои объятия. Дуболом упал на колени. Мне осталось вырвать кинжал из слабеющей руки и вонзить его в прорезь для глаз. Лишь выдыхаемый из щелей шлема пар вырвался на волю. Предсмертных криков Дуболом не издал.

На меня навалилась изрядная усталость. Хотелось упасть на землю подле поверженного

врага и пролежать без памяти целые сутки. Но бой еще не закончен. Я должен помочь Алабели и Энрико.

Как далеко я успел убежать от водопада? Километр? Два? Я огляделся и понял, что проще добраться до лагеря, двигаясь вдоль горного потока. Плеск воды раздавался совсем близко, стоило только чуть-чуть подняться вверх. Но до порога я не дошел — мне навстречу брел Лексо, лицо которого было забрызгано кровью ото лба до тощей шеи.

— Ты избавился от погони?

— Избавился, — прохрипел он, шумно втягивая воздух ноздрями. — Всего лишь четверо. Остальные преследовать не стали.

— Поспешим, надо помочь остальным.

Улыбка Лексо вышла недоброй. И вместе с тем виноватой. Он избегал моего взгляда и слегка покачал головой.

— Не получится.

Я ждал объяснений. Сердце мое холодело.

— Я не смог добраться до лагеря. Враги добрались раньше. Но я видел все, что там произошло.

Четыре трупа в некотором отдалении друг от друга выкладывали к разъяренной чародейке своеобразную тропу мертвых. Она стояла близ водопада и с хищным блеском в глазах оглядывала окружающее ее воинство. Несколько человек целились в нее из арбалетов. Среди них был и Хавьер из Патса. Непостижимым образом он втерся в доверие к лорду Трех Долин.

Энрико уже не мог помочь подруге. Дамиан вызвал его на поединок и двумя движениями сломил сопротивление парня. Сейчас князь держал нож у его горла.

— Алабель, сражайся! — сморщив лицо, прокричал Энрико.

Чародейка подняла одну бровь.

— Конечно, я буду сражаться. Нет смысла в обеих наших смертях.

Князь Дамиан провел лезвием по щеке Энрико. Говорил сдавленно, но каждое произнесенное слово заглушало и порывы ветра, и шум водопада.

— Ты нужна мне живой в любом случае, Алабель. Нужна невредимой. Ты знаешь, почему. Парнишка же этот больше не представляет для меня ценности. Он обманул мое доверие, мою щедрость и теперь живет только благодаря тебе. Лишь это сдерживает руку, что готова вспороть его глотку. Это и ничего больше. Ты сложишь оружие?

— Тебе нет доверия, правитель утеса. Ты захватишь меня и тут же прикончишь Энрико.

— Клянусь Ханталом, клянусь своей кровью, что не сделаю этого. Клянусь Изольдой, — в голосе Дамиана послышался хрип. Дрожь он сдержать сумел. — Герзах, страдая от ран, умолял сохранить тебе жизнь. Я не подведу старика. И я не отберу твоего медальона. Сложи оружие, Алабель.

Чародейка коснулась бронзовой цепочки на своей шее, оглядела всех своих врагов. Взгляд ее остановился на Хавьере, который целился в нее из охотничьего арбалета.

— Ты уже смотрел на меня так, Хавьер, — презрительно бросила девушка и плюнула в его сторону. — Вспомни, чем все закончилось.

Меч Алабели со звоном упал на камни. Она тяжело вздохнула и развела руки в сторону.

— Вот я, — сказала чародейка и сделала шаг вперед.

Хлест перекрученной тетивы стал ответом на эти слова. Короткая арбалетная стрела вонзилась в живот Алабели, а стрелок приоткрыл рот и напряг скулы, наслаждаясь

торжественностью момента.

— Теперь все действительно закончилось, ведьма, — шумно выдыхая воздух, пробормотал Хавьер. Он опустил арбалет и отдал его другому воину.

— Долго ты тянул, — недовольно пробурчал Дамиан. Он поглядел на шокированного Энрико, затрясся и надавил на лезвие. Холодная сталь прочертила на щеке паренька длинную кровавую полосу.

Князь вдруг отбросил от себя Энрико и велел своим людям связать его.

— Ты останешься в живых, неблагодарный раб. Твоя жизнь стоит меньше моих клятв. Я доведу тебя до Пепельных островов и представлю их хозяину как человека, что всеми силами пытался помешать возвращению святыни. Гордись — твою участь решит наследник старой империи.

Для Хавьера судьба Энрико была безынтересна. Он мягким шагом направился к Алабели. Девушка еще держалась на ногах, но глаза уже застилал туман. Ни стоны, ни крика не вырвалось из ее уст — только губы дрожали, а пальцы из последних сил сжимали древко стрелы. Кровь сочилась из раны и падала на твердую землю.

Хавьер подошел, оглядел чародейку с ног до головы. Схватил за горло и легко подавил сопротивление, которое попыталась оказать раненая Алабель. Одним движением сорвал с ее шеи медальон.

— Этого момента, — медленно проговорил Хавьер и подался вперед, — я ждал очень долго.

Перед обрывом вода начала пениться сильнее. Она плескалась на гладкие камни и смывала с них алую кровь.

— Отправляйся в ад, — скрежетнул зубами Хавьер и, разжав пальцы, столкнул Алабель со скалы. Чародейка всплеснула руками и рухнула в темную пучину. Бессильны оказались ее магия и меч против злобы и фанатичности Хавьера. Его месть исполнилась.

Услышанное не просто меня поразило. Я чувствовал себя сломленным и жалким. Сколько крови и сражений! Мы так близко подобрались к победе, так храбро косили вражеские ряды, а все кончилось самым паршивым, самым бесславленным образом. Я не мог поверить в это.

— Ты лжешь! — я вцепился в куртку Лексо и встряхнул его.

— К чему? Зачем мне лгать?

Мысли пугались, а сердце колотилось о грудную клетку.

— Ее надо спасти!

— Ее не спасти. Ее нет. Жив Энрико. Если мы поторопимся, то сможем нагнать ублюдков.

В ярости я оттолкнул от себя парланца. Каждое мое слово приносило боль.

— Не поверю, пока не увижу.

А если он прав? Я не хотел, не мог думать так, но зловещая истина не оставляла попыток ворваться в мой ошеломленный разум и разрушить любые надежды, которые я пытался возвести на ее пути. Следы вражеских ног, борьбы, крови и последнего вздоха чародейки поведают мне все о трагедии, разыгравшейся перед мрачной пропастью.

— Почему ты не спас их? — процедил я сквозь сомкнутые зубы.

— Девятнадцать человек, Фосто. Девятнадцать: всадники, пешие, стрелки. Энрико схвачен, Алабель на прицеле. Что я мог сделать, а? Что бы ты сделал?

Я замер. У меня не было ответа на этот вопрос. Не так — я не хотел на него отвечать.

Лексо не виноват. Если все, что сказано, действительно произошло, не имелось иного выхода, как только из преследуемых превратиться в преследующих. Я не оставлю Энрико на растерзание поганому князьку. Если потребуется, достану его даже на Пепельных островах. И освобожу паренька, чего бы мне это ни стоило. Но лишь тогда, когда пойму, что Алабели не спасти.

Хавьер стоял над пропастью, пытаясь разглядеть в бурлящей воде тело поверженного противника. Увидев то, что хотел, повернулся к князю. Медленно перевел взгляд на свою ладонь, в которой крепко держал медальон, и разжал пальцы. Вгляделся в красоту камня и улыбнулся, потянувшись свободной рукой к поясу. Бритвенно-острый кинжал со скрипом покинул деревянные ножны. Лезвие прошло по коже около медальона. Сжался вновь кулак, из которого тут же засочилась кровь. Прошло какое-то время, прежде чем Хавьер вытянул руку и явил хмурому взору Дамиана древнюю реликвию. Она вся была покрыта кровью. Но то, чего так ждал нечестивый торговец, не произошло. Белое пламя так и не вспыхнуло.

Князь взирал на это с каменным лицом. Не сказал ничего.

Больше книг на сайте - Knigoed.net